

Труды Нубийской археолого-
антропологической экспедиции
НИИ и Музея антропологии МГУ

Том 1

В преддверии

Африки

Материалы к истории Нубийской
археологической экспедиции
АН СССР (1961–1963)

Труды Нубийской археолого-
антропологической экспедиции
НИИ и Музея антропологии МГУ

Transactions of the Nubian Archaeological
and Anthropological Expedition of the Research
Institute and Museum of Anthropology
of Lomonosov Moscow State University

Research Institute and Museum of Anthropology
of Lomonosov Moscow State University
Institute of Archaeology of RAS

Transactions of the Nubian Archaeological
and Anthropological Expedition of the Research
Institute and Museum of Anthropology
of Lomonosov Moscow State University

Volume I

On the Threshold of Africa

Materials for the History of the Nubian
Archaeological Expedition of the USSR
Academy of Sciences (1961–1963)

Moscow
2026

НИИ и Музей антропологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Институт археологии Российской академии наук

Труды Нубийской археолого-
антропологической экспедиции
НИИ и Музея антропологии МГУ

Том 1

В преддверии Африки

Материалы к истории Нубийской
археологической экспедиции
АН СССР (1961–1963 гг.)

Москва
2026

УДК 94(6)+902(32)

ББК 63.3(6Еги); 63.48(6); 63.3(6Суд)

Т78

НИИ и Музей антропологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Институт археологии Российской академии наук

Рекомендовано к печати Учеными советами

НИИ и Музея антропологии МГУ, Института археологии РАН

Рецензенты: М. Д. Бухарин, И. А. Ладынин, М. В. Добровольская, И. А. Сорокина

Редакционная коллегия Трудов Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ
и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова: А. П. Бужилова (главный редактор), А. А. Крол,
Е. Г. Толмачева, Н. Я. Березина, Ю. П. Зайцев, А. В. Туторский.

Т78 В преддверии Африки. Материалы к истории Нубийской археологической экспедиции АН СССР (1961–1963 гг.). Труды Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Том I. М.: Перо, 2026. — 272 с.: ил., цв. ил., табл., карта.

В первом томе многотомной серии Трудов Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова публикуются не издававшиеся ранее материалы по истории Нубийской археологической экспедиции АН СССР, работавшей в Нижней Нубии в 1961–1963 гг. в рамках кампании ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии, попадавших в зону затопления искусственного озера Насера. Среди материалов: книга участника экспедиции А. В. Виноградова «Путешествие в страну Куш»; письма Н. Я. Мерперта и Л. А. Петрова родным; документы, связанные с планировавшимся в рамках советской экспедиции переносом храма в Дакке; документы из архива Б. Б. Пиотровского, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Публикацию этих материалов предваряют предисловия коллег и родственников участников экспедиции; введение в исторический и археологический контекст публикуемых материалов на русском и английском языках. Издание снабжено справочным аппаратом: комментариями; индексами, списками иллюстраций и литературы, картами.

В книге публикуется 98 фотографий из архивов А. В. Виноградова, Н. Я. Мерперта, Л. А. Петрова, фотографии Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ, а также чертежи и рисунки участников экспедиции.

Ответственные редакторы: А. А. Крол, Е. Г. Толмачева

Авторы-составители тома: А. А. Крол, Е. Г. Толмачева, Ш. Н. Амиров, Т. Н. Мишина, Е. А. Виноградова, М. Л. Петрова.

Дизайн и верстка: А. В. Ельцева

ISBN 978-5-6054409-7-0

9 785605 440970 >

ISBN 978-5-6054409-8-7

9 785605 440987 >

Труды Нубийской археолого-антропологической экспедиции
НИИ и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова
ISBN

Том I : В преддверии Африки. Материалы к истории Нубийской археологической экспедиции АН СССР (1961–1963 гг.)
ISBN (т. 1)

© НИИ и Музей Антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2026

© Государственный Эрмитаж, 2026

© Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2026

© Институт археологии Российской академии наук, 2026

© Архив Российской академии наук, 2026

© Е. А. Виноградова, 2026

© Ш. Н. Амиров, Т. Н. Мишина, 2026

© М. Л. Петрова, 2026

© А. А. Крол, Е. Г. Толмачева, текст, 2026

© А. В. Ельцева, дизайн, 2026

© А. А. Крол, Е. С. Гришин, карты, 2026

© Фото из архива Н. Я. Мерперта, 2026

© Дж. Е. Кнудштад. 1962–1964. Восточный институт Чикагского университета, фотография на обложке

Фотография на обложке:

Нил в районе второго порога. Фото: © Дж. Е. Кнудштад. 1962–1964.

Восточный институт Чикагского университета

Напечатанная книга является первым томом Трудов Нубийской археолого-антропологической экспедиции, которая была создана в НИИ и Музее антропологии МГУ в 2016 г. С 2017 г. экспедиция работает в верховьях Вади-аль-Аллаки, во многом продолжая те исследования, которые были начаты за 60 лет до этого советскими археологами в рамках Нубийской археологической экспедиции АН СССР.

Мне представляется очень важным, что первый том Трудов посвящен научному наследию советской экспедиции, которая в общей сложности провела восемь месяцев на берегах Нила, раскапывая некрополи разных автохтонных культур Нубии, и в песках Вади-аль-Аллаки, изучая древнеегипетские надписи.

Нубийская экспедиция АН СССР в силу жестких ограничений по времени, отведенному на археологическое исследование предоставленной ЮНЕСКО концессии, не могла в полной мере реализовать программу комплексных исследований, которая была изначально запланирована. Из-за недостаточного финансирования не удалось реализовать масштабные планы, включавшие, в частности, перенос храма из зоны затопления, проведение этнографических исследований. Не удалось осуществить и предполагавшиеся археологические работы в Судане.

Нубийская экспедиция МГУ лишена по крайней мере одной из проблем, с которыми столкнулись наши предшественники. У сотруidников НИИ

и Музея антропологии есть возможность планировать работы на многие годы вперед. И проводить комплексные исследования, включающие изучение археологии, антропологии и этнографии в соответствии со знаменитой триадой Д. Н. Анучина.

За пять проведенных в Судане сезонов Нубийская экспедиция МГУ начала систематические раскопки средневекового Южного некрополя, Южной и Северной крепостей, Городища на памятнике Дерахейб. На всех этих объектах были получены впечатляющие результаты, которые дают совершенно новый материал по истории Нубийской пустыни в Средние века. Были проведены разведки в котловине Ониб, где удалось выявить стратифицированные стоянки эпохи неолита, элитные некрополи самых разных культур II–I тыс. до н. э., древние петроглифы.

С 2020 г. в рамках экспедиции действует этнографический отряд, исследующий материальную культуру и фольклор народа беджа, предки которого населяли Нубийскую пустыню многие тысячи лет.

Уверена, что в начатой серии трудов Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ скоро будут опубликованы обнаруженные в архивах документы по истории советской экспедиции в Нубии; новые археологические, антропологические и этнографические материалы, полученные российскими исследователями в Судане.

*Директор НИИ и Музея антропологии МГУ,
академик РАН А. П. Бужилова*

Contents

Foreword by Alexandra P. Buzhilova	5
Wadi al-Allaqi: Back to the origins... (<i>Alexei A. Krol</i>)	9
Alexander V. Vinogradov. A Nubian epic (<i>Yekaterina A. Vinogradova</i>)	40
From the generation of the Encyclopaedists (<i>Shakhmardan N. Amirov, Tatiana N. Mishina</i>).....	47
Secret negotiations (<i>Marina L. Petrova</i>).....	54
The Journey to the Land of Kush: the activities of the Nubian archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences (<i>Alexander V. Vinogradov</i>).....	62
The letters of Nikolay Ya. Merpert	165
The letters of Lev A. Petrov	188
The Dakka Temple Relocation Project (<i>Alexei A. Krol</i>).....	190
Documents from the archive of Lev A. Petrov. Preliminary thoughts on the dismantling, relocation and reconstruction of an architectural monument – the Temple of Dakka in the Egyptian of the United Arab Republic	195
Documents from the archive of Lev A. Petrov. To the Science Department of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union.....	197
Comments (<i>Alexei A. Krol, Elena G. Tolmacheva</i>).....	199
Wadi al-Allaqi: Back to the origins... (<i>Alexei A. Krol</i>) (in English)	214
List of illustrations	233
Index.....	246
Bibliography.....	258
Maps.....	268

Содержание

Предисловие А. П. Бужиловой	5
Вади-аль-Аллаки. К истокам... (А. А. Крол).....	9
А. В. Виноградов. Нубийская эпопея (Е. А. Виноградова).....	40
Из поколения энциклопедистов (Ш. Н. Амиров, Т. Н. Мишина).....	47
Секретный разговор (М. Л. Петрова).....	54
Путешествие в страну Куш (о работах Нубийской археологической экспедиции АН СССР) (А. В. Виноградов).....	62
Письма Н. Я. Мерперта.....	165
Письма Л. А. Петрова.....	188
Проект переноса храма в Дакке (А. А. Крол).....	190
Из архива Л. А. Петрова. Предварительные соображения по разработке, переноске и восстановлению на новом месте памятника архитектуры – храма в Дакке в египетском районе ОАР (Л. А. Петров).....	195
Из архива Л. А. Петрова. В Отдел науки ЦК КПСС (Л. А. Петров).....	197
Комментарии (А. А. Крол; Е. Г. Толмачева)	199
Wadi al-Allaqi: Back to the origins... (Alexei A. Krol).....	214
Список иллюстраций	233
Указатель.....	246
Библиография.....	258
Карты.....	268

Вади-аль-Аллаки. К истокам...

В пандемийном 2020 в разговоре с коллегой я с огромным удивлением и радостью узнал, что заместитель заведующего кафедрой археологии МГУ Екатерина Александровна Виноградова — дочь знаменитого археолога Александра Владимировича Виноградова, многолетнего участника, а затем руководителя легендарной Хорезмской экспедиции, но что важнее для меня, участника Нубийской археологической экспедиции АН СССР 1961–1963 гг. Однако в слова коллеги о том, что в семье Виноградовых хранятся фото-плёнки Александра Владимировича, снятые в Египте, его полевые дневники и рукопись научно-популярной книги о раскопках в Нубии, было сложно поверить. Ведь с окончания экспедиции прошло почти 60 лет и шансы найти неопубликованные материалы о первой отечественной экспедиции на Ближнем Востоке казались ничтожными. Это было большое везение. И к счастью, лишь первое в длинной череде...

Как вскоре удалось выяснить, полевая документация (чертежи, рисунки керамики, негативы фотографий) в 1963 г. после возвращения из Египта по завершении второго сезона Нубийской экспедиции была сдана в архив Ленинградского филиала Института археологии АН СССР, который возглавлял Борис Борисович Пиотровский, а каменные орудия и керамика, собранные в Вади-аль-Аллаки — в отдел каменного века того же института.

Большой удачей стало знакомство с Мариной Львовной Петровой — дочерью архитектора и реставратора Льва Аркадьевича Петрова, участвовавшего в первом сезоне Нубийской экспедиции. В семье потомственных архитекторов архив Петрова, включая его «нубийскую» часть, сохранился в идеальном порядке. Марина Львовна и ее семья любезно разрешили пользоваться материалами из архива Льва Аркадьевича (письма, фотографии, кроки, акварели).

Огромную ценность для изучения истории Нубийской экспедиции и ее научного наследия имеют дневники Бориса Борисовича Пиотровского, фотографии, рисунки, чертежи, хранящиеся в его архиве и любезно предоставленные Юрием Юрьевичем Пиотровским.

Последним крупным везением стало обнаружение в Институте археологии РАН дневниковых

записей, полевых дневников, фотографий и писем Николая Яковлевича Мерперта. Его ученики, известные археологи Шахмардан Назимович Амиров и Татьяна Николаевна Мишина позволили изучить эти материалы и опубликовать их.

Итак, цепочка везений, доброжелательность коллег и кропотливый труд участников проекта по изучению научного наследия Нубийской экспедиции АН СССР, финансирование проекта государственными и негосударственными организациями позволили провести в 2021 г. в Музее Востока выставку «Путешествие в страну Куш», написать каталог к этой выставке, собрать и издать эту книгу.

Неоценимую помощь в изучении научного наследия Нубийской экспедиции АН СССР и публикации полученных результатов оказали: Д. В. Пежемский, сообщивший о том, что в семье Е. А. Виноградовой хранится архив Александра Владимировича Виноградова; Д. А. Карелин, нашедший через своих коллег-архитекторов семью Льва Аркадьевича Петрова; документалисты Д. Завильгельский и Д. Чернышук, снявшие прекрасный фильм «Хроники Нубийской экспедиции»; заведующий научным архивом Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) М. В. Медведева и сотрудник архива М. В. Мандрик; заместитель директора по научной работе Архива РАН Н. М. Осипова, сотрудники читального зала; сотрудники Научного архива Института археологии РАН; сотрудник Государственного исторического музея А. А. Симоненко, обнаруживший в отделе палеолита ИИМК РАН необработанную коллекцию каменных орудий и керамики, собранную сотрудниками Нубийской экспедиции в Вади-аль-Аллаки, а также сотрудник отдела палеолита Е. В. Беляева, предоставившая возможность изучить эту коллекцию и передавшая ее на хранение в НИИ и Музей антропологии МГУ; исследователь из Института востоковедения РАН С. Е. Малых, принявшая участие в републикации коллекции керамики из Хор-Дауда, хранящейся в ГМИИ имени А. С. Пушкина; сотрудник Сколковского института науки и технологий Ю. И. Костюкевич, постаравшийся выяснить, что же хранилось в сосудах, обнаруженных в хозяйственных ямах Хор-Дауда; О. С. Калинина, создавшая 3D-реконструкции хозяйственных ям.

Проведение выставки «Путешествие в страну Куш. Советские археологи на берегах Нила (17.02.–28.03.2021)» и издание материалов к выставке были профинансированы Центром палеоэтнологических исследований.

Выход в свет этой книги стал возможен благодаря помощи Елены Владимировны Боковой, Ильи Евгеньевича Перекопского, Даниила Витальевича Камбулова.

* * *

Вопрос об участии СССР в спасательных раскопках на территории Нубии начал активно обсуждаться начиная с конца 1950-х гг. Масштабы экспедиции, объем финансирования, количество участников менялись, и, увы, не в сторону увели-

чения. Первоначально предполагалось, что экспедиция будет археолого-этнографической, ее будет возглавлять директор Института этнографии АН СССР Сергей Павлович Толстов, создатель и руководитель Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, пожалуй, одной из самых масштабных по охвату научных задач и технически оснащенных экспедиций Советского Союза. С таким же размахом Толстов подошел и к организации советской экспедиции в Нубии. В проекте предложения Академии наук СССР об организации археолого-антропологической экспедиции в Египетском районе Объединенной Арабской Республики (как тогда называлось государство, объединившее Египет и Сирию) и в зоне затопления на территории Судана, на африканский континент предполагалось

Ил. 1. Участники первого сезона Нубийской экспедиции. Стоят (слева — направо): О. Г. Большаков, А. В. Виноградов, Н. Я. Мерперт, В. В. Пименов. Сидят (слева — направо): первый — Л. А. Петров, второй — П. Д. Даровских, пятый — Б. Б. Пиотровский, шестой — Ф. Якуб

Fig. 1. Members of the Nubian expedition of the USSR Academy of Sciences (1961–1962). Standing (from left to right): O. G. Bolshakov, A. V. Vinogradov, N. Ya. Merpert, V. V. Pimenov. Seated: the first from the left is L. A. Petrov, then P. D. Darovskikh, the fifth from the left is B. B. Piotrovsky, then F. Yacoub

командировать 27 человек; экспедиция должна была размещаться на самоходной барже, как большинство других иностранных экспедиций, что обеспечивало безопасность и, главное, мобильность археологов; для разведок по суше советская экспедиция, по задумке Толстого, должна была располагать вертолетом Ми-4 с экипажем, двумя грузовыми автомобилями повышенной проходимости (гусеничный транспортер ГАЗ-47 и грузовик ГАЗ-63), а для земляных работ — бульдозером на тракторе ДТ-54 [АГЭ. Ф. 50. Ф. Б. Б. Пиотровского. Проект: 1–2].

Борис Борисович Пиотровский, согласно первоначальному плану, должен был стать заместителем начальника этой масштабной экспедиции. Этнографическую часть работ в Нубии должны были выполнять сотрудники Института этнографии Академии наук. Это направление деятельности экспедиции предстояло возглавить заведующему отделом Африки Института Дмитрию Алексеевичу Ольдерогге, выдающемуся отечественному африканисту, занимавшемуся в 1920-х гг. и египтологическими штудиями. Для подготовки экспедиции он в декабре 1958 — январе 1959 один, а в 1958 и в апреле — июне 1960 — вместе с Б. Б. Пиотровским ездил в Египет, где общался с коллегами, осматривал музеи, работал в библиотеках, посещал сельские районы для ознакомления с этнографией и бытом египтян [АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 174. Л. 4–19; АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1071. Л. 94–116].

Однако этим грандиозным планам не суждено было воплотиться в жизнь, о чем стоит искренне пожалеть. Количество участников первого сезона экспедиции урезали до семи, от идеи выделения под нужды экспедиции баржи и вертолета с экипажем отказались вовсе, вместо вездехода и грузовика выделили один ГАЗ-69, территория исследования была ограничена лишь египетской частью Нубии, этнографическая работа была исключена из научных планов экспедиции...

И все же Нубийская экспедиция стала выдающимся событием в истории отечественной археологии. Первой советской экспедицией на Ближнем Востоке.

Нубийская экспедиция Академии наук СССР провела два сезона полевых исследований в Египте: с 1.12.1961 г. по 31.03.1962 г. и с 14.12.1962 г. по 16.04.1963 г. (Ил. 1).

Экспедицию возглавил член-корреспондент Армянской академии наук, с 1959 по 1964 г. заведующий Ленинградским отделением Института археологии АН СССР Борис Борисович Пиотровский (1908–1990). Назначение Пиотровского было совершенно закономерным решением. Ранний этап научной карьеры Пиотровского был связан с занятиями египтологией. Кроме того, Борис Борисович был опытным полевиком. К 1961 г. за его плечами были многолетние раскопки сложнейших многослойных урартских памятников в Армении, в первую очередь городища Кармир-Блур (урартского города Тайшебаини). Немаловажным обстоятельством стало и знание Пиотровским иностранных языков. Начиная с 1956 г. Борис Борисович регулярно ездил в Египет. Первоначально с целью налаживания научных контактов, а с 1960 г. — как член Консультативного комитета экспертов ЮНЕСКО по сохранению памятников Нубии.

Во втором сезоне экспедиции полевым фотографом была супруга Бориса Борисовича Рипсимэ Микаэловна Джанполадян-Пиотровская (1918–2004), археолог-востоковед, участвовавшая в раскопках крепости Кармир-Блур, где она и познакомилась с Пиотровским, а также средневековой столицы Армении — Двин; крупный специалист по византийскому стеклу, керамике. Все расходы по проезду и проживанию Рипсимэ Микаэловны, вероятно, для экономии средств экспедиции, оплачивались Борисом Борисовичем из своей зарплаты (Ил. 2).

Его заместителем по административно-хозяйственной части был назначен Петр Дмитриевич Даровских. Об этом человеке известно чрезвычайно мало. Включая годы его жизни. Нам так и не удалось выяснить детали его биографии. Причина проста: до участия в Нубийской экспедиции карьера Даровских была связана с внешней разведкой. Другие участники экспедиции упоминают о нем очень кратко. После Нубийской экспедиции он в течение нескольких лет участвовал вместе с Борисом Борисовичем в раскопках Кармир-Блура, а в 1968–1969 гг. занимал должность заместителя директора по административно-хозяйственной части в советской археологической экспедиции в Ираке.

О Николае Яковлевиче Мерперте (1922–2012), Александре Владимировиче Виноградове (1931–2004) и Льве Аркадьевиче Петрове (1908–1982)

достаточно подробно написано в других предисловиях к настоящему изданию.

Олег Георгиевич Большаков (1929–2020) — арабист, выпускник Восточного факультета Ленинградского государственного университета, к моменту начала работы в Нубийской экспедиции имел также и богатый археологический опыт. Начиная со второго курса университета Большаков работал в Пенджикентском отряде Согдийско-таджикской археологической экспедиции АН СССР. Был научным сотрудником Государственного Эрмитажа и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Лев Николаевич Петров (1912–?). До конца 1940-х гг. служил актером в разных театрах. В 1950 г. устроился фотографом в Куйбышевскую экспедицию Института истории материальной культуры АН СССР (нынешний Институт археологии РАН), где познакомился с Н. Я. Мерпертом, который был заместителем начальника экспедиции и руководителем одного из отрядов. С 1952 г. и до выхода на пенсию в 1978 г. Петров работал в фотокабинете института. В экспедиции Петров занимался фотофиксацией и полевой реставрацией. Кроме того, он снимал на киноленту жизнь советской экспедиции.

Виктор Васильевич Пименов (1908–1975). В 1927–1929 гг. обучался на керамическом факуль-

тете Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИН). Начиная с апреля 1930 г. он работал в Москве художником в различных учреждениях и организациях. Пименов прошел всю Великую Отечественную войну, участвовал в войне с Японией. Имел три ранения и контузию, был уволен в запас в звании старшего лейтенанта. После участия в 1957 г. в закрытом конкурсе на создание оригиналов почтовых марок к 40-летию Октябрьской революции Виктор Васильевич был приглашен на работу в Министерство связи СССР (дирекция по изданию и экспедированию знаков почтовой оплаты). В числе основных произведений в карточке персонального учета члена Союза художников СССР он указывал серии почтовых марок «Народные костюмы народов СССР» (1962 г.), «Детская серия» (1963 г.) и др. Кроме того, Пименов был великолепным мастером промышленной графики. С 1960 г. Пименов — кандидат в члены Московского отделения союза художников (МОСХ). В 1961 г. он был рекомендован правлением МОСХ для поездки в Объединенную Арабскую Республику с археологической экспедицией Академии наук СССР сроком на четыре месяца. В экспедиции Пименов работал в качестве художника, полевого реставратора, в его обязанности также входило эстампирование

Ил. 2. Рипсимэ Микаэловна и Борис Борисович, принцесса Ага-Хан с друзьями в лагере советской экспедиции. Второй слева — О. Г. Большаков, четвертая слева — принцесса Ага-Хан, далее — Р. М. Джанполадян-Пиотровская, Б. Б. Пиотровский

Fig. 2. Hripsime Mikaelovna and Boris Borisovich with the Princess Aga Khan and her friends at the camp of the Soviet expedition. The second from the left is O. G. Bolshakov, the fourth from the left is Princess Aga Khan, next to her — Hr. M. Djanpoladian-Piotrovskaya, B. B. Piotrovsky

надписей и наскальных изображений в Абу-Дурве и Вади-аль-Алаки.

Муса Умарович Юнисов (1920–2003). Участник войны с Японией. В 1950-е гг. работал в МГУ им. М. В. Ломоносова электриком, механиком. С 1957 по 1969 г. работал в среднеазиатских экспедициях в пустынях Каракум и Кызылкум. После Нубийской экспедиции в 1969–1980 гг. принимал участие в Советской археологической экспедиции в Ираке в качестве шофера-механика [Крол 2021: 52–61].

Выбор концессии для проведения раскопок не был произвольным. Для подготовки археологической экспедиции Б. Б. Пиотровский несколько раз ездил в Египет (Ил. 3, 4).

В ходе этих поездок он проштудировал всю имеющуюся в библиотеках Каирского музея и Французского археологического института литературу по Нубии, отчеты по результатам первых двух спасательных компаний (1907–1912 и 1929–1934 гг.), связанных со строительством Асуанской плотины и двух ее надстроек; общался с европейскими и американскими коллегами-археологами, руководителями спасательных экспедиций в Нубии; просчитывал расходы будущей экспедиции. В мае 1960 г. уже в качестве члена Консультативного комитета экспертов ЮНЕСКО по сохранению памятников

Нубии при правительстве ОАР состоялась поездка Бориса Борисовича от Асуана до Абу-Симбела.

В своем отчете об этом путешествии Пиотровский писал: «В Абу-Симбел мы прибыли 16 мая, по пути мы ознакомились с египетскими храмами, которые будут затоплены, а частью находятся уже под водой и выступают на поверхность лишь в период с 15 июля по 15 сентября. 1) О-в Филе — находится в затопленном состоянии, над поверхностью воды только крыши пилонов храма Исиды, 2) Храм в Дебод — затоплен, видна только верхняя часть пилонов, 3) Храмик римского времени в Кертасси — находится под водой, 4) Храм у сел. Тафа — находится под водой, 5) Полупещерный храм Бейт аль Вали — доступен, 6) Храм в Калабше — находится под водой, 7) Храм Дендур — находится под водой, 8) Храм в Герф-Хуссейн времени Рамзеса II — полупещерный с наружным портиком, доступен; 9) Храм Дакка — находится под водой. Видны только крыши пилона. Напротив Дакка находится Вади-Алаки, ущелье, по которому вел путь к золотым рудникам и Красному морю. Вади залито водой на большое расстояние, под водой находится древнеегипетская крепость у сел. Кубан. Древний путь к рудникам в начальной своей части также вероятно залит. Местность сильно пересечена, много

Ил. 3. Б. Б. Пиотровский и А. П. Окладников во время поездки в Нубию
Fig. 3. B. B. Piotrovsky and A. P. Okladnikov during their trip to Nubia

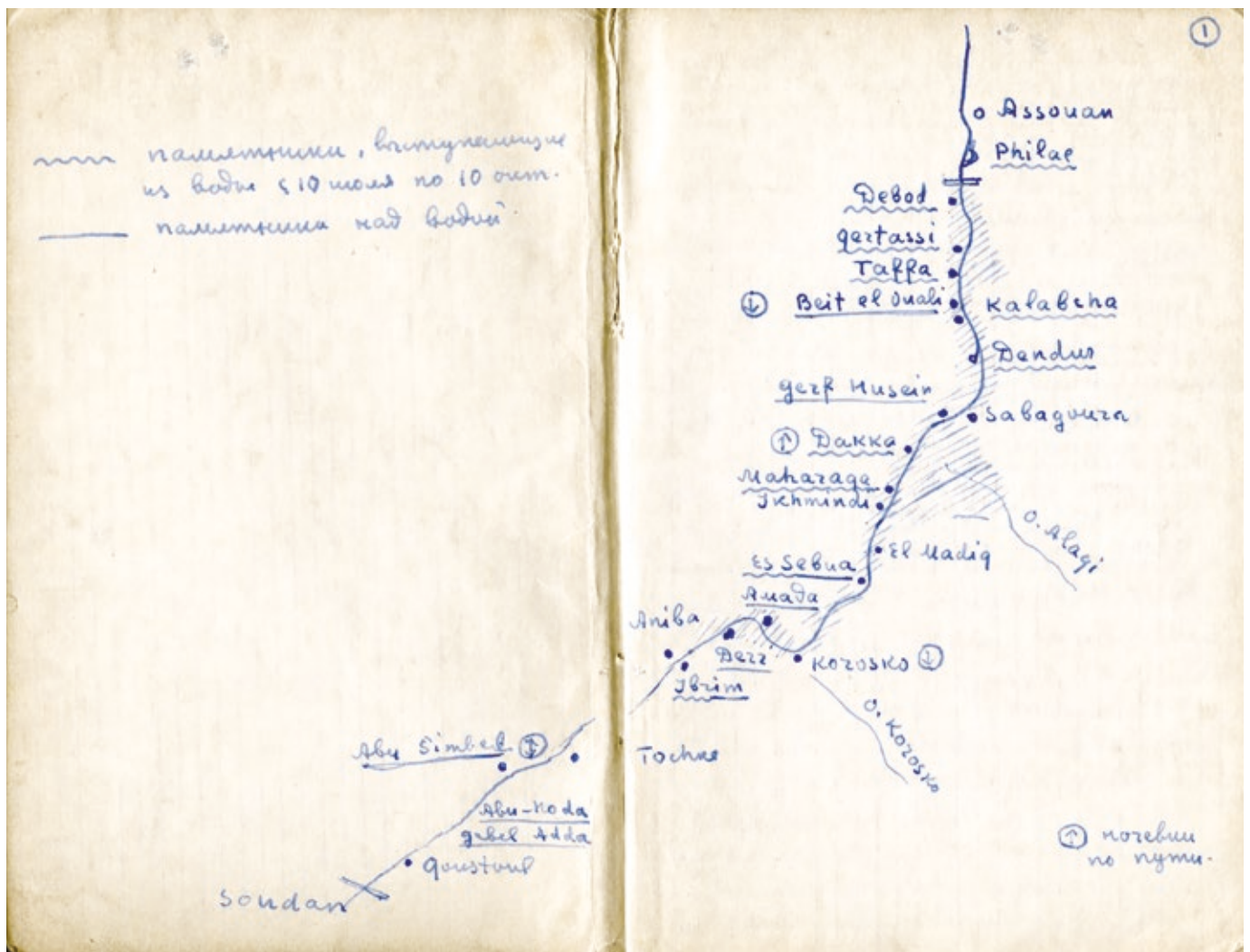
Ил. 4. Б. Б. Пиотровский и А. П. Окладников со студентами и преподавателями Каирского университета
Fig. 4. B. B. Piotrovsky and A. P. Okladnikov with students and professors of the Cairo University

на скальных изображениях, у сел. Дакка на уровне 130 м имеются древние могильники, не докопанные экспедицией Фэрса, позднее в этом районе, но не выше указанной отметки, работал Эмери. Вади-Алаки представляется интересным районом для производства работ советской экспедиции. Проблема выявления древнего пути к золотым рудникам и к Красному морю имеет большой научный интерес» [АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 11. Л. 97–98] (Ил. 5).

После завершения командировки от АН СССР была подана заявка на работы в районе селения Дакка и Вади-аль-Алаки: «Местность, выбранная для работ советской экспедиции, представляет большой интерес. Около Дакка, на левом берегу

Нила, кроме египетского храма, находятся остатки древнеегипетского города и могильники, раскопки которых в 1909–11 гг. производил Фэрс. На правом берегу Нила, напротив Дакка, находится большое Вади Алаки, по которому шел путь к золотым рудникам и Красному морю, а также путь к югу — в Судан. Египетские источники говорят о благоустройстве пути к рудникам, сооружении укреплений и колодцев. До сих пор путь этот еще не обнаружен. Кроме того, по Вади Алаки можно будет исследовать поселения древней нубийской культуры» [АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 11. Л. 109–110].

Консультативным комитетом экспертов ЮНЕСКО при правительстве ОАР Нубийской экс-

Ил. 5. Схематическая карта памятников Нижней Нубии из дневника Б. Б. Пиотровского. Указаны места ночевки во время ознакомительной поездки по Нубии

Fig. 5. A schematic map of the Lower Nubia archaeological sites from the diary of B. B. Piotrovsky. The locations of overnight stays during the study trip to Nubia are marked

педиции АН СССР для исследований был предоставлен район селения Дакка на западном берегу Нила и Вади-аль-Аллаки на восточном берегу. Однако уже в ходе работ первого сезона эта территория была расширена и уточнена. На западном берегу Нила экспедиции предоставили территорию от Герф-Хусейна до селения Курта (включая Западную Коштамну и Дакку), а на восточном берегу — район селения Восточная Коштамна и Вади-аль-Аллаки. Селение Кубан, находящееся напротив Дакки, было местом работ итальянской экспедиции [АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 24. Л. 14].

Для копирования карт территории, которую предстояло исследовать, в Каир еще до начала полевых работ был откомандирован Н. Я. Мерперт. «По этим картам наша концессия выглядела поразительно богатой: там были отмечены могильники Старого, Среднего и Нового царства, памятники XXV династии — черных фараонов, византийские памятники. Мы с Пиотровским даже серьезно поссорились, так как все хотели копать древний Египет. Он мне говорил: „Ты кандидатскую диссертацию по медиевистике защищал, вот и копай Византию“. Я, конечно, всячески отбрыкивался от этого и отвечал: „Помилуйте, первая ваша работа — палеолитическая...“»* [Мерперт 2003: 208].

* Не совсем понятно, что имел в виду Н. Я. Мерперт. Первой публикацией Бориса Борисовича была статья «По поводу древнеегипетского [термина] „железо“», опубликованная в сборнике Доклады АН СССР №1. 1929. С. 1–4.

Однако когда в декабре 1961 г. первый отряд экспедиции выгрузился на берег у селения Дакка, археологов ждало горькое разочарование: «Так как я копировал карту именно этого участка, то, естественно, все запоминал. И вижу — мавзолеей мусульманского святого, который я отметил в 50 м от берега, стоит где-то посреди Нила. Храм, о котором шла речь и который решили не переносить, на карте был указан на суше, а здесь он — в воде и видна только верхняя часть его пилонов (Ил. 6).

И тут я вспомнил, что читал в той же документации, но не обратил на это внимания, что плотина надстраивалась, и что вода Нила в конце концов поднялась до отметки „40“, и богатые памятники всех эпох, из-за которых мы ссорились, давно находятся под водой» [Мерперт 2003: 208].

Такое положение дел было тем более досадным, что вполне предсказуемым. В ноябре шлюзы Асуанской плотины постепенно закрывались и в искусственном озере начинала накапливаться вода. С конца марта, когда в Египте повышалась температура и начинал ощущаться недостаток влаги, воду, накопившуюся в искусственном озере, понемногу спускали, чтобы к июню, когда начинался новый разлив, спустить из озера максимальное количество воды [Temples and tombs of Ancient Nubia 1987: 46–47]. Таким образом в декабре — марте, когда советская экспедиция работала на памятнике, уровень воды в искусственном озере был максимальным. Но проводить экспедицию в другое время

Ил. 6. Верхушки пилонов храма в Дакке
Fig. 6. Tops of the pylons of the temple in Dakka

означало бы рисковать здоровьем участников, ведь относительно комфортные условия для проведения археологических работ в Нубии лишь с ноября по март. В остальное время для европейцев там невыносимо жарко.

Можно предположить, что сложившаяся ситуация была связана с колебанием уровня воды в искусственном озере, о чем Борис Борисович безуловно не мог знать.

В течение месяца Пиотровский, Мерперт, Большаков и инспектор Службы древностей Фуад Якуб проводили разведки на западном и восточном берегах концессии. Результаты были не обнадеживающими. По воспоминаниям Мерперта, Пиотровский даже собирался ехать в Каир и требовать предоставления другой концессии [*Мерперт 2003*: 208]. О глубоком унынии среди членов экспедиции пишет в одном из писем жене Н. Я. Мерперт [*В преддверии 2026*: 170].

И лишь в канун Нового года был найден памятник Хор-Дауд, связанный с культурой Группы А, автохтонной культурой, носители которой населяли Нижнюю Нубию от Куббании (в 10 км к северу от Первого порога) до Мелик-ан-Насира (в 100 км к югу от суданско-египетской границы) в период между 3800 и 2900 гг. до н. э.

Культура Группы А (КГА)

Название культуры было дано Джорджем А. Рейснером, руководителем Первого археологического исследования Нубии 1907–1912 гг. [*Reisner 1910*: 5–6]. Американский археолог выделил культуру по характерному погребальному ритуалу и набору вещей, найденных в могилах.

Для КГА характерна многоукладная экономическая модель, сочетавшая пастбищное скотоводство, земледелие, охоту, собирательство. Огромное значение имела торговля. К концу IV тыс. до н. э. в Нижней Нубии возникло протогосударственное формирование (вождество, политика) с правящей элитой, возможно, наследственной царской властью, сформировалась идеология царской власти [*Gatto 2020*].

До настоящего времени археологами исследовано 126 некрополей КГА с приблизительно 3 000 погребениями [*Gatto 2006*: 62] и лишь незначитель-

ное количество поселений. Поэтому наши знания об этом периоде истории Нубии основываются прежде всего на информации из погребений, нежели на данных из раскопок поселений.

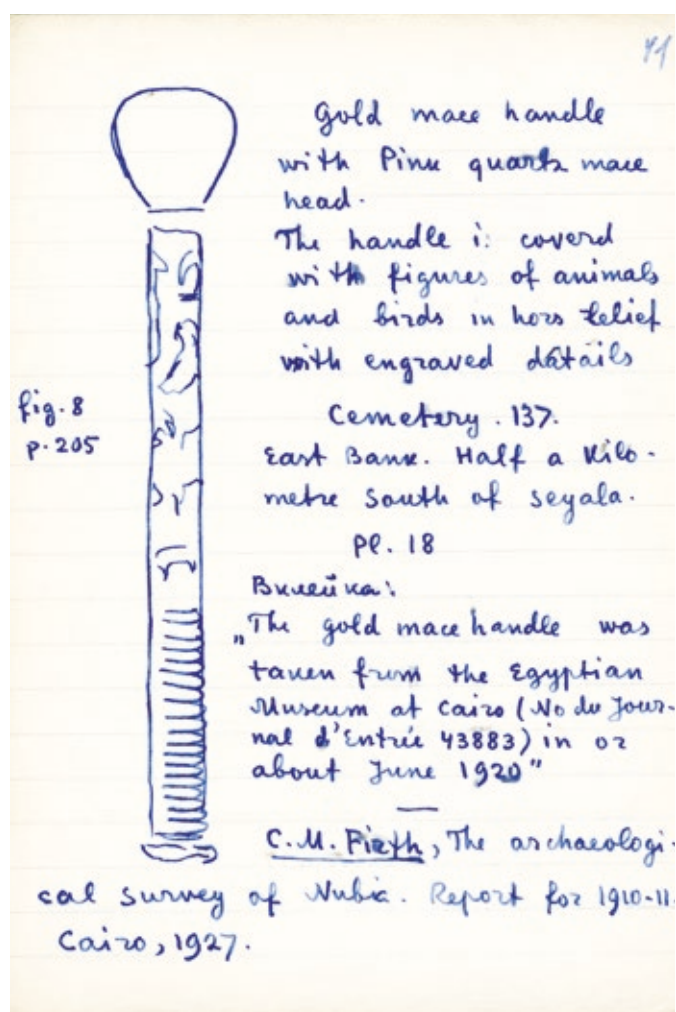
Некрополи и поселения КГА располагались по берегам Нила на границе аллювиальной долины у подножий гор на возвышенностях, спасавших от разливов и селей, рядом с устьями вади [*Nordström et al. 1972*: 22–23]. Вади открывали пути в Нубийскую и Западную пустыни, дававшие возможность проводить обмен с жителями глубинных районов пустынь и получать строительный, поделочный и ювелирный камень, золото, раковины Красного моря.

В 1962–1964 гг. Нубийской экспедицией Восточного института Чикагского университета под руководством К. С. Сиила на некрополе Кустул был исследован Некрополь L, на котором были захоронены вожди КГА, их семьи и челядь. Этот небольшой по размерам некрополь состоял из 33 погребений, в том числе 7 захоронений крупного рогатого скота. На основании египетской керамики и других находок, происходящих из Египта, Некрополь L датируется временем около 3300 г. до н. э. В соответствии с хронологией КГА Некрополь L относится к Среднему и Завершающему периодам.

В 1980-е гг. египтолог Б. Уильямс начал всестороннее изучение вывезенных в США и хранящихся в Восточном институте Чикагского университета находок американской экспедиции в Нубии. Основываясь на размерах могил, количестве и качестве обнаруженных в них предметов, 12 из этих погребений исследователь определил как царские.

По мнению Уильямса, впервые изложено им в популярной статье в журнале «Археология» в 1980 г., данные раскопок Некрополя L в Кустуле позволяют говорить о цивилизации, которая возникла как сплав египетских и суданских культурных традиций и имела широкие контакты как с Ливией, так и Сиро-Палестинским миром. Правители протогосударственного формирования с центром в Кустуле объединили территорию Нубии прежде, чем был объединен Египет, и разработали идеологию царской власти. Об этом в первую очередь, по мнению Уильямса, свидетельствуют изображения на знаменитой курильнице из Кустула, обнаруженной в могиле L 24 [*Williams 1986*: 177–183]. Уильямс назвал

это протогосударственное формирование с центром в Кустуле «Та-Сети» по знаку, который в иероглифическом письме позже стал обозначать Нубию, а некрополь в Кустуле — «Царский некрополь Та-Сети». Исследователь предположил, что в течение девяти поколений двенадцать правителей, погребенных в Кустуле, вместе с правителями из Верхнего Египта, создавали основы цивилизации, которая сейчас называется фараоновской. В Нубии ими было достигнуто политическое единство. Причем по мнению ученого, произошло это раньше, чем аналогичный процесс привел к созданию единого государства в Египте [Williams 1980: 12–21; Williams 1986: 172]. Эта точка зрения вызвала резкую критику ряда исследователей [Adams 1985: 185–192].

Ил. 7. Грушевидная булава из розового кварца. Некрополь 137 в Сайяле. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского

Fig. 7. Pear-shaped mace head made of pink quartz. Cemetery 137 at Sayala. Page from Piotrovsky's diary

По мнению Уильямса, правители Та-Сети и первые фараоны Египта на завершающей стадии КГА находились в состоянии частых военных конфликтов. Свидетельством этих вооруженных столкновений являются, в частности, изображения в местности Джебель-Шейх-Сулейман недалеко от Кустула, где, по мнению Уильямса, изображена победа правителей Та-Сети [Williams 1986: 171], а по мнению А. Хименес-Серано — фараонов Египта [Jiménez-Serrano 2003: 263].

Важные для понимания развития КГА находки были сделаны на «царских» некрополях 137 и 142 в Сайяле в долине Дакки, недалеко от тех мест, где работала советская экспедиция. Оба некрополя были раскопаны коллегой Рейснера Сэилом Фёртом в 1910–1911 гг. Широкая аллювиальная долина позволяет выпасать здесь больше скота и собирать большие урожаи. Кроме того, расположенное рядом устье Вади-аль-Аллаки открывало доступ к золотоносному региону Нубийской пустыни [Jiménez-Serrano 2003: 257]. В могиле 1 некрополя 137 были найдены две грушевидных булавы из розового кварца, деревянные рукояти которых были покрыты золотыми кожухами (Ил. 7).

На одном из них были изображены животные и птицы. Помимо двух булав в погребении были обнаружены палетки, египетская и нубийская керамика, бусы и т. д. [Firth 1927: 205–207]. Могила 1 была датирована временем ок. 3300 г. до н. э. [Jiménez-Serrano 2003: 262]. На «царских» некрополях в Сайяле, вероятно, была погребена региональная элита КГА [Gatto 2020: 135].

Приблизительно в 2900 г. до н. э. под воздействием причин, которые до сих пор не до конца понятны, КГА сходит на нет. Возможно, это было вызвано климатическими изменениями, а также поражением в военном противостоянии с протогосударственными формированиями Верхнего Египта, стремившимися к устранению посредника в торговых отношениях с регионом Центрального Нила [Gatto 2020: 137–138].

Отсутствует ясность и в вопросе о том, что происходило в Нижней Нубии с этого времени вплоть до 2400 г. до н. э., когда появляются первые археологические свидетельства существования на территории между Первым и Вторым порогами культуры Группы С.

Большинство некрополей КГА, входивших в советскую концессию, были раскопаны С. Фёртом, а те, что он не успел раскопать, находились под водой. Тем не менее, обнаруженный экспедицией Пиотровского археологический комплекс представляет огромный научный интерес в первую очередь своей уникальностью.

Обстоятельства обнаружения и раскопок комплекса Хор-Дауд достаточно подробно описаны в книге А. В. Виноградова и в письмах Н. Я. Мерперта. Комплекс представлял собой 578 хозяйственных ям, в 65 из которых были обнаружены различные находки, в первую очередь керамические сосуды. Две трети из них происходили из Египта [Мерперт, Большаков 1964: 175; Крол 2021: 77; Крол и др. 2023]. Анализ египетской импортной керамики позволяет датировать функционирование комплекса Хор-Дауд периодом Нагада Ib–IId, что соответствует 3650–3300 гг. до. н. э. [Nordström et al. 1972: 26; Hendrickx 1996: 64] (Ил. 8).

Виноградов в своей книге приводит гипотезу Б. Б. Пиотровского, объясняющую функциональное назначение комплекса. Борис Борисович счи-

тал, что Хор-Дауд теснейшим образом был связан с жизнью раннединастического поселка, располагавшегося в «зеленой полосе» Нила. Население этого поселка вело смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Поля располагались на западном берегу Нила; на восточном же берегу, изрезанном многочисленными вади, ныне сухими, а в древности живыми руслами, по берегам рек и ручьев выпасался скот. На путях к этим пастбищам и находился Хор-Дауд, являвшийся хозяйственной периферией поселения [Мерперт, Большаков 1964: 177]. По мнению Б. Б. Пиотровского, разведение скота было основой хозяйственной деятельности поселения Хор-Дауд. Советский ученый считал, что «характер самого поселения в Хор-Дауде и находок в нем дает основание предположить, что оно было поселением скотоводов, свозивших сюда молоко для переработки перед транспортировкой его на другой берег Нила, где находились основные поселения. Такие поселения обычны в хозяйстве с отгонной системой скотоводства, для них характерны и хранилища в форме ям» [Пиотровский 1964а: 12]. При этом, однако, Б. Б. Пиотровский отмечал, что «среди органических остатков не было найдено ни одной кости животного». Косвенно в пользу предложенной интерпретации, по мнению исследователя, свидетельствуют изображения на скале на левом берегу Нила между Герф-Хусейном и Западной Коштамной трех лодок, людей и животных [Пиотровский 1964а: 12–13].

Однако идея Бориса Борисовича не нашла поддержки среди иностранных коллег. Известный американский археолог, руководивший всеми спасательными работами ЮНЕСКО в суданской части Нубии, У. Адамс считал, что упомянутые изображения не связаны с поселением в Хор-Дауде и, скорее всего, датируются другим периодом [Adams 1977: 126]. Адамс полагал, что вся дискуссия относительно роли скота в хозяйственной деятельности КГА является классическим примером марксистской диалектики, основывающейся в первую очередь не на эмпирических данных, а на предполагаемом сходстве с ранними этапами становления классового общества в Месопотамии. Подобная аналогия возможна лишь в рамках жесткой механистической теории эволюционного параллелизма, которая является одной из осново-

Ил. 8. Раскопки археологического комплекса в Хор-Дауде
Fig. 8. Excavations of the archaeological site at Khor Daud

полагающих доктрин марксистской идеологии. По мнению ученого, в стране, где в 3200 г. до н. э. засушливый климат мало чем отличался от сегодняшнего, предполагать производство молочных продуктов почти в коммерческом масштабе можно лишь при полном игнорировании экологических условий. Гипотеза Пиотровского представлялась Адамсу «триумфом идеологии над здравым смыслом» [Adams 1977: 126]. Шведским археологом Х.-А. Нордстрёмом были найдены непрямые доказательства того, что в КГА животноводство существовало [Nordström et al. 1972: 24]. Тем не менее, сам Нордстрём также выступал с критикой гипотезы Пиотровского. По мнению Нордстрёма, идея советского ученого о том, что в Хор-Дауде находилась «молочная ферма», не основывается ни на каких прямых археологических свидетельствах, будь то данные из Нижней Нубии в целом или из самого Хор-Дауда. Импортная египетская керамика, кремневые орудия, фрагмент медного долота, зерна пшеницы и ячменя, отсутствие какого-либо культурного слоя, очагов — всё указывает на то, что Хор-Дауд был местом, где люди встречались для обмена товарами. Эту точку зрения Нордстрём подкрепил тем аргументом, что Хор-Дауд расположен в плодородном регионе долины Дакки, недалеко от устья Вади-аль-Аллаки. В Хор-Дауд могли приходиться для обмена товарами скотоводы-кочевники, жившие между Нижней Нубией и Красноморскими горами [Nordström et al. 1972: 26]. Эту точку зрения поддерживает и М. Гатто, которая считает, что обмен с номадами, возможно, находился в руках торговцев-египтян, которые постоянно жили в регионе [Gatto 2006a: 228]. Также, по мнению Х.-А. Нордстрёма, археологический комплекс в Хор-Дауде был связан с торговыми отношениями между КГА и культурой Нагада [Nordström et al. 1972: 68]. Исследователем Б. Уильямсом было высказано предположение, что функционирование комплекса в Хор-Дауде могло быть связано с добычей россыпного золота в Вади-аль-Аллаки [персональное сообщение]. В раскопанных советской экспедицией ямах мог храниться провиант для партий, отправлявшихся в пустыню для добычи золота и поделочных камней. О возможности добычи золота в Нубийской пустыне носителями КГА писал исследователь Г. Смит [Smith 1993: 108].

Возможно, большую ясность в вопрос о функциональном назначении Хор-Дауда внесут результаты начавшегося проекта НИИ и Музея антропологии МГУ по републикации находок из археологического комплекса Хор-Дауда, которые хранятся в ГМИИ имени А. С. Пушкина и Эрмитаже [Крол и др. 2023].

В книге А. В. Виноградова упоминается также и культура Группы В (КГВ), о которой необходимо сказать несколько слов. Она, как и другие «алфавитные» культуры (А, В, С, Х), была выделена Дж. Рейснером в ходе Первого археологического исследования Нубии. Всего в ходе первой спасательной кампании был раскопан 21 некрополь (415 могил), которые Дж. Рейснер и сменивший его С. Фёрт отнесли к КГВ. В ходе Второго археологического исследования Нубии У. Эмери и Л. Кирван раскопали лишь три могильника, которые были ими датированы временем распространения КГВ. Г. Смит тщательно изучил всю имеющуюся информацию относительно этой нубийской культуры. Его анализ показал, что более четверти могил, определенных Дж. Рейснером и С. Фёртом как принадлежавшие КГВ, были настолько сильно разграблены, что не содержали никаких артефактов, которые бы позволили отнести их к той или иной культуре. Остальные же Смит отнес либо к КГА, либо к КГС [Adams 1977: 132–135; Smith 1966: 69–124.]

Другим важнейшим памятником, исследованным Нубийской экспедицией в долине Нила, был обширный некрополь культуры Группы С в местности Хор-Набрук рядом с селением Курта.

Культура Группы С (КГС)

Культурой Группы С называют археологическую культуру скотоводов, населявших территорию Нижней Нубии (между Куббанией и Батн-аль-Хаджаром) с середины III тыс. до середины II тыс. до н. э.

История населения Нижней Нубии в этот период была во многом определена тем обстоятельством, что территория между Первым и Вторым порогами была буферной зоной между Египетским государством и царством Куш, созданным носителями культуры Керма. Оба государства стремились к установлению контроля над Нижней Нубией для торговли по Нилу и добычи полезных ископаемых в Нубийской и Ливийской пустынях.

В египетских источниках Древнего царства Нижняя Нубия обозначалась топонимом Нехси, а ее население — нехсиу. Другие топонимы, использовавшиеся применительно к Нубии — Вават, Ирчет и Сечу; именно их упоминает в своей книге и А. В. Виноградов. Считается, что территория Вават простиралась от Асуана до Куруско. Прибрежные земли от Амады до Тошки именовались Ирчет, а территория южнее, от Тошки и до Второго порога, называлась Сечу [Hafsaas 2006: 71]. Эти три топонима древнеегипетских источников вероятнее всего соответствуют трем плодородным областям Нижней Нубии с центрами в Дакке, Анибе и Фарасе. Возможно, мы имеем дело с тремя вождествами (политиями) Нижней Нубии.

В эпоху Древнего царства Нижняя Нубия часто становилась целью военных экспедиций египтян. О том, что в период правления фараонов V–VI династий Древнего царства в зону экономических интересов Египта входила территория вплоть до Второго нильского порога, свидетельствуют материалы раскопок У. Эмери в Бухене, где археологом было обнаружено египетское укрепленное поселение. Его гарнизон был призван обеспечивать добычу меди в Нубийской пустыне, а также заготовку дерева [Emery 1963: 116–117; O'Connor 2014: 336–38]. Из биографической надписи Уны в Абидосе [Urk. I: 98–110] мы знаем, что нубийцы из областей Нубии и Нубийской пустыни (Ирчет, Меджа, Вават, Иам и Каау) участвовали как наемники в военных кампаниях Пепи I в Палестине [Strudwick 2005: 354]. Из той же надписи следует, что в эпоху Древнего царства территория Нубии была важным источником заготовки древесины (в первую очередь акации) для строительства кораблей. Построенные Уной суда были им использованы для транспортировки гранитных блоков, необходимых для возведения царской усыпальницы [Strudwick 2005: 356–57].

Важный источник по истории Нубии представляют собой надписи в вельможеских гробницах периода Древнего царства некрополя Куббет-эль-Хавы в Асуане. Из надписей в гробнице номарха Элефантины Херхуфа времени правления царей VI династии Меренра I и Пепи II, мы узнаем о четырех экспедициях этого вельможи в страну Иам, расположенную, по одним предположениям, на территории распространения культуры Керма

в Верхней Нубии [Raue 2019: 300], по другим — на территории западного Судана (Дарфура) [Williams 2013: 3]. Основной целью экспедиций была доставка к царскому двору благовоний, черного дерева, ароматических масел, шкур пантер, бивней слонов, метательных палок [Strudwick 2005: 331].

Представители правящей элиты земель Нижней Нубии требовали плату за прохождение торговых караванов через свою территорию. И египтянам приходилось считаться с этим. Так вельможа Сабни в своей биографии сообщает о том, что должен был снарядить караван из 100 ослов, груженых различными товарами для нубийских вождей, с тем, чтобы обменять тело своего отца, Мехуи, умершего (или убитого) в Вавате [Urk. I: 137–138; Strudwick 2005: 335–338]. Очевидное нежелание египетской администрации платить за транспортировку грузов через территорию между Первым и Вторым порогами становилось причиной военных походов в Вават.

Согласно надписи фараона IV династии Снофру около 2500 г. до н. э. им была разорена страна Нехси. Из экспедиции было пригнано 7 000 пленных и 200 000 голов крупного и мелкого рогатого скота [Urk. I: 236]. Эти данные на первый взгляд выглядят фантастическими, однако, если предположить, что войско Снофру могло подвергнуть разорению земли не только Нижней, но и Верхней Нубии, где проживали носители культуры Керма, приведенные в египетских анналах цифры вполне могут быть отражением реальности [Raue 2019: 294]. Соотношение плененных людей и животных лишней раз подтверждает сделанный на основании анализа археологических материалов вывод о том, что население Нижней Нубии в середине III тыс. занималось преимущественно скотоводством [Adams 1977: 139].

Вельможа Пепинахт I, живший в эпоху Пепи II, сообщает в надписи из своей гробницы о том, что возглавлял поход на юг против Вавата и Ирчета. Экспедиция вернулась с большой добычей и многочисленными пленниками [Strudwick 2005: 334].

Закат эпохи Древнего царства был вызван рядом катастрофических для Египта экологических изменений, что привело к коллапсу централизованной власти. На юге страны усилилась власть номархов, которым требовались воинские контин-

генты. Письменные и археологические источники свидетельствуют о том, что в Первый переходный период правители верхнеегипетских номов активно использовали нубийцев в качестве наемников [Hafsaas 2020: 169–171].

Служили они как правило лучниками, о чем можно судить на основании изображений из гробницы номарха Сетка [Bestock 2018: 230]. Темнокожие лучники нехсиу изображены и в гробнице правителя II и III номов Анхтифи [Vandier 1950: 98–99]. Фигурки сорока темнокожих лучников были найдены в гробнице Месехти, который был номархом XIII нома в эпоху правления XI династии. Изображения нехсиу в одной из гробниц в Бени-Хасане свидетельствуют о том, что мужское население Нижней Нубии участвовало во внутриегипетских конфликтах и в эпоху правления XII династии [Bestock 2018: 241–251].

В эпоху Среднего царства правители Египта отказываются от стратегии получения экзотических товаров из Верхней Нубии и добычи ископаемых в пустынях путем организации сложных с логистической точки зрения экспедиций при посредничестве носителей КГС. Той же цели они добиваются путем завоевания Нижней Нубии и установления прямого контроля над торговыми путями и рудниками [Knoblauch 2019: 367]. В правление фараона XII династии Аменемхета I (1990–1962 гг. до н. э.) в результате нескольких крупных военных походов территория Нижней Нубии вплоть до Бухена была покорена и стала частью египетских владений [Török 2009: 85–86].

В наиболее населенных областях Нижней Нубии (Шелляль, Кубан, Иккур, Аниба, Фарас, Серра, Бухен, Хор, Миргисса, Семна, Кумна, Уронарти) египтянами была выстроена целая цепочка из тринадцати мощных крепостей, гарнизоны которых должны были удерживать в повиновении местное население, обеспечивать движение торговых судов по Нилу и добычу полезных ископаемых в Нубийской и Ливийской пустынях [Gardiner 1916; Vogel 2004: 66–69; Hafsaas 2006: 117–121]. К числу последних относились аметист, добывавшийся в Вади-эль-Худи, и гнейс, добыча которого велась к западу от Тошки.

На расстоянии около 100 км к югу от Шелляля в устье Вади-аль-Аллаки в правление Аменемхета I была возведена крепость Баки (названная Кубан-

ской крепостью по нубийскому селению Кубан), а на противоположном берегу Нила, густо населенном нубийцами, носителями культуры Группы С, — крепость Иккур (по одноименному нубийскому селению) [Morris 2018: 71–77]. Кубанская крепость была раскопана У. Эмери и Л. Кирваном в ходе Второго археологического исследования Нубии в 1930 г. [Emery, Kirwan 1935].

Гарнизон крепости не только контролировал движение по реке и удерживал в повиновении многочисленное в этой части Нижней Нубии коренное покоренное население, но и защищал долину от проникновения кочевников, всегда готовых поживиться за счет оседлого населения долины, особенно во времена, когда недостаток влаги в красно-морских горах вызывал голод среди людей и скота [Emery 1965: 175–176].

Основой экономической жизни носителей КГС было скотоводство. При этом им, вероятно, приходилось принимать активное участие в строительстве крепостей и добыче полезных ископаемых в пустыне.

По мнению австрийского египтолога М. Битака, нубийцы — носители КГС — не испытывали притеснений, находясь под египетской оккупацией. Они, вероятно, продолжали вести прежний образ жизни. Кроме того, часть из них, возможно, обслуживали гарнизоны крепостей, участвовали в добыче золота в Восточной пустыне, обеспечивали перевозку товаров по Нилу между Первым и Вторым порогами. Судя по размерам некрополей КГС, в эпоху правления XII династии происходит рост населения Нубии [Bietak 1987: 120].

В царствование Сенусерта III в период между 1862 и 1854 г. до н. э. Египет присоединил к своим владениям в Нубии территорию Батн-аль-Хаджара южнее Второго порога.

В конце правления XIII династии (около 1650 г. до н. э.) египтяне постепенно вывели гарнизоны из крепостей в Нубии. В руки нубийцев вновь переходит посредническая торговля с царством Керма. В погребениях КГС появляются египетские предметы, которые были, вероятно, платой за провоз товаров по нубийской территории [Bietak 1987: 120; Hafsaas 2006: 145].

Второй переходный период был временем наиболее благоприятным для развития КГС.

Появление крупных погребальных сооружений, которые возводились на окраинах некрополей, отражают быструю социальную дифференциацию.

В эпоху XVII династии правители фиванского нома, которые возглавили процесс объединения Египта, начинают постепенное отвоевание Нижней Нубии и в правление фараона Камеса захватывают территорию вплоть до Бухена. Правящая элита КГС, вероятно, выступала в союзе с египтянами [Hafsaas 2006: 145]. Походы Тутмеса I и Тутмеса III привели к взятию Кермы — столицы ненавистного египтянам Куша — и разрушению города.

Завоеванные вплоть до Четвертого порога земли Нубии были разделены на две части: Вават, охватывающая территорию от Первого порога и до крепости Семна, и Куш — от Семны и до Четвертого порога. Для управления Нубийскими землями была введена должность «царского сына Куша» [Edwards 2004: 106–107; Morkot 2013: 924–925; Török 1988: 171–181].

Археологические данные свидетельствуют о том, что в эпоху Нового царства происходит постепенный процесс аккультурации носителей КГС, причем не только на уровне элит, которые были полностью египтизированы и стали частью административного аппарата Египта в нубийских землях, но и на уровне рядовых носителей КГС. Так, например, из погребений полностью исчезают круглодонные полусферические чаши с нарезным геометрическим орнаментом, заполненным белой пастой [Raue 2019: 314; Hafsaas 2006: 35–42], которые считаются наиболее характерным элементом археологической культуры Группы С [Hafsaas 2020: 163].

Ил. 9. Некрополь у селения Хор-Набрук. Раскопки второго сезона Нубийской экспедиции

Fig. 9. Necropolis near the village of Khor Nabruk. Excavations in the second season of the Nubian expedition

Чаще всего такого типа сосуды помещались на поверхности у внешней стены каменных кольцевых выкладок погребения [Виноградов 1964а: 188, 190–193]. Фрагменты таких чаш с орнаментом находят также и на поселениях, что указывает на использование этих сосудов в повседневной жизни, а не только в заупокойном ритуале [Hafsaas 2007: 166]. Другая отличительная черта КГС — надмогильные сооружения в виде круглой в плане каменной могильной оградки, внутреннее пространство которых заполнялось галькой и камнями [Adams 1977: 142–143]. Могильная яма имела круглую или овальную форму. Тело умершего укладывалось в могиле в скорченном положении на правом боку, головой на восток, лицом на север или же головой на север, лицом на запад [Hafsaas 2006: 26–34].

Мало что определенного можно сказать о культовой стороне жизни носителей КГС. Заупокойные приношения, которые обнаруживают археологи при раскопках некрополей этой культуры, по всей видимости, могут быть интерпретированы как свидетельства представлений о посмертном существовании человека. Стелы, которые устанавливались на некрополях КГС в ранний период развития культуры, вероятно, имели коммеморативное значение [Bietak 1987: 123].

Как на поселениях, так и в погребениях КГС были найдены глиняные фигурки женщин с развитой стеатопигией [Raue 2019: 321–322], которые, возможно, были связаны с культом плодородия. Изображения жен-

щин часто встречаются и на керамике [Пиотровский 1964а: 19]. В контексте погребальных памятников КГС зафиксировано также много изображений быков, что, возможно, связано с культовой практикой носителей этой культуры.

На некрополе в Хор-Набруке экспедиция работала два сезона. В 1962 г. раскопками руководил А. В. Виноградов, а в следующем — Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков (Ил. 9).

Всего было раскопано 155 могил. Могилы были характерны для КГС: каменные кольцевые оградки около метра высотой и до 3–4 м диаметром, заполненные внутри песком и мелкими камнями. Покойного помещали в могильную яму в скорченном положении, на правом боку, головой на север, лицом на запад. Большинство могил были разграблены в древности. Виноградов датировал некрополь временем правления XI–XII династии Среднего царства [Виноградов 1964а: 180–204].

Более точные датировки некрополя могут быть получены в ходе работы по повторному изучению и публикации находок Нубийской экспедиции из Хор-Набрука, хранящихся в Пушкинском музее и Эрмитаже.

Последним памятником в долине Нила, который был раскопан советской экспедицией в первом сезоне (10–12 марта 1962 г.), стал расположенный у селения Коштамна сторожевой пост римского гарнизона, размещавшегося в крепости на противоположном берегу и блокировавшего путь по реке [В преддверии 2026: 153].

Дело в том, что советская концессия включала территорию, которая в Греко-римский период находилась на южной границе владений сначала династии Птолемеев, а затем римских императоров в Египте.

В правление Птолемея II Филадельфа Нижняя Нубия была отвоевана у Мероэ. Эти земли интересовали греческую династию по многим причинам. Они обеспечивали доступ к торговым путям, по которым в Египет попадали благовония, пряности, ценные породы древесины, слоновая кость, и к недрам Нубийской пустыни, богатым золотом и камнем [Gates-Foster 2012: 194–196; Burstein 2020: 702–703]. Граница египетских владений была установлена южнее Асуана у Мухарраки (Хиера-Сикаминос). Подвластные Птолемеям земли получили

название Додекасхойна (территория, длина которой составляет 12 схойнов, то есть около 120 км).

После перехода власти над Египтом Риму в 30 г. до н. э., последовавшего за гибелью Клеопатры VII, первым префектом новой провинции Гаем Корнелием Галлом была установлена и южная граница римских владений в Египте, которая проходила в районе Первого порога. Однако вскоре Мероэ, воспользовавшись отсутствием в Нижней Нубии римских войск, на непродолжительное время захватила как всю Нубию, так и южноегипетские города (Филэ, Элефантину, Сиену (Асуан)). Впрочем, римские легионы под командованием Публия Петрония, третьего префекта Египта, изгнали мероитов с захваченных земель и продвинулись на юг до границы Второго порога. Заключенный императором Августом мир установил границу между Мероэ и римскими владениями в Египте и Нубии по крепости Мухаррака (Хиера-Сикаминос) [Török 1988: 427–442]. Установление мира способствовало длительному экономическому процветанию Нубии и торговле через Нубийские земли [Updegraff 1988: 80].

Именно поэтому на территории советской концессии, прежде всего в Абу-Дурве, было обнаружено много мероитских, греческих и римских надписей [Griffith 1912: 23; Koerner 1977: 233–234].

С конца III по середину V в. власть на территории Додекасхойны принадлежала блеммиям, кочевым племенам скотоводов, известным под этим именем в греческих и римских источниках. Их основной территорией обитания были Восточная и Нубийская пустыни между широтой современных городов Кус и Кусейр (Египет) на севере и Эрковит (Судан) на юге [Cooper 2022]. Некоторые исследователи даже считают, что в период с IV по IX вв. на этих обширных территориях существовало объединенное кочевническое царство [Cooper 2021].

Однако в 294 г. из-за постоянных набегов блеммиев император Диоклетиан вывел римские гарнизоны из Додекасхойны и передвинул римскую границу к Элефантине. Оставленную территорию постепенно заняли блеммии. В период между серединой IV и серединой V в. они, таким образом, владели как Нубийской пустыней, так и Нижней Нубией.

Основным занятием блеммиев было кочевое сезонное скотоводство. Кроме этого, кочевники

Восточной и Нубийской пустынь, благодаря знаниям о разведении и использовании верблюдов, полученных ими, вероятно, от набатеев Аравии, обеспечивали логистику караванной торговли, которая велась через их земли между Красным морем и Нилом и местами добычи полезных ископаемых в Нубийской пустыне [Bulliet 1990: 117]. Согласно данным египетского историка Олимпиодора, в первой половине V в. блеммии добывали бериллы на приисках Мон-Смарагда (недалеко от современного города Марса-Аляма). Немаловажным источником дохода был грабеж территорий соседних государств.

Остается открытым вопрос, представляли ли блеммии однородную в этническом отношении группу, или же под этим этнонимом античные авторы объединили разные группы кочевников, населявших Нубийскую пустыню в Позднеантичный период [Dijkstra 2012: 247].

В середине V в., после поражения от царя набатов Силко блеммии были вынуждены покинуть Додекасхойну и вернуться в пустыню [Török 1988: 56–59].

Начиная с IX в. в арабских источниках появляются сведения о политической истории, социальной организации, хозяйственной жизни и культурной практике племен беджа, которые, вне всякого сомнения, являются тем же народом, что и блеммии античных авторов [Zaborski 1965: 289–307]. Арабы, сами будучи кочевниками, проявляли большой интерес кномадам Восточной пустыни. Кроме того, они активно осваивали земли блеммиев-беджа, особенно в золотоносном регионе Вадии-аль-Аллаки. Поэтому подчерпнутые у арабских авторов сведения могут быть с определенной осторожностью использованы для изучения блеммиев позднеантичного периода.

До настоящего времени в Восточной пустыне не обнаружено археологических культур, ко-

Ил. 10. Котловина Ониб. В правом нижнем углу видна часть некрополя Хофра с каменными дисковидными курганами

Fig. 10. Onib Depression. A part of the Khofra necropolis with stone disc-shaped mounds is visible in the lower right corner

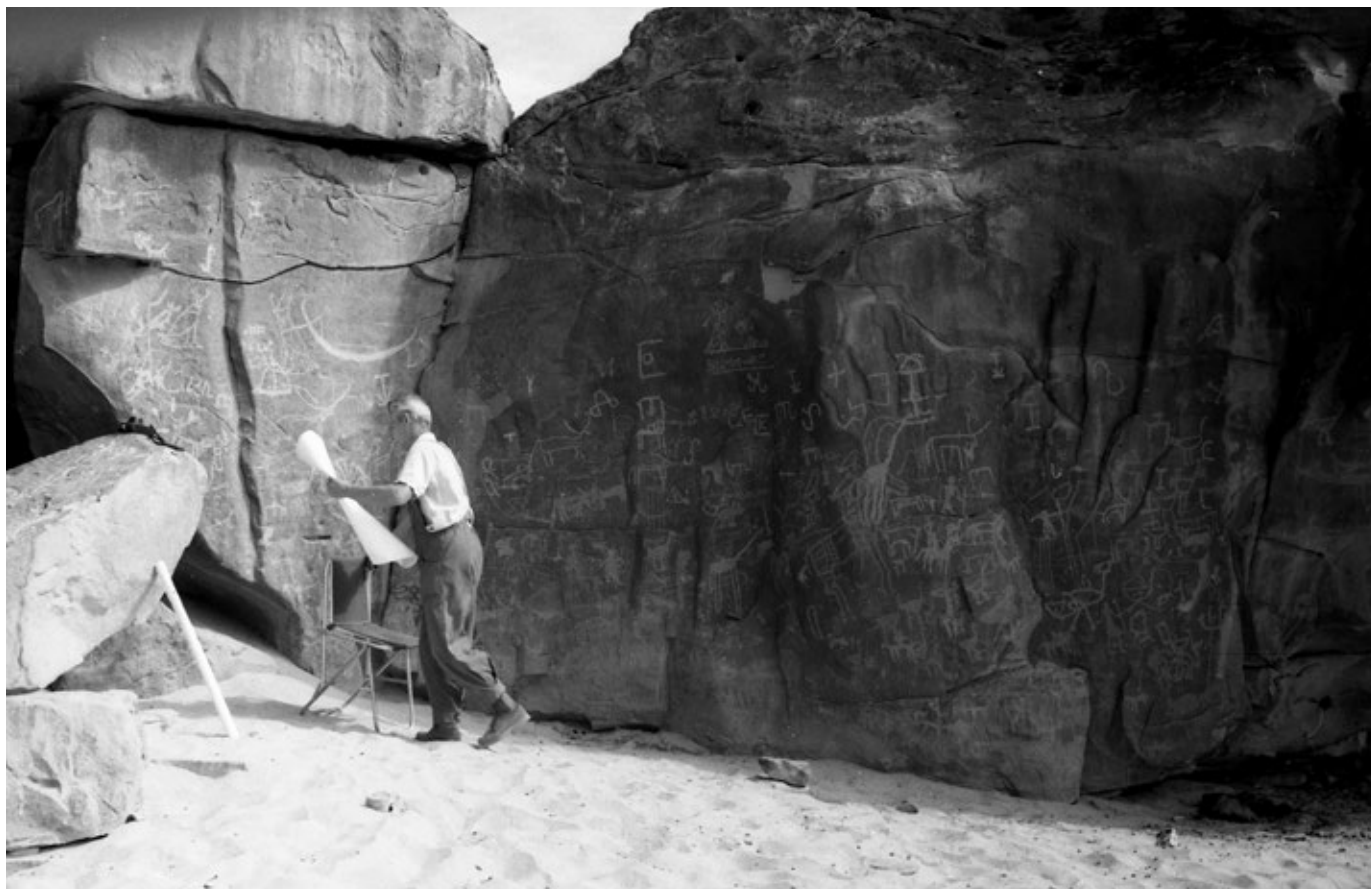
торые бы прочно ассоциировались с блеммиями. Тем не менее, в IV–VI вв. на широком пространстве от Нижнего Египта на широте Эль-Муаллы и до Хор-Нубта в Судане появляются примечательные погребальные сооружения — дисковидные курганы (т. н. *акератахейли*) высотой около 1 м и диаметром от 3 до 10 м, обложенные с внешней стороны вертикально стоящими каменными плитами [Lassányi 2012: 249–269; Krz̄iwinski 2012: 144–146, 151–153]. Тем же временем датируется и т. н. керамика Восточной пустыни, представленная небольшими сосудами ручной лепки, прежде всего чашами и мисками с лощеной поверхностью и врезным декором [Barnard 2008].

В регионе Вади-аль-Аллаки наиболее крупный некрополь с погребальными сооружениями в виде каменных дисковидных курганов находится в котловине Ониб в 40 км к юго-востоку от археологического памятника Дерахейб. На площади 25,3 га

здесь расположены 13 курганов диаметром от 7 до 10 м и высотой от 0,5 до 1,5 м и 415 надмогильных сооружений других типов (Ил. 10).

Этот могильник был обнаружен в марте 1990 г. в ходе разведки итальянского Центра изучения Восточной пустыни, созданного Альфредо и Анжело Кастильони (Варезе, Италия). Один из курганов был раскопан двумя годами позже [Sadr et al. 1995: 220]. По предположению братьев Кастильони, это был некрополь царей беджа, живших в Дерахейбе [Castiglioni Al., Castiglioni An. 2020a: 65]. В декабре 2022 г. исследования некрополя начала Нубийская археолого-антропологическая экспедиция МГУ [Krol et al. 2023].

С кочевниками Нубийской пустыни периода Поздней Античности или блеммиями, вероятно, связаны и многочисленные родовые знаки, тамги, обнаруженные советской экспедицией в Вади-аль-Аллаки (Ил. 11).

Ил. 11. Подготовка к эстампированию надписей и петроглифов на одной из скал в местности Умм-Ашира. Фото: А. В. Виноградов. 1962. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.

Fig. 11. V. V. Pimenov is getting ready to take estampages of the inscriptions and petroglyphs in Umm-Ashira. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

Петроглифам, несмотря на то что их было много обнаружено как на скалах вдоль Нила, так и на горных кряжах в сухом русле реки, участниками советской экспедиции было уделено по разным причинам, но прежде всего из-за нехватки времени, явно недостаточное внимание [Крол 2022: 124–136].

Среди петроглифов Умм-Агайба есть немало геометрических знаков, которые в историографии считают родовыми знаками кочевников — обитателей Восточной и Нубийской пустынь. В литературе используется арабский термин для их обозначения — *васм* (мн. ч. *вусум*) [Stewart 2002: 173]. Эти геометрические знаки хорошо известны и довольно подробно изучены на Аравийском полуострове, в Израиле, Сирии, Иордании и представляют собой знаки, которые используются прежде всего для клеймления верблюдов. Эти знаки имеют важное практическое значение: обычно бедуин без труда может узнать принадлежащих ему животных, но клеймо помогает кочевникам распознать верблюдов своего племени среди большого скопления животных, например, на водопое, а также находить украденное животное [Stewart 2002: 173–174]. Для того, чтобы различать собственность разных кланов племени, каждый из них может добавлять дополнительный графический элемент к общеплеменному знаку [Stewart 2002: 173–174]. Помимо тела животных, принадлежащих племени, *васм* ставили на скалах, могилах, колодцах, деревьях. В этом

случае знаки маркировали территорию племени [Stewart 2002: 173–174]. Ряд исследователей считают, что большинство абстрактных (нефигуративных) знаков, обнаруженных в Восточной пустыне, датируется временем, когда Нубийская пустыня находилась под властью блеммиев [Winkler 1937: 11–12; Červíček 1986: 87–88; Alfano 1992: 123–124; Крол 2022: 124–136].

Дальнейший прогресс в изучении блеммиев возможен лишь при условии интенсификации археологических раскопок в Восточной пустыне.

Эпиграфические работы в Вади-аль-Аллаки

Помимо раскопок Хор-Дауда наиболее значительные научные результаты были получены при исследовании Вади-аль-Аллаки. Вади — сухое русло реки, которая когда-то в XI–V тыс. до н. э. протекала по Нубийской пустыне, когда та была еще не пустыней, а саванной.

После строительства Высотной плотины и заполнения искусственного озера, Вади должно было быть затопленным на длину около 60 км вместе с расположенными в нем памятниками. Поэтому в концессию советской экспедиции была включена и территория сухого русла. О том, что скалы Вади несут на себе многочисленные надписи и петроглифы, Пиотровскому было известно благодаря публикации Ярославом Черны 34 иероглифических надписей, обнаруженных и сфотографированных директором топографической службы Египта Джорджем Уильямом Мюрреем [Černý 1947: 52–57].

Первая рекогносцировочная поездка в Вади-аль-Аллаки состоялась 23 января 1962 г. Н. Я. Мерперт, О. Г. Большаков, Л. Н. Петров и инспектор Фуад Якуб в течение дня провели разведку в сухом русле на автомобиле, нанятом у египетской компании, добывавшей в Вади мрамор. В результате этой поездки стало понятно, что надписи, обнаруженные Мюрреем, — лишь малая толика эпиграфического богатства Вади [Крол 2021: 87–89]. В следующую разведку, уже с участием Б. Б. Пиотровского, археологи отправились 3 марта 1962 г. Эта поездка подробно описана в дневнике Бориса Борисовича. Приведем здесь эту запись с небольшими купюрами:

«Встали рано. Так как сегодня едем по Вади-Аллаки. В лагере остается один М. Юнисов, Сабри

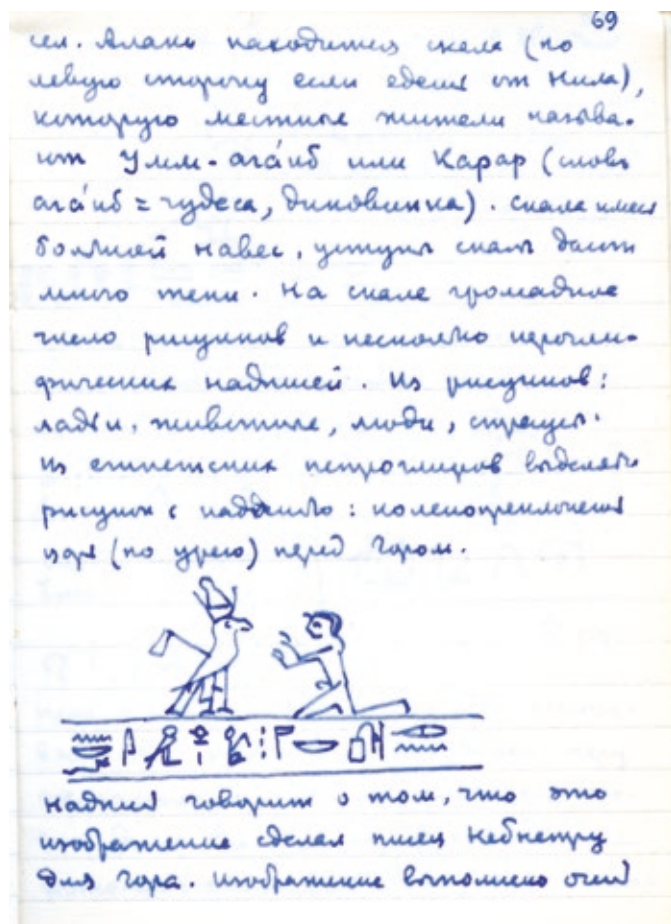

Ил. 12. Низовья Вади-аль-Аллаки
Fig. 12. Lower reaches of Wadi al-Allaqi

уехал в Асуан с П. Д. и Ф. Я. (Петр Дмитриевич Даровских и Фуад Якуб, — А. К.).

Приехали в Аллаки. Там нас встретил начальник насосной станции Вакиль. Полный, холерный человек. С несколько пассивным лицом, но активной натурой, в черных брюках и шелковой рубашке навыпуск [...].

Нас привели к отремонтированной только что машине. Описать ее совершенно невозможно. Это остов списанной английской машины, типа пикапа или доджа. Весь мотор обнажен. Шофер и его сосед сидят над решеткой. Под низом земля и жар от мотора. Вместо кузова — остатки каких-то перекладин. Поехали не скоро. Ждали больше часа, шофер куда-то ходил взад и вперед. Ездил на какой-то другой машине, возил свой автоскелет мыть, затем его вытирали ватой и наконец попросили занять места, и мы поехали [...].

Ил. 13. Дневниковые записи Б. Б. Пиотровского от 3 марта 1962 г. о поездке в Вади-аль-Аллаки. Скалы Умм-Агайба
 Fig. 13. Diary entries by B. B. Piotrovsky, dated March 3, 1962, about a trip to Wadi al-Allaqi. Cliffs of Umm Agaib.

Наконец мы въехали в вади, это широкая долина, обрамленная небольшими возвышенностями. Ложе ее каменное. Покрытое небольшим слоем песка. Берега ровные с останцами. По левой руке нашего пути три очень любопытных останца, имеющих вид трех пирамид. Местность однообразная. Но характер русла вади меняется. Местами растительность (сухие «арбузики», кочки с травой и иногда вдруг отдельные деревья). Значит вода не очень-то глубоко. Правда, это при поднятии Нила. В древности вади могло быть и суше (Ил. 12).

Примерно в 25 килом. к востоку от сел. Аллаки находится скала (по левую сторону, если едешь от Нила), которую местные жители называют Умм-Агаиб или Карар (слово «агаиб» = чудеса, диковинка). Скала имеет большой навес. Уступы скалы дают много тени. На скале громадное число рисунков и несколько иероглифических надписей.

Ил. 14. В. В. Пименов за эстампажем надписей в Вади-аль-Аллаки
 Fig. 14. V. V. Pimenov taking estampage of inscriptions in Wadi al-Allaqi

Из рисунков: лодки, животные, люди, страусы. Из египетских иероглифов выделяется рисунок с надписью: коленапреклоненный царь (по урею) перед Гором (Ил. 13).

Надпись говорит о том, что это изображение сделал писец Небнетру для Гора. Изображение выполнено очень хорошо. Изображение Гора в двойной короне встречается несколько раз.

Надпись писца Аменемхеба, также посвященная Гору.

Кроме четких иероглифических надписей есть граффити, приближающиеся к иератике*.

Нет никакой возможности копировать все надписи. В. В. (Виктор Васильевич Пименов, — А. К.) сделал пару эстампажей. А. Л. Н. (Лев Николаевич Петров, — А. К.) много фотографий (Ил. 14).

* Рисунки и иероглифические надписи из дневника Б. Б. Пиотровского см. Ил. 13, 15 (ред.)

Да и все мы изрядно пощелкали фотоаппаратами. Эта скала находится в 25 килом. от Нила. Т. о. здесь в древности могла быть стоянка после однодневного пути, место очень удобное. Хотя дневной путь ближе к 30–35 килом., но для грузевого каравана переходы могут быть и короче.

Едем дальше по вади, на скалах слева видны отдельные изображения. Но мы не останавливаемся. Все равно обследование вади при одной поездке невозможно. Тут необходима систематическая работа.

Вид вади сегодня мало чем отличается от древнего; и тогда было широкое (1–1 ½ килом) русло-долина, ограниченное скалами, сухое, трудное для перехода. Взору представляется эта же долина, по которой движется караван нагруженных ослов, которых гонят черные в передниках погонщики, движутся египтяне в платках на голове и более обильных** одеждах, среди них и те писцы, которые выцарапывали на камнях свои надписи. А с обеих сторон на черных гребнях скал за ними следили нубийские бедуины. Не отваживавшиеся нападать на египетские караваны, которые везли камень и золото. Это была замиренная Нубия, а кроме того, караваны несомненно охраняли отряды солдат.

Мы несемся по руслу вади на нашей «Антилопе-Гну», когда солнце отбрасывает ее тень на песке, то кажется, что мы сидим на сеялке, тень ажурная, остатки арматуры перекрытия принимают причудливые формы. Наконец, примерно в 75 килом. от Алаки, мы подъезжаем к большой скале, высотой вероятно ок. 20 м. Эта местность называется местными жителями Умм-Ашира или «Бир аль аскери» (военный колодец), знаменательное название, особенно если вспомнить сведения стелы из Кубани о сооружении колодца. С южной стороны вся скала покрыта громадным числом иероглифических надписей и рисунков. На самой вершине скалы две из них (Ил. 15):

1) Какой-то Аменуй «открыватель путей в страны всякие» расхвастался как наш Абда (Абду — повар экспедиции, — А. К.);

2)

И тут нет никакой возможности копировать и эстампировать надписи. Это не на один день.

** Неразборчиво (А. К.).

Ил. 15. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского. Запись от 3 марта 1962 г. о поездке в Вади-аль-Аллаки. Надписи на скалах Умм-Аширы

Fig. 15. A page from the diary of B. B. Piotrovsky. Entry from March 3, 1962 about a trip to Wadi al-Allaqui. Inscriptions on the rocks of Umm Ashira

Снова щелкают аппараты. Л. Н. стремится сфотографировать все надписи подряд. В. В. делает эстампажи, но это очень трудное дело. С южной стороны навес. Там вырезанные стелы. Большинство их с изображением Гора, надписи, приближающиеся к иератике, очень трудно читаемые, а для настоящих эстампажей у нас нет достаточного количества воды. Надо заметить, что громадное большинство иероглифических и иератических надписей на южной стороне скалы.

Между Умм-Агаибом и Умм-Аширой обязательно еще одна стоянка, если даже учесть, что древнеегипетские караваны шли ночью, то все же стоянка для отдыха необходима, а руки писцов не могли оставаться без дела, они очень привыкли писать.

В тени скалистого навеса мы позавтракали хлебом, помидорами, консервами рыбными и мясными и принялись за работу. Особенно интересны навесы. Был ли кто до нас здесь? Был ли Жаба*? Следов снятия эстампажей как на Абу-Дурве нет, но в темных местах, как в Умм-Агайбе, так и здесь, иероглифы прочерчены мелом, правда не всегда точно. Но если кто и был тут, тот мог снять только пенки, систематические работы требуют длительный срок. Ничего. В Каире и дома наведем справки. Во всяком случае эту тему нужно предусмотреть в плане работ 1962–1963 гг., включив в состав экспедиции египтолога. Желательно О. Берлева**. В Умм-Ашире много отдельных изображений: Гор на лодке, один Гор, на самой вершине, над надписями, лодка с деревом. Есть фигура бога Мина с короткой надписью (иероглифы), кроме того, много других петроглифов, обращают на себя внимание хорошие фигуры львов. Есть и короткая латинская надпись:

ODO

REX (она единичная).

Оставили В. В. на Умм-Ашире, а сами поехали дальше.

Шофер имел указание довести нас именно до Умм-Ашира, и он настаивал на поездке дальше. Поехали. По левой руке в вади лежат бочки с бензином, сетки железные и еще кое-что. Подвозят нас к этому скарбу и говорят, вот это то, куда вас приказано отвезти. Древности есть? Нет. Что-нибудь есть? Нет. По-видимому, этот запас бензина

* Чехословацкий египтолог З. Жаба (А. К.).

** Знаменитый ленинградский египтолог О. Д. Берлев (А. К.).

расположен просто в вади, а место названо по знаменитой скале. Пейзаж тут красивый. На поверхность выходят голубые камни. Как будто мрамор. Побродили немного. Шофер говорит, что он должен ехать залить радиатор водой на ближайшую каменоломню. Я и А. В. (Александр Владимирович Виноградов, — А. К.) решили поехать с ним. Она в 10 килом. от Умм-Аширы (все расстояния, приводимые мною, разумеется, весьма условны). Л. Н., Н. Я. и О. Г. (Лев Николаевич Петров, Николай Яковлевич Мерперт и Олег Георгиевич Большаков, — А. К.) решили идти обратное пешком, чтобы разыскать изображения жирафов, которые они заметили с машины прошлый раз.

Доехали до каменоломни, там берут тальк. Кучи добытого материала, две грузовые машины. Одна легковая, легкая тростниковая хижина. Ремонтная мастерская. Заливаем водой радиатор, предлагают чай. Но мы торопимся и поворачиваем обратно. Широкое вади (более километра). Наши товарищей не так легко найти, Н. Я. и О. Г. мы не заметили. Увидели только Л. Н., взобравшегося на гору к стене с изображениями жирафов и страусов. Взобрался и я. Действительно. Изображения очень хорошие, А. В. наверху обнаружил и беглую иератическую надпись в одно слово. Я туда взбираться не стал. Очень устали ноги. Л. Н. заснял ее. Вернулись к Умм-Ашире, там заждавшийся нас В. В. принимал солнечные ванны. Жаловался на то, что эстампажи надписей-стел без воды было очень трудно снимать. Он растолок графит и промазывал поверхность бумаги графитом. Снимки получились не очень четкие. Но они таковы и в натуре.

Собрали свои вещи и пустились в обратный путь...» [АГЭ. Ф. 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Дневник №1: 65–78].

Систематическим исследованиям эпиграфики Вади-аль-Аллаки советская экспедиция посвятила значительную часть времени второго сезона. К сожалению, египтолога О. Д. Берлева привезти в Нубию не удалось, да и половина команды первого сезона по различным причинам в Египет больше не приехала. В состав новой экспедиции вошли: Б. Б. Пиотровский, Р. М. Джанполадян-Пиотровская, П. Д. Даровских, Н. Я. Мерперт, О. Г. Большаков и М. У. Юнисов. Инспектором от Управления древностей ОАР был Ахмед Саид Хинди.

Результаты эпиграфической работы в Вади были превосходными. Корпус надписей пополнился до 200. Наиболее интересными были уже упоминавшиеся надписи некоего Уни, который с высокой долей вероятности может быть отождествлен с вельможей Уни, оставившим знаменитую автобиографическую надпись в Абидосе [Коростовцев 1978: 79–85].

Неподалеку от надписи Уни была обнаружена титулатура другого чиновника времени правления VI династии — Хунеса, о котором хорошо известно из текстов, высеченных в его гробнице в Асуане [Пиотровский 1966: 81–82].

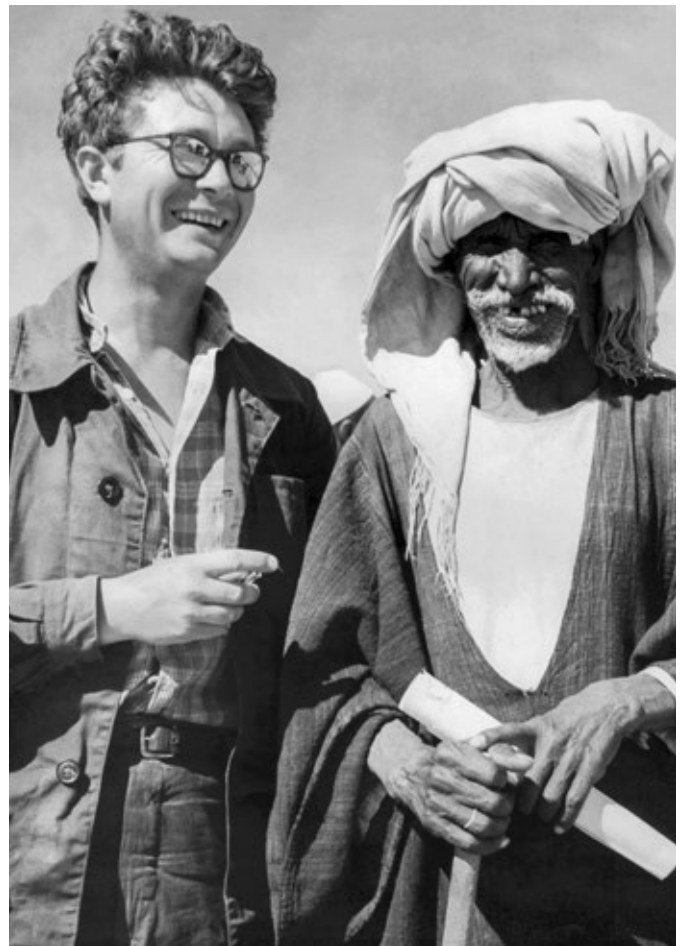
Важное значение имеют две надписи, содержащие титулы вельможи Меримесе, находившегося в должности «царского сына Куша» в правление фараона XVIII династии Аменхотепа III [Пиотровский 1983: 72–73]. Надписи особенно интересны в кон-

тексте сообщения стелы из Семны о сборе воинских континентов в египетских крепостях Баки (Кубан) и Тарой (Томбос) против страны Ибхат [Morris 2005: 324–325]. Это позволяет предположить, что страна Ибхат может быть локализована в регионе Вади-аль-Аллаки [Zibelius-Chen 1994: 412–417; Cooper 2020: 125–129]. Интересно, что рядом с надписью Меримесе изображен конь, на котором, вероятно, вельможа передвигался по пустыне (Ил. 16).

Другой важнейшей находкой в Умм-Ашире стали обломки каменной стелы с изображением фараона Рамсеса II, приносящего жертвы богу Мину, и остатками надписи, в которой отчетливо читается название колодца «Рамсес Мери-Амон, доблестный в жизни» [Пиотровский 1983: 29–30]. На стеле из Умм-Аширы указано то же название колодца, что и на так называемой Кубанской стеле, найденной

Ил. 16. Надпись «царского сына Куша» Меримесе из Умм-Аширы
Fig. 16. Inscription of the 'King's son of Kush', Merimose, from Umm Ashira

Ил. 17. Проводник Ибрагим Хусейн Швойна и О. Г. Большаков
Fig. 17. Guide Ibrahim Hussein Shwoyna and O. G. Bolshakov

в 1842 г. в руинах крепости Баки рядом с нубийским селением Кубан у впадения Вади-аль-Аллаки в Нил. Текст Кубанской стелы повествует о том, что по распоряжению Рамсеса II на третьем году правления этого фараона был вырыт колодец для обеспечения экспедиций, отправляющихся для добычи золота в страну Икаит. Однако название колодца на Кубанской стеле было частично утрачено. Отсутствовали два последних слова. находка стелы в Умм-Ашире позволила установить полное название колодца и локализовать страну Икаит в регионе Вади-аль-Аллаки [Крол и др. 2026; Cooper 2020: 133].

В Вади было обнаружено множество петроглифов, относящихся к периоду неолитического субплювиала (8500–5300 гг. до н. э.), когда по руслу Вади протекала полноводная река, а Нубийская пустыня представляла собой саванну, где во множестве обитали как животные, так и люди. Фауна Вади, согласно изображениям, была представлена слонами, жирафами, бегемотами, крокодилами, жившими по берегам рек и озер. За неимением времени в 1963 г. петроглифы не эстампировали и отдельно не фотографировали. Они нам известны лишь по общим фотографиям мест скопления надписей и изображений на камне. Тем не менее на основании имеющихся фотографий ведется исследование петроглифов в рамках проекта по изучению научного наследия Нубийской экспедиции АН СССР [Толмачева 2023: 117–131].

В конце марта экспедиция завершила сезон. С приходом весны работать в Нубийской пустыне было уже достаточно сложно из-за резкого повышения температуры; в апреле же это невозможно вообще...

На следующий год советская экспедиция не вернулась в Нубию. Причиной тому стал отказ СССР финансировать проект по переносу храма в Дакке, отсутствие новых перспективных памятников на территории советской концессии и... излишняя доверчивость к словам проводника Ибрагима Хусейна Швойны (Ил. 17).

Б. Б. Пиотровский записал в дневнике 30 января 1963 г.: «Как утверждает Ибрагим, египетские надписи и наскальные изображения за Умм-Аширой отсутствуют. Мы выискивали гроты и удобные для надписей места. Около гротов есть черепки, а надписей нет. Направо проход в Вади Габгабу, там снова поднимаются скальные кражи. Но Ибрагим

утверждает, что и там надписей и изображений нет.

Таким образом, к сожалению, след древнеегипетских экспедиций в золотые рудники за Умм-Аширой теряется» [АГЭ. Ф. 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Дневник №2: 18].

Однако проводник экспедиции был не прав.

Египетские надписи встречаются в Вади-аль-Аллаки еще на протяжении добрых 200 километров, а в Вади-Габгаба — почти на всем протяжении сухого русла до Нила в районе Абу-Хамеда [Davies 2020: 186–221]. Целью египетских экспедиций, отправлявшихся от крепости Баки (Кубанская крепость) по Вади-аль-Аллаки, были не только, а может, и не столько рудники в Умм-Карейат (около 90 км от Нила), а верховья Вади. Это было связано с особенностями климата Красноморских гор Центрального Атбая, где берет истоки Вади.

Ил. 18. Остановка по пути в Дерахейб. Ноябрьские дожди размывали часть дороги

Fig. 18. Stop on the way to Deraheib. The November rains had washed away part of the road

Климат Вади-аль-Аллаки

Атбай* — территория Восточной и Нубийской пустынь между дорогами Кена — Кусейр на севере в Египте и Бербер — Суакин на юге в Судане. С запада этот регион ограничивает Нил, а с востока — Красное море. Выделяются Северный, Центральный и Южный Атбай. Центральный Атбай, где, собственно, и работала советская экспедиция, изучая эпиграфику Вади-аль-Аллаки, простирается от широты Асуана на севере до Абу-Хамеда на юге. Основная отличительная черта ландшафта центрального Атбая в районе 22 параллели, где проходит граница между Египтом и Суданом, — Красноморские горы, достигающие здесь своей максимальной высоты около 1,5 км.

В конце осени и начале зимы здесь выпадают обильные осадки (Ил. 18). Их приносят континентальные северные ветра, которые, проходя над теплым Красным морем, насыщаются влагой и затем выпадают в виде орографических дождей в Красноморских горах [*El-Tom 1975: 27–28; Krzywinski 2001: 29*]. Влага по многочисленным вади селевыми потоками низвергается в сторону Нила [*Hinkel 1992: 35*]. В некоторые годы из-за обильных осадков такие потоки приобретают огромную силу. По воспоминаниям французского инженера Л. де Бельфона, в 1830 г. сила селевого потока при впадении вади в Нил была такова, что его лодка (дахабия) не могла миновать этот участок реки даже при попутном ветре [*Linant de Bellefonds 1868:1*].

Часть влаги впитывается в песок, устилающий ложе вади, и, дойдя до скального основания, скапливается в многочисленных подземных источниках. Крупнейшее вади центрального Атбая, да и, пожалуй, всей Восточной и Нубийской пустынь — Вади-аль-Аллаки.

Гидрология и геология Вади-аль-Аллаки до сих пор изучена лишь поверхностно. Тому помехой то, что Вади расположено на границе двух государств. Приграничная территория, да еще и в таком беспокойном регионе — не лучшее место для научных изысканий. Однако мы можем в общих

* Название, вероятно, происходит от греческого слова *Aiθιοπας* (др.-греч. — Эфиопия), которое в античных текстах использовалось для обозначения Северного Судана, или же от наименования средневекового порта Айзаб, расположенного на 22 параллели [*Cerviček 1974*] (прим. автора).

чертах реконструировать гидрологическую историю Вади-аль-Аллаки по материалам исследования другого сухого русла, Вади-Ховар — крупнейшей реликтовой дренажной системы юго-восточной Сахары. Вади-Ховар берет свое начало на горном плато Эннеди в Чаде и в горах Джебель-Марра в Судане и через почти 1000 км восточнее впадает в Нил в районе Старой Донголы в Судане. В период между 6900 и 4900 гг. до н. э. Вади-Ховар представляло собой реку, шириной от 4 до 15 км, куда дренировали обильные осадки, выпадавшие в период неолитического субплювиала. Зона муссонных дождей была на 500–800 км севернее, чем теперь, и на территории северной части Судана, куда входит и Вади-аль-Аллаки, ежегодно выпадало от 400 до 1000 мм осадков против 25 мм сейчас. Вокруг русла Вади-Ховар располагались многочисленные озера. Их берега изобиловали типичной для саванны фауной (слоны, носороги, крокодилы, антилопы, быки, газели, дикие ослы и др.). Здесь же обитали и племена охотников и собирателей, оставивших после себя большое количество каменных артефактов, керамики и петроглифов. С завершением периода неолитического субплювиала и превращения саванны в пустыню люди были вынуждены покинуть берега Вади-Ховар [*Pachur, Kropelin 1987: 298–300; Vogelsang, Keding 2013: 43–62*]. Очевидно, что это случилось позже, чем на берегах Вади-аль-Аллаки, расположенного тремястами километрами севернее, но в целом процессы были схожими. Об этом и свидетельствуют неолитические орудия труда, дебитаж и фрагменты керамики, найденные советскими археологами по берегам вади в 1961–1963 гг. и российскими исследователями в котловине Онибе в 2022 г. [*Симоненко и др. 2022: 114–123; Krol et al. 2023: 132–149*].

Верховья Вади-аль-Аллаки, находящиеся в Красноморских горах на высоте около километра над уровнем моря, обильны водой и зеленью благодаря дождям, достаточно регулярно выпадающим с ноября по декабрь. В русле сухой реки произрастает много деревьев и кустарников. Среди деревьев преобладает три вида акаций (*Acacia raddiana*, *A. tortilis* и *A. ehrenbergiana*), *Balanites aegyptiaca*, *Maurea crassifolia*, *Salvadora persica*, *Ziziphus spina-christi*, большое число эфемеров (в течение нескольких месяцев после выпадения дождей) [*Springuel, Mekki 1994: 43–*

44]. Северо-западнее, на территории Египта русло Вади становится значительно шире, а окружающие горы более пологими. Осадки здесь почти не выпадают, поэтому растительность отсутствует. Об этом свидетельствуют описания низовий Вади из приведенного выше пассажа из дневника Б. Б. Пиотровского и в книге А. В. Виноградова [*В преддверии 2026*: 143].

Обильная по сравнению с остальной частью пустыни растительность в верховьях Вади дает пищу, строительный материал и топливо для обитающих здесь беджа бишариин, возможные предки которых — маджаи и блеммии — населяли этот регион в течение четырех тысяч лет (Ил. 19).

Подобная экологическая ниша сформировалась в верховьях Вади, вероятно, около IV тыс. до н. э. с завершением периода неолитического субплювиала, когда саванна постепенно обратилась в пустыню, а люди, обитавшие в регионе Красно-

морских гор, перешли к кочевому животноводству и занимаются им по сей день.

Именно в этом направлении, к истокам Вади, и посылались, по нашему мнению, экспедиции для добычи золота в древности и средневековье.

Добыча полезных ископаемых в регионе Вади-аль-Аллаки

Под регионом Вади-аль-Аллаки мы понимаем само сухое русло реки и его многочисленные притоки.

Первоначально египтян в Вади привлекал камень. Упомянувшийся уже не раз вельможа Уни в правление фараона V династии Меренра организовал экспедицию в одну из каменоломен Вади-аль-Аллаки для добычи камня.

В Среднем царстве в регионе Вади-аль-Аллаки добывали преимущественно медь. Известно о рудниках в местности Сейяла приблизительно в 90 км

Ил. 19. Дерахейб
Fig. 19. Deraheib

к востоку от крепости Баки (Кубан). Здесь было обнаружено около 220 т шлака. Приблизительное количество выплавленной меди составляет 12 т [Lucas 1927: 166]. Причем это была только часть меди. Другая часть выплавлялась на самом руднике, судя по найденным там шлаку и печам [Lucas 1927: 164]. Что касается золота, то его, по мнению исследователей Р. и Д. Клеммов, добывали не египтяне, а обитатели Восточной пустыни, и затем обменивали на египетские товары в долине у устья Вади [Klemm R., Klemm D. 2013: 8].

Начиная с эпохи Нового царства и вплоть до сегодняшнего дня главным полезным ископаемым, которое привлекает в Нубийскую пустыню, является золото. Места золотодобычи фараоновского периода могут быть разделены на три группы: северная группа в гористом регионе вдоль Красного моря между Вади-Хаммамат и Вади-Аббад; центральная, доступ к которой проходил через Вади-аль-Аллаки и Вади-Габгабу, и южная, расположенная вдоль долины Нила. Это деление, согласно египтологу Ж. Веркуттеру, соответствует трем золотоносным областям, которые выделяли сами египтяне. В источниках упоминаются золото из пустыни Коптоса, золото Вавата и золото Куша [Vercoutter 1959: 128]. Наиболее золотоносным был регион Вавата. В анналах Тутмоса III содержится информация о том, что за один только 34 год правления фараона на приисках Вавата было добыто 2554 дебена (232,4 кг) золота, в то время как в Куше в том же году было получено лишь 300 дебенов (27,5 кг) [Vercoutter 1959: 130]. По мнению исследователя, связано это было с тем, что золото Вавата добывалось не только в Вади-аль-Аллаки, но также еще и вдоль Вади-Габгабы, в то время как в Куше золото добывали лишь между Бухеном и Кермой [Vercoutter 1959: 130]. Веркуттер высказывает предположение о том, что золотодобывающая область Вавата простиралась вплоть до Дерахейба и Ониба, расположенных в Красноморских горах [Vercoutter 1959: 130].

О золотодобыче в глубинных районах Нубийской пустыни в фараоновскую эпоху стало известно благодаря экспедициям Центра изучения Восточной пустыни. За период с 1989 по 2006 г. Центром была исследована огромная территория в 90 000 кв. км в северной части Нубийской пустыни, открыто и введено в научный оборот более 200

археологических памятников (скопления петроглифов, некрополи, но прежде всего места золотодобычи фараоновского и исламского периодов) [Castiglioni et al. 1998].

Исследования Центра изучения Восточной пустыни значительно пополнили корпус древнеегипетских надписей, обнаруженных вдоль дорог, которые связывали Короско и Абу-Хамед. В 2013 г. эти надписи были изучены совместной экспедицией Общества археологических исследований в Судане и Британского музея [Vivian Davies 2020: 185–220]. С 1996 по 1999 г. золотодобыча в Египте и Нубии в древности и средневековье была предметом полевых исследований немецких ученых Розмари и Дитриха Клеммов. В период между 1989 и 1999 г. на территории Восточной и Нубийской пустынь ими было обнаружено более 250 мест золотодобычи. Полученные данные свидетельствуют о том, что регион Вади-аль-Аллаки от устья и до самых истоков был покрыт достаточно плотной сетью приисков вплоть до памятника Дерахейб, где экспедициями Центра изучения Восточной пустыни, НИИ и Музея антропологии МГУ были обнаружены древнеегипетские предметы [Krol et al. 2024]. Высказывалась даже идея о том, что поселение золотодобытчиков, изображенное на двух обрывках папируса XIX–XX вв. до н. э. из Туринского музея, может быть локализовано в Вади-аль-Аллаки [Budge 1907: 335–336; Пиотровский 1983: 18–19] или даже в Дерахейбе [Paul 1954: 27; Castiglioni et al. 1998: 150].

По мнению Р. и Д. Клеммов, важность Дерахейба заключалась не только в том, что через него проходил путь, ведущий к Красному морю, но и пролегал маршрут к значительно более богатому золотоносными кварцевыми жилами региону Ониб [Klemm R., Klemm D. 2013: 445]. В этом регионе, расположенном к юго-востоку от Дерахейба, немецкие исследователи обнаружили пять поселений Нового царства.

Таким образом, золотодобыча и в фараоновское время, и позже, в эпоху Средневековья, охватывала весь регион Вади-аль-Аллаки. Причем в верховьях Вади она шла интенсивнее, чем в ближайшей к устью, лишенной осадков и растительности части сухого русла, которое изучала советская экспедиция.

Р. и Д. Клеммы датировали то или иное обнаруженное ими место золотодобычи не только по керамике, но и по находкам, которые относились к тех-

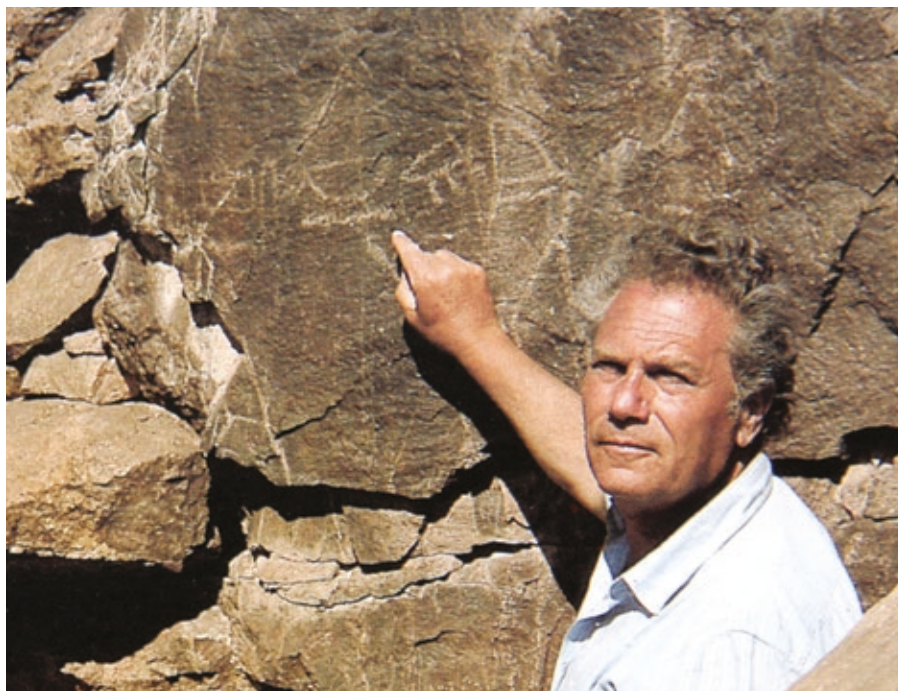
нологии переработки золотоносной породы. Главным нововведением эпохи Нового царства становится терочный камень – плоский камень твердой породы размерами около 30×60 см, который в долине Нила с додинастической поры использовали для растирания злаков в муку [Klemm R., Klemm D. 2013: 9]. Использованные и переиспользованные терочные камни являются главными маркерами мест золотодобычи Нового царства. Также, по мнению Р. и Д. Клеммов, интенсификация золотодобычи в Новом царстве стала результатом накопления геологических знаний и систематической разведки Восточной и Нубийской пустынь с целью обнаружения золотоносных жил. В период Нового царства египтяне добывали золото как из кварцевых золотоносных жил, так и путем измельчения кусков кварца, собранных у жил, разрушенных в силу эрозии. Полученную породу измельчали каменными пестами в своеобразной ступе (камень с полукруглой выемкой) до размера гороха, а затем перетирали на терочных камнях. Перетертую «в муку» породу промывали для того, чтобы отделить более тяжелые частички золота [Klemm R., Klemm D. 2013: 9–10]. По мнению Клеммов, в Вади-аль-Аллаки золото добывали преимущественно из собранных рядом с жилами кусков кварца [Klemm R., Klemm D. 2013: 11]. Тем же способом получали золото и на, пожалуй, самом крупном из исследованных до настоящего времени приисков Восточной пустыни периода Нового царства в Самут-эль-Беде, расположенном между Идфу и Марса-Алямом [Redon et al. 2020: 157]. Несмотря на значительное число рабочих, вовлеченных в золотодобычу (было обнаружено 218 хижин), всё золото получали из рушенной породы [Redon et al. 2020: 157]. Добывали

египтяне также и россыпное или аллювиальное золото, высвобождающееся при разрушении коренных месторождений.

Свидетельствами активного использования Вади-аль-Аллаки для добычи золота являются не только характерные хижины золотодобытчиков и множество терочных камней и каменных пестов, но также и надписи, которые оставляли чиновники, сопровождавшие экспедиции. Из 200 надписей, найденных советскими археологами в 100-километровой зоне вдоль русла Вади, три четверти были обнаружены в местности Умм-Ашира (или Бир-аль-Аскари) [Пуотровский 1983: 30], а среди них большинство датируются периодом правления XIX династии [Пуотровский 1983: 31].

К сожалению, в регионе верховий Вади-аль-Аллаки была обнаружена лишь одна иероглифическая надпись. Она расположена на расстоянии около 20 км от Дерахейба, в Вади-Несари, сухое русло которого тянется параллельно Вади-аль-Аллаки [Castiglioni Al., Castiglioni An. 2007: 42–44]. Надпись была оставлена «заместителем Бакенамомом», который скорее всего участвовал в экспедициях в Нубийскую пустыню в эпоху Рамессидов [Vivian Davies 2020: 211] (Ил. 20).

Отсутствие иероглифических надписей в самом Дерахейбе вовсе не означает, что здесь не велась золотодобыча в фараоновский период. Они могли не сохраниться или быть засыпанными рушенной горной породой. Наконец, возможно, их просто пока не нашли.

Ил. 20. Альфредо Кастильони перед надписью: «Заместитель Бакенамом» в Вади-Несари
Fig. 20. Alfredo Castiglioni stands before the rock inscription that reads: 'Deputy Bakenamon' in Wadi Nesari

В напатский и ранний мероитский периоды, по мнению Ж. Веркуттера, происходит возрождение золотодобычи в Вади-аль-Аллаки и Вади-Габгабе. Борьба за возможность добывать золото стала одной из причин завоевания Нижней Нубии в правление Птолемея II Филадельфа [Griffith 1937: 1; Vercoutter 1959: 138].

Подробное описание процесса золотодобычи при Птолемеях оставил Агатархид Книдский (ранее 200 – после 145 г. до н. э.), историк и географ, живший и работавший в Александрии, в своем трактате «Об Эритрейском море» [Бухарин 2018: 63–66].

Археологические результаты, полученные при раскопках одного из крупных центров зо-

лотодобычи эпохи Птолемеев (последняя четверть IV в. до н. э.) на памятнике Самут Северный в Восточной пустыне между Идфу и Марса-Алямом, свидетельствуют о том, что греческий автор приводит точные данные [Redon et al. 2020: 160]. Однако согласно приведенному Агатархидом описанию, весь технологический процесс от добычи руды до ее переработки и получения золота проходил на прииске. В этом случае прииск должен был быть расположен в таком месте, где в достаточном количестве была и вода для промывки породы, и топливо для ее плавки. Кроме того, вода и топливо нужны были для повседневной жизни большого количества людей, вовлеченных в добычу золота [Redon et al. 2020]. Исследователи приисков птоле-

Ил. 21. Анджело Кастильони на фоне городища Дерахейб
Fig. 21. Angelo Castiglioni in front of the Deraheib settlement

меевской эпохи в Самуте поставили под сомнение упомянутое Агатархидом разрыхление породы нагреванием, исходя из того, что древесина в пустыне — материал крайне редкий и ценный [Faucher 2018: 4]. Исследователи также высказали сомнения, что промывка и плавка золота происходила в Самуте, на том основании, что эта процедура требовала много воды и горючего. Кроме того, раскопки на памятнике не выявили устройств для промывки породы, описанных Агатархидом [Faucher 2018: 10]. По мнению современных специалистов, для промывки и плавки породу отвозили в долину Нила [Redon et al. 2020: 161].

Однако у истоков Вади-аль-Аллаки, как уже отмечалось, в изобилии имеется и вода, и растительность, что позволяло древним и средневековым старателям добывать здесь золото круглогодично. Неслучайно именно в верховьях Вади, на территории археологического памятника Дерахейб, был расположен единственный в Нубийской пустыне город.

Памятник был открыт французским инженером Л. де Бельфоном в 1832 г. во время его исследований центрального Атбая на предмет золотонности региона. Позже Дерахейб несколько раз упоминается в статьях чиновников британской колониальной администрации, занимавшихся на досуге учеными изысканиями [Paul 1954: 27; Newbold 1948: 33–34]. Научное же изучение древностей верховий Вади-аль-Аллаки началось лишь с 1989 г. Это была экспедиция Центра изучения Восточной пустыни под руководством Анджело и Альфредо Кастильони [Castiglioni et al.: 1998; Travelling the Korosko Road 2021] (Ил. 21).

Исследователи Центра предположили, что на месте Дерахейба мог быть локализован город Береника Всезлатая (*Panchrysos*), упомянутый в шестой книге «Естественной истории» Плиния Старшего (VI, 170). Выдвинутая гипотеза была обсуждена в 1990 г. международной комиссией специалистов египтологов и нубиологов в составе И. Каневой, Ш. Бонне, Ж. Веркуттера, С. Донадони, А-М. Донадони Ровери, Ал. Кастильони, Ан. Кастильони и Дж. Неро. Комиссия заключила, что обнаруженный экспедицией Кастильони памятник может быть идентифицирован с Береникой Всезлатой [Castiglioni Al., Castiglioni An. 2020b: 44]. Впрочем, никаких убедительных свидетельств

того, что на месте Дерахейба в Птолемеевский период находилась именно Береника Всезлатая, а не безымянный, хотя и крупный прииск, изложено не было. В качестве доказательств приводились свидетельства Агатархида Книдского о том, что Птолемеи добывали золото на южных окраинах Египта [Бухарин, Крол 2020], а также находка тетрадрахмы Птолемея Сотера, сделанная экспедицией Центра в феврале 1989 г. при помощи металлоискателя на городище Дерахейба [Castiglioni Al., Castiglioni An. 2020b: 44]. В последующие сезоны были обнаружены и другие древнеегипетские предметы, а также образцы греко-римской керамики, однако эти находки так и не были опубликованы [Krol et al. 2024]. Все эти единичные находки, впрочем, никоим образом не указывают на то, что в Дерахейбе может быть локализован «потерянный» город Плиния Старшего.

Несмотря на то, что Дерахейб скорее всего не был легендарной Береникой Всезлатой, здесь всё же мог находиться крупный центр золотодобычи в Птолемеевский — Римский периоды. И причина тому — особые экологические условия этой местности.

Однако поистине масштабной добыча желтого металла стала после арабского завоевания Египта в середине VII в. Начиная с IX в. Вади-аль-Аллаки превратилось, по образному выражению арабского географа аль-Йакуби, в «подобие большого города, очень населенного, со смешением арабов и инородцев» [ал-Йакуби 2011: 89]. Именно в это время Вади, вероятно, и получает свое название, которое, согласно арабскому историку X в. аль-Хамдани, связано с названием арабского племени Бану-Аллак [Dunlop 1957: 40]. Золотодобыча в регионе была возобновлена в первую очередь арабами, переселившимися с Аравийского полуострова в Африку после того, как Египет в VII в. вошел в состав халифата. При этом арабы принесли свои методы золотодобычи, которая была столь же развита в Аравийской пустыне, как в Восточной и Нубийской, так как пустыни по обеим сторонам Красного моря геологически составляют части одного Нубийско-аравийского щита, богатого месторождениями золота. Главным новшеством в технологии обработки породы в арабский период стало использование роторной мельницы, которая состояла из плоского камня диаметром 40–60 см и роторного диска, в центре которого было

отверстие для засыпания породы и сбоку – отверстие для ручки [Klemm R., Klemm D. 2013: 16]. Другим нововведением стали наклонные столы для промывки породы [Klemm R., Klemm D. 2013: 18–19]. Всё это позволило значительно увеличить объемы добываемого золота. Увеличивается и количество рудников. Некоторые из них представляли собой крупные поселения, как, например, Умм-Элейга в Восточной пустыне на территории Египта. Однако на название города претендовать, вероятно, мог только Дерахейб (упоминаемый в арабских источниках как Аль-Аллаки) – столица наиболее золотоносного региона Нубийской пустыни [Krol, Tolmacheva 2023: 251–261].

В этот город стекалось золото из окрестных копей, золотодобытчики приходили по пятницам на проповедь и намаз, а также купить продукты и инструмент на рынке, сдать на хранение намытое золото. Через Аль-Аллаки проходил один из маршрутов движения паломников в хадж [Krol 2018: 20–31]. Правовверные поднимались по Нилу до Асуана, ждали, пока сформируется караван, и затем по Нубийской пустыне с одной из остановок в Аль-Аллаки за две недели добирались до красноморского города-порта Айзаб, после чего пересекали море и оказывались на Аравийском полуострове в Хиджазе [Krol 2018: 20–31].

Маршрут из Асуана до Айзаба использовался и торговыми караванами, которые перевозили через Нубийскую пустыню товары из Юго-Восточной Азии (прежде всего пряности и керамику), африканские и переднеазиатские товары.

Маршрут, который проходил через Вади-аль-Аллаки и Дерахейб, активно использовался вплоть до XII в., когда дорога через центральный Атбай, вероятно, стала небезопасной. Связано это с тем, что в 70-е гг. XI в. в Египте, где правила династия Фатимидов, разразился продолжительный кризис, вызванный чередой неурожаев и эпидемий, а затем еще и внутренней смуты, причиной которой стало противостояние наемников: тюрок и берберов, с одной стороны, наемников из Судана – с другой [Garcin 1976: 77–79]. Воспользовавшись слабостью центральной власти, беджа, как это уже не раз бывало прежде, начали грабить торговые караваны и прииски, что привело к смещению караванных маршрутов на север и прекращению золотодобычи [Krol 2020: 203–217].

После этого город Аль-Аллаки и весь золотоносный регион постепенно пришли в упадок. Жизнь сюда вернулась лишь во времена правления в Египте Мухаммада Али, который послал в Нубийскую пустыню несколько экспедиций с целью исследования золотоносности региона. Одной из них, которая была организована французским инженером Линаном де Бельфоном в 1832 г., и был открыт Дерахейб [Linant de Bellefonds 1868: 70–72.].

В начале XX в. европейские компании начинают активную золотодобычу по всей Восточной и Нубийской пустыням. В Вади-аль-Аллаки английские компании работали в Умм-Карейате (Klemm R., Klemm D. 2013: 314–316), Дерахейбе и Онибе [Newbold 1948: 33–34].

В разные периоды добыча желтого металла в Вади-аль-Аллаки то затихала, как правило, из-за того, что политическая нестабильность в государствах долины Нила делала ее нерентабельной или небезопасной, то возрождалась. Трижды она достигала масштабов золотой лихорадки: в Новом царстве, когда империи, созданной правителями XVIII и XIX династий, требовалось много золота для реализации геополитических и архитектурных проектов; в IX–XI вв., когда Абассидский и Фатимидский халифаты нуждались в золоте для чеканки динаров; и начиная с 2011 г., когда после распада Судана на два государства и последовавшим за тем резким падением жизненного уровня большинства суданцев, началась варварская, практически не контролируемая государством золотодобыча в Нубийской пустыне. В пик лихорадки (до 2018 г.) пустыня стала домом для нескольких миллионов суданцев, которые, используя как дедовские способы получения золота перетиранием вручную рушенной кварцевой породы и амальгамации ртутью, так и современную технику для добычи породы и ее переработки, получали около 100 т золота в год.

Золотоискатели, не обладающие специальными знаниями, при выборе места для добычи золота ориентировались прежде всего на следы золотодобычи прошлых времен, которые в условиях аридного климата пустыни сохраняются тысячелетиями. Привело это к тому, что многие поселения старателей эпохи Нового царства и арабского периода в Нубийской пустыне и сами древние и средневековые копи были уничтожены. Дерахейбу в этом

отношении повезло. Основные его объекты — Северная и Южная крепости и Городище — почти не пострадали, но часть памятника, а именно поселение, которое братья Кастильони датировали Птолемеевским периодом, т. н. гранитный город, было полностью скрыто.

Не лучше, по слухам, обстоит дело и в Египте...

Начавшаяся в Судане больше двух лет назад гражданская война имела следствием прекращение активной золотодобычи в Нубийской пустыне — это стало неоправданно дорого и небезопасно. Такое уже не единожды случалось в истории. Одна-

ко, как только смута закончится, в пустыню вновь потянутся тысячи суданцев в поисках лучшей доли. Остановить этот процесс невозможно. Остается лишь поторопиться с изучением еще не уничтоженных памятников золотодобычи прошлых эпох; некрополей кочевников Нубийской пустыни; наскальных надписей и изображений; материальной и духовной культуры беджа бишариин, населяющих сейчас Центральный Атбай. Повторить то, что шестьдесят лет назад удалось сделать нашим соотечественникам в устье Вади-аль-Аллаки, спасая памятники Нубии от забвения.

А. А. Крол

А. В. Виноградов. Нубийская эпопея

Каждый человек, увлеченный историей, наверняка мечтает лично побывать в Египте и увидеть памятники древней цивилизации. Первые книжки по истории человечества, с которыми мы знакомимся в детстве, часто описывают события, происходившие в государствах Древнего Востока, среди храмов, зиккуратов и пирамид. Яркие впечатления от прочитанного для некоторых людей становятся дорогой в профессию, связанную с изучением человеческого наследия разных эпох.

Это произошло и с автором книги «Путешествие в страну Куш», Александром Владимировичем Виноградовым, которого коллеги знают как крупнейшего специалиста в области неолита Средней Азии. Однако на ранних этапах его научной карьеры ему приходилось работать с материалами разных хронологических периодов. И история, которая связала его с древностями Египта и послужила причиной появления книги, началась еще в ранней юности, в сельской библиотеке на станции Колокша, недалеко от Владимира, где нашлись «правильные книги», которые открыли ученику сельской школы окно в удивительный мир изучения событий древности, и продолжилась в начале 1960-х гг. в Египте, на землях Древней Нубии.

Александр Владимирович Виноградов родился 24 января 1931 г. в деревне Малое Ивановское Собинского района Владимирской области. Отец Александра Владимировича, Владимир Борисович, работал на ближайшей железнодорожной станции Колокша старшим стрелочником. Семья была большая, Александр — десятый, младший ребенок, которого помогала воспитывать матери его старшая сестра Анна. Статус самого младшего освобождал его от многих хозяйственных деревенских повинностей, и с детства он был увлечен чтением книг, особенно интересовался историей. В сельской библиотеке он запоем читал книги по истории ранних цивилизаций. Эти книги позволили развить и укрепить его увлечение. Сперва его обучение происходило в семилетней школе недалеко от дома, в соседнем селе Устье, потом он поступил в десятилетнюю школу в поселке Лакинский (Собинский район Владимирской области). Любовь к истории Древнего мира с ним делил его одноклассник и за-

кадычный друг на долгие годы — Яков Кочуев, впоследствии ставший блестящим учителем истории и директором Устьянской школы.

После окончания школы в 1948 г. Александр Владимирович осуществил свое желание связать профессию с изучением древней истории и поступил на исторический факультет Московского университета. Деканами исторического факультета МГУ с 1950 по 1957 гг. были известнейшие археологи Б. А. Рыбаков и А. В. Арциховский, что безусловно определяло выбор многих молодых людей, увлеченных древней историей. Для специализации студент Виноградов сразу же выбрал кафедру археологии.

С 1949 г. он начал участвовать в археологических экспедициях кафедры археологии и в этом же году впервые выехал на полевые исследования в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. Сергей Павлович Толстов, известнейший советский ученый этнограф и археолог, директор одновременно двух академических институтов: этнографии и археологии, заведующий кафедрой этнографии в МГУ, стал его научным руководителем. Именно тогда А. В. Виноградов, вслед за учителем, увлекся изучением памятников каменного века Средней Азии и в течение последующих 40 полевых сезонов участвовал в экспедициях С. П. Толстова. Хорезмская экспедиция (ХАЭЭ) была крупнейшей в Советском Союзе, ее археологические отряды вели разведки и раскопки на огромной территории, включавшей не только земли Древнего Хорезма, но и районы низовий Сырдарьи, а также прилегающие к древним оазисам местности в пустынях Кызылкумы и Каракумы.

За годы экспедиционных исследований С. П. Толстов создал большой коллектив специалистов, впервые приехавших на раскопки в качестве студентов-практикантов и на всю жизнь связавших свою судьбу с Хорезмской экспедицией. Квалификация специалистов-археологов и огромный опыт раскопок в сложных условиях Средней Азии обеспечили возможность вести работы в широких тематических и хронологических границах.

В 1954 г. Александр Владимирович поступает в аспирантуру исторического факультета МГУ и в 1957 защищает кандидатскую диссертацию

«Кельтеминарская культура». По окончании аспирантуры его принимают на работу в Институт этнографии Академии наук СССР (сейчас Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук), где он пройдет путь от лаборанта до начальника экспедиции и заведующего сектором этно-археологии ИЭ АН СССР (Ил. 22).

Еще будучи студентом, он работал на раскопках известных античных памятников Топрак-кала и Кой-Крылган-кала. Исследования этих крепостей имели огромное значение для изучения древнехорезмийской цивилизации, а находки дополнили фонды Эрмитажа и других музеев.

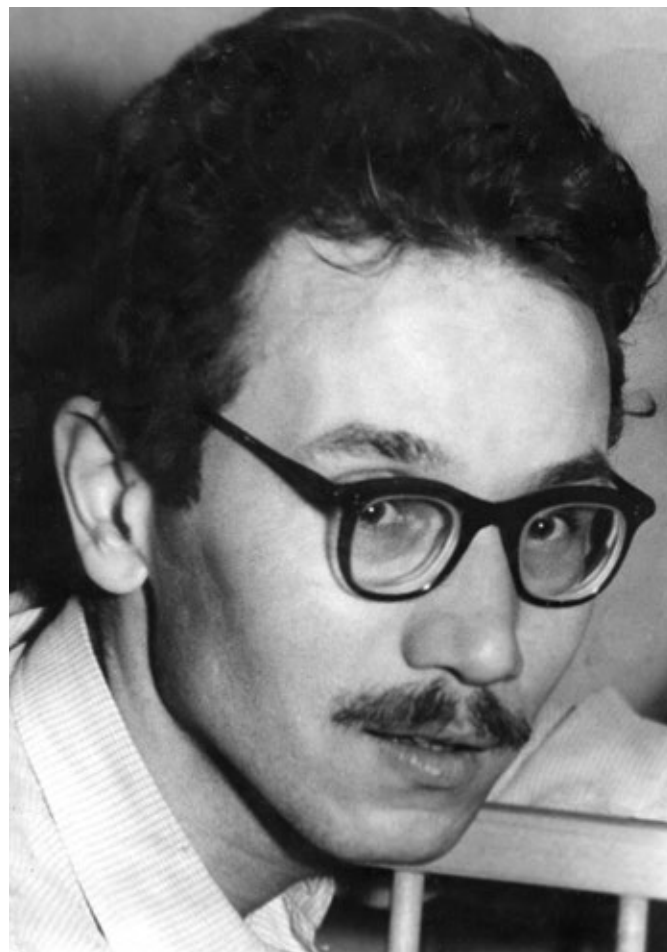
Открытую в 1976 г., в год смерти учителя, и исследованную им неолитическую стоянку в Южном Приаралье, ставшую одним из опорных памятников кельтеминарской культуры, А. В. Виноградов назвал в честь учителя «Стоянкой Толстова». Стоянка Толстова и другие памятники дали ценный материал для изучения культуры, хронологии и периодизации неолита Кызылкумов. Были выявлены и описаны памятники самого раннего этапа кельтеминарской культуры — дарьясайского.

А. В. Виноградов одним из первых в 1960–1970-е гг. проводил комплексные исследования с применением естественно-научных методов на археологических памятниках пустынных районов Средней Азии и ввел в научный оборот огромное количество данных, касающихся различных аспектов существования первобытного общества в Приаралье. Пути миграций и этапы заселения древним человеком пустынных и полупустынных областей Средней Азии в зависимости от палеоклиматической ситуации в регионе; культурные связи кельтеминарцев с населением северных степных районов и с земледельцами юга Средней Азии рассмотрены им в монографиях «Неолитические памятники Хорезма» (1968), «Первобытный Лявлякан» (1975, в соавторстве с Э. Д. Мамедовым). В 1973–1974 гг. им были проведены раскопки единственного для севера Средней Азии неолитического могильника Тумек-Кичиджик в Ташаузской области Туркмении.

После большой, обобщающей многолетние результаты изучения кельтеминарской культуры монографии «Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья» (1981 г.) в 1983 г. состоялась защита докторской диссертации. А позднее

результаты исследований неолитического могильника Тумек-Кичиджик были опубликованы в монографии «Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование)» (1986 г., в соавторстве с М. А. Итиной, Л. Т. Яблонским).

Еще будучи заместителем заведующего и впоследствии заведующим сектором этно-археологии Института этнографии, Александр Владимирович долгие годы координировал исследовательскую работу с научными и учебными учреждениями в Самарканде, Нукусе, Ашхабаде. Под его руководством защищены диссертации сотрудников Самаркандского государственного университета, нукусского Института истории, археологии и этнографии Института археологии и этнографии АН Туркменистана.

Ил. 22. А. В. Виноградов. 1960-е гг.
Fig. 22. A. V. Vinogradov. 1960s

В разные годы он руководил отдельными отрядами ХАЭЭ по изучению памятников каменного века во внутренних Кызылкумах, в низовьях Зеравшана, Северо-восточном Приаралье, Узбое, Устюрте, работая в исключительно сложных и труднодоступных районах пустынь (Ил. 23).

В ходе этих работ были открыты сотни неолитических стоянок и местонахождений каменного века, в том числе несколько стоянок с неразрушенным культурным слоем, что является большой редкостью для пустынных областей.

Несмотря на то, что в Хорезмской экспедиции научные интересы Александра Владимировича были связаны в основном с первобытной археологией Средней Азии, его знания и опыт пригодились для выявления и исследования памятников древности в других странах. Он неоднократно участвовал в зарубежных экспедициях АН СССР в Афганистане (1969, 1975–76, 1982). Им были выявлены новые

стоянки на территории Афганистана каменного века и обработаны многие коллекции каменного века в Кабульском музее (Ил. 24).

В середине – конце 1980-х гг. Александр Владимирович работал над описанием и интерпретацией афганских археологических материалов в фондах Национального музея Афганистана в Кабуле. Он помогал сотрудникам музея организовать археологическую лабораторию и готовить музейную экспозицию по материалам исследований Советско-Афганской археологической экспедиции (СААЭ), работавшей на севере страны более десяти лет. В последний раз он был в Кабуле и работал в музее в 1988 г., однако, вскоре после начала интенсивных ракетных обстрелов города моджахедами, был «депортирован» оттуда посольством СССР. До последних своих дней А. В. Виноградов готовил монографию «Каменный век Афганистана».

Ил. 23. Городище Джанбас-Кала, Каракалпакстан.
Четвертый слева: А. В. Виноградов, пятая — Е. А. Виноградова
Fig. 23. The Janbas Kala settlement, Karakalpakstan.
The fourth from the left is A. V. Vinogradov, the fifth from the left is E. A. Vinogradova

Однако дебютной зарубежной рабочей поездкой Александра Владимировича стало участие в изысканиях Нубийской археологической экспедиции в Египте, первой ближневосточной экспедиции Академии наук, куда он попал, будучи еще молодым ученым. И, конечно, при выборе кандидатов в состав экспедиции большое значение имел его почти пятнадцатилетний к тому времени опыт работы в суровых пустынных условиях в ХАЭЭ, отличные навыки организации и проведения полевых работ.

После событий второй половины 1950-х гг. в Египте — разработки плана перекрытия Нила большой плотинной и национализации Гамалем Абдель Насером Суэцкого канала — в 1958 г. было подписано соглашение между СССР и Египтом об участии Советского Союза в строительстве Высотной Асуанской плотины. Огромная плотина должна была поднять уровень воды Нила на 60 м, дать воду для полива около 300 гектаров плодородных земель

Ил. 24. А. В. Виноградов (первый слева) **с коллегами у ног статуи Будды.** Бамиан. Афганистан. 1980-е гг.

Fig. 24. A. V. Vinogradov (first from the left) **with colleagues at the feet of Buddha statue.** Bamiyan. Afghanistan. 1980s

и, после постройки гидроэлектростанции, обеспечить трехкратное увеличение выработки электричества в Египте. Но в результате работ по созданию плотины правительства Египта и Судана столкнулись с тем, что без значительной иностранной помощи они не смогли бы спасти те памятники и археологические зоны Нубии, страны древней и своеобразной культуры, которые оказались под угрозой затопления искусственным озером за плотинной. После обращения в ЮНЕСКО ее Исполнительным комитетом был подготовлен срочный призыв ко всем правительствам и организациям с просьбой предоставить технические и финансовые средства, чтобы спасти бесценные сокровища древней Нубии, оказавшиеся под угрозой полного уничтожения. Нужно было срочно организовать археологическое изучение района протяженностью более тысячи километров. На этот призыв откликнулись многие страны, в пустыне Египта и Судана работали четыре десятка археологических групп. Все иные археологические работы в Египте были прекращены, все силы брошены в Нубию, обследованы и раскопаны многочисленные археологические объекты, 24 крупных храмовых комплекса были перенесены на другое место, в том числе и знаменитый храм Абу-Симбел. Советский Союз осуществлял не только строительную и финансовую помощь. «В конце 1961 г. на берегу Нила вырос палаточный городок Нубийской археологической экспедиции Академии наук СССР. Предусмотренная соглашением о культурном сотрудничестве между правительствами ОАР и Советского Союза эта экспедиция была организована двумя научными учреждениями Академии наук СССР — Институтом археологии и Институтом этнографии», — писал А. В. Виноградов, ставший одним из участников экспедиции [*В преддверии 2026*: 175].

В задачи Нубийской советской экспедиции входили детальные разведки по обоим берегам Нила в районе Вади-Аллаки — Дакка: поиски древних поселений и стоянок каменного века, наскальных изображений. Первоначально предполагалось, что советская экспедиция будет универсальной, однако финансирования Академии наук хватило только на два сезона археологических и эпиграфических исследований. А. В. Виноградов участвовал только в работах первого, преимущественно

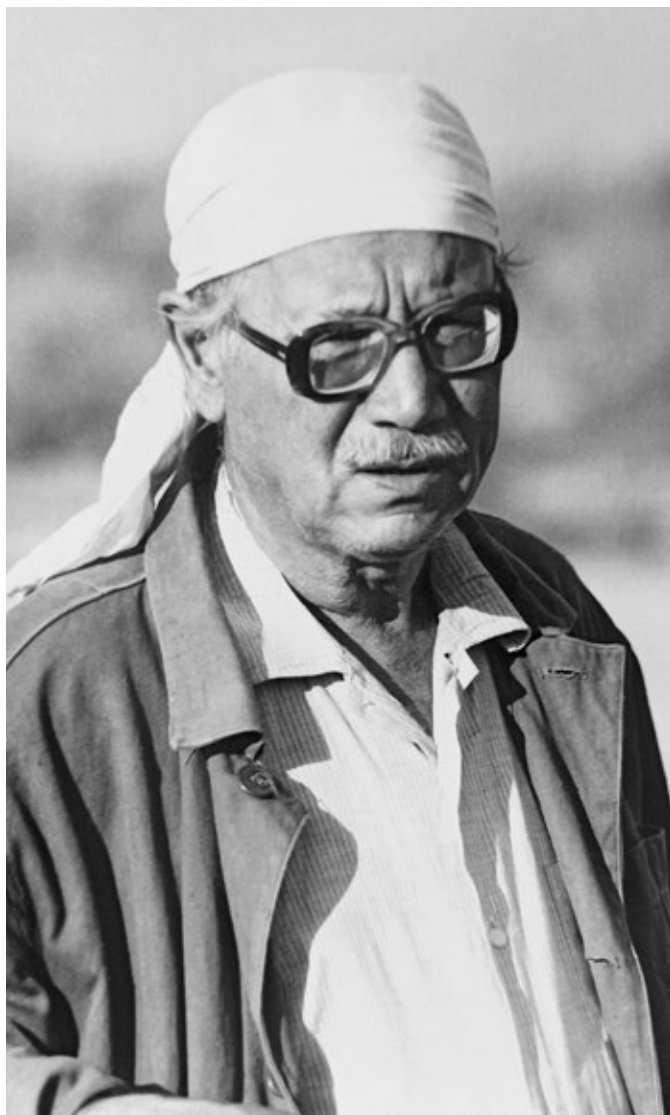
археологического сезона в 1961–1962 гг. В зоне исследования был выявлен ряд памятников, покрывающих огромный период от палеолита до римского времени. Древнейшие материалы дали сборы в районе селений Дакка и Коштамна, выявившие 11 местонахождений мустьерского времени [Любин 1964: 32–68], а также местонахождения мезолитической себильской культуры в районе Дакки [Виноградов 1964б: 69–82]; такая работа в этой части Нубии была проделана впервые.

Главной работой первого сезона были раскопки своеобразного комплекса Хор-Дауд рубежа IV–

III тыс. до н. э., открытого Н. Я. Мерпертом. Этот комплекс был интересен тем, что представлял собой неизвестный ранее в Египте тип специализированного археологического памятника, связанного со скотоводческим хозяйством [Пиотровский 1964а: 12–13]. В книге подробно описываются находки и структура раскопанных объектов, дающие основания для такой реконструкции. Также был обнаружен ряд местонахождений мезолитической себильской культуры, исследован могильник эпохи Среднего царства Хор-Набрук. Материалы исследований нубийских памятников были опубликованы в научном сборнике «Древняя Нубия», вышедшем из печати в 1964 г.

А к 1969 г. А. В. Виноградовым была подготовлена рукопись научно-популярной книги «Путешествие в страну Куш», начатая практически сразу после возвращения в Москву. В основу книги легли полевые дневники и записки, сделанные им не только во время полевых исследований на территории древней Нубии, но и в поездках в Каир, Асуан и другие достопримечательные места. Дневники описывают многие события этого путешествия очень подробно, сопровождаются рисунками и многочисленными фотоматериалами. Это позволило Александру Владимировичу не только работать над рукописью по свежим впечатлениям, но и спустя 8 лет после поездки рассказывать подробности необычайно интересной египетской эпопеи. Книга неоднократно редактировалась и даже была поставлена в план научно-популярных изданий АН СССР, но по каким-то причинам публикация тогда не состоялась.

Дневники в своих поездках отец писал всегда. Это были не только полевые дневники разведочных и раскопочных работ. В них часто встречаются этнографические наблюдения, бытовые зарисовки, впечатления от разных событий и описания природы. Думаю, что на развитие таланта беллетриста оказал влияние Сергей Павлович Толстов, блестящий этнограф и популяризатор науки. В 1966 г. по материалам работ в Хорезме и многочисленных дневников была подготовлена и опубликована еще одна научно-популярная книга об исследованиях древней крепости-святилища Кой-Крылган-кала «Тысячелетия, погребенные пустыней». Вероятно, именно эта книга немного затормозила работу

Ил. 25. А. В. Виноградов на раскопках в Каракалпакии. 1987 г.
Fig. 25. A. V. Vinogradov at excavations in Karakalpakstan. 1987

над египетской эпопеей. Если бы А. В. Виноградов не был так увлечен неолитической тематикой и не был бы загружен организационными делами Хорезмской экспедиции (Ил. 25), он бы смог написать еще не одну научно-популярную работу, для которой у него было много материалов и талант увлекающего всех рассказчика. Около 20 полевых дневников, полностью исписанных, с рассказами о разведках в поле и жизни в Кабуле, сотни слайдов и фотографий остались и после работ в Афганистане, эти материалы еще ждут своей публикации.

«Путешествие в страну Куш» изобилует интересными наблюдениями над жизнью египетских поселений, обычаями людей, организацией и бытом экспедиции. Часто упоминаются забавные случаи взаимодействия с местными рабочими, которые особенно хорошо работали под ритмичные песни. Вот запись в полевом дневнике, которая частично попала в книгу: «Рабочие во время работы часто поют. Обычно кто-нибудь из них ритмично начинает куплет, все остальные подхватывают припев. Припев, как правило повторяющийся, и куплеты часто тоже. Одну песню они могут петь минут двадцать – полчаса. Есть песни традиционные... с хорошо известными словами и песни импровизированные. Например, о том, как Абдул поехал на моторке и большая рыба – самак-кибир – откусила металлический фильтр на конце шланга для откачки воды. Это интерпретация Абдула в целях самооправдания. На самом деле фильтр попал, по-видимому, под винт и был обрублен в результате его невнимания. Или песня насчет зарплаты, которую они получают (35 пиастров в день) с припевом “денег много – тридцать пять”. Песня с очень четким ритмом заметно оживляет работу» [Виноградов. Дневник № 1: 80–81]. А. В. Виноградов пишет: «Сижу один на раскопе в Хор-Дауд. Все наши в Вади-Аллаки. Сейчас рабочие вытолкнули на вершину песочной кучи одного из своих, очевидно талантливого запевалу. Песня настолько завлекательна, что некоторые бросили свои заступы и прихлопывают в такт руками. Пришлось несколько придержать их песенный пыл». Командует рабочими бригадир из местных – раис, профессиональный надсмотрщик над рабочими в археологических экспедициях. Тот, с которым работали советские археологи, имел огромный опыт раскопок: «Раис, Саид Махмуд Хусейн, руководитель группы – большой авторитет

для рабочих не только на раскопках, но и в лагере. Впервые он участвовал в археологических раскопках в 1908 г., еще мальчишкой» [В преддверии 2026: 94]. Работал с ведущими западными и египетскими археологами, и теперь – с советскими.

Местное население от мала до велика тоже охотно общалось с приезжими археологами. Мальчишки активно наблюдали за работами и фотосъемкой, местные чиновники приходили в гости, а участники экспедиции наносили ответные визиты. «Доктор и начальник насосной станции были у нас в гостях в пятницу, мы к ним с ответным визитом. Доктора вызвали в Асуан, принимал начальник насосной станции. Небольшой домик в 200 метрах от Нила, в огороде растет особый вид гороха, помидоры, лук и другие овощи... Угощал чаем с тортом, на котором кремом выписаны буквы «R – E» (Россия – Египет). Слово «советский» здесь (еще пока) не употребительно даже в среде относительно образованных египтян» [В преддверии 2026: 135]. Большинство сельского населения старшего и среднего поколения было ранее неграмотно. Но с какой радостью автор отмечает прогресс в образовании людей, пришедший с новой, антиколониальной политикой властей Египта: «Из двенадцати местных рабочих, нанятых в курте для раскопок Хор-Набрука, лишь один мог написать свое имя. А сейчас нубийцы уже работают учителями в младших классах Куртской школы» [В преддверии 2026: 126].

Подробно и с уважением к обычаям нубийцев в книге описываются особенности и декор домов поселений вдоль Нила, которые также скоро должны уйти под воду. Яркие росписи украшают фасады некоторых домов и демонстрируют разные композиции жанрового и пейзажного характера. По сюжету росписи можно определить ее относительный возраст.

Коммуникации с местным населением весьма способствовал Якуб Фуад, египетский археолог, инспектор Департамента древностей ОАР, десятый член экспедиции, активно участвовавший в исследованиях обнаруженных памятников. Он не смог уговорить жителей поселков позволить сделать А. В. Виноградову их фотографии, и теперь эти фотоматериалы составляют интереснейшую часть архива Нубийской экспедиции.

Археологов завораживали красивые виды Нила, особенно на рассвете, когда они на моторной

лодке выезжали на другой берег реки, на работы. На реке археологов встречали многочисленные фелюги. «Особенную красоту придают реке фелюги — большие парусные лодки» [*В преддверии 2026: 120*]. Не одно изображение такой лодки встречается в дневниках А. В. Виноградова. А кроме них он делал в дневниках многочисленные зарисовки наскальных изображений, которые были обнаружены Б. Б. Пиотровским на камнях в долине Вади-Аллаки — древнем русле пересохшей реки. Обступающие русло скалы оказались покрыты древними петроглифами и надписями, оставленными путешественниками на протяжении многих столетий.

Таким образом, в 1961–1963 гг. советские ученые под руководством видного советского археолога Б. Б. Пиотровского провели огромное количество работ на участке выделенной им концессии недалеко от границы Египта и Судана. Там, на берегах Нила, были обнаружены и описаны многочисленные памятники начиная от стоянок времен среднего палеолита и до Нового царства Египта. Большое количество находок по согласованию с египетской стороной было вывезено в СССР и помещено в Государственном Эрмитаже и ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве.

А участники экспедиции перед отъездом домой приобретали памятные сувениры в Каире и Луксоре. «На обочине дороги, перед разостланными на земле тряпками на корточках сидят торговцы. На тряпках — сокровища, грубовато сделанные и покрашенные черной краской — „под базальт“ — скульптурки „фараонов“... Неровные изломы камня и отбитые детали должны обозначать подлинность, древность этих сделанных несколько дней назад и в нескольких километрах отсюда произведений искусства» [*В преддверии 2026: 160*]. Этот сувенир до последнего времени хранился дома, в серванте, за стеклом вместе с другими памятными «древностями». Помню, я в детстве спросила у отца — неужели он смог привезти кусок настоящей древней статуэтки. В ответ он смеялся и говорил, что это произведение ненамного старше меня. Но я тогда

не знала, что именно с этой вещью связана история из его книги. «Приходится покупать луксорский сувенир. Выбираю одну из статуэток, наиболее привлекательную... уплатив 35 пиастров, становлюсь счастливым обладателем головки Рамсеса. Трудно сказать, который это по счету из многочисленного семейства Рамсесов. Торговец уверял, что второй. Но в руках у Виктора Васильевича (*Пименова, — Е. В.*) тоже статуэтка Рамсеса Второго, но почему-то совершенно не похожего на моего...» [*В преддверии 2026: 160*].

Полная живых и непосредственных наблюдений, интересных историй, описаний археологических исследований первой советской экспедиции в Египте, книга «Путешествие в страну Куш» не потеряла своей актуальности и по сей день. Это история советской и египетской археологической науки, летопись взаимоотношений двух государств и многочисленных людей, вместе трудившихся на ниве сохранения культурного наследия.

Изучение археологических памятников Древней Нубии продолжается и по сей день. В Египте работает несколько российских экспедиций, в том числе и Нубийская экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ. Новые находки заставляют обращаться к старым материалам, появляются новые публикации, учитывающие опыт предшествующих исследователей. По настоящее время публикуются материалы, полученные в ходе работ Нубийской экспедиции АН СССР.

В прессе и интернет-ресурсах за последнее пятилетие мы можем встретить публикации и фильмы об истории Нубийской экспедиции и новых работах в регионе.

Память о тех, кто открыл первую страницу советских исследований в Египте и сохранил яркие воспоминания и память об этих важных для истории человечества событиях, всегда будет с нами. А благодарная земля Египта подарит российским ученым еще много интересных находок и открытий.

Е. А. Виноградова

Из поколения энциклопедистов

В 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Яковлевича Мерперта — одного из крупнейших отечественных археологов второй половины XX в. Разбирая его архивы, мы обнаружили папку с надписью: «Письма из Африки». Так он назвал несколько писем, написанных из Египта, где в 1961 г. и 1962 г. работал в составе советской археологической экспедиции. Предваряя публикацию этих материалов, хотелось бы кратко обозначить этапы пути блестящего исследователя, показать его широчайшую эрудицию, увлеченность делом, которому он посвятил свою жизнь (Ил. 26).

Библиографическое наследие известных ученых XX в. могло быть различным в количественном отношении. Среди них встречаются и невероятно плодотворные авторы, и те, кто оставил небольшое, но при этом очень значимое научное наследие. Очевидно, что только количеством публикаций нельзя измерить влияние, которое тот или иной исследователь оказал на развитие науки. Но не менее важно для ученого и разнообразие его научных интересов.

В археологии, которая стала по-настоящему академической наукой позже других областей знания, исследующих природу и человека, широта интересов отдельных ученых была характерна для раннего ее этапа. Такая ситуация соотносима с эпохой энциклопедистов, творивших на уровне естествознания в XVIII–XIX вв. Тем не менее были и исключения, и Н. Я. Мерперт среди них. Он оставил значительное творческое наследие, насчитывающее около 400 печатных трудов, включая 10 монографических исследований, написанных лично им или при его участии. При этом с широтой его научных интересов, пожалуй, не может сравниться ни один археолог нашей страны. Географически его научная деятельность охватывала значительные пространства Старого Света: с запада на восток — от Балкан до Монголии, и с севера на юг — от Поволжья и до Месопотамской равнины, а хронологически — от эпохи неолита до средневековья. Если спросить кого-либо из современных молодых археологов, которые, как правило, имеют узкую профессиональную специализацию, про то в какой области археологии работал Н. Я. Мерперт,

то одни будут характеризовать его как крупнейшего специалиста по археологии бронзового века, другие — как известного специалиста по проблемам халколита и ранней бронзы Балканского региона, а третьи — как одного из самых признанных отечественных исследователей раннего керамического неолита Северной Месопотамии. И это далеко не полный перечень научных направлений, в которых ученый оставил свой след.

Николай Яковлевич проявлял глубокий интерес к изучению истории еще в годы учебы в бывшей Медведниковской гимназии (тогда школа № 9), сохранившей прежние традиции гуманитарного образования. Историю преподавал талантливый педагог, доцент Д. Н. Никифоров, «человек огромной культуры, его уроки носили творческий характер», который стоял у истоков интереса школьника к этой науке. Еще в школе Николай Яковлевич стал посещать занятия археологического кружка при Государственном историческом музее. К этому же времени относится и первый полевой опыт, который он получил в 1936 г., работая в экспедиции Б. А. Рыбакова на раскопках славянских курганов под Москвой.

Ил. 26. Н. Я. Мерперт и американский археолог М. Гимбутас. 1966 г.

Fig. 26. N. Ya. Merpert and American archaeologist M. Gimbutas. 1966

Результатом блестящих школьных лекций, занятий в кружке и самостоятельного чтения книг по истории стало решение Николая Яковлевича поступать на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и специализироваться в области археологии.

В 1940 г. после окончания средней школы, Мерперт был призван в армию, служил в 1-м мотомеханизированном корпусе Ленинградского военного округа в Пскове. В начале ВОВ, с июня по ноябрь 1941 г., он находился на Северо-Западном фронте в звании рядового 5-го мотоциклетного, 125-го танкового и 34-го отдельного танкового полков. За участие в боях был удостоен ордена Великой Отечественной войны 2-й степени и нескольких медалей. В результате полученных осенью 1941 г. ранений он несколько месяцев провёл в госпитале, а в марте 1942 г. был комиссован по инвалидности. Вернувшись в Москву, Николай Яковлевич осуществил свою юношескую мечту — поступил на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. На кафедре археологии его учителями стали А. В. Городцов, В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков, С. В. Киселев, Г. Ф. Дебец и другие. Несмотря на все сложности военного времени, программа подготовки археологов была весьма широка, кроме того, включала полевую практику, и в 1942–1943 гг. будущий учёный участвовал в раскопках славянских курганов в Подмоскowie, а в 1944 г. скифских памятников в районе города Никополь на Украине.

Со школьной скамьи Николай Яковлевич был увлечён античной историей. В Московском университете среди его преподавателей по классическому периоду были специалист по истории Древнего Рима профессор В. Н. Дьяков* и известный археолог-античник профессор В. Д. Блаватский. В студенческие годы, специализируясь на античности, Николай Яковлевич более глубоко, чем это предусмотрено программой, занимался изучением древнегреческого и латинского языков. Первая студенческая работа была посвящена вопросу о происхождении римского меча гладиуса, она стала и его

* Дьяков Владимир Николаевич (1882–1958), профессор МГПИ, командирован для работы в Московском университете в 1942 г. в связи с эвакуацией основного состава преподавателей истфака МГУ осенью 1941 г. (прим. авторов).

первой публикацией [*Мерперт 1947*]. Для дипломной работы (руководитель В. Д. Блаватский) также выбраны античные материалы — древнегреческие кровельные черепицы из Фанагории [*Мерперт 1951: 227–235*]. В дальнейшем тематика научных интересов учёного неоднократно менялась, однако любовь к античности и подлинный интерес к этому периоду он пронесёт через всю жизнь.

В 1946 г. Николай Яковлевич поступает в аспирантуру Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР (ныне Институт археологии РАН). Первой темой его диссертационного исследования было оружие Киевской Руси. Работа выполнялась под руководством А. В. Арциховского, но уже в конце первого курса обучения в аспирантуре тема была изменена и теперь звучала как «Салтовская культура» [*Сорокина 2023: 15–16*]. Как отмечает в своих воспоминаниях Николай Яковлевич: «...тема требовала определенной переориентации моей подготовки. Интерес и значение славяно-русской проблематики комментариев не требуют, расширение моих интересов и познаний казалось мне тогда под силу».

В 1949 г. он завершил обучение в аспирантуре, подготовив к защите диссертацию по материалам Салтовского могильника времени существования хазарского каганата [*Мерперт 1949*], и после защиты диссертации был принят в штат института, где и проработал всю жизнь.

Некоторое время после защиты кандидатской работы Николай Яковлевич продолжал заниматься проблемами средневековой археологии степной полосы. По этой теме им были опубликованы несколько работ, и сегодня не утративших своего значения. Это статьи 1950-х гг. «О генезисе салтовской культуры» (1951), «Вопросы происхождения болгар» (1953) и ряд других. Кроме того, им были подготовлены разделы, посвященные гуннам, аварам, булгарам и венграм, опубликованные в «Очерках археологии СССР. III–IX вв.» [*Мерперт 1958a: 151–166, 1958b: 674–683; 1958c: 45–156*].

Ещё аспирантом, Николаю Яковлевичу довелось участвовать в работах первой советской зарубежной экспедиции в Монголию (в 1948–1949 гг.). Возглавил эту экспедицию его университетский преподаватель С. В. Киселев. Целью археологической миссии, направленной в Монголию, было из-

учение столицы империи Чингисхана — города Каракорум. Здесь Н. Я. Мерперту пригодился опыт, полученный в ходе раскопок предшествующих лет в Великом Новгороде и Пантикапее. Результаты этих полевых исследований были опубликованы в фундаментальной коллективной монографии «Древнемонгольские города» [Киселев и др. 1964].

Такой алгоритм научной работы — полевые исследования, следующие за ними анализ и синтез собранной информации, завершающиеся публикацией материалов, станет для Николая Яковлевича неперенным правилом на всю жизнь.

В 1950 г., в связи со строительством гидроэлектростанций на Волге (Сталинградской и Куйбышевской) и предстоящим вследствие этого затоплением обширных территорий, была организована большая новостроечная экспедиция ИИМК АН СССР во главе с сотрудником института, д. и. н. А. П. Смирновым. Николай Яковлевич был назначен заместителем начальника и руководителем одного из отрядов экспедиции. Результатом проведенных им раскопок стало исследование сотен подкурганых погребений эпохи бронзы. Именно тогда еще раз происходит кардинальная смена его научных интересов. Новой археологической специализацией Николая Яковлевича на многие годы станет изучение кочевников южнорусских степей эпохи бронзы.

Проведенные полевые изыскания и накопленные археологические источники послужили фундаментом для докторской диссертации, защищенной Мерпертом в 1968 г. Важным достижением этого периода были обобщение и систематизация всего огромного массива материала по ямной культуре, которую он представил как древнейшую культурно-историческую область, выделив девять ее вариантов от Урала до Дуная. Исследование стало этапным для изучения первобытных кочевников того времени. Работа была частично опубликована в виде монографии «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья» [Мерперт 1974].

Куйбышевской экспедицией исследовались также памятники, относящиеся к срубной культуре эпохи поздней бронзы в Среднем Поволжье. Они полностью опубликованы Николаем Яковлевичем в серии МИА — Материалах и исследованиях по археологии СССР, которая может сравниться с са-

мостоятельным монографическим исследованием [Мерперт 1958в: 45–156].

Во второй половине 1950-х гг. Н. Я. Мерперт принимает участие в экспедиции на территории Чечено-Ингушетии, где у станицы Мекенской им был исследован курганный некрополь северокавказской культуры эпохи средней бронзы [Крупнов, Мерперт 1962: 9–48], а также двухслойное поселение с материалами куро-аракской и кобанской культур у села Сержен-Юрт [Мерперт 1962: 33–44].

В начале 1960-х гг. произошел очередной радикальный поворот в судьбе ученого. Начиная с этого времени и практически до последних лет жизни его главными научными интересами становятся исследования на Ближнем Востоке и Балканах.

В 1961–1963 гг. Н. Я. Мерперт работает в составе первой советской археологической экспедиции в Египте под руководством известного советского археолога, востоковеда, доктора исторических наук Б. Б. Пиотровского. Целью экспедиции были спасательные работы в зоне сооружения Асуанского гидроузла, которые проводились в рамках Международной спасательной кампании под эгидой ЮНЕСКО. В рамках этой экспедиции советские ученые исследовали группу памятников III — начала II тыс. до н. э., а также провели археологические разведки в Северном Судане, результаты которых были опубликованы в сборнике «Древняя Нубия» (1964).

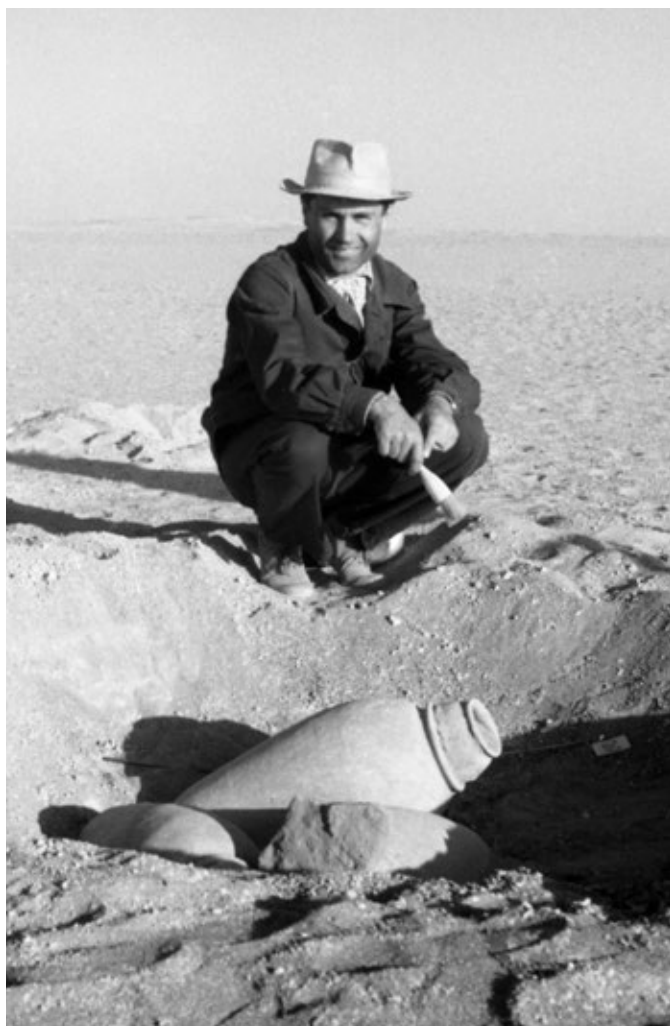
Ко времени начала экспедиции Николай Яковлевич был уже сложившимся ученым, с большой и разнообразной полевой практикой за плечами, обладавшим заслуженным авторитетом в профессиональном сообществе. Немаловажную роль в выборе его кандидатуры сыграли известная широта научных интересов, глубокая эрудиция, знание иностранных языков (французского и английского). Как вспоминал Николай Яковлевич: «Между нами (Б. Б. и Н. Я.) был договор: археология — практически только моя, а эпиграфика и всё, что несло на себе информацию письменную, — в его власти» [Мерперт 2011: 261]. Так и повелось.

Выезду непосредственно в поле предшествовал этап кропотливой работы в архивах Каира с египетскими коллегами. В результате работ экспедиции, в частности, был обнаружен связанный с культурой Группы А археологический комплекс

в местечке Хор-Дауд, датируемый рубежом IV–III тыс. до н. э. Функциональное назначение комплекса до сих пор является предметом дискуссий (Ил. 27). Кроме того, раскопаны могильники эпохи Среднего царства и римского времени. Также был исследован стокилометровый участок Вади-аль-Аллаки, который дал наиболее яркие результаты. По сухому руслу реки в древности и средневековье проходил маршрут экспедиций, отправлявшихся в Нубийскую пустыню за камнем и золотом, а также торговых караванов. Здесь на двух стоянках были обнаружены и изучены более 200 древнеегипетских надписей преимущественно времени XVIII, XIX, XX династий, в которых упоминаются многие египетские чиновники и вельможи, выполнявшие

в этих далеких землях поручения своего правителя. Важным объектом исследования стал могильник Наг-Набрук, входивший в Группу С хронологической колонки XX–XVIII вв. до н. э., в котором было исследовано около 400 погребений [Мерперт 2011: 253–277] (Ил. 28).

В эти же годы Н. Я. Мерперт приступает к полевым работам в Болгарии [Мерперт 1963: 24–33], где в течение 30 лет он был одним из руководителей международной Болгаро-Советской/Российской экспедиции. Для полевых изысканий были выбраны памятники с мощным культурным слоем в наиболее освоенной Фракийской долине, которая с эпохи неолита выделялась как «ось между севером и югом», соединявшая Анатолию и Грецию

Ил. 27. Н. Я. Мерперт рядом с одной из хозяйственных ям Хор-Дауда
Fig. 27. N. Ya. Merpert next to one of the storage pits of Khor Daud

Ил. 28. Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков. Первый сезон Нубийской экспедиции
Fig. 28. N. Ya. Merpert and O. G. Bolshakov. The first season of the Nubian expedition

с Центральной Европой. Экспедиция проводила раскопки на двух многослойных поселениях типа *теллей* с отложениями эпохи халколита и ранней бронзы: тель Эзеро (1961–1971 гг.) и тель Юнаците (1981–2001 гг.). Исследования позволили выделить хронологические маркеры для Фракии, наметить связи с Троей и Эгейско-Анатолийским регионом в целом. Результаты раскопок этих поселений показали, что территория Болгарии была активно задействована в системе культурных и исторических связей Южной, Центральной Европы и Передней Азии. Кроме того, на памятниках проводились разнообразные естественно-научные комплексные изыскания: радиоуглеродное датирование, палеоботанические и остеологические

определения и другие. Результатом этих работ стала серия статей и коллективные монографии [Мерперт 1963: 24–33; Мерперт и др. 1979; Мерперт 1984; Мерперт 1987: 122–135; Мерперт 1994: 96–102; Мерперт и др. 1995; Мерперт 2007 и др.].

С конца 1960-х гг. Николай Яковлевич беспрерывно принимал участие в работах первой отечественной экспедиции в Месопотамии (Иракская экспедиция), где в период с 1969 по 1985 г. проводились исследования на группе разновременных теллей, расположенных южнее Синджарского хребта и известных сейчас как Ярым-Тепе. В экспедиции профессор Мерперт руководил работами на поселении хассунской культуры эпохи раннего керамического неолита – Ярым-Тепе-1 [Мерперт, Мунчаев 1969: 125–131]. Этот археологический объект до настоящего времени остается наиболее изученным, эталонным памятником хассунской культуры, к материалам которого неизменно обращаются все исследователи неолита региона «Плодородного полумесяца» Месопотамии. Результаты этих работ на первобытных памятниках северного Ирака были опубликованы во множестве статей и в коллективных монографиях [Мунчаев, Мерперт 1981; *Early stages* 1993] (Ил. 29).

В связи с Ирано-иракской войной 1980–1988 гг. работы советских археологов в Ираке были прекращены, а Месопотамская экспедиция Института археологии РАН продолжила раскопки на территории Северо-Восточной Сирии. С 1988 по 2010 г. экспедиция исследовала два памятника группы Тель-Хазна, расположенные недалеко от города Аль-Хасеке [Мунчаев и др. 1990: 113–117; Мунчаев и др. 1993: 25–42]. Основным объектом изучения было поселение Тель-Хазна I эпохи халколита – ранней бронзы. Время существования поселения укладывается в интервал от начала IV до первой трети III тыс. до н. э. Главной особенностью этого памятника были монументальные сырцовые сооружения, сохранившиеся на полную высоту и принадлежавшие единому комплексу религиозно-административного назначения. Среди множества исследованных конструкций особый интерес представляют башнеобразные здания, интерпретированные как общественные зернохранилища и моленные сооружения, функционально близкие зиккуратам Южной Месопотамии, а также

Ил. 29. Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков во время раскопок на Ярым-Тепе. Завязавшаяся еще в Нубии дружба связывала Николая Яковлевича и Олега Георгиевича Большакова всю жизнь
Fig. 29. N. Ya. Merpert and O. G. Bolshakov during excavations at Yarum Tepe. The friendship of Nikolai Yakovlevich and Oleg Georgievich Bolshakov began in Nubia and would continue throughout their lives

другие объекты, связанные с ритуальными практиками.

Николай Яковлевич работал на Тель-Хазне с 1988 по 2003 г. В архиве экспедиции хранятся образцово выполненные им полевые дневники, описи и рисунки артефактов, полевые чертежи, сделанные его рукой. Результаты этих работ широко известны благодаря многочисленным публикациям в ведущих археологических изданиях и монографических исследованиях, часть из которых была подготовлена при личном участии Н. Я. Мерперта [Мунчаев и др. 2004] (Ил. 30).

В целом в Северной Месопотамии он провел около 30 полевых сезонов, во время которых вместе с коллегами из ИА РАН исследовал памятники от эпохи раннего керамического неолита до времени, предшествующего становлению цивилизации, что охватывает период с конца VII до начала III тыс. до н. э.

Николай Яковлевич, который всегда имел склонность к обобщению больших объемов исторической информации, проявил себя как выдающийся систематизатор разнородных археологических источников. В этой связи следует упомянуть два подготовленных им и при его участии издания, посвященных археологии Святой земли [Мерперт 2000; Беляев, Мерперт 2007].

Не менее ярко ученый проявил себя и на ниве педагогической деятельности. В 1965–1970 гг. профессор Мерперт читал курс, посвященный бронзовому веку, на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, а в последние годы жизни курс «Археология Святой земли» в Библейско-богословском институте святого Апостола Андрея Первозванного в Москве. За период активной научной жизни он подготовил 44 кандидатов наук. Его ученики стали известными специалистами в изучении первобытных культур

Ил. 30. Тель-Хазна. Лагерь экспедиции. Стоят слева направо: А. Н. Смирнов, Н. К. Ревенков, Саид Фахд (Абу Мухаммад) (сторож экспедиции), Ш. Н. Амиров, Антуан Сулейман, Н. Я. Мерперт, Ю. Б. Цетлин, Р. М. Мунчаев

Fig. 30. Tell Hazna. Expedition camp. From left to right, standing: A. N. Smirnov, N. K. Revenkov, Said Fahd (Abu Muhammad) (expedition guard), Sh. N. Amirov, Antoine Suleiman, N. Ya. Merpert, Yu. B. Tsetlin, R. M. Munchaev

Евразии, которые работают в различных научных учреждениях нашей страны.

В родном институте Н. Я. Мерперт прошел путь от младшего до главного научного сотрудника ИА РАН, занимая в разные годы должности ученого секретаря института, заведующего отделом неолита и бронзы и руководителя группы зарубежной археологии. Он был членом редколлегии журнала «Советская археология» и впоследствии «Российская археология», а также ряда зарубежных периодических изданий, включая всемирно известный английский журнал «Antiquity».

За достижения в развитии науки и подготовке кадров ученых доктору исторических наук, профессору Н. Я. Мерперту в 1996 г. было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». За вклад в изучение древней Месопотамии он вместе Р. М. Мунчаевым и Н. О. Бадером в 1999 г. был удостоен звания лауреата Государ-

ственной премии Российской Федерации [Софокина 2023: 15–16]. За успехи в археологическом изучении Болгарии и подготовке научных кадров он был награжден орденом «Кирилла и Мефодия» I степени и «Большой медалью Святого Климента Охридского» (Болгария). За выдающиеся профессиональные заслуги был избран членом-корреспондентом Германского археологического института.

Николай Яковлевич Мерперт прожил плодотворную, счастливую жизнь в науке. Благодаря невероятной эрудиции, трудолюбию, интересу к различным областям знания, его вклад в развитие отечественной и зарубежной археологии огромен. Оставленное им творческое наследие является образцом бескорыстного служения однажды избранному пути и примером для всех, кто выбрал профессию археолога.

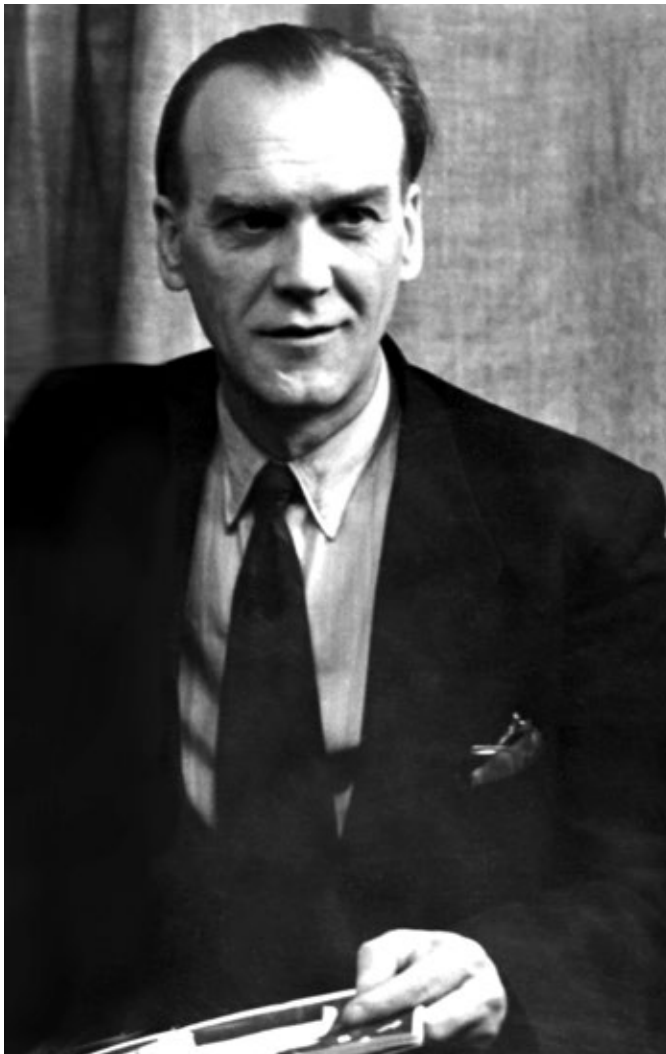
Ш. Н. Амиров, Т. Н. Мишина

Секретный разговор

Осенью 1961 г. я вошла вслед за моим отцом в кабинет Б. Б. Пиотровского.

— Доброе утро, Борис Борисович. Вот, на сей раз захватил с собой мою «мамзель». Хочу сам ей показать Ленинград... Первое, так сказать, впечатление... Но она очень самостоятельная, всё время от меня убегает... Поэтому боюсь ее оставлять в ваших залах, я ее потом не найду. Вы не будете возражать, если она поприсутствует при нашей беседе?

— Рад встрече, Лев Аркадьевич. Кто же откажется от общества такой мамзель! Только разговор-то у нас будет «секретный»...

Ил. 31. Л. А. Петров. 1955 г.
Fig. 31. L. A. Petrov. 1955

— Да она ничего не понимает пока в наших делах.

— Это мы с Вами думаем, что они ничего не понимают, а на самом деле всё-то они понимают... Поэтому лучше я ее запру в своей кладовке. Там охрана. Никуда не убежит.

И... отвел меня в «Золотые кладовые».

Чем-то они с отцом были похожи: юмором или еще чем-то — характерным для людей, привыкших решать серьезные задачи (Ил. 31).

Тогда мне было всего 14 лет. Поэтому все подробности периода, предшествовавшего первой Нубийской экспедиции, для меня были бы недоступны, если бы не привычка моего отца, Льва Аркадьевича Петрова, сохранять все материалы и документы, касающиеся проблем охраны памятников архитектуры. Только в 2008 г., готовясь к выставке, посвященной столетию со дня его рождения, я с помощью моих близких смогла разобрать по годам огромный архив, который стал отражением не только его личной биографии, но и истории становления послевоенной реставрации в нашей стране.

Выставка экспонировалась в Союзе архитекторов России, во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), в Министерстве культуры РФ, и, наконец, по просьбе Центральных научно-реставрационных проектных мастерских (ЦНРПМ), была передана этой организации. К выставке была опубликована статья в журнале «Архитектурный Вестник» [Баталов, Петрова 2008], материалы которой я позволю себе здесь использовать.

Московский архитектурный институт и Музей архитектуры

Интерес к истории архитектуры и искусства проявился у Льва Петрова задолго до поступления в Московский архитектурный институт, в период работы инструктором по туризму в обществе «Советский турист», где ему часто приходилось составлять маршруты, так или иначе включавшие в тематику экскурсий ознакомление с памятниками архитектуры. Поступая в 1934 г. в институт, он уже твердо знал, какой архитектурной специализации посвятит свою жизнь — реставрации памятников архитектуры.

С первых же дней учебы Лев Петров включается в работу Студенческого научного общества: возглавляет студенческие экспедиции в Армению, Грузию, Новгород, изучает памятники, делает их обмеры, по заданию Академии архитектуры принимает участие в обмерах монастырей в Калязине и Угличе. В 1940 г. он получает диплом с отличием и распределение в Музей истории архитектуры Академии архитектуры СССР.

Здесь у него появляется возможность ближе познакомиться с работами ведущих мастеров в области изучения и реставрации памятников архитектуры: И. Рылского, Д. Сухова, П. Барановского, С. Забелло, В. Иванова, М. Цапенко. Лев Аркадьевич принимает участие в экспедициях в Архангельскую область, на Западную Украину. Готовит выставку-фотообзор памятников русского зодчества от Киевской Руси до начала XX в. для показа в столицах союзных республик, краевых и областных центрах. По воспоминаниям С. М. Гельфер, сотрудника Музея академии архитектуры СССР в 1939–1941 гг., «реставратор Лев Аркадьевич Петров блестяще знал историю русской архитектуры. В Музее он был душой выставок» [Аметова 2006: 17].

Под руководством Н. Соболева Лев Петров участвует в обмерах Донского монастыря и усадьбы Кусково. Также он передает свой опыт и молодому поколению архитекторов — под его руководством проводятся обмеры Знаменской церкви в селе Дубровицы Московской области; позже, в 1947 г., на Всесоюзном смотре работ молодых архитекторов за высокое качество и графическое мастерство эта работа удостоится диплома и второй премии. Казалось, его творческая и профессиональная судьба ученого приобрела реальные очертания, намечались новые темы исследований, новые научные экспедиции... Но эти планы изменила война.

Лев Аркадьевич Петров был призван в Красную Армию в 1941 г., в первые дни войны, и демобилизован в апреле 1946 г. Прошел путь от рядового до капитана, участвовал в боях за освобождение Минска, Белостока, Инстербурга и Кенигсберга, был награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и семью медалями.

Война окончательно расставила акценты в его представлении о своей профессии — на первый план выходила реставрационная практика. Чудо-

вищные разрушения, свидетелем которых он стал, высветили этический аспект восстановительных работ. Проводя четкую грань между естественными — природными — разрушениями и ущербом, причиненным памятникам во время войны, Л. Петров отстаивал позицию «целостной реставрации», не отвергая при этом и возможность частичной консервации памятника. Эту позицию поддерживало большинство архитекторов-практиков. В 1943 г. одобрил ее и возглавлявший в то время Комиссию по учету памятников видный художник и искусствовед И. Э. Грабарь: «Это очень опасная вещь — стремление руины сохранять. („Научное озорство“, — как говорит Л. А. Петров)» [Щенков 2004: 299].

Речь шла о выборе пути, по которому должна была идти отечественная реставрация при восстановлении памятников, утративших свой целостный облик в ходе боевых действий, подготовки к ним или вследствие разрушительных акций противника. Многие из памятников архитектуры еще до начала войны находились в хорошем состоянии, избежав переделок 1930-х гг., связанных с их приспособлением под советские учреждения. Восстановление довоенного облика памятников имело глубокий идеологический смысл — оно означало, прежде всего, ликвидацию последствий войны и было частью возрождения страны, ее обновления. Оставить памятники в руинированном состоянии означало бы признать необратимость военных потерь, что полностью противоречило общему настроению народа, поднимавшему свои города из руин.

Московский Кремль

После окончания Великой Отечественной войны в Московском Кремле развернулись широкомасштабные реставрационные работы. 28 января 1946 г. вышло постановление СНК СССР от 28.01.1946 № 219 «О ремонте башен и стен Московского Кремля», подписанное И. В. Сталиным.

Реставрация памятника осложнялась тем, что никаких обмерных чертежей по кремлевским стенам и башням не сохранилось [Щенков 2004: 399], а потому невозможно было приступить к работе. По запросу Комитета по делам архитектуры

в помощь организованной при строительном управлении Московского Кремля реставрационной группе в марте 1946 г. для проведения обмерных работ был отозван с военной службы находящийся в то время на территории Украины капитан Петров.

Для моего отца, по его воспоминаниям, возвращение в профессию было неожиданной, но долгожданной радостью. Его не пугала ответственность предстоящей работы. Методика фиксации сложнейших архитектурных объектов была освоена им полностью. Сложность представляла организация крупномасштабных работ по двухкилометровому периметру Кремля. Реальной возможности создать соответствующую по численности бригаду из специалистов-реставраторов не было — таких в те годы просто не готовили. Он предложил привлечь студентов Московского архитектурного института, которые под его руководством и при обучении на месте выполнили бы эту работу. По его личному убеждению, документальная фиксация состояния памятника на момент начала реставрации была основой для дальнейшей творческой работы реставратора.

Под руководством Л. А. Петрова с 1946 по 1950 г. были осуществлены уникальные комплексные обмеры всех башен и стен Московского Кремля. Было составлено около 600 листов чертежей, которые были художественно оформлены в 19-ти — по числу башен — альбомах (4 альбома размером 840×620 мм и 15 альбомов 600×400 мм). К каждому альбому приложены титульный лист и историческая справка, в специальном отделении — рабочие кроки и эскизы. С чертежей были сняты копии, а альбомы переданы на хранение в Оружейную палату.

В ходе этих работ возникали сложности и принципиального порядка. К 1947 г. пришло осознание того, что намеченные сталинским распоряжением сроки (к празднованию 800-летия Москвы) нереальны. Только желанием точно, «по-военному» выполнить распоряжение можно объяснить инициативу военного руководства, объявленную 21 мая 1947 г. на совещании по вопросу о предстоящих работах на территории Московского Кремля под председательством Начальника Главного Управления охраны МГБ Н. С. Власика. Он констатирует:

«Стены и башни в их сегодняшнем виде не удовлетворяют. Частичные ремонты не дают желательных результатов. Требуется укрепить стены и башни и сделать их красивее. Есть предложение зацементировать стены и отделать их штукатурной мраморной крошкой «под шубу» [*Протокол 1947*: 2].

К счастью, дружный отпор приглашенных на это совещание архитекторов во главе с председателем Комитета по делам архитектуры А. Г. Мордвиновым не позволил реализовать это предложение. Альтернатива «ремонт или реставрация» была окончательно решена. Задачи реставрации памятников на территории Кремля были значительно расширены, определена первоочередность и последовательность работ.

Об истории реставрационных работ, проведенных в Московском Кремле после революции, а затем после окончания Великой Отечественной войны, Петров пишет в статье, посвященной открытию Кремля для свободного доступа трудящихся в 1955 г., в журнале «Архитектура и строительство Москвы» [*Петров 1955*]. Заметим лишь, что в числе выполненных им лично работ — осуществленный проект реставрации замечательной церкви Ризположения на Соборной площади. «Вся его работа в Московском Кремле заслуживает быть отмеченной как работа большого мастера», — отмечал патриарх советской реставрации, профессор Д. П. Сухов.

От ЦПРМ — к ЦНРПМ: создавая систему охраны и реставрации памятников архитектуры в СССР

Работа в Кремле была для Л. А. Петрова первым опытом решения профессиональных задач государственной значимости в экстремальных условиях — и по срокам, и по организации рабочего процесса. Она потребовала от него невероятной мобилизации и творческих, и организаторских способностей. Как показала вся его дальнейшая жизнь, ситуация «ответа на вызов» в разных формах сопровождала его постоянно.

Самым главным таким «ответом» — делом жизни — стала для него разработка системы охраны и реставрации памятников в СССР. Тогда, в 1950 г., трудно было предположить, сколь высоко будет

оценен его вклад коллегами. Так, А. В. Ополовников, заслуженный архитектор РСФСР, известный архитектурному сообществу как крупнейший специалист по русскому деревянному зодчеству, впоследствии отмечал:

«Система административно-организационных и научно-методических начал, проводимая в жизнь Петровым, — это та система, которая лежит в основе деятельности всех реставрационных органов Советского Союза и которую поддерживает абсолютное большинство работающих в данной области».

Начало этой деятельности было положено 19 августа 1950 г., когда Л. А. Петров был назначен руководителем недавно созданной Центральной проектно-реставрационной мастерской Академии архитектуры СССР (ЦПРМ). Необходимо отметить, что это назначение происходило на фоне весьма драматичных для становления реставрационного дела в стране событий. В том же 1950 г. было ликвидировано созданное после войны при СНК СССР Главное Управление охраны памятников (ГУОП), наделенное беспрецедентными возможностями в области организации реставрационно-восстановительных работ. Задачи, возложенные на ГУОП правительством — создание сети реставрационных мастерских на территории СССР, обеспечение их научной методикой ведения работ и соответствующими кадрами, — не были выполнены, что и явилось причиной ликвидации Управления. От него осталось пять маломощных областных мастерских (со штатом 4–5 человек) и так называемая «центральная» мастерская (9 человек).

Таким образом, приняв руководство «центральной» мастерской, Петров оказался во главе совершенно деструктурированного учреждения. Его первоочередной задачей была проблема кадров: объем плановых восстановительных работ был несоизмерим со штатной численностью. У сложившейся ситуации было две главных причины: во-первых, вузы не готовили специалистов по профилю «реставрация» (эта проблема стала очевидна уже на работах в Кремле), а во-вторых, для реставрационных мастерских была установлена низшая категория оклада, что, конечно, не способствовало привлечению молодых специалистов. Фактически, Петров стоял перед задачами одновременного об-

учения, привлечения кадров и выполнения возложенных на мастерскую задач.

В течение года численность специалистов ЦПРМ увеличилась с 9 до 100 человек. Причина такого роста заключалась в особой внутренней политике, которую проводил Петров и в которой его поддерживали старшие коллеги. «По совету Д. П. Сухова, Л. А. Петров принимает решение предложить молодым архитекторам перспективу авторской работы на объектах (в крупных проектных институтах они долгие годы оставались простыми исполнителями). Это создало в Мастерской особую творческую атмосферу равноправного сотрудничества» [Троскина и др. 2012: 25–26]. Лев Аркадьевич принципиально отказался от авторства в работах мастерской, полагавшегося ему по степени личного творческого участия в них, которое он проявлял, обучая специальности молодых сотрудников.

Контроль и обучение «авторов проектов» велось на постоянных технических советах всем коллективом мастерской, который в архитектурной среде вскоре получил эпитет «птенцы гнезда Петрова».

В том же 1951 г. Союз архитекторов проводит конференцию актива московских архитекторов, где предлагает Петрову выступить с основным докладом, излагающим его позицию в вопросе организации реставрационного дела в стране.

Существующая структура ЦПРМ, на которую были возложены наиболее ответственные и значимые работы по реставрации ансамблей кремлей в Пскове, Новгороде, Астрахани, Рязани, а также Новодевичьего и Ново-Иерусалимского, Андроникова и Кирилло-Белозерского монастырей и множества других первоклассных объектов, всё еще не отвечала поставленным задачам. Петров убеждал: «Для успешного выполнения задач научной реставрации необходима определенная структура учреждения, обеспечивающая единство процесса изучения, исследования памятника, создания проекта реставрации и осуществления восстановительных работ на нем».

Результатом обсуждения доклада было решение о срочном проведении I Всесоюзного совещания по охране и реставрации памятников архитектуры 11–13 декабря 1952 г. и о создании в процессе подготовки совещания постоянных комиссий по охране архитектурного наследия в республиканских союзах архитекторов. Впервые обсуждение

наболевших профессиональных вопросов приняло поистине демократический характер. Почти в каждом выступлении прозвучала острая критика в адрес Академии архитектуры СССР и Академии наук, полностью устранившихся от решения проблем реставрации памятников. Основными вопросами были: отсутствие методологии реставрации как сформировавшейся научной дисциплины; отсутствие обобщения мирового опыта и обмена опытом реставрационных работ; отсутствие публикаций; проблемы терминологии; кадровый вопрос. По следам I Всесоюзного совещания были созданы республиканские совещания: в апреле 1953 г. в Москве, в декабре 1953 г. в Ленинграде, в мае 1954 г. в Москве.

К 1957 г. структура, объединившая науку, проектирование и производство реставрационных работ, была создана, а учреждение получило новое название — Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ)*. В дальнейшем она стала головным научно-исследовательским звеном в учрежденном в системе Министерства культуры СССР Всесоюзном производственном научно-реставрационном комбинате и, по убеждению Петрова, должна была сыграть ведущую роль в создании единой государственной системы охраны и реставрации памятников истории и культуры.

Профессиональный опыт Л. А. Петрова, с которым он подошел к концу 1950-х гг., по сути, был опытом вынужденного противостояния и оперативного реагирования с позиций глубоких гуманитарных и практических знаний о реставрации, а также опытом мобилизации организационных способностей, данных ему природой и укрепленных длительной практикой.

Для него, руководителя Центральной научно-реставрационной мастерской, решение вышестоящих директивных органов об отказе от участия советских специалистов-архитекторов в Международной программе ЮНЕСКО по спасению памятников в ОАР не было неожиданностью. Глубокое непонимание официальными представителями властных структур существа и важности вопроса сохранения наследия отечественной и мировой культуры приводило к бесконечным конфликтным

ситуациям с профессиональным сообществом. Очередное обострение этого противостояния произошло на V Международном конгрессе Международного союза архитекторов в 1958 г. в Москве, посвященном послевоенному восстановлению городов. Широко и помпезно представленная правительственная программа массового жилищного строительства в СССР была подвергнута острой критике зарубежными участниками конгресса, причем особенностью ее риторики было противопоставление этой программе высоких успехов советской реставрационной школы.

В частности, зарубежные издания писали:

«Торжественное открытие конгресса состоялось в Большом Кремлевском дворце. После заседания было организовано посещение совершенно изумительного собрания старинных дворцов, колоколен и соборов, которые являют собой одну из наиболее живописных групп шедевров архитектуры мира и содержатся лучше, чем где-либо. <...> На новом строительстве качество работ отвратительно, даже там, где сооружаются общественные здания, зато все работы по реставрации памятников старины выполняются великолепно».

The Architects' Journal, 1958, Aug. 28 [цит. по: *Зарубежная архитектурная пресса*: 23, 26].

«Восстановление исторических зданий, дворцов, монастырей, церквей и т. д. проводится на самом высоком уровне».

The Architects' Journal, 1958, Oct. 9 [цит. по: *Зарубежная архитектурная пресса*: 45].

«Совершенно случайно после войны были проведены грандиозные и великолепные реставрационные работы по восстановлению церквей, дворцов и других исторических зданий; эти работы остаются непревзойденными ни одной другой страной мира».

The Listener, 1958, Nov. 6 [цит. по: *Зарубежная архитектурная пресса*: 73].

Поэтому, выпуская обзор зарубежной прессы по результатам V Конгресса, секретариат правле-

* С 1992 г. — Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ЦНРПМ) (прим. ред.).

ния СА СССР вынужден был снабдить его грифом «для служебного пользования» и специальным комментарием о «стремлении ослабить впечатление от размаха строительства и его комплексности, от степени его индустриализации и типизации...», о «тенденциозности в оценке явлений советской архитектуры» [*Зарубежная архитектурная пресса*: 2].

В июне 1960 г. журнал «Атлантик» выпускает тематический номер «Искусство в Советском Союзе», в котором размещены литературные произведения и статьи ведущих представителей советской литературы и искусства: М. Шолохова, Б. Пастернака, С. Маршак, И. Эренбурга, В. Маяковского, О. Берггольц, А. Твардовского, К. Симонова, Е. Евтушенко, В. Катаева, М. Ауэзова, Г. Козинцева, и др. В таком ответственном окружении Л. Петров публикует статью «Искусство реставрации» («The Art of Restoration»), возвращая своей области статус искусства, подчеркивая не «случайность» ее достижений, а их закономерность, основанную на изменении структуры организации реставрационного дела [*Petrov 1960*].

Отчетливое превознесение западными специалистами успехов отечественной реставрации стало своего рода «триггером» к развертыванию критики этой области архитектурной деятельности внутри страны. Через трибуну и прессу шло внедрение постулата об отвлечении денежных средств, предназначенных для массового жилищного строительства. На XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. эта мысль была сформулирована первым заместителем председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС З. Т. Сердюком:

«Надо заметить, товарищи, что у нас не перевелись еще люди, не умеющие беречь народный рубль. Огромные средства порой тратятся на сооружение и ремонт объектов далеко не первостепенной важности. Есть, например, у нас такие организации, которые занимаются реставрацией зданий, имеющих историческую и культурную ценность. Делают они, конечно, очень полезное дело, сохраняя для потомков памятники зодчества. Но из-за бесконтрольности в ряде таких организаций сложились благоприятные условия для расточительства, для траты средств и материалов ради прихоти отдельных архитекторов. В одной только московской реставрационной мастерской расходы главным образом на ремонт и реставрацию церквей и церквушек составили за последние три года 50 миллионов рублей (в старых деньгах), в том числе, 25 миллионов рублей из ассигнований на капитальный ремонт жилого фонда. Право же, можно подумать, что наши реставраторы задались целью восстановить облик былой Москвы, в которой, как говорили тогда в народе, было „сорок сороков церквей“! Иногда церкви отстраиваются буквально заново по фантазии архитектора, да еще с претензией на некое архитектурное первенство.

В книге „Методика реставрации памятников архитектуры“, изданной недавно Академией строительства и архитектуры СССР, об одной отстроенной церквушке черным по белому написано: „Возвра-

щенный памятнику архитектуры (это церкви-то! — З. С.) прежний облик может выделить его (церковь. — З. С.) на фоне окружающих зданий и усилить его ведущее (вот как — ведущее! — З. С.) значение в определенной части города“. Надо расписаться в последней степени консерватизма, чтобы сочинять и тем более печатать такие вещи» [*Сердюк 1961*] (Ил. 32).

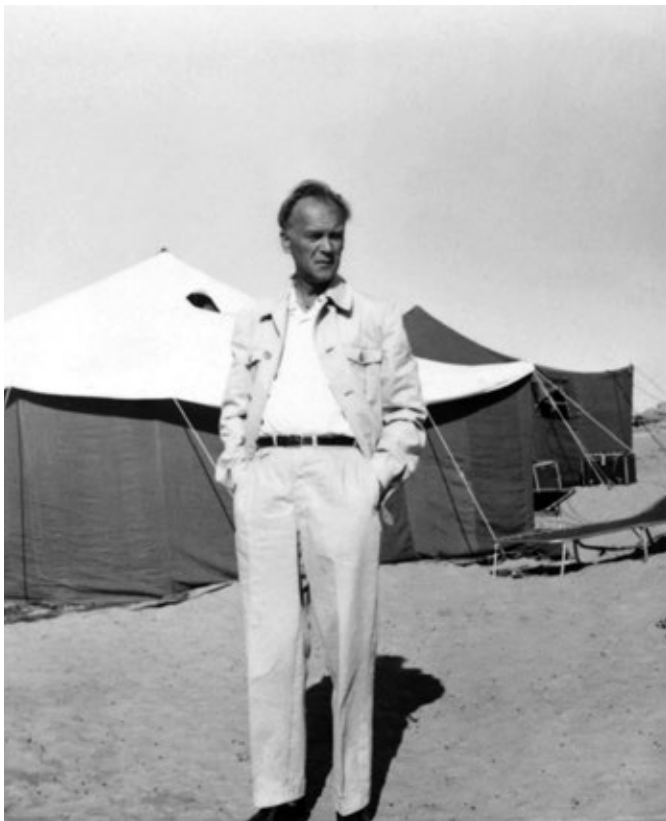

Ил. 32. Рисунок из журнала «Крокодил» за 1961 г.

Fig. 32. Drawing from the *Krokodil* magazine. Issue 5, 1961

Таким образом, ремонт жилого фонда приравнивался к реставрации памятников архитектуры, а на сами памятники отводилась половина указанной суммы, да еще на три года. В представлении партийных органов к 1961 г. не существовало различий между ремонтом обычных жилых зданий и научной реставрацией памятников архитектуры, не существовало проблемы «новоделов», фрагментарной реставрации, реставрации по аналогам, адаптации, консервации, приспособления — всех этих «тонкостей», без которых послевоенный мир никогда не увидел бы красот Новгорода и Пскова, Варшавы и Дрездена...

В том же 1961 г. Советский Союз проводил масштабные работы по строительству Асуанской плотины в ОАР — это было значимым явлением в международной политике СССР. Одновременно была развернута Международная программа ЮНЕСКО по спасению памятников архитектуры, оказавшихся в зоне затопления (в зоне экспедиции

Ил. 33. Л. А. Петров на фоне палаток лагеря Нубийской экспедиции

Fig. 33. L. A. Petrov in front of the tents in the Nubian Expedition camp

СССР находился храм в Дакке, который предполагалось перенести на новое место). Советское правительство, сославшись на огромные расходы на строительство плотины, отказалось в ней участвовать. Желание убедить директивные органы в ошибочности этого решения и было причиной «секретной» беседы в кабинете Б. Б. Пиотровского.

Убедительным доводом в данном вопросе могло быть только резкое и наглядное сокращение сметы расходов на перенос храма, предусмотренной программой ЮНЕСКО. С этой целью Б. Б. Пиотровский и пригласил специалиста, который не только понимал существо задачи, в совершенстве владея практическим реставрационным опытом, но и мог в кратчайшие сроки оценить организационные сложности реального осуществления проекта. Самое главное, этот специалист обладал личным гражданским мужеством и авторитетом для представления в правительство альтернативной программы (Ил. 33).

Именно с этой готовностью защищать в любой ситуации святое дело охраны памятников мировой культуры и переступил порог кабинета Б. Б. Пиотровского в тот осенний день архитектор-реставратор Лев Аркадьевич Петров.

Представленная альтернативная программа по переносу храма в Дакке не была поддержана партийными органами и правительством. Дело было не в бюджетных затратах на проект, а в принципиальном отношении власти к вопросу сохранения наследия. Индивидуальные попытки пусть и признанных представителей этой области культуры изменить положение вещей оставались безуспешными. Требовалось радикальное изменение общественного мнения, воспитания в широких слоях общества и в профессиональной среде готовности поддержать эти усилия. Работа в этом направлении для Льва Аркадьевича воплощалась в общественной, научной и законодательской деятельности.

Он активно работал в составе ученого совета Управления музеев Московского Кремля, ученого совета ГНИМА имени А. В. Щусева, ученого совета НИИ музееведения и охраны памятников. Принимал участие в работе Союза обществ дружбы с зарубежными странами как член архитектурной секции и член правления общества «СССР — ОАР».

Творческие союзы инициировали разработку положения об организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), объединившего впоследствии 14 миллионов советских граждан. В Союзе архитекторов СССР эту работу вела Комиссия по изучению и охране архитектурного наследия, неизменным председателем которой Петров был на протяжении тридцати лет.

За заслуги в научной и общественной деятельности в 1969 г. Л. А. Петров был удостоен почетного звания Заслуженного архитектора РСФСР (Ил. 34).

Начиная с 1970 г. Петров работал в Государственном комитете по строительству и архитектуре (Госгражданстрой СССР), где полностью посвятил себя законотворческой деятельности. При его непосредственном участии готовились материалы

проекта Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятого в 1976 г.

Но самым дорогим признанием для Л. А. Петрова было признание коллектива созданной им организации — ЦНРМ. На небольшом скульптурном изображении льва с покоящейся на щите лапой (Ил. 35), преподнесенном ему коллегами в 1968 г. по случаю 60-летнего юбилея, были следующие слова:

*«Не каждый лев, кто Львом назвался,
А кто достоин рода львов.
Таким ты был — таким остался!
И тем ты дорог, Лев Петров».*

М. Л. Петрова

Ил. 34. Лев Аркадьевич Петров с дочерью Мариной Львовной Петровой на праздновании своего 60-летнего юбилея в Центральном доме архитекторов. 1968 г.
Fig. 34. Lev Arkadyevich Petrov with his daughter Marina Lvovna Petrova at the celebration of his 60th birthday at the Central House of Architects. 1968

Ил. 35. Статуэтка «лев» — подарок Л. А. Петрову к 60-летнему юбилею от коллектива ЦНРМ
Fig. 35. The 'lion' statuette, a gift to L. A. Petrov for his 60th birthday

Путешествие в страну Куш (о работах Нубийской археологической экспедиции АН СССР)* **

От автора

Восемь лет назад на пологий песчаный берег Нила в ста с небольшим километрах южнее Асуана с баржи была выгружена гора ящиков и тюков. Через несколько дней на берегу встал палаточный лагерь Нубийской археологической экспедиции Академии наук СССР.

Нубия, древняя страна Куш... До недавнего времени мало кто знал эти названия. Интерес и внимание к ним во всем мире связаны с проектированием и постройкой величайшего сооружения Африки XX века — Высотной Асуанской плотины.

Сейчас на месте, где стоял лагерь экспедиции, дно асуанского моря. И хотя водохранилище до конца еще не заполнено — это произойдет по расчетам специалистов в течение ближайших пяти-десяти лет — о древней Нубии следует говорить как о стране, ушедшей на дно морское.

Египет представляется нам в виде узкой полоски земли вдоль Нила, земли плодородной и обжитой. В Нубии всё это усугублено во много раз. После постройки первой Асуанской плотины (1902 г.) и ее реконструкций¹ это уже не полоска, а скорее редкая цепочка крохотных островков плодородной земли, прилепившихся кое-где к скалистым берегам реки. Сейчас всё это, а также многие из нубийских селений, места, где совсем недавно стояли храмовые постройки, а в ряде случаев и сами храмы, в особенности подземные, вырубленные в прибрежных скалах и неудобные для переноса, ушло под воду.

Строительство Высотной Асуанской плотины и Международная кампания по спасению памятников Нубии не были обойдены вниманием

* Машинописная рукопись книги А. В. Виноградова с многочисленными редакторскими пометками находится в личном архиве ученого, хранящемся у его дочери Е. А. Виноградовой.

** Редакторами настоящей публикации было принято решение изменить правописание имен, географических названий и т. п. в соответствии с современными академическими стандартами (Е. Т.).

мировой прессы. Совсем недавно, в 1966–1967 гг., обложки иллюстрированных журналов еще пестрели цветными изображениями гигантских статуй Рамсеса II и броскими заголовками вроде: «Фараон потерял лицо», «Вознесение фараона», «Храмы переезжают». Производились демонтаж и перенос на новое, более высокое место, самого грандиозного и наиболее знаменитого из культовых сооружений Нубии, подземного храма Абу-Симбела. Как обычно, хорошо осведомленные журналисты смаковали подробности операции. Они и в самом деле интересны: в ней участвуют десятки инженеров из разных стран и около двух тысяч рабочих; для распилки храма, вырубленного в скальном монолите, приглашены высококвалифицированные рабочие с мраморных рудников Италии; согласно контракту толщина распила не должна превышать 6 мм; храмы — большой и малый — будут расчленены более чем на тысячу многотонных блоков, а затем смонтированы на площадке на 65 м выше прежней.

Сейчас Абу-Симбел снова открыт для туристов.

Вскоре после этого многие связанные с Асуанской стройкой новости приняли тревожный характер: израильские диверсанты подорвали трансформаторную подстанцию на высоковольтной линии Асуан — Каир, в связи с непосредственной угрозой усилена охрана Асуанского гидроузла. Всего в сотне километров от затемненного Каира — на Суэцком канале — гремят орудия². Однако даже военная опасность, нависшая над Объединенной Арабской Республикой³ в результате израильской агрессии, не приостановила работ в Асуане.

Перенос Абу-Симбела был наиболее эффективным событием международной кампании по спасению памятников древней Нубии. А до этого — более десяти лет напряженной и кропотливой работы археологов, архитекторов, искусствоведов, реставраторов из многих стран.

Одной из наиболее интересных страниц этой эпопеи были разведки и раскопки памятников собственно нубийской истории — стоянок первобытного человека, могильников и поселений разных

эпох (знаменитые храмовые постройки сооружены завоевателями Нубии, египетскими фараонами). Менее эффектные, чем монументальные храмы, они бесценны для воссоздания истории этой древней, затопленной ныне страны.

Среди десятков археологических экспедиций из разных стран, работавших на берегах Нила, была и советская экспедиция. Знакомству с районом египетской Нубии, в котором велись исследования, результатам ее работ и посвящена эта книга.

Большая часть ее написана в 1962–1963 гг., когда в памяти были еще совсем свежи впечатления о нубийской земле. Завершена же работа была лишь в 1968–1969 гг. Написанные в это время главы основываются главным образом на довольно подробных дневниках, которые автор вел во время экспедиционных работ в Нубии. В книге широко использованы некоторые специальные работы по археологии Нубии как советских, так и зарубежных авторов. В тех разделах, где рассказывается о международной кампании по спасению памятников Нубии, использованы материалы советской и зарубежной прессы, а также документы и материалы ЮНЕСКО и ее комитетов, специально занимавшихся проблемой спасения нубийских древностей.

Пользуясь случаем, автор приносит искреннюю благодарность М. А. Итиной⁴ и Б. Б. Пиотровскому, прочитавшим рукопись и сделавшим много ценных замечаний.

1969 г., июль.

1. Курс на Каир

Разбрасывая снежную пыль, ИЛ-18 с сотней пассажиров на борту отрывается от взлетной дорожки Шереметьевского аэропорта. Позади январская заснеженная Москва, необычная для этого времени неприятная слякоть на улицах, мокрый снег на кепках и пальто, порывистый, сырой ветер.

Самолет берет курс на юг. В иллюминаторах — облачная страна с вздыбленными ветром огромными призрачными громадами. Над турецким берегом ясное солнечное небо. Внизу — глубокие долины, причудливо изогнутые горные хребты с высокими заснеженными вершинами, резкие или плавные

переходы различных оттенков: от ярко-желтого до почти черного с ослепительно-белыми пятнами.

Последние два часа летим над по-летнему безоблачным, затянутым в легкую голубоватую дымку Средиземным морем.

Самолет держит курс на Каир. Первый ориентир африканского берега — Суэцкий канал, прямая, как стрела, темная нитка воды, положенная на поверхность желтой пустыни. Город Суэц. Крошечные кубики домов, цилиндрические резервуары нефтехранилищ, цепочки и рощицы деревьев.

Вскоре после Суэца показались первые обработанные участки нильской дельты: маленькие, темно-зеленые, иногда желтые или коричневые квадратики полей, кое-где среди них скученные селения феллахов. Гигантскими сотами выглядят с самолета защитные лесопосадки вдоль границы орошаемых земель. Справа — вода, густые темно-зеленые всходы полей, жизнь. Слева — нескончаемые пески пустыни, растрескавшийся на солнце камень, безводье.

Самолет снижается и заходит на посадку. Каирский аэропорт. Ревут моторы стартующих и приземляющихся огромных машин, разноязыкая толпа туристов и деловых людей заполняет просторные помещения аэровокзала.

Вечером 31 октября 1956 г., во время воздушного налета англо-французской авиации на Каир, сюда упали первые английские бомбы⁵. Английские бомбардировщики и истребители, подвесив осветительные ракеты над закрытым еще накануне международным каирским аэропортом, поливали его бомбами и снарядами. Сейчас, в январе 1962 г., через четыре с лишним года после англо-франко-израильской агрессии против Египта, естественно, не осталось уже никаких следов бомбардировок. Как и Суэцкий канал, многие из сооружений которого были разрушены агрессорами, аэропорт работает бесперебойно.

После окончания паспортных и таможенных процедур маленькое черное такси мчит в Каир. Узкая полоска шоссе, делаая неожиданные крутые повороты, пересекает равнину, покрытую грязно-серым песком; слева видны иногда невысокие валы, несколько оживляющие однообразный пейзаж. И узенькое шоссе с подступающим к асфальту песком, и вид на песчаную равнину очень напоминают что-то давно и хорошо знакомое, среднеазиатское.

Лишь большие рекламные щиты, густо понатыканные по обеим сторонам шоссе, перебивают невольно напрашивающиеся ассоциации.

Еще несколько минут и неожиданно возникают виллы и особняки Гелиополя — «города солнца» — аристократического пригорода Каира, постройка которого началась в пустыне несколько десятков лет назад.

Каир — город мечетей и минаретов, больших европейского типа магазинов и отелей, узких и грязных улочек старого города, ремесленников, работающих прямо на улице, и торговцев, разложивших на тротуаре запас товаров, маленьких чистильщиков обуви и смуглолицых, элегантно одетых красавиц (Ил. 36).

В этот первый приезд мы задержались в городе всего лишь на два дня, но несмотря на то, что часть времени пришлось отдать делам, мы успели побродить по городу, зайти ненадолго в знаменитый Египетский музей, осмотреть Цитадель⁶ и съездить в Гизу — к пирамидам. Машина, любезно предоставленная нам заведующим советским культур-

ным центром в Каире П. Г. Булгаковым, значительно облегчила первое знакомство с достопримечательностями города. Шофер по имени Отелло, был нашим гидом и одновременно спасал от слишком назойливых экскурсоводов.

Каирская цитадель. Отсюда, с большой высоты, открывается замечательная перспектива на город. Заплатив несколько пиастров и одев матерчатые шлепанцы, бродим за стариком-арабом между мраморными колоннами известной и почитаемой мечети Мухаммада Али. Приглушенные шлепанцами шаги гулко отдаются где-то высоко, в сумеречной прохладе сводов, поддерживаемых высокими колоннами (Ил. 37).

В руках у гида электрический фонарь. Луч его останавливается на гладкой поверхности мрамора, и мы любуемся чудесным эффектом просвечивающего камня. Кажется, что желтый пучок света, исходящий из дрожащей руки старика, медленно впитывается в камень через полированную его поверхность.

Пирамиды, расположенные недалеко от Каира, в Гизе, точно такие же, как на фотографи-

Ил. 36. Каир. Площадь Талаат Харба
Fig. 36. Cairo. Talaat Harb Square

ях в учебниках истории. И в то же время никакое их изображение не дает и тысячной доли того впечатления, которое они производят. Знание высоты самой большой из них и количества кубометров камня, уложенного при возведении этих замечательных по своей строгой красоте и законченности архитектурных сооружений, не дает реального представления о величии и грандиозности масштабов. В гизехских пирамидах монументальны и величественны в одинаковой степени и части, и целое, и тяжелые, метровые, выщербленные временем кубы камней из которых они сложены, и всё сооружение, взбирающиеся по одному из ребер которого туристы кажутся жалкими муравьями⁷ (Ил. 38).

На площадке перед пирамидой Хеопса, самой большой в Гизе, толпы зевак-туристов. По асфальту медленно движутся легковые машины, гарцуют наездники — на ишаках, верблюдах и скакунах. Владельцы их с отчаянным видом бросаются на штурм вновь прибывших групп. Щелкают затворы фотоаппаратов, слышится стрекот кинокамер. Выстро-

ившись цепочкой, туристы не спеша обходят статую Сфинкса. Отбитый нос знаменитого полуживого, получеловека нисколько не нарушает впечатления спокойной величавости этого знаменитого изваяния.

Отелло зовет нас в машину: он хочет показать нам самое эффектное для обозрения место. Шоссе огибает пирамиды и, извиваясь между большими песчаными грядами, уходит в пустыню. На обочине — дорожный указатель: «Сахара-сити». Впереди — город ночных ресторанов и увеселительных заведений.

Выходим из машины и нас атакуют два пожилых араба. На поводках они тянут двух медлительно переступающих ногами верблюдов. На этот раз даже строгий Отелло вынужден сдаться. Он сам производит расчеты с хозяином одного из верблюдов, и мы один за другим, наспех задрапировавшись «под бедуина», усаживаемся на деревянные седла и фотографируемся на фоне пирамид.

Перед отъездом снова бродим по улицам Каира (Ил. 39).

Ил. 37. Вид на Каир из Цитадели
Fig. 37. View of Cairo from the Citadel

Ил. 38. Плато Гиза. Великие пирамиды
Fig. 38. Giza Plateau. Great Pyramids

Ил. 39. Каир. Вид на Гезиру. В центре — Каирская башня
Fig. 39. Cairo. View of Gezira. In the centre — the Cairo Tower

Оживленная центральная часть города расцвечена неоновыми рекламами многочисленных кинотеатров, ресторанов и магазинов. Большинство магазинов закрывается очень поздно. Однако даже в эти оживленные часы торговлю нельзя назвать бойкой. Значительно больше покупателей в тесных и темных лавчонках узких, застроенных двух-трехэтажными домами, улиц. Здесь горы фруктов, связки стеблей сахарного тростника (тут же вам сделают любой сок), разнообразные сладости, горы американских детективов в пестрых обложках и старых журналов, подержанная одежда. Чуть стемнеет, и над лотками и ящиками с товаром зажигаются тусклые газовые лампы. К выставленной у двери застекленной витрине с горой белых лепешек подходит молодой человек, судя по всему, мелкий служащий. О стекло ударила мелкая монетка, и хозяин, ловким движением расслоив лепешку, кладет внутрь ее большую порцию какого-то густого темно-зеленого на цвет варева. Расхваливая товар, в толпе снуют продавцы сигарет, сувениров, газет.

Завтра рано утром самолет унесет нас на юг. Мы — это вторая группа сотрудников Нубийской археологической экспедиции АН СССР: Лев Николаевич Петров — фотограф. Виктор Васильевич Пименов — художник-график, Муса Умарович Юнисов — механик и я, археолог. Цель нашего путешествия — Нубия, обширная страна, расположенная южнее Асуана, а наша будущая работа связана, правда косвенно, с известной сейчас всему миру Асуанской стройкой.

Когда пишешь о строительстве Высотной Асуанской плотины, трудно обойтись без громких эпитетов и больших цифр. И в то же время трудно переоценить значение этой стройки для экономики страны, не так давно добившейся полной независимости.

Сто одиннадцатиметровой высоты плотина поднимет уровень Нила на 60 метров. На многие десятки километров раскинется гладь огромного нубийского водохранилища. Запасы его позволят оросить дополнительно 650 тысяч гектаров земли (то есть увеличить посевную площадь страны на одну треть!) и дадут воду для полива еще около 300 тысяч гектаров. В прошлое уйдут засухи и наводнения. Но это еще не всё. Двенадцать агрегатов строящейся при гидроузле электростанции мощ-

ностью в 2100 тысяч киловатт обеспечат годовую выработку электроэнергии в девять с половиной миллиардов киловатт-часов. Это примерно в три раза больше, чем количество электроэнергии, вырабатываемой сейчас всеми электростанциями Египта. Энергия приведет в движение станки и машины многих заводов и фабрик. Будет заложена энергетическая база для зарождающейся тяжелой индустрии. Это крупнейшее в Африке гидросооружение, с которым связаны надежды миллионов египтян, строится при экономической и технической помощи Советского Союза. О грандиозности размаха строительства свидетельствует следующий факт: за время строительства будет произведено 42 миллиона кубических метров скальных работ, что, как подсчитали западные журналисты, равно по объему 17 пирамидам Хеопса.

Строительство плотины производится отдельными этажами. После завершения строительства река выйдет из берегов на протяжении 480 километров и затопит Египетскую и северную часть Суданской Нубии — страну древней и своеобразной культуры. Поэтому среди связанных со строительством Высотной Асуанской плотины проблем — технических, экономических и научных — большое значение приобрела и проблема сохранения выдающихся памятников древней культуры, находящихся в зоне затопления на территории ОАР и Суданской республики.

Речь идет о двух категориях памятников.

Это, прежде всего, большое число монументальных сооружений — преимущественно погребальных храмов, построенных по приказу египетских фараонов после присоединения Нубии к Египту. Все они уже давно известны ученым.

Ко второй категории относятся памятники истории и культуры собственно Нубии, древняя история которой до сих пор изучена еще крайне слабо. Это остатки поселений и могильники. Внешне они не выразительны. Более того, прежде чем начать исследование, их нужно еще найти. А это не так просто. Однако именно они представляют сейчас главный, пожалуй, интерес для археологов и историков.

Обратимся к памятникам древней египетской культуры на территории Нубии. Только простое перечисление наиболее известных, первоклассных

памятников показывает, с какими выдающимися произведениями египетской архитектуры и искусства исследователи имеют дело.

Остров Филэ⁸. Здесь в непосредственной близости от Асуана (остров окажется между Асуаном и строящейся Высотной плотиной) расположен интереснейший комплекс памятников сравнительно позднего времени: ни один из храмов Филэ не древнее IV в. до н. э.

Эта «жемчужина Египта», по определению Геродота, является настоящим музеем архитектуры и скульптуры. Главный из пяти сохранившихся здесь храмов — храм Исиды, рядом с которым находятся два гигантских пилона. В восточной части острова расположен «киоск» Траяна, в западной части — «киоск» Нектанеба. Обрамленный сфинксами путь ведет от последнего к величественному пилону храма Исиды. И наконец ворота Адриана с примыкающими к ним часовнями и колоннадами.

Подтопленные после постройки старой Асуанской плотины памятники Филэ можно видеть только летом, в короткий промежуток времени, с конца июля по начало августа. Зимой над поверхностью воды возвышаются лишь крыши пилонов храма Исиды.

Храм в Дабодэ⁹. Построен около 300 г. до н. э., позднее достраивался. Интересен надписями, рельефами и росписями, сохранившимися внутри храма. В зимние месяцы над водой видны лишь верхние части пилонов.

Кертасси¹⁰. Здесь сохранились остатки крепости и небольшой изысканных форм храм греко-римского времени. В зимние месяцы затопляется.

Бейт-эль-Вали¹¹ — полупещерный храм с замечательными рельефами, построенный при Рамсесе II (XIII в. до н. э.). Рельефы располагаются на стенах открытого коридора, ведущего к высеченному в скале помещению. С одной стороны — изображения побед фараона в Сирии, с другой — в Ну-

Ил. 40. Храм в Герф-Хусейне
Fig. 40. Temple in Gerf Hussein

бии. На «нубийской» стороне коридора особенно интересны изображения деревьев.

Храм в Калабше¹² иногда называют «Нубийским Луксором». Это наиболее крупная после Филэ постройка греко-римского времени в Нубии. Он построен Августом на развалинах времен Аменхотепа II. В зимние месяцы храм находится под водой.

Храм в Герф-Хусейне¹³ (Ил. 40).

В один из свободных от раскопок дней, в конце января, маленький катер экспедиции двигался вниз по течению от селения Курта к селению Герф-Хусейн. Минут через сорок на западном берегу показали белые домики селения, минарет мечети, многокупольный мавзолей усопшего шейха. Сразу же за деревней на фоне крутого сложенного из розовато-серого нубийского песчаника берега мы увидели полуразрушенную колоннаду. Катер подходит к обрывистому берегу чуть правее храма, и, карабаясь по склону, мы выбираемся наверх, на узкую тропинку, идущую вдоль берега к храму. Ступени широкой, начинающейся прямо от воды лестницы подводят к перистиллю, от которого сохранилось сейчас лишь несколько массивных, квадратных в сечении колонн. На внутренней стороне колонн некогда стояли статуи. Сохранилась лишь одна из них: толстая приземистая фигура, спокойное круглое лицо, украшенное прямоугольной бордюркой.

Все наружные сооружения храма заботливо, но очень умеренно реставрированы. Найденные при расчистке плиты и камни с наиболее интересными рельефными иероглифическими надписями выставлены здесь же между колоннами.

Перистиль примыкает к высокому, вырубленному в песчаниковой скале фасаду храма, некогда украшенному надписями и рельефными изображениями. Узкий и высокий дверной проем, перегороженный сейчас стальной решеткой, ведет во внутренние, вырубленные в скале помещения храма.

Старик-сторож открывает решетку. Врывающийся через дверь узкий пучок света выхватывает из мрака центральную часть большого зала с колоннадой посредине — шесть огромных статуй. Следующий большой зал, а затем тонущая в полумраке комната со скульптурным изображением Рамсеса II в окружении богов. В центре большой каменный жертвенник.

Из второго зала узкие проемы ведут в боковые помещения, по два с каждой стороны. Сюда уже не проникает ни один луч. В бледном колеблющемся свете спички со стен выступают великолепные раскрашенные рельефы: фигуры с характерными развернутыми плечами и строгим профилем, животные, цепочки иероглифов.

Храм в Герф-Хусейне, сооруженный по приказу Рамсеса II, вызывает у исследователей особый интерес: огромные статуи его имеют четко выраженные черты местного стиля и являются, возможно, произведениями нубийских мастеров.

Километрах в пятнадцати южнее Герф-Хусейна, уже непосредственно в зоне работ советской экспедиции, находится храм в Дакке¹⁴. Многие десятки раз проплывали мы на катере и на лодке мимо выступающих из воды верхушек двух массивных пилонов, оформляющих центральный вход. Сохранившаяся постройка относится уже к птолемеевскому времени (III в. до н. э.), однако установлено, что сооружена она на остатках постройки времени XII династии. В настоящее время восемь месяцев в году храм затоплен.

Южнее Герф-Хусейна и Дакки цепочкой вдоль реки располагается еще одна группа памятников эпохи египетского и греко-римского владычества в Нубии.

В Вади-эс-Себуа¹⁵ располагается знаменитый полупещерный храм времени Рамсеса II, перестроенный впоследствии в коптскую (христианскую) церковь. Хорошо сохранились многочисленные рельефы, надписи и статуи. Сейчас вода подходит вплотную к древним постройкам. Того же времени храм, богато украшенный рельефами и надписями, сохранился в Дерре¹⁶. Он был посвящен древнеегипетскому богу солнца Гору*.

Наконец, самый знаменитый и самый величественный в Нубии из храмов Рамсеса II — Абу-Симбел. Он расположен на юге ОАР, недалеко от египетско-суданской границы.

Чтобы закончить беглый обзор попадающих в зону затопления памятников древней культуры,

* Гор — устаревшее написание имени древнеегипетского солнечного бога Хора, которое редакторы решили оставить в варианте автора, т. к. его изменение повлекло бы за собой изменение правописания целого ряда теофорных имен в текстах надписей, приводимых А. В. Виноградовым в переводе Б. Б. Пиотровского (Е. Т.)

отметим, что и на территории суданской Нубии за последние годы выявлено уже более сотни пунктов, представляющих большой интерес для историков и археологов. Среди них следует назвать четыре храма, большое количество могил и часовен, находящихся в скалах, 14 крепостей, построенных несколько тысяч лет тому назад, 20 христианских церквей, семь античных городов, большое количество некрополей, наскальных рисунков и изображений*.

Бесспорно, наиболее интересными и в то же время представляющими наибольшие технические трудности для спасения являются памятники острова Филэ и пещерный храм в Абу-Симбеле.

Для сохранения архитектурного ансамбля острова Филэ разработан проект сооружения си-

стемы плотин, которые изолировали бы остров и позволили и после сооружения Высотной плотины поддерживать в этом микрорайоне постоянный уровень воды.

Особые трудности представляет спасение храмов в Абу-Симбеле. Построенные Рамсесом II храмы — большой и малый, соседний храм царицы Нефертари, — одно из интереснейших сооружений мировой архитектуры (Ил. 41).

Главный храм, посвященный Рамсесом II наиболее почитаемым богам — Гору, Амону и Птаху, высечен в высоком западном берегу, обращен к восходящему солнцу, фасад его высотой в 33 м украшен четырьмя гигантскими (высота их 20 м) статуями фараона. Огромные статуи Рамсеса II высечены вместе с колоннами и в центральном дворе храма — подземном большом зале, стены которого, украшенные рельефами, сохранили остатки цветной росписи. Рельефы рассказывают о походах и по-

* The UNESCO Courier. 1960. № 69. P. 23. (прим. А. В. Виноградова)

Ил. 41. Абу-Симбел. Храм Рамсеса II
Fig. 41. Abu Simbel. Temple of Ramses II

бедах фараона. Снова зал с колоннами, снова картины военных подвигов и, наконец, узкая дверь, ведущая в святилище, у задней стены которого — статуи Птаха, Амона, Рамсеса II и Гора.

В ста метрах — малый храм, посвященный одной из жен Рамсеса II — Нефертари (Ил. 42).

Комплекс Абу-Симбел — шедевр инженерного искусства. Вот выдержки из доклада, составленного экспертами при осмотре храмов в 1960 г.: «Храмы Абу-Симбела представляют собой поразительное достижение строительного искусства. Мы не говорим здесь о значении самих монументов; нас восхищает глубокое знание геологии, проявленное древними египтянами. Наличие твердых пластов песчаника, перемежающихся с более мягкими, было с выгодой использовано при сооружении храмов и статуй. Потолки храмов и внутренних помещений, опоры для тяжелых сидящих статуй высеклись в более плотных слоях.

Выгодно было использовано и большинство расщелин в скалах: линии фасадов обоих храмов параллельны линиям трещин».

Изобретательность мастеров проявилась и в расположении помещений храма, в результате которого был создан необыкновенный световой эффект. Лучи восходящего солнца, осветив статуи на фасаде, постепенно, через дверной проем проникают внутрь храма, а несколько раз в год достигают святилища, расположенного в 60 м от поверхности скалы, выхватывая из тьмы фигуры богов (исключая фигуру Птаха, владыки потустороннего мира, всегда остающуюся в тени)¹⁷.

В настоящее время существуют несколько проектов сохранения храмов. Конструкторским бюро одной из французских фирм после проведения соответствующих рекогносцировочных работ в Абу-Симбеле разработан проект возведения вокруг обоих храмов овальной насыпной дамбы, которая, сохранив

Ил. 42. Абу-Симбел. Храм царицы Нефертари
Fig. 42. Abu Simbel. Temple of Queen Nefertari

свободное пространство перед фасадами, должна предохранить храм от затопления.

Другой, чрезвычайно смелый в техническом отношении проект был предложен итальянским инженером П. Гадзолы. Согласно этому проекту, оба храма должны быть вырезаны из скалы, в которой они высечены, упакованы в бетонный ящик и подняты (каждый отдельно) при помощи системы спаренных домкратов на высоту 60 м, то есть выше уровня будущего водохранилища. Перед началом работ предполагается принять целый ряд необходимых предосторожностей. Перед храмами, чтобы предохранить работы от поднимающейся воды, должна быть возведена дамба; храмы будут тщательно укреплены, так как проведенное обследование показало, что и внутри храма, и на фасаде имеются трещины и естественные стоки, промытые водой. Кроме того, существует опасность разлома выветрившегося песчаника.

После рассмотрения различных вариантов ЮНЕСКО рекомендовала план профессора Гадзолы¹⁸. Уже после этого выдвигались новые проекты, в частности проект, разработанный группой польских инженеров и предполагающий защитить храм двумя небольшими дамбами, построенными в виде амфитеатра перед фасадом храма. Польский профессор Пониша предложил также оригинальный вариант проекта Гадзолы. Он [Пониша, — *ред.*] предполагает поднять храмы не домкратами, а путем сооружения сухого дока, который поднимет воды образующегося Нубийского водохранилища.

Многие из остальных храмов и сооружений (всего около 20) предполагается сохранить путем разборки и переноса их на новые, не затапливаемые места. Египетское правительство уже приступило к этой работе (храмы из Тафы, Дабода, Кертасси).

Другие, перенос которых по техническим причинам невозможен (это в первую очередь относится к пещерным, вырубленным в скалах сооружениям), предполагается подвергнуть тщательному исследованию, в его ходе будут скопированы надписи, росписи и рельефы, изготовлены точные макеты отдельных храмов. В дальнейшем наиболее ценные и высокохудожественные детали сооружений могут быть выпилены и экспонированы в музеях.

Еще одной, не менее важной, а может быть, даже более интересной стороной вопроса спасе-

ния нубийских памятников, является разведка, выявление и исследование еще не известных науке археологических памятников очень широкого хронологического диапазона — от эпохи нижнего палеолита и до времени возвышения, расцвета и гибели Напатского царства — древнего государства на территории Нубии.

Когда мы говорили об архитектурных памятниках Нубии, речь шла преимущественно о сооружениях, возведенных завоевателями, главным образом египтянами. Между тем Нубия — страна собственной древней и своеобразной культуры. Менее эффектные, чем постройки великих завоевателей, памятники нубийской истории до последнего времени мало привлекали исследователей. Поэтому создание Высотной Асуанской плотины, завершение строительства которой должно сыграть исключительную роль в поднятии жизненного уровня населения в долине Нила, одновременно поставило перед правительствами ОАР и Суданской республики ответственную и почетную задачу по сохранению памятников культуры и искусства, которые в течение тысячелетий создавались обитателями этой долины и которые являются ценнейшим вкладом в историю мировой цивилизации.

Естественно, что ни ОАР, ни Суданская Республика не могли по финансовым и техническим соображениям взять на себя эту огромную и крайне ответственную работу.

Достаточно сказать, что осуществление только одного проекта Гадзолы по спасению храма Абу-Симбел стоит около 70 миллионов долларов. Поэтому в 1959 г. правительства обоих этих государств обратились в ЮНЕСКО с просьбой о предоставлении им «широкой международной финансовой, научной и технической помощи, предназначенной для сохранения всех сокровищ искусства и истории, которые могут быть затоплены после завершения строительства Асуанской плотины»*.

8 марта 1961 г. ЮНЕСКО была объявлена Международная кампания по сохранению памятников Нубии. Научные учреждения, отдельные уче-

* Из обращения ОАР к ЮНЕСКО 6 апреля 1959 г., «Генеральная конференция, одиннадцатая сессия. Программная комиссия», UNESCO. Париж, 30 сентября 1960 г. (на русском яз.). Доклад международной кампании по сохранению памятников Нубии, стр. 1 (*Прим. автора*).

ные и общественные деятели многих стран, понимая всю научную важность изучения и сохранения памятников, расположенных на территории этой древней, ныне уходящей под воду страны, откликнулись на обращение. В состав образованных ЮНЕСКО для осуществления кампании трех комитетов — Почетного комитета, Комитета действия и Консультативного комитета экспертов вошли и представители Советского Союза — ученые и государственные деятели.

Проводимые сейчас в Нубии и предстоящие в ближайшее время работы особенно понятны и близки советским ученым, так как им, учитывая грандиозный размах гидротехнического строительства и ирригационных работ в нашей стране, приходилось не раз решать подобного рода проблемы. В качестве примера можно назвать хотя бы работу советских археологов в зоне строительства канала Москва — Волга, в зонах затопления волжского каскада электростанций, Братской ГЭС в Сибири, в районах, связанных с развертыванием ирригационного строительства в Средней Азии, и многих других местах. Все эти работы, проводившиеся обычно в сжатые сроки, приводили к бурному накоплению нового научного материала, позволявшему в ряде случаев коренным образом пересматривать сложившиеся мнения о тех или иных вопросах истории исследуемых областей.

Правительства ОАР и Суданской Республики уже проделали большую работу по изучению и спасению памятников Нубии. Созданный в Каире Центр по документации и изучению истории искусства и цивилизации Древнего Египта провел большие работы по научному описанию и фиксации уже известных и выявлению новых памятников культуры на территории Нубии. Департамент древностей ОАР сосредоточил свои научные силы главным образом на изучении археологических и архитектурных памятников на этой территории; с целью привлечь усилия ученых к этой проблеме принято решение ограничить выдачу концессий на археологические работы на территории собственно Египта.

Большая работа проводится и на территории Суданской части Нубии. Служба древностей Судана еще с 1955 г. начала изучение проблемы, связанной с эти районом¹⁹. Были предприняты раскопные

и разведочные археологические работы; в ходе последних удалось открыть несколько десятков новых памятников различных эпох.

Однако на очереди исследование 800 квадратных километров затопляемой территории, раскопки в нескольких десятках пунктов.

Правительство ОАР выразило готовность в качестве компенсации за международную помощь передать учреждениям, участвовавшим в раскопках в Нубии, по крайней мере пятьдесят процентов найденных ими предметов, исключая уникальные находки, которые необходимо оставить в египетских музеях. Этим учреждениям предоставлено также право раскопок в других районах Египта, в частности в знаменитом районе Саккара, разрешен вывоз за пределы Египта некоторых храмов (из Тафы, Дабода, Дендура, Дерра). Из запасников египетских музеев выделены коллекции древностей, которые также могут быть переданы в качестве возмещения за работы в Нубии.

Аналогичные заявления сделаны и от имени правительства Суданской Республики.

Сейчас Нубия — страна необычайно оживленных археологических работ. От Асуана до Вади-Хальфы и дальше, южнее, уже на суданской территории, можно часто встретить пришвартованные по обоим берегам Нила вместительные баржи, единственный экипаж которых — археологи из разных стран. За прошедшие с начала кампании ЮНЕСКО три года в Нубии работали десятки археологических экспедиций — из Польши и Чехословакии, ОАР и Испании, Италии и США и ряда других стран. И хотя опубликованы лишь предварительные результаты этих работ, можно бесспорно утверждать, что для изучения истории Нубии, начиная с эпохи нижнего палеолита, уже получен новый интересный материал.

Египетская экспедиция под руководством профессора Абу-Бакра, проводившая раскопки древнеегипетского города в Анибе²⁰ и разновременных могильников этого района, получила новые интереснейшие данные о различных способах погребения умерших. Раскопки древних погребений дали любопытную коллекцию находок.

Объединенная экспедиция нескольких американских университетов, возглавляемая профессором Симпсоном, вскрыла в Тошке гробницу

правителя страны Миам Хеканефера²¹. Несмотря на плохую сохранность погребения и отсутствие в гробнице останков царя, этого вассала египетского фараона, современника Тутанхамона, результаты раскопок дали интересный материал: в гробнице обнаружено пять погребальных статуэток покойного с надписями.

Экспедиция Страсбургского университета (руководитель профессор Ж. Леклян) произвела в Тумасе раскопки памятников мероитской эпохи (VI в до н. э.) и обнаружила две большие надписи²². Особенно успешными были работы по изучению археологических памятников нескольких христианских царств, возникших в Нубии в VI в. и просуществовавших около 700 лет после того, как соседний Египет был завоеван мусульманами.

С 1960 г. в древнем Фарасе, на территории суданской Нубии, ведет исследования Станция средиземноморской археологии Варшавского универ-

ситета²³. Раскопки холма, на вершине которого высятся руины арабской крепости, проводившиеся под руководством профессора К. Михаловского, привели к открытию большого христианского храма, одного из древнейших (постройка храма относится к концу VI в.) памятников византийской церковной архитектуры на территории Нубии. Судя по сохранившейся надписи, храм возведен по инициативе императрицы Феодоры, жены Юстиниана. Польские археологи обнаружили гробницы первых епископов Фараса. Особенно интересная великолепная стенная роспись VII–X вв. — уникальный образец ранневизантийской живописи²⁴.

Польские археологи и архитекторы приняли активное участие в разработке планов спасения древнеегипетских архитектурных памятников (об этом мы уже говорили выше). В частности, архитекторы Станции средиземноморской археологии (она находится в Каире) участвовали вместе

Ил. 43. Асуан. Набережная
Fig. 43. Aswan. The Nile Corniche

со своими египетскими коллегами в разборке храмов в Дабодде и Тафе.

В конце 1961 г. на берегу Нила вырос палаточный городок Нубийской археологической экспедиции Академии наук СССР. Предусмотренная соглашением о культурном сотрудничестве между правительствами ОАР и Советского Союза эта экспедиция была организована двумя научными учреждениями Академии наук СССР — Институтом археологии и Институтом этнографии.

После осмотра района между Асуаном на севере и Абу-Симбелом на юге выбор был остановлен на районе Вади-Аллаки — Дакка. Вади-Аллаки — сухое русло некогда впадавшей в Нил большой реки — представляло значительный научный интерес в связи с проблемой выяснения древнего караванного пути к золотым рудникам, Красному морю, а также на юг, на территории Судана, в область древнего государства Мероэ, сыгравшего большую роль в позднеантичной и раннесредневековой истории населения долины Нила. Дакка — большое нубийское селение на противоположном, западном берегу.

Здесь предполагались раскопки древних нубийских могильников. В задачу экспедиции входили детальные разведки по обоим берегам: поиски древних поселений, наскальных изображений, следов каменного века. Начальником этой первой советской археологической экспедиции в Африке стал видный советский археолог, член-корреспондент АН Армянской ССР Борис Борисович Пиотровский. Первая группа сотрудников Нубийской экспедиции — Б. Б. Пиотровский, его заместитель Петр Дмитриевич Даровских, археологи Николай Яковлевич Мерперт и Олег Георгиевич Большаков, архитектор Лев Аркадьевич Петров — еще в декабре вылетели к месту исследований. Сейчас всё готово для начала работ: в район Дакки перевезен экспедиционный груз, наняты рабочие, поставлен лагерь. Да и сами раскопки должно быть уже начались на берегах Нила. Поэтому мы спешим на юг, к Асуану, в Нубию.

2. Асуан — ворота в Нубию

Асуан — самый южный египетский город. В древности здесь располагалась столица пограничного элефантинского нома государства фараонов (Ил. 43).

Самолет национальной египетской авиакомпании «Миср» за три часа (с посадкой в Луксоре) доставил нас в аэропорт Асуана (Ил. 44). На автобусе едем в город. Строгая охрана и зенитная батарея на старой Асуанской плотине. Тревожные дни Суэца и Порт-Саида еще свежи в памяти египтян.

Плотина была построена в 1902 г., однако вскоре же выяснилось, что емкость образованного ею водохранилища (1 миллиард кубометров) явно недостаточна. Плотина дважды надстраивалась — в 1912 и в 1934 гг. После второй надстройки объем водохранилища был доведен до 5 миллиардов кубометров.

Характерно, что после постройки и реконструкции этого крупного сооружения энергия 80 миллионов кубометров ежедневно сбрасываемой шлюзами воды Нила не использовалась. Англичан, строивших плотину, мало интересовала проблема получения для Египта дешевой электроэнергии.

Ил. 44. Багажная бирка А. В. Виноградова на самолет в Асуан
Fig. 44. A. V. Vinogradov's luggage tag for the plane to Aswan

Однако и теперешняя, реконструированная плотина, оказалась слишком слабой, чтобы справиться со стихией великой реки. Поэтому уже давно возникла идея полного покорения Нила. Однако лишь после революции 1952 г. эта идея приобрела реальные черты технического проекта Высотной плотины.

Множество трудностей стояло на пути осуществления проекта. Требовались крупные внешние займы, так как слабая египетская экономика не могла выдержать такого грандиозного строительства.

Сметная стоимость Высотной плотины и комплекса связанных с ней сооружений составляла внушительную сумму — 270 миллионов долларов. США, Англия и Международный банк реконструкции и развития дали согласие финансировать строительство, однако оговорили предоставление займа рядом политических требований. ОАР отклонила эти требования как несовместимые с независимостью страны. Тогда США и Англия отказали в займе, рассчитывая на срыв строительства и замедление темпов экономического развития Египта. Впоследствии политические деятели этих стран не раз сетовали на ошибочность принятых тогда решений.

26 июля 1956 г. Насер объявил о решении правительства национализировать Суэцкий канал. Было сказано, что доходы от эксплуатации канала пойдут на финансирование строительства Асуанского гидроузла. Сразу же вслед за этим решением последовала тройственная агрессия против Египта. Она, как известно, закончилась полным провалом, однако причинила стране определенный экономический ущерб.

В последующие годы в истории Нового Асуана знаменательны две даты: 27 декабря 1958 г. и 9 января 1960 г. В первый из этих дней было подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом Египту займа на сумму в 292 миллиона рублей. Условия займа были весьма выгодны для ОАР: он предоставлялся из расчета 2,5 процента годовых и должен был быть погашен в течение 12 лет поставками в Советский Союз продуктов сельского хозяйства Египта, в том числе хлопка. Для сравнения: заем, который предлагал в свое время Международный банк реконструкции и развития, ОАР должна была бы погашать твердой валютой из расчета 6 процентов годовых.

В январе 1960 г. в торжественной обстановке был произведен первый взрыв скальной породы, положивший начало строительству. Этот день отмечается теперь как национальный праздник ОАР.

Сейчас асуанская стройка в полном разгаре. Строительная площадка — главная достопримечательность этого в прошлом небольшого, связанного с речной пристанью и посещаемого в зимние месяцы туристами, городка. Теперь, кажется, всё здесь связано со стройкой. Первый же встреченный нами мальчишка охотно указал, как найти «офис русье», дом, в котором живет группа советских специалистов.

К величайшему огорчению, нам не удалось побывать на строительной площадке. Нам повезло лишь в том, что один из проведенных в городе двух дней — 9 января — совпал с праздничным для Асуана и всей страны днем — второй годовщиной со дня начала строительства Высотной плотины.

В каирском аэропорте мы купили свежие газеты. Все они печатают сегодня материалы о грандиозной стройке. В «Иджипшен газет» через всю страницу крупно набранный заголовок: «Высотная плотина, новый колосс на реке Нил». Под заголовком — фото: скалистый берег реки, на переднем плане мощные советские экскаваторы.

Через год советские и египетские газеты вместе с сообщениями о праздновании третьей годовщины стройки на Ниле поместят хронику о подписании протокола, которым будет утвержден окончательный проект всего комплекса гидросооружений Высотной плотины, проект, составленный советскими учеными и инженерами, прошедший международную экспертизу и получивший высокую оценку.

Сегодня, 9 января, большая часть жителей Асуана, многочисленные гости и туристы — на набережной. Это центральная улица города. С одной стороны — тенистые кроны деревьев вдоль обрывистого берега Нила, с другой — цепочка 2–4-этажных домов. Поднимаясь в гору, уходят вдаль тесные улочки с витринами и навесами маленьких арабских лавочек, мастерских, парикмахерских (Ил. 45).

Здесь торгуют овощами и фруктами, одеждой, всевозможными плетениями из камыша и пальмовых листьев, сувенирами. На набережной размещены магазины более высокого класса; здесь же различные «офисы» и конечно «Гранд-отель».

На улицах много празднично одетой молодежи. Стайки принаряженных женщин и ребятишек выходят из боковых улочек и становятся в тени домов. Подготовка к празднику чувствовалась еще накануне: всюду вывешивались национальные флаги и гирлянды маленьких разноцветных флажков, сколачивались дощатые трибуны для почетных гостей. Среди деревьев прибрежного сквера стояли украшенные охапками живых цветов грузовики — для участников празднеств. В город прибыла советская правительственная делегация, а из Каира представители египетского правительства.

Праздник, начало которого мы наблюдали с балкона отеля, открылся военным парадом. На легких тонконогих верблюдах прогарцевала пустынная кавалерия. На небольших походных вьюках восседали одетые в плотную защитного цвета форму молодые солдаты с автоматами и ка-

рабинами в руках. Улыбки появлялись на сосредоточенно-серьезных лицах солдат, когда особенно шумными становились приветственные выкрики праздничной толпы.

Выходим на улицу и смешиваемся с оживленной публикой. Одетые по-европейски или в новых цветных галабиях — длинных до пят, просторных по крою рубахах, асуанцы сегодня больше обычного оживлены. Мимо проходят пехотные подразделения, двигаются прицепленные к автомобилям пушки, катятся грузовики с зенитными пулеметами. Не умолкают ни на минуту скандированные возгласы толпы.

Рядом с отелем в большом двухэтажном доме размещено какое-то военное учреждение. На балконе второго этажа и у подъезда группы офицеров в хаки. Подходя к дому, солдаты особенно четко печатают шаг (что не всем удастся) и выкрикивают воинские приветствия.

Ил. 45. Улица в Асуане
Fig. 45. Street in Aswan

Идут старшекласники — юноши и девушки с винтовками в руках. Рева сиренами, двигаются красные машины пожарной команды (Ил. 46).

Самым интересным было народное шествие, в котором приняли участие сотни жителей Асуана и строителей плотины. Украшенные цветами и яркими лозунгами десятки грузовиков различных марок и размеров медленно катятся один за другим вдоль выстроившейся двумя шпалерами толпы. На огромных щитах изображения Высотной плотины, портреты Насера, показатели выработки электроэнергии, новых, предполагаемых для орошения площадей, будущих урожаев хлопка. Одетые в разноцветные галабии ребяташки гроздьями цепляются на подножках и кабинах. Новые машины, и снова лозунги, крики приветствий, многоцветные букеты из цветов и яркие праздничные одежды.

В кузове небольшого грузовичка, обтянутого яркой тканью, группа нарядных девушек. Это, очевидно, представители школы или курсов кройки и шитья. На переднем плане одна из девушек за швейной машиной. Колесо машины безостановочно крутится, лицо девушки серьезно, по устремленному куда-то вдаль, поверх голов толпы, взгляду видно, что она очень волнуется и, наверное, недавно научилась шить на машинке. Следом идет расцветенный грузовик ведомства связи. Пожилой телеграфист, окруженный сослуживцами, непрерывно стучит на ключе.

В торжественном шествии, похожие на медлительных, неповоротливых слонов, мимо нас проезжают огромные, переполненные народом, самосвалы. За шумом толпы и выкриками участников шествия почти не слышно моторов. В этой праздничной сутолоке трудно отыскать лицо не воодушевленное или просто радостное, улыбающееся. Ведь уже два года успешно ведется строительство таких грандиозных масштабов, о которых еще совсем недавно не могла и мечтать ни одна из стран африканского континента. А за этим строительством стоит национально освободительная революция и изгнание интервентов, прорыв экономической блокады и независимая внешняя политика, мирный созидательный труд народа и бескорыстная помощь Со-

Ил. 46. Девушки с винтовками. Школьницы на демонстрации и параде 9 декабря 1961 г.

Fig. 46. Girls with rifles. Schoolgirls at the demonstration and parade on December 9, 1961

ветского Союза и других социалистических стран, помощь, основанная на принципе дружбы, равноправия, невмешательства во внутренние дела, взаимного уважения и взаимной выгоды. Но равнодушные, а скорее всего и недовольные, кажется, есть. Вот стоит группа немцев из ФРГ. Темными стеклами скрыто выражение глаз, на лицах холодная вежливость. А этих американских туристов праздник явно не интересует. Они повернулись спиной к праздничной толпе и щелкают камерами на маленьком базарчике сувениров.

Асуан — небольшой городок, поэтому участники военного парада, а потом и торжественного шествия, дойдя до конца главной улицы, поворачивают назад и снова и снова проходят мимо нас под приветственные крики асуанцев.

Трудно сказать, что живописнее в Асуане: узкие ли улочки с пирамидами фруктов и овощей у стен, завьюченными осликами или даже верблюдом, идущими по мостовой, или Нил. Но, пожалуй, пальму первенства можно присудить Нилу. Экзотические кварталы старого города мы видели

и в Каире, и в Луксоре, но такого удивительного Нила — больше нигде. Даже впоследствии в Нубии, где он очень красив и полноводен. Позже, в Каире, в Музее искусств я видел два асуанских этюда Марке²⁵. Оба они сделаны в тонких голубовато-зеленых тонах и хорошо отражают настроение солнечного, безоблачного неба и большой красивой реки. Но полотна Марке передают лишь малую долю того очарования, которым дышат нильские острова у Асуана (Ил. 47).

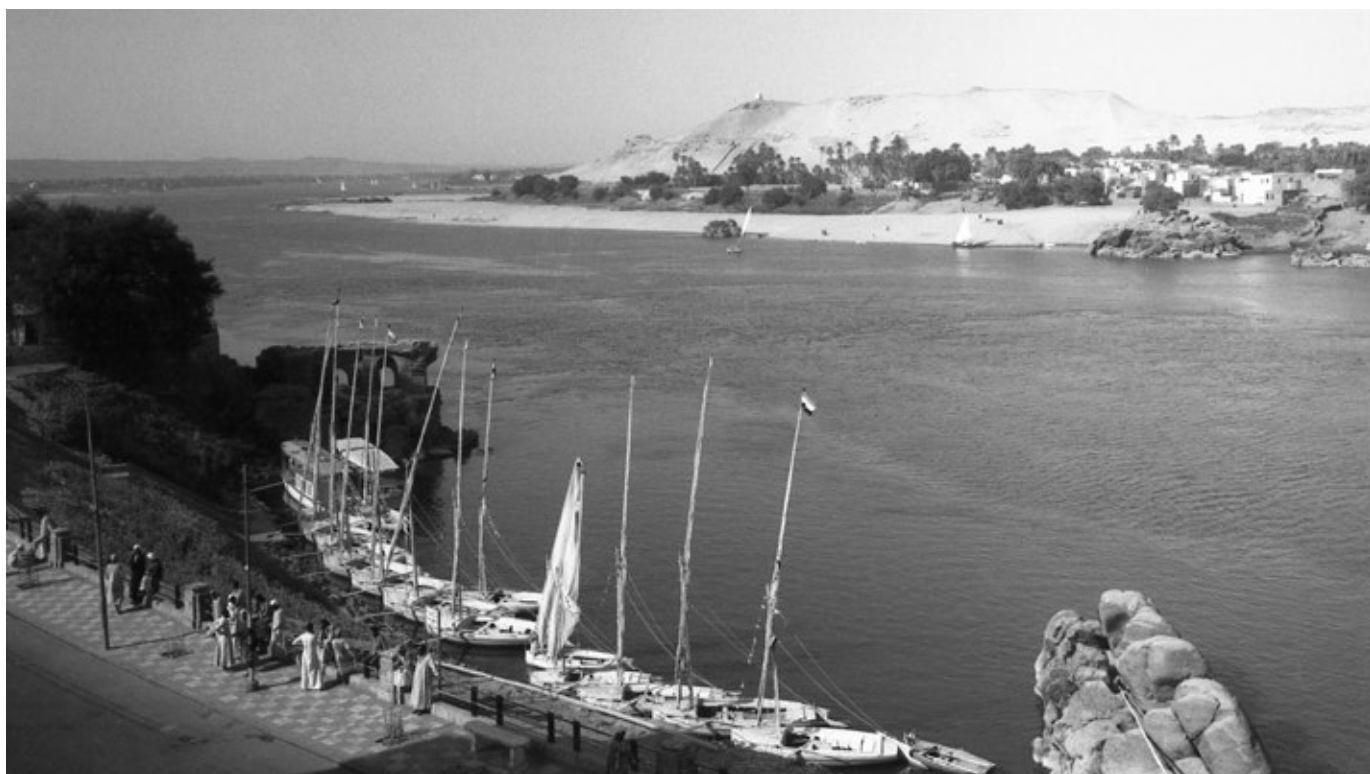
Асуан стоит на Первом нильском пороге. Второй порог находится у Вади-Хальфы, уже на территории Судана. Наиболее респектабельный и дорогой отель Асуана так и называется «Катаракт»²⁶ — порог (Ил. 48).

Река расчленена здесь многочисленными островами и островками. Самые маленькие из них — это причудливые нагромождения отполированных водой каменных глыб тут и там, неожиданно по-крокодильи выступающих из воды. Иногда эти блестящие камни напоминают каких-то фантастических животных.

Ил. 47. Живописный Асуан. Вид на Нил в районе Асуана. Слева — древнеегипетский некрополь Куббет-эль-Хава

Fig. 47. Picturesque Aswan. View of the Nile in Aswan. On the left is the ancient Egyptian necropolis of Qubbet el-Hawa

Ил. 48. Асуан. Отель «Катаракт». 1963 г.
Fig. 48. Aswan. Cataract Hotel. 1963

Ил. 49. Фелюги на Ниле в Асуане
Fig. 49. Feluccas on the Nile in Aswan

Большие острова буйно зеленеют деревьями и кустарниковыми зарослями. К тому же на одном из них расположен богатейший ботанический сад. Самый крупный из островов — знаменитая Элефантина, «Слоновый остров». Название это греческого происхождения, но и древние египтяне называли этот остров «слоновым» — Абу. С древности он был значимым транзитным пунктом в торговле Египта со странами юга.

В глубокой древности район первых порогов считался нубийской территорией и был присоединен фараонами первых династий.

С этого времени Элефантина стала важным транзитным пунктом в торговле Египта со странами юга. Здесь была крепость — следы ее сохранились в южной части острова — и монументальные храмовые постройки. На развалинах храма времен Тутмеса III и Рамсеса II, позднее, в царствование императора Траяна, был возведен новый храм. Жрецы храма в Элефантине пользовались правом брать десятину со всего провозимого через первые пороги. Это право было получено ими еще в правление Джосера, самого знаменитого из фараонов третьей династии.

Даже живописные Асуанские острова утратили бы что-то в своем очаровании, если бы не было фелюг — больших лодок с высоким косым парусом, пробирающихся между островами: в ветер под парусом, а в полное безветрие и на веслах. У набережной, против отеля, их целая флотилия. Берег крутой, и самих лодок не видно; из-под обрыва торчат частокон мачт с вымпелами и узкими треугольниками парусов. Это прогулочные фелюги (Ил. 49).

Наверху, на набережной толпятся лодочники. Пассажиры зазывают: за пятьдесят пиастров — настоящее путешествие. Даже самая маленькая из лодок имеет название; фелюжники предпочитают имена фараонов и древнеегипетских богов. Нам достался «Рамсес». Молодой парень, высокий и хромой, ловко манипулирует большим парусом. Его помощник, сидящий за рулем десяти-двенадцатилетний парнишка, с откровенным любопытством и без всякого смущения подробно разглядывает нас.

Лодка подходит к Элефантине. Над островом плотная зеленая шапка, образованная пальмовыми зарослями, вдоль берега, скрывая его мягкие очер-

тания, цветущие кустарники; сквозь зелень кое-где просвечивают пятнышками белые стены построек. Высаживаемся у спускающейся к воде широкой каменной лестницы и поднимаемся к зданию Асуанского музея²⁷. Музей невелик, в нем всего четыре небольших экспозиционных зала и помещения для реставрации и хранения. В музее выставлены находки преимущественно из раскопок в Нубии и южном Египте. В первом зале древности додинастического времени, во втором — эпохи Древнего царства, в третьем — эпохи Среднего и Нового царства и в четвертом — древности Римско-византийского периода. Коллекции Асуанского музея представляют большую ценность для изучения истории Нубии и поэтому для нас особенно интересны.

Из прохлады музейных залов снова выходим на палящее солнце. Рядом с музеем, на берегу, остатки знаменитого Ниломера, построенного египтянами несколько десятков веков назад. Ниломер был вырублен в береговой скале и работал по принципу сообщающихся сосудов. Ежегодно в момент поднятия воды показания этого каменного и, несмотря на массивность, очень точного прибора с быстротой молнии разносились по стране. Открывались щиты плотин, убиралось всё, что могла разрушить вода, таящая в себе вместе с неисчерпаемой благодатью и страшную разрушительную силу.

Над крутым обрывом, вдоль цветущей розовой живой изгороди музея проходим на место раскопок, проведенных на Элефантине в начале века французским ученым Клермон-Ганно²⁸. Все сделанные археологами зачистки хорошо сохранились: ведь дождей в Асуане практически не бывает. Над раскопкой площадкой возвышаются одинокие, сложенные из каменных блоков, колонны. Всюду поверженные, но прекрасно сохранившиеся обломки мраморных архитектурных деталей. На многих — великолепные, тонко вырезанные иероглифические надписи, многофигурные рельефы. На месте этом возвышались некогда постройки древнеегипетского храма. Позднее остатки его, в том числе и многочисленные каменные блоки, были использованы для постройки римского укрепления. Кварталы поселения этого времени, вернее то, что осталось от них и раскопано археологами, можно посмотреть здесь же. Из срезов

многометрового культурного слоя сотнями торчат обломки древней посуды.

Но, пожалуй, самое интересное сейчас на Элефантине место находится сразу же за раскопками, на пониженной стрелке острова. Огороженные забором, правильными рядами разложены здесь обработанные именные блоки и различные архитектурные детали. Все они тщательно промаркированы, некоторые, плохой сохранности или наиболее ценные, заботливо упакованы. Это один из нубийских храмов, разобранный на части и вывезенный из зоны затопления. Скоро этот храм, напоминающий сейчас детский деревянный конструктор, обретет снова свой первоначальный вид. Но уже в другом месте, безопасном и легко доступном для ученых и туристов (**Ил. 50**).

«Рамсес» ожидает нас у музея. Фелюга под парусом быстро огибает остров и подходит близко к противоположному берегу. Здесь в кротом пес-

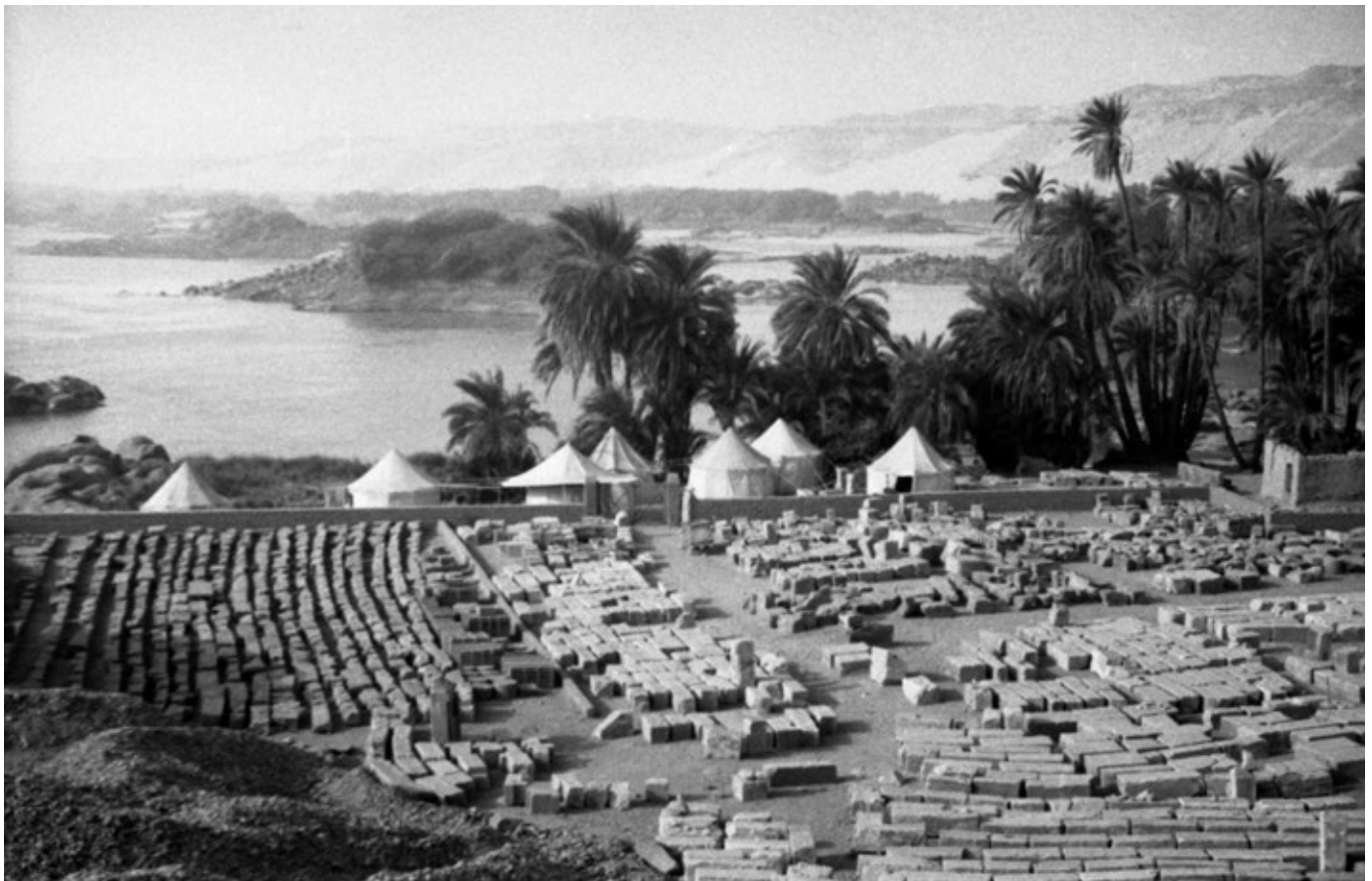
чаниковом откосе на большой высоте высечены гробницы египетских вельмож, живших некогда на Элефантине.

Однако пора в город. Сегодня мы покидаем Асуан, и снова наш путь лежит на юг. Это будет наш последний маршрут в качестве пассажиров.

* * *

Быстроходный голубой катер с красным флажком на корме час назад отчалил от одного из земснарядов асуанской стройки. Два русских инженера и их арабские помощники, прощаясь, машут нам руками с высокой палубы. Позади осталась стиснутая высокими скалистыми берегами асуанская теснина. Широкая река спокойна, и лишь поднятая катером волна веером расходится за кормой, где-то далеко позади касаясь берегов.

В Асуане нам необычайно повезло. Автомобильной дороги на юг здесь нет, и мы уже настро-

Ил. 50. Остров Элефантина. Блоки храма (вероятно, в Дендуре), разобранный и вывезенного из зоны затопления

Fig. 50. Elephantine Island. Blocks of a temple (probably in Dendur), dismantled and removed from the flooded part of Nubia

ились провести в городке несколько томительных дней в ожидании очередного рейсового парохода в Вади-Хальфу (Судан). Только на нем мы могли добраться до Дакки — конечной цели нашего путешествия. И вдруг на лестнице «Гранд-отеля» встретили приехавших в Асуан по экспедиционным делам Б. Б. Пиотровского и П. Д. Даровских. Долгожданная и приятная встреча! Есть и транспорт: где-то недалеко стоит наш катер. Вскоре все мы на двух такси, нагруженных «шелловскими» жестянками с бензином, снова едем через плотину на левый берег...

Несмотря на перегрузку (катер рассчитан на пять человек, а нас шестеро, кроме того, полная заправка и запас бензина и наши вещи), катер, бодро погромыхивая мотором, с вполне приличной скоростью несет нас по Нилу. Нубийское солнце не по-зимнему щедро. Это и не удивительно: ведь скоро мы должны пересечь северный тропик (Ил. 51).

Борис Борисович, на правах нубийского старожилы и знатока нубийских древностей, с увлечением рассказывает о проплывающих справа и слева достопримечательностях. Несмотря на максимальные предосторожности — широкополая шляпа, полотенце — нос его уже облуплен. За рулем Петр Дмитриевич Даровских. Сейчас он без рубашки, желая вызвать, очевидно, у нас, бледнолицых северян, зависть, демонстрирует свой великолепный загар.

До цели нашего путешествия — большого нубийского селения Дакка — 100 с небольшим километров. Катер идет по середине реки; то приближаясь, то удаляясь друг от друга, медленно уходят назад темные обрывистые берега, пустынные, будто вымершие деревни, изредка — развалины древних построек. Река здесь очень широка. Собственно говоря, мы плывем по огромному водохранилищу, образованному старой Асуанской плотинной. Сейчас, в январе, щиты всех водосливных сооружений плотины опущены и водохранилище заполнено до отказа.

Кончается день. Короткие сумерки неожиданно быстро сменяются южной звездной ночью. В темноте исчезли берега. Маломощный прожектор на носу катера только мешает ориентироваться, и его приходится выключить. На берегах ни огонька. Катер, не снижая скорости, идет в полоске лунных отсветов: при такой ширине возможность наскочить на прибрежные камни почти ис-

ключена. Главное теперь — не проскочить мимо лагеря экспедиции.

Несколько тусклых огоньков справа по ходу. Катер разворачивается и через несколько минут причаливает в темноте к покосившемуся дощатому мостику — причалу. На пологом песчаном берегу силуэты палаток, в нескольких метрах от которых тихо плещется поднятая катером волна. В лагере тихо. В одной из палаток виден свет. Сразу же вслед за катером к причалу подходит шлюпка: с вечерней прогулки по Нилу возвратились Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков.

Минут через двадцать в столовой экспедиция, впервые после Москвы, собирается в полном

Ил. 51. Дорога в Дакку, к лагерю советской экспедиции
Fig. 51. En route to Dakka, to the camp of the Soviet expedition

составе. Приходит смуглый, высокий и худощавый молодой человек в роговых очках на длинном носу. Знакомимся. Это Фуад Якуб, египетский археолог, инспектор Департамента древностей ОАР, десятый участник нашей экспедиции (Ил. 52).

В большой десятиместной палатке, за длинным столом, на котором стоит горячий чай, уютно и оживленно. Свежие московские новости чередуются с рассказами о Нубии, об уже начавшихся раскопках.

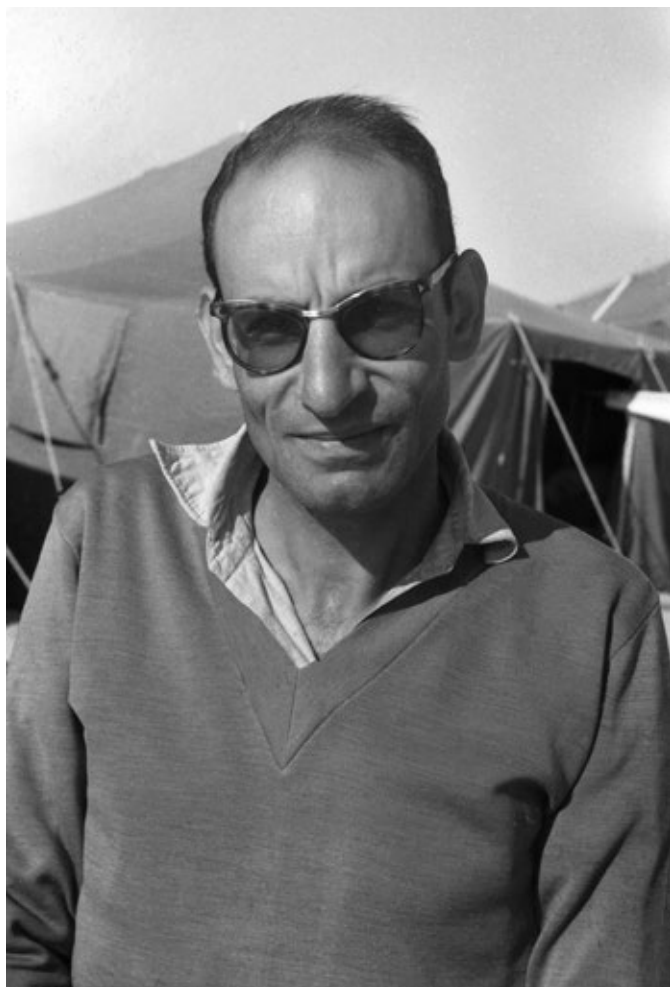
Наконец усталость — от жаркого и трудного дня, множества интересных впечатлений — берет свое.

Рано утром мы были разбужены криками птиц, осыпавших прибрежные, полузатоленные Нилом кусты. Выходило солнце. Далеко на противоположном берегу, в легкой синеватой дымке виднелись

низкие домики нубийской деревни. Темная узенькая полоска берега окаймлена на горизонте цепочкой остроконечных возвышенностей. Спокойная река чуть дымилась туманом. Недалеко от берега плавала огромная непуганая стая диких гусей.

Лагерные палатки расположились цепочкой по берегу небольшой песчаной бухты. Песок под ногами, еще сохраняющий ночную свежесть, чуть влажен. Рядом вода, а сразу же за палатками выветренные и потрескавшиеся выходы коричневого песчаника (Ил. 53).

Палатка-кухня. Здесь сложены наши многочисленные пищевые припасы. Рядом, в небольшой фанерной пристроечке, шипят примуса. Всё свободное пространство занято здесь фигурой повара — до родного, спокойного и добродушного Абду (Ил. 54).

Ил. 52. Инспектор египетской Службы древностей Фуад Якуб
Fig. 52. Fouad Yacoub, inspector of the Egyptian Antiquities Service

Ил. 53. Лагерь советской экспедиции в первый сезон работ.
Акварель Л. А. Петрова
Fig. 53. The camp of the Soviet expedition during the first season of work. Watercolour by L. A. Petrov

Палатка-столовая. Сдвинутые три раскладных алюминиевых стола. Бачки с холодным чаем и кипяченой водой, радиоприемник.

Палатка-раскладочная. На стеллажах рядом с ней лежат первые находки. Здесь же производится первичная реставрация и консервация находок (Ил. 55).

Две жилые десятиместки для сотрудников и чуть поодаль две такие же для рабочих.

Метрах в двадцати от лагеря «порт». Здесь у причала находится наша флотилия. Катер, на котором мы вчера приехали, и шлюпка с подвесным мотором (Ил. 56). Не считая наших ног, это, пожалуй, единственный в здешних условиях пригодный для работы вид транспорта. Рядом гора ящиков с оборудованием и материалами, бочки с бензи-

ном. Чуть повыше, на песчаниковой скале стоит электростанция.

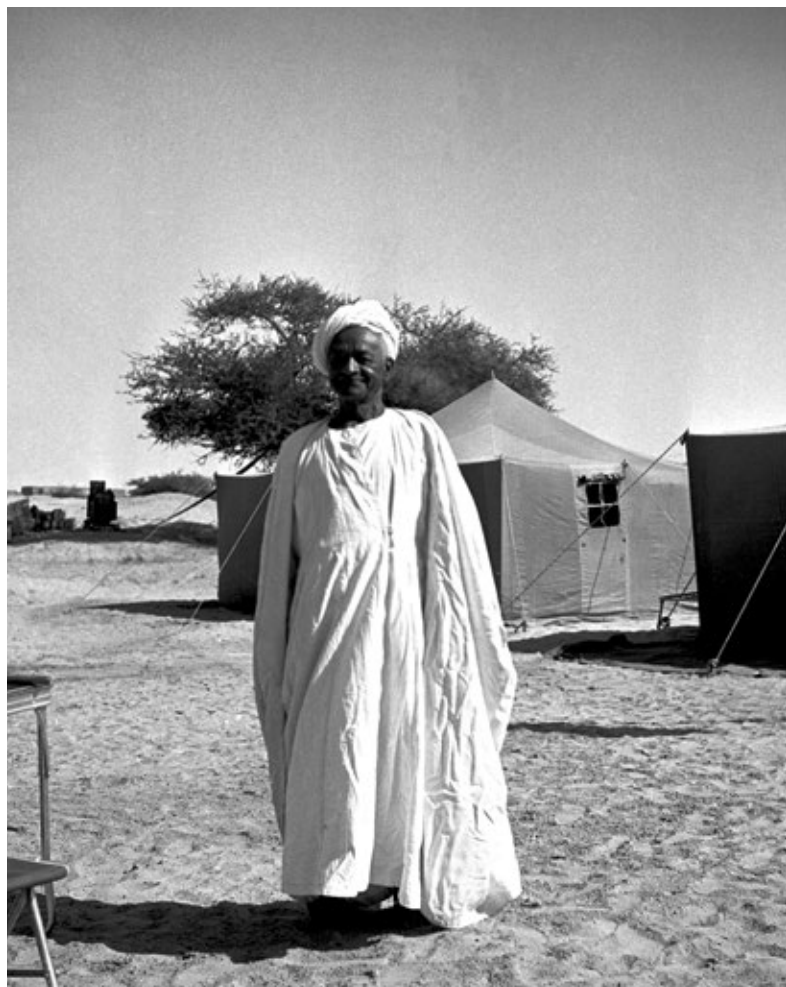
Из палаток, громко разговаривая и смеясь, выходят рабочие в длинных белых галабиях с мотыгами и маленькими плетеными корзинками в руках.

Начинается рабочий день.

3. Страницы истории. Хор-Дауд

Почти всё, что мы знаем о древней Нубии, известно по древнеегипетским надписям и по материалам археологических раскопок.

Письменные источники и вещественные археологические данные! Казалось бы, что сочетание их должно дать детальную и яркую картину истории и культуры древнего населения Нубии. По данным

Ил. 54. Повар Абду
Fig. 54. Cook Abdu

источников тех же категорий история Египта известна сейчас во многих отношениях, вплоть до чрезвычайно скрупулезных подробностей.

Что же касается Нубии, то сведения о ее гражданской истории весьма отрывочны. Чем дальше в глубь веков, тем досаднее и ощутимее пробелы. О происхождении и судьбах живших здесь, и приходивших сюда, и участвовавших в создании ранней нубийской культуры племен существуют лишь гипотезы — более или менее правдоподобные. Это тем более досадно, что значительная часть этой древней страны уходит ныне на дно морское.

Историки-египтологи объясняют скудость сведений достаточно просто и убедительно. Все письменные источники, из которых крупными собранными сведения о древней Нубии, — это своего рода «докладные записки» завоевателей. Достаточно красноречив простой перечень наиболее древних и наиболее известных из египетских над-

писей со сведениями о Нубии. Стела фараона Хасехемуи²⁹ (II династия) — грабительское вторжение египетских войск в Нубию. Надпись на Палермском камне — военная экспедиция в Нубию фараона Снофру³⁰ (IV династия). Биография военачальника Херхуфа³¹ (VI династия) — военная экспедиция в Нубию. Надпись Сабни³² (VI династия) — карательная экспедиция в Нубию. Надпись Пепинахта³³ (VI династия) — военные походы в Нубию. Приходится только пожалеть, что это не записки любителей путешествий. Однако и победные реляции египетских фараонов и военачальников драгоценны для историков Нубии. Подробные перечни военной добычи, списки побежденных нубийских племен, упоминания отдельных пунктов и местностей южнее Первого нильского порога — всё это уже давно извлечено из обширного свода египетских письменных источников и прокомментировано специалистами.

Ил. 55. Керамика из Хор-Дауда в лагере экспедиции
Fig. 55. Khor Daud ceramics in the expedition camp

Обратимся, однако, к источникам другого рода — археологическим. Вопреки ожиданиям, количество их до последнего времени также было весьма ограниченным.

Начало археологического изучения Египта связывается обычно с наполеоновским завоеванием страны пирамид. Второго июля 1798 г. вместе с 38-тысячной армией на африканский берег высадились большая группа ученых разных специальностей. В следующем 1799 г. в форте Рашид был найден знаменитый Розеттский камень. С 1822 г., когда Шампольону удалось расшифровать иероглифическую надпись на этом камне, и по 1922 г., когда произошло другое величайшее археологическое открытие — раскопки под руководством Картера гробницы Тутанхамона, — на территории Египта вели исследования многие десятки археологических экспедиций. Не одной пирамиде, даже самой крупной, Хеопсовой, равен, вероятно, объем пе-

рекопанной археологами земли. Любопытно, что в Фивах, в Долине царских гробниц, толстый слой щебня, покрывающий скальную породу, в которой вырублены подземные гробницы, уже не один раз перенесен с места на место силами археологических экспедиций. Каждый из работавших в Египте археологов не терял надежды (и для этого имелось достаточно оснований) открыть в ходе раскопок замечательные памятники древнего искусства или ценнейшие надписи.

Еще в IV тысячелетии до н. э. Нубия представляла в культурном отношении одно целое с Египтом. Однако уже в начале III тысячелетия до н. э., со времени III династии, начинается культурное обособление этих двух областей. Памятники «варварской», культурно отсталой сравнительно с Египтом страны не очень привлекали археологов. Исследователей древней культуры Нубии (до 1959 г.) можно перечислить по пальцам. В 1907–1909 гг. крупные разведки и раскопки по берегам нубийской части Нила проведены Дж. Рейснером. В том же 1908 г. работы в Нубии были продолжены С. Фёртом (они продолжались до 1911 г.), а затем Г. Штейндорфом и Г. Юнкером. Позднее в 1929–1931 гг. значительные по объему исследования в Нубии организовал У. Эмери. К этому можно, пожалуй, добавить еще многолетние работы Э. Аркелла в Суданской Нубии.

Большинство крупных археологических экспедиций было непосредственно связано со старой Асуанской плотиной — ее постройкой и реконструкциями, вызывавшими частичное подтопление нубийской долины Нила. Этому же обстоятельству мы обязаны первым систематическим описанием сохранившихся в Нубии монументальных храмовых построек (о них речь была выше). Результаты этих работ опубликованы в многотомном издании. Были и другие исследования, но преимущественно эпизодические и не столь значительные по объему.

Как видно из перечисления, археологи не баловали Нубию вниманием. В известной степени этому можно найти оправдание: слишком бедны и внешне не выразительны (если исключить грандиозные храмовые египетские постройки) ее памятники. Их не пощадили ни суровая природа страны, ни люди, многократно проходившие по берегам Нила с огнем и мечом. Поэтому даже сейчас,

Ил. 56. Экспедиционный «порт». Сезон 1962–1963 г.
Fig. 56. Expedition 'port'. Season 1962–63

когда усилиями десятков экспедиций археологические источники умножены и количественно, и качественно, памятники египетской письменности всё еще играют решающую роль в воссоздании древней истории страны. Это вызвано и определенной односторонностью археологических источников: основную массу из исследованных к настоящему времени древнейших собственно нубийских памятников составляют могильники. Как исторический источник они очень интересны во многих отношениях, однако полностью раскрываются только в сочетании с одновременными им поселениями, найденными и раскопанными на той же территории. Однако известные сейчас древненубийские поселения исчисляются буквально единицами.

Письменные источники и материалы раскопок рассказывают о периоде, когда правители Нубии, известной тогда под именем Напатского царства, не только добились независимости страны, но и полностью подчинили себе Египет. Напатские цари Пианхи, Шабак и Тахарка (VIII–VII вв. до н. э.) носили титулы фараонов, поклонялись египетским богам и правили огромной страной, включающей и Египет с частью подвластных ему стран, и Нубию до Шестого порога на юге.

В 671 г. до н. э. Египет был захвачен ассирийскими войсками, и власть XXV нубийской династии в Египте кончилась. Однако Напатское царство в южной Нубии существовало еще долго, а правители его считали себя законными претендентами на власть в Египте и носили титулы фараонов.

История Напатского царства, его расцвета и упадка — это период, пожалуй, наиболее хорошо освещенный источниками, причем не только письменными, но и вещественными, археологическими.

Интересные материалы этого и более поздних периодов получены и раскопками, развернувшимися по берегам Нила в связи с постройкой Высотной плотины. Однако главной из проблем, привлекающих уже давно внимание исследователей, является выяснение хозяйственного и культурного развития страны на более раннем этапе ее истории, хронологически соответствующем периоду образования египетского государства и несколько более раннему времени.

Ни один из периодов истории Нубии (равно как и любой другой страны) и суммы связанных с ним

проблем нельзя рассматривать изолированно от всемирно-исторического процесса. Однако сравнительная ценность каждого из них для понимания главных закономерностей последнего отнюдь не одинакова. Чем особенно заинтересовал этот период историков — об этом ниже, а сейчас еще немного об истории археологического изучения Нубии.

Одним из главных достижений археологов Нубии начала нашего века является разработка периодизации нубийских древностей. Созданная Дж. Рейснером еще в начале века, уточненная впоследствии работами Г. Юнкера, Г. Штейндорфа и других, она в главных своих чертах и сейчас сохраняет свое значение.

Многие из археологов питают непреодолимую страсть к всё более дробной и сложной периодизации исследуемых ими памятников древности. Действительно, каждые более или менее крупные исследования приводят, как правило, к уточнению относительной даты (место памятника или группы памятников в хронологическом ряду) или абсолютной даты исследуемых объектов. Вместе с тем уточняется и иногда усложняется первоначальное, порой грубое, приближенное деление памятников на хронологические группы в соответствии с характерной для каждой группы совокупностью определяющих признаков.

Названия, которые археологи дают вновь выделенным периодам и культурам, необычайно разнообразны. Иногда они столь же поэтичны и многозначительны, сколь расплывчаты и непонятны для непосвященных. Обычно вновь выделенную культуру или хронологический этап именуют по названию местности (или населенного пункта), где впервые сделаны находки или где расположен наиболее характерный памятник этой культуры. И, наконец, просто литерой и цифрами.

Очевидно, Рейснер, тщательные раскопки которого заложили фундамент археологии Нубии, принадлежал к числу последних, наименее «изобретательных» исследователей. Во всяком случае, выделив по материалам раскопок ранних могильников три этапа в культурном развитии Нубии, он обозначил их буквами латинского алфавита (Группы А, В, С).

Культура Группы А соответствует додинастическому и раннединастическому времени в Египте

и делится на два периода: NA1 и NA2. В последнем случае латинская N означает Nubia.

Культура Группы В (или период NA3) хронологически соответствует правлению в Египте III–VI династий.

Наконец, культура Группы С охватывает период от самого конца Древнего царства, до начала Нового царства (до начала XVIII династии). Последняя культура была подразделена на четыре хронологических последовательных периода, обозначенных NM1 – NM4.

Для археолога и историка за этими канцелярскими названиями скрывается определенное содержание (к сожалению, некоторые особенности материальной и отчасти духовной культуры в большей степени, чем конкретные факты истории народа). Поэтому в специальных работах часто встречаются такие жаргонные выражения: «народы Группы С», «во времена Группы В» и др.

Хронологическое сопоставление нубийских культур с событиями египетской истории неслучайно: хронология древностей Нубии целиком основывается на хорошо разработанной египетской хронологии. Импортные египетские вещи — керамика, разнообразные изделия из камня и металла — не так уж редки в нубийских коллекциях. Облегчают датировку и местные нубийские подражания египетским вещам.

Происхождение племен, зафиксированных впервые на территории Нубии наиболее ранними из египетских письменных источников, до сих пор не ясно для историков. Памятников, предшествующих времени Группы А, в Нубии известно немного, к тому же они бедны и маловыразительны. Исключение — очень интересные материалы из раскопок и разведок Э. Аркелла. Они происходят из южной части страны (Суданская Нубия, район третьих порогов). Однако уже старыми раскопками установлено, что в IV и даже начале III тысячелетия до н. э. Нубия была населена племенами, близкими древним египтянам и по культуре, и по антропологическому типу. Памятники этих племен и известны под именем культуры Группы А. Культура Группы А изучена преимущественно по материалам могильников и прослежена вдоль Нила на юг до Второго порога. Естественно, говорить о полной идентичности всех неисчерпаемо мно-

гообразных проявлений культуры Нубии и Египта не приходится. Единая в основных чертах, она проявлялась на каждой из этих территорий некоторыми особенностями. Очевидно не последнюю роль в этом сыграли и различия в природных условиях. На всём протяжении своей истории население Египта страдало от недостатка пригодных для орошения земель. Лишь узкая полоска их по обоим берегам реки, чуть шире в Нижнем Египте, уже в Верхнем, Южном, была необыкновенно щедрой и давала несколько урожаев в год. Отсюда необычайная плотность населения.

В Нубии пригодной для орошения земли в несколько раз меньше, чем даже в Верхнем Египте. Узкая, обрамленная скалами долина реки, к западу и востоку от которой безжизненная поверхность каменистой пустыни почти не давала возможности заниматься земледелием. Поэтому скотоводство в Нубии (в противовес Египту), начиная с позднего неолита, всегда являлось ведущей отраслью хозяйственных занятий населения.

Говоря о развитии скотоводства в Нубии, следует иметь в виду, что природа прилегающих к Нилу пустынь в древности не была столь суровой. Сейчас считается общепризнанным, что в течение четвертичного периода, то есть за последние один-два миллиона лет, было несколько колебаний климата. Последнее из них — некоторое увлажнение климата, захватившее значительную часть земного шара, в том числе и засушливую зону, закончилось, как полагают многие исследователи, в IV–III тысячелетии до н. э. В условиях относительного увлажнения древнее население могло в широких масштабах заниматься и охотой, и скотоводством. Есть свидетельства и о занятиях рыболовством.

О характере древнего скотоводства и земледелия можно судить по находкам в могилах. Нубийцы разводили овец, коз и крупный рогатый скот. Наряду с костями домашних животных, археологи находили в погребениях зерна ячменя и проса, косточки винограда и фиников. Обильный и интересный материал для изучения многих сторон жизни и, в частности, хозяйства нубийских племен могут дать наскальные изображения. По берегам реки, вдоль русел вад и хоров они встречаются в огромном количестве. Подробно о них будет рассказано ниже. Часть изображений определенно

датируется этим ранним временем. Однако изучение наскальных рисунков только еще начинается. Главное затруднение при этом — их точная датировка.

Уже говорилось, что культура Группы А изучена в основном по материалам раскопок могил. И обряд погребения, и найденные в могилах вещи мало отличаются от египетских. Погребенных с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками клали в небольшие вырытые в грунте ямы. Такое положение, кстати сказать, необычайно характерное для погребального ритуала в эпоху неолита и бронзы, археологи называют скорченным.

Вместе с погребенными в могилы клали глиняные и каменные сосуды, разнообразные по форме палетки из шиферного камня (они употреблялись обычно для растирания туалетных красок), бусы, орудия из кремня и другие вещи.

В конце культуры Группы А, т. е. в конце IV и на рубеже IV и III тысячелетий до н. э., здесь впервые появляются изделия из меди — шилья, топоры, долота, украшения. Всё это очень похоже на находки из раскопок египетских могил.

О следующей, более поздней культуре — культуре Группы В по Рейснеру — мы расскажем позднее, при описании небольшого могильника этого времени, который нам удалось найти и раскопать.

Как уже говорилось, этот период хронологически соответствует времени правления в Египте фараонов III–VI династий. Культура Группы В тесно связана с предшествующей, однако все исследователи характеризуют это время как период упадка. Если снова обратиться к некрополям, то это выражено в обеднении форм керамической посуды, сокращении количества изделий из металла и, вообще, необычайной бедности и однообразия погребального инвентаря.

В связи с этим исследователям пришлось столкнуться с рядом интереснейших проблем, важность которых выходила далеко за пределы не только нубийской, но и собственно египетской истории.

Первый из вопросов, на который следовало ответить, следующий: почему Нубия и, в частности, Северная Нубия осталась в стороне от тех огромных прогрессивных изменений, которые произошли в истории ее северного соседа. Если даже говорить только о периоде, ограниченном хронологически

ми рамками культуры Группы А, то для Египта это — образование первого государства и объединение затем всей страны под единой властью, огромный скачок в развитии производительных сил, мощный подъем искусств и ремесел, выразившийся, в частности, в сооружении первых пирамид.

Второй вопрос: какую роль сыграли племена Северной Нубии в создании египетского государства³⁴? Этот же вопрос можно поставить несколько по-иному: почему первое государство на территории Египта возникло на юге страны, а не на севере, где природные условия более благоприятны для земледелия? А ирригационное земледелие — это твердо установленный факт — колыбель всех древнейших государственных объединений Востока.

Можно сразу же сказать, что исчерпывающих ответов на эти вопросы пока еще нет. Существует несколько версий, объясняющих причины упадка Нубии с началом культуры Группы В. Некоторые исследователи считают, что культурное развитие страны было надолго задержано вторжением с юга новых племен, находившихся на более низкой ступени развития. Такое вторжение действительно произошло, южные кочевые племена оставили явные признаки негроидности в антропологическом типе населения Нубии времени культуры Группы В.

Другие видят главную причину отставания в суровости природных условий страны, конкретно — в недостатке пригодных для орошения земель. Существовал некий естественный предел, сдерживающий, ограничивающий, в условиях низкого уровня развития производительных сил экономическое и культурное развитие Нубии. Высказывались и другие точки зрения. Согласно одной из них, Египет возвысился благодаря возникновению некоего «нового вида египетского духа». Появился он якобы при Менесе — легендарном первом фараоне — и южнее первых, асуанских порогов не проник. Любопытно, что это идеалистическое объяснение принадлежит Штейндорфу, без хороших публикаций которого не может обойтись ни один из исследователей древней Нубии. Справедливости ради добавим: Штейндорф считал, что эта причина лишь обозначила разрыв в культурном развитии двух стран, а углубился он из-за проникновения в Нубию с юга негроидных племен.

Слов нет, первые две причины достаточно серьезны, чтобы любая из них могла существенно замедлить процесс хозяйственного и общественного развития страны. Очевидно, надо более детально проследить, как повлияли они на разные стороны жизни нубийцев, определить степень воздействия каждой на исторический процесс.

До недавнего времени этому мешала крайняя ограниченность имеющегося у историков материала. Не будет неожиданностью, если в ближайшие годы будут получены новые интересные данные по этой проблеме: ведь археологические исследования в Нубии приняли невиданный доселе размах.

В поисках ответа на второй вопрос историкам пришлось по-новому оценить роль скотоводства в период, непосредственно предшествовавший сложению египетского государства. Немаловажное значение в этом имели результаты раскопок одного из обнаруженных Нубийской экспедицией АН СССР археологических памятников — Хор-Дауда. О нем и пойдет речь.

* * *

Когда мы прибыли в лагерь, раскопочные работы экспедиции шли уже полным ходом. Однако начались они с неудачи. Когда в начале декабря экспедиция высадилась с баржи на нильском берегу близ Дакки, воды реки, перегороженные старой Асуанской плотиной, продолжали подниматься. Подъем продолжался до середины декабря, и возникло опасение, что будет подтоплен лагерь, расположенный на пологом песчаном берегу. Однако кромка воды остановилась и замерла в метрах десяти, не дойдя до палаток (Ил. 57).

По карте Департамента древностей ОАР были намечены как первоочередные объекты раскопок несколько крупных разновременных могильников. Однако на месте сотен погребений IV и III тысячелетий до н. э. была подернутая мелкой рябью поверхность нильской воды, из-под которой местами вылезали лишь макушки кустарника. И зимний уровень реки был обычным в этом году, и карта была достаточно точной. Лишь условные значки, показывающие могильники, не совсем на своем

Ил. 57. Лагерь советской экспедиции в первый сезон работ

Fig. 57. The camp of the Soviet expedition during the first season of work

месте. С первых же дней планы экспедиции оказались нарушенными.

По обоим берегам реки начались разведки. Километр за километром прочесывали разведчики прибрежную каменистую равнину, придирчиво рассматривая каждое сколько-нибудь подозрительное нагромождение камней, каждое скопление старой керамики. Многократные пробные расчистки не приносили успехов. Тщательно разобранные скопления песчаных плит, которое, казалось бы, по всем данным должно венчать погребение, оказалось очередным «пустым местом». Под некоторыми из таких скоплений были даже ямы, очень напоминающие погребальные, но — ни костяка, ни одной даже самой маленькой находки.

Приближались новогодние праздники. Разведка 31 декабря 1961 г. принесла успех, заставивший забыть огорчения первых дней. Н. Я. Мерперт обратил внимание на небольшое скопление керамики. Осмотр его показал, что это обломки одного большого сосуда. На месте находок (без особой

надежды на успех) была сделана небольшая разведочная зачистка. Однако, сняв поверхностный слой песка, археологи увидели контуры нескольких круглых ям, заполненных песком. Ямы были расчищены, и в одной из них оказались три крупных сигаровидных сосуда. Горловины двух сосудов были закрыты маленькими сосудиками с плоским дном и характерными волнообразными налестками — ручками (Ил. 58).

Глубокая древность находок не вызвала сомнений. Стало ясно, что комплекс керамических находок — а вслед за первой ямой сосуда были найдены и в ряде других ям — относится к весьма раннему времени: к концу додинастической эпохи или к периоду первых династий. В абсолютном исчислении находки можно было датировать концом IV — началом III тысячелетия до н. э.

Открытие было сделано в устье небольшого сухого русла (хора), подходящего к правому берегу Нила на участке прямо против лагеря экспедиции. Хор-Дауд — это название, ранее никому, кроме местных жителей, не известное, ныне носит один из самых замечательных памятников ранней истории Северной Нубии (Ил. 59).

На следующее после приезда утро мы проводили на противоположный берег группу рабочих во главе с Н. Я. Мерпертом и О. Г. Большаковым, а затем отправились туда же и сами. Берега небольшой бухты — подтопленной устьевой части хора — круты и каменисты. Причалить, даже при небольшой волне, непросто. Медленно, чтобы не удариться винтами о подводные камни, П. Д. Даровских подруливает к берегу. Сидящий на носу катера рабочий в считанные мгновения успевает вспрыгнуть на берег и попридержать руками готовый удариться о камни катер.

Перебираясь через кучи камней, цепочкой двигаемся вдоль берега залива. В 200 м от воды стоит одна из экспедиционных десятиместок. В ней живет часть занятых на раскопках Хор-Дауда рабочих. В 50 м далее — сами раскопки. Внешне они совсем невыразительны. Ровная на глаз, усыпанная галькой песчаная поверхность разбита с помощью бечевки и кольшков на пятиметровые квадраты. По ним рабочие ведут расчистку, убирая поверхностный слой песка и обнажая древнюю «дневную поверхность». На расчищенных участках, между

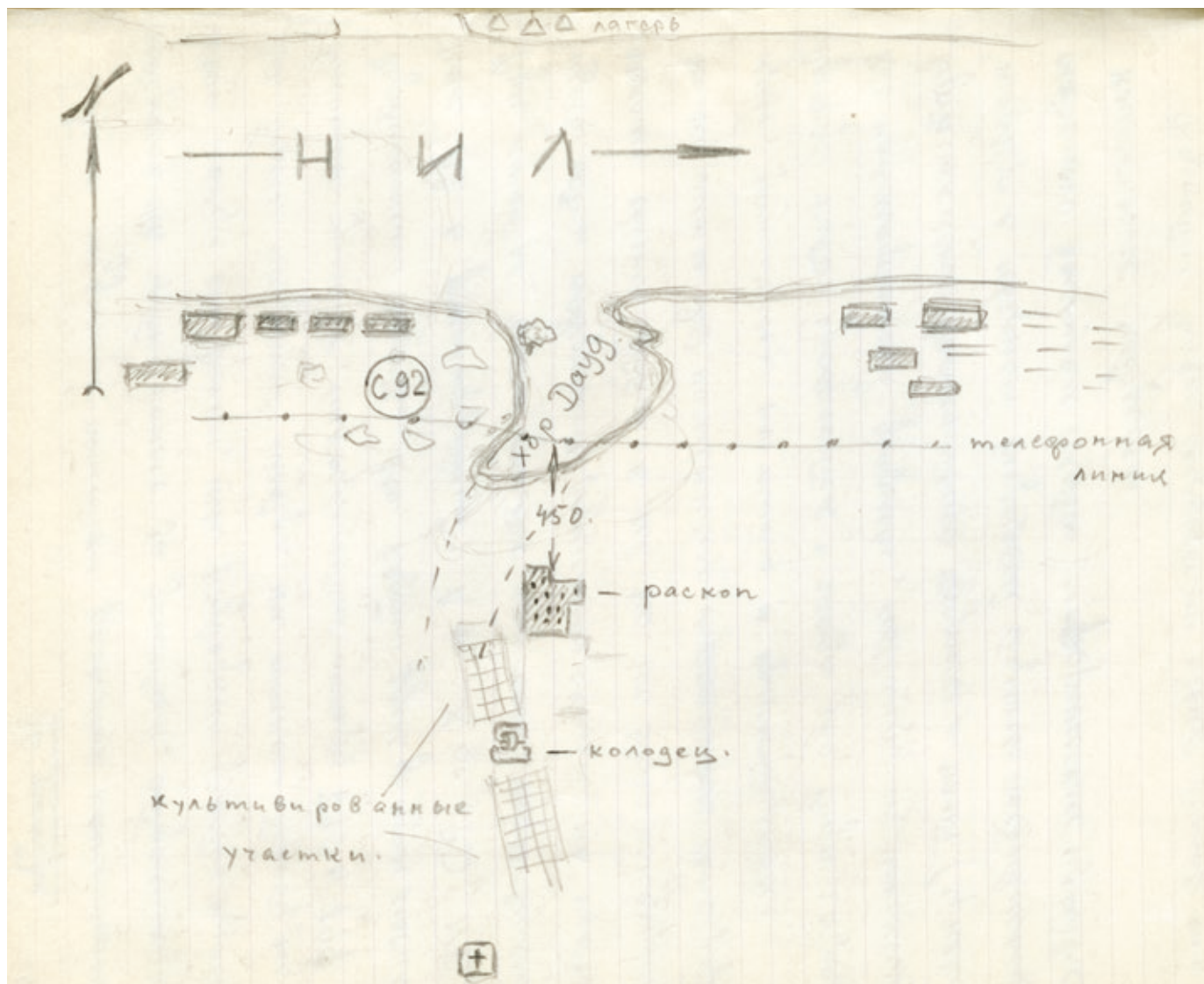

Ил. 58. Одна из хозяйственных ям Хор-Дауда
Fig. 58. One of the storage pits of Khor Daud

низенькими полуобвалившимися бровками, границами квадратов, выкопаны ямы круглые или овальные, одиночные, а чаще группами. Во многих найдены те отличные сосуды, что мы видели в лагере. А сейчас они пусты и малоинтересны. Местами видны какие-то крупные неправильной формы котлованы.

Район расчистки расширялся, уходя постепенно на восток и на юг. Границы участка с ямами еще не были известны, но пробная зачистка показала наличие ям и далеко к югу от уже исследованной площади. За пределами ее на песке были видны

многочисленные, разбросанные тут и там кучки земли. Это, как объяснили товарищи, следы бурной деятельности старика-раиса (бригадира рабочих) в первые дни после начала раскопок. Даже его, раскопщика с огромным стажем, поразили богатые находки на этой ничем не примечательной внешне песчаной равнине. Размахивая широкими рукавами белой галабии, он бегал по песку, показывая сопровождавшему его мальчишке, где надо копать, а входя в ажиотаж, брал мотыгу сам. Пришлось несколько ограничить его активность, вернув в строгие рамки квадратов.

Ил. 59. Схематический план местности, где был расположен памятник Хор-Дауд. Полевой дневник Н. Я. Мерперта. 30 декабря 1961 г.

Fig. 59. Layout of the area where the Khor Daud site was located. Merpert N. Ya. *Field diary*. Entry from December 30, 1961

Раз мы заговорили о раисе, надо сказать и о рабочих. Их двадцать человек. Они наняты в деревне Куфт близ Луксора³⁵. Жители этой деревни — профессиональные рабочие археологических экспедиций, без их участия не обходятся ни одни сколько-нибудь крупные раскопки в Египте. Работа в экспедициях — основной источник их доходов. Труд их расценивается по твердо установленной многолетней традицией ставке. Существуют градации в оплате: в зависимости от опыта и возраста. Среди нашей группы преобладают молодые крепкие мужчины, но есть и старики, и подростки. Раис, Саид Махмуд Хусейн, руководитель группы, — большой авторитет для рабочих не только на раскопках, но и в лагере. Впервые он участвовал в археологических раскопках в 1908 г. еще мальчишкой. Экспедицией руководил англичанин Фёрт, один из первооткрывателей древней нубийской культуры. Работал он и с известными исследователями древностей Нубии — Рейснером и Юнкером, а позже с многими египетскими археологами: С. Хасаном, И. Амером, С. Чабра, А. Шукри, А. Бедауи, Абу-Бакром и другими. И вот — в советской археологической экспедиции под руководством профессора Б. Б. Пиотровского.

* * *

Более восьми тысяч квадратных метров (выше 3/4 га) поверхности было расчищено от серого наносного песка при раскопках Хор-Дауда. Здесь были задействованы основные силы экспедиции, а сами раскопки заняли всё время пребывания в Нубии. Большую часть привезенной в Москву коллекции составляли находки из Хор-Дауда³⁶.

Однако не в значительных размерах памятника и не в богатстве полученных при раскопках материалов главный, особенный его интерес. Более того, пожалуй, ни одной по-настоящему уникальной вещи в Хор-Дауде не было найдено: все находки (или, по крайней мере, типы их) были известны по материалам более ранних раскопок в Нубии и Египте.

Хор-Дауд интересен тем, что представляет собой совершенно новый тип археологического памятника, неизвестный ранее ни в Египте, ни в Нубии.

Раскопанный, внешне он больше всего напоминал могильник: 578 неглубоких ям были видны

на поверхности после окончания работ. Они располагались по обоим берегам хора — небольшого сухого руслица. В дождливые сезоны по нему, очевидно, стекает вода. Вряд ли здесь когда-либо был постоянный водоток: слишком слабо врезано русло.

По обе стороны хора песчаниковые обнажения, местами причудливой формы останцы — следы многотысячелетней работы ветра, а в ложине хора толстый (местами до метра) слой плотного крупнозернистого красного песка и известковистой крошки. В красном песке были вырыты ямы. Позже эта древняя поверхность была перекрыта слоем рыхлого желтого песка. Раскопки Хор-Дауда — если исключить кропотливую работу по расчистке заполнения ям — сводились по существу к снятию песчаного слоя. Контуры ям, особенно тех, что сохранили глиняную обмазку стенок, довольно отчетливо вырисовывались на поверхности красного песка. Выделялись ямы и цветом, и плотностью их заполнения.

Не следует, однако, обольщаться: простота раскопок кажущаяся. Песком в долине Хора была покрыта весьма значительная площадь, а участок с ямами составлял лишь незначительную долю ее. Определенная закономерность в расположении ям обнаружилась лишь к концу раскопок, в процессе их ямы открывались как будто случайно, велась ли расчистка на юг или на север.

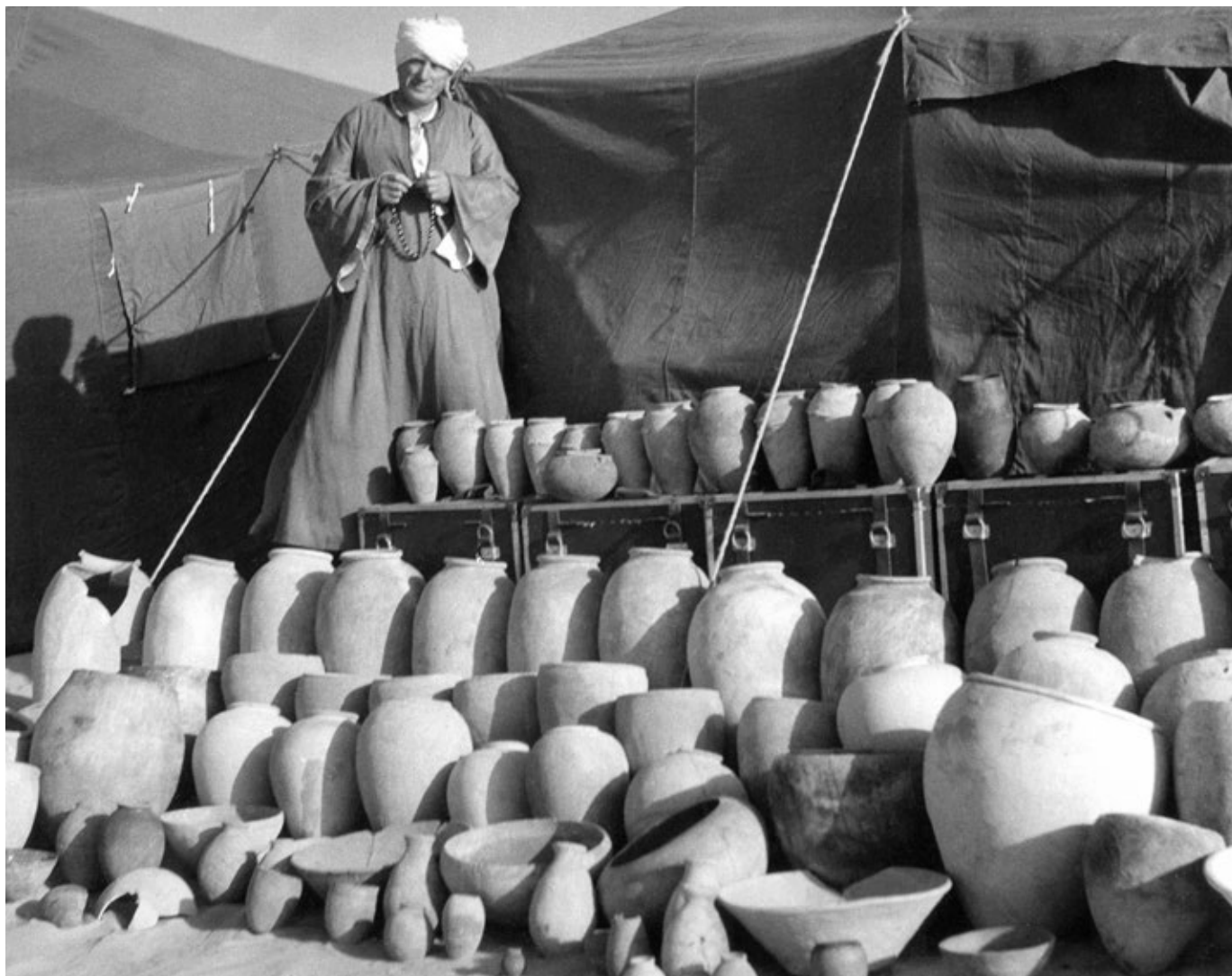
Первый этап в исследовании археологического памятника часто связан со значительными по объему земляными работами. Уже давно и в СССР, и за рубежом для перемещения десятков тысяч кубометров заведомо пустой земли используется техника: ленточные транспортеры, бульдозеры, экскаваторы, различного рода вагонетки. Особенно широко применяется техника при так называемых охранных археологических работах — на крупных новостройках, в зонах затоплений и т. д., то есть в случаях, когда сроки исследований ограничены.

Исследователи Хор-Дауда имели в своем распоряжении лишь двадцать рабочих, вооруженных мотыгами и маленькими плетеными корзинками для переноски земли. Поэтому одной из главных и наиболее сложных задач было свести к минимуму «пустую», непроизводительную расчистку. Здесь помимо краткосрочных и долгосрочных прогнозов, основывающихся на анализе получаемых еже-

дневно новых данных, большую роль сыграла и интуиция таких опытных раскопщиков, как Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков.

Как выяснилось в конце раскопок, ямы занимали два участка, вытянутых с севера на юг вдоль ложбины — хора. Расчистка ям от заполнения была делом наиболее интересным. Глубина их редко превышала метр, а в большинстве случаев колебалась в пределах от 40 до 80 см. Диаметр они были от полуметра до полутора метров. Овальные, реже круглые в плане, они часто имели вогнутые стенки, создающие заметное расширение в нижней части, изредка попадались ямы с уступами и двойные,

состоявшие из крупной основной ямы и меньшей по размерам вспомогательной, расположенной рядом и соединенной с основной проемом. Многие ямы сохранили следы тщательной обмазки глиной. Это предохраняло песчаные стенки от разрушения. Шестьдесят пять ям Хор-Дауда содержали находки, преимущественно керамику. Из ям было вынута 108 сосудов отличной сохранности, различных размеров и форм. В коллекции были огромные (более полуметра высотой) сигаровидные сосуды и небольшие красноощенные чашки с черной полосой по верху, грубые, с заметной примесью рубленой соломы в керамическом тесте плоскодонные горшки

Ил. 60. Б. Б. Пиотровский перед хор-даудской керамикой. Шуточная фотография, на которой Борис Борисович в традиционном египетском одеянии, с четками, стоит перед рядами сосудов, найденных в хор-даудских хозяйственных ямах

Fig. 60. B. B. Piotrovsky in front of Khor Daud pottery. A humorous photo of Boris Borisovich wearing a traditional Egyptian jellabiya, holding a prayer beads, and standing in front of rows of vessels found in the Khor Daud storage pits

и изящные по форме и исполнению сосуды с волнистыми и валиковыми налепными ручками (Ил. 60).

Вопрос о том, что же такое представляет собой Хор-Дауд, встал перед исследователями его с самого начала раскопок. О том, что внешне он больше всего напоминал могильник, мы уже говорили. Ямы, подобные хор-даудским, археологи уже находили изредка в составе больших некрополей. В одном из нубийских могильников (кстати, в том же районе, где работала наша экспедиция) Фёрт обнаружил такие же ямы с керамикой; по десять сосудов в каждой. Имелись они и в материалах раскопок Рейснера. При описании они именовались погребениями, однако, существенные отличия от последних (прежде всего отсутствие каких-либо следов костяка) заставили Фёрта рассматривать ямы с сосудами как жертвенные места. Ничего другого более правдоподобного тогда нельзя было предположить: ямы встречались единично и к тому же в составе некрополей.

Иное дело Хор-Дауд. Около 600 в целом однотипных ям и ни в одной из них никаких прямых признаков погребения! Погребальная яма без костяка в крупных могильниках не редкость. Чаще всего это результаты деятельности грабителей. Однако ямы Хор-Дауда не имеют никаких признаков ограбления; к тому же их слишком много. Поэтому «погребальная» версия отпала почти сразу же после начала раскопок.

Если Хор-Дауд не могильник, то, очевидно, поселение. Но остатки поселений тоже имеют весьма характерные признаки, в первую очередь наличие культурного слоя — десятилетиями скапливающиеся хозяйственные и строительные отбросы, остатки (или следы) конструкций жилых и хозяйственных построек и прочее. В культурном слое поселений и стоянок находят обычно тысячи обломков глиняной посуды (именно обломков, а не целых сосудов), кости животных, орудия труда. На Хор-Дауде культурного слоя не было. За пределами ям находки практически не встречались. Никаких следов жилищ также не было найдено. Правда, за остатки их можно было принять упоминавшиеся уже «котлованы», однако крайне неправильная форма их и, главное, отсутствие каких-либо признаков культурного слоя, заставили отказаться от такого предположения. Добавим, что назначение «котлованов»

так и не было установлено. Выяснено было лишь, что они вырыты в ту же эпоху, что и ямы, и не являются, следовательно, позднейшими перекопами.

Таким образом, перед исследователями был, очевидно, памятник какого-то нового типа.

Первое звено в интерпретации Хор-Дауда дал анализ находок в ямах, в первую очередь керамики. Несмотря на разнообразие форм и размеров, в керамических находках чувствовался определенный целенаправленный подбор. Наиболее заметную группу составляли сосуды крупных размеров — тара для хранения значительного количества запасов жидких или сыпучих продуктов. Известно было, что большие кругло- и остродонные сосуды употреблялись в древности именно для этих целей. В них держали масло или вино, насыпали зерно и другие продукты земледельческого хозяйства. В данном случае этому, однако, противоречило положение Хор-Дауда на правом берегу реки. Дело в том, что правый берег Нила в этом районе совершенно не пригоден для земледелия: здесь повсюду скальная поверхность, прикрытая местами маломощными песчаными наносами. Следовательно, Хор-Дауд не мог быть связан с земледельческим хозяйством. И снова на помощь пришли керамические находки.

Сосуды располагались в ямах в самом различном положении. Однако было установлено, что часть их определенно хранила что-то.

Эти сосуды стояли строго вертикально и иногда были прикрыты каменными плитками. Другие сосуды тоже стояли вертикально, но горлом вниз. В некоторых ямах сосуды лежали на боку, тщательно, определенным образом, уложенные (Ил. 61, 62).

В двух последних случаях в сосудах, бесспорно, ничего не было, но это была не просто пустая тара. Это была тара, подготовленная для хранения продукта. Вспомните: вверх дном ставится обычно только что вымытая посуда. Таким образом, анализ керамики, ее форм и расположения в ямах позволил прийти к следующему выводу: перед нами некое хранилище с емкостями, частью заполненными продуктом, частью — тщательно подготовленными для его приема.

Земледельческий вариант Хор-Дауда, как мы видели, полностью отпадал. Учитывая приведенные выше данные, а также некоторые аналогии из истории и археологии Древнего Египта и Ну-

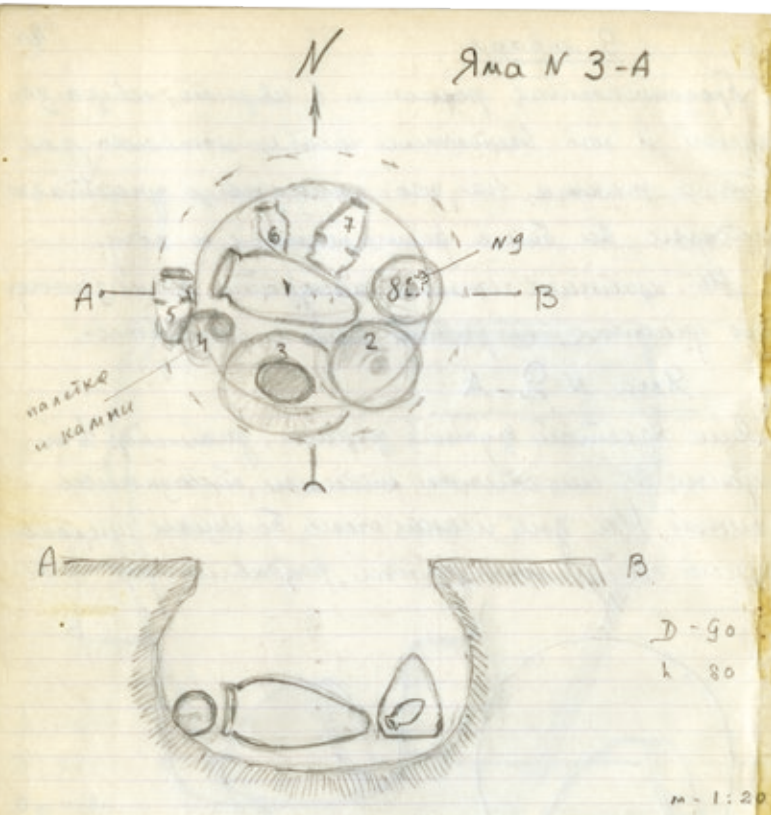
бии можно было увязать Хор-Дауд со скотоводческим (точнее — с молочным) хозяйством древних нубийских племен. Б. Б. Пиотровский, предложивший и позднее обосновавший эту гипотезу, привел в доказательство ее ряд интересных соображений и фактов.

Общий вид памятника реконструировался следующим образом. Поселение не имело долговременных жилищ. Очевидно, существовали лишь временные легкие постройки из камыша, не оставившие следов. Ямы были прикрыты щитами из камыша. Основанием для такой реконструкции послужило, помимо результатов раскопок, одно из изображений в шумерском храме близ Ура, относящееся к первой четверти III тысячелетия до н. э. На нем легкая постройка из тростника, в которой производилась дойка коров. Рядом люди с высокими остродонными сосудами, похожими на хор-даудские. Они переливают молоко, сбивают масло.

В древнеегипетских надписях молоко упоминается на жертвенных стелах II династии. В состав

иероглифа входят изображения двух сосудов — маленького остродонного и круглодонного больших размеров. В более поздних египетских надписях и изображениях, тем или иным образом связанных с молочным хозяйством, постоянно фигурируют сосуды близкие хор-даудским.

Хор-Дауд представляется сейчас как нечто вроде молочной фермы. Основное поселение располагалось на противоположном, левом берегу реки, где природные условия позволяли заниматься земледелием. На правом берегу паслись стада. В Хор-Дауде производился сбор, хранение и, очевидно, переработка молочной продукции. Судя по количеству ям и хранившейся в них посуды, масштабы хозяйственной деятельности «фермы» были довольно значительными. В Древнем Египте исследователями пока не установлен факт приготовления масла из молока. Однако можно предполагать, что население Нубии, где скотоводство имело более широкие масштабы, даже в это очень раннее время знало технологию приготовления

Ил. 61. Рисунок хозяйственной ямы № 3А из полевого дневника Н. Я. Мерперта. 9 января 1962 г.
Fig. 61. Drawing of a storage pit 3A from the Field diary of N. Ya. Merpert. Entry from January 9, 1962.

Ил. 62. Реконструкция хозяйственной ямы № 3А
Fig. 62. Reconstruction of a storage pit 3A

масла. Возможно, для его хранения употреблялись небольшие сосуды с волнистыми ручками, крупная серия которых найдена в ямах.

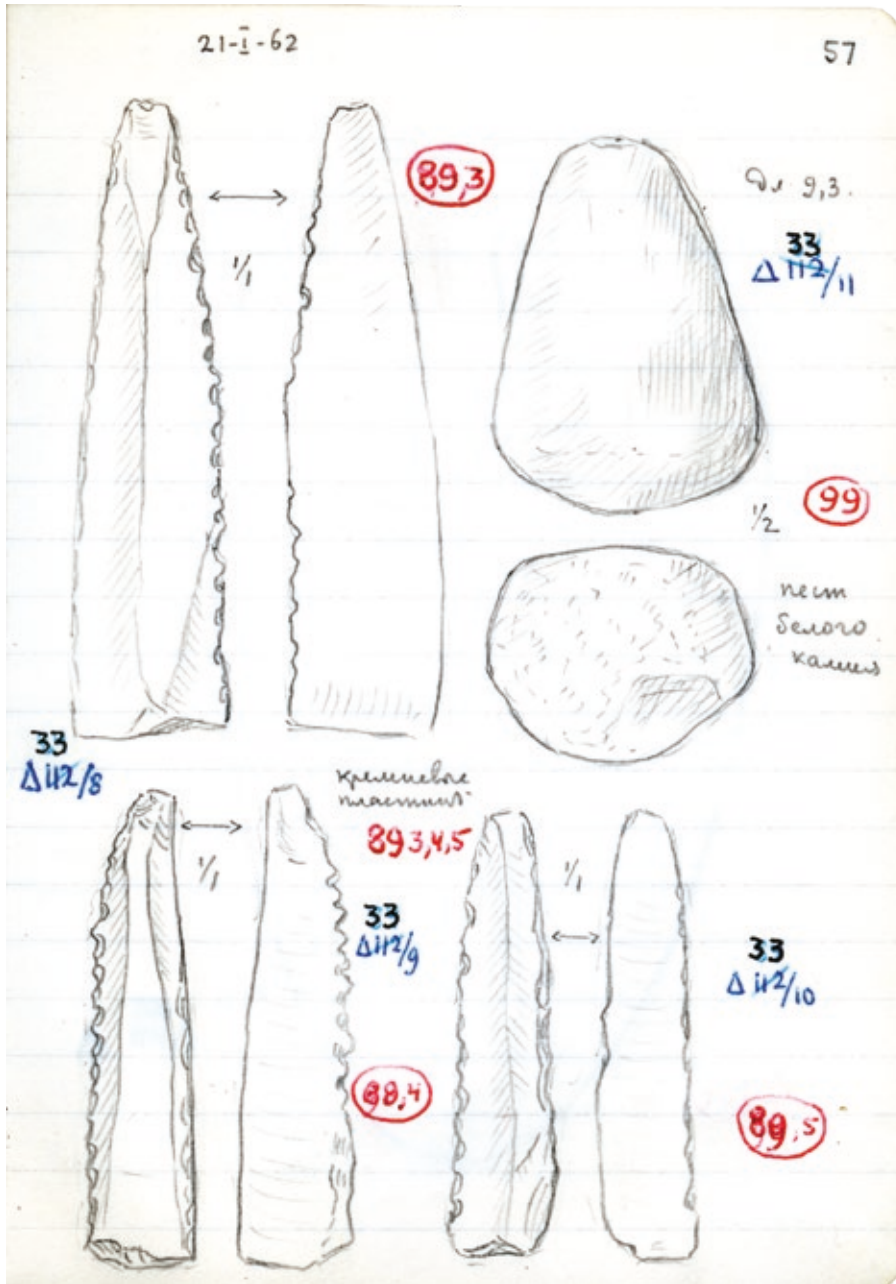
Молоко и, очевидно, главным образом продукты его переработки перевозили на левый берег к местам постоянных поселений. Хор-Дауд функционировал сезонно, поэтому работавшие в нем люди и не нуждались в долговременных жилищах. Тем более не нужны они были пастухам, кочевавшим со стадами на скудных пастбищах правого

берега. Однако в определенные периоды в Хор-Дауде жили постоянно, скрашивая часы досуга разными побочными занятиями. О них рассказывают те немногие находки, которые вместе с сосудами хранились в ямах.

Это, прежде всего, орудия труда. Почти все они сделаны из камня, преимущественно из кремня. Из тонких кремневых пластинок (их археологи называют «ножевидными пластинами») сделаны были лезвия для серпов. Большая часть их лежала в яме № 33 (Ил. 63).

Очевидно, это остатки одного орудия. Основа его была костяной или деревянной; она не сохранилась. Кремневые лезвия крепились в специально вырезанном пазу; любое из них в случае поломки легко было заменить.

Серпы с каменными лезвиями использовались, скорее всего, для резки камыша и травы. Однако не исключено, что где-то близ реки имелся небольшой участок обрабатываемой земли. Любопытно, что в одной из соседних ям (№ 34), в 15 м от места находки остатков серпа, были обнаружены зерна злаков. Специалисты, исследовавшие находку, установили, что здесь представлены пшеница двух видов и ячмень, и что посев был смешанным. Расскажем, кстати, и о находках остатков других культурных растений. Несколько раз в ямах встречались косточки финиковой пальмы и дум-пальмы. Последняя имела крупные плоды со съедобной мякотью. В одной из ям были косточки сиддера, дерева, плоды которого внешне напоминали вишню.

Ил. 63. Находки из хозяйственной ямы № 33 Хор-Дауда
 Fig. 63. Finds from the storage pit 33 of the Khor Daud site

Из кремня были сделаны скребок — массивное орудие для первичной обработки шкур, маленькая проколка и два крупных ножа. Один из ножей удивляет великолепной отделкой: поверхности его сплошь покрыты тонкой и тщательной ретушью. Любопытным и несколько неожиданным оказался результат исследования под микроскопом следов сработанности на этом орудии. Выяснилось, что это вовсе не нож, а пила, служившая для обработки мягких пород дерева.

Из других, более податливых при обработке, пород камня были сделаны два терочных камня, пест и палетка для растирания красок. И лишь однажды раскопщики нашли металл — обломок какого-то изделия, вероятно долота, сделанного из меди.

В одном из сосудов восточного участка ям была обнаружена очень любопытная коллекция бус. Всего их было 344, однако полностью готовых лишь 185. Мелкие, черные и белые, различной формы, они были изготовлены из глины и, несмотря на крайне малые размеры, великолепно отделаны. Остальные — уже сформованные, но еще не отделанные, не отшлифованные заготовки. Эти находки — следы подсобной деятельности, заполнявшей досуг «специалистов по молоку», обитателей Хор-Дауда.

О времени существования памятника мы уже говорили; оно достаточно четко определяется его богатой керамической коллекцией. Большинство аналогий хор-даудским керамическим формам уходит к хорошо датированным образцам из Египта и Нубии, относящимся к самому началу древнеегипетского государства, к концу IV — началу III тысячелетия до н. э.

Итак, Хор-Дауд — археологический памятник нового типа, неизвестного доселе археологам. Характерные признаки его — значительные размеры, стандартные формы ям, сочетающиеся с их разнотипностью, общая завершенность памятника — свидетельствуют о том, что Хор-Дауд не одинок. В будущем, вероятно, последуют новые открытия подобного рода, в том числе и на территории Египта.

Особый интерес Хор-Дауда в его специализации, непосредственной связи со скотоводческим хозяйством. О скотоводческих занятиях населения Египта и Нубии в додинастическое и раннедина-

стическое время уже давно и достаточно хорошо известно исследователям. Однако роль их в экономике этого времени, особенно если учесть результаты раскопок Хор-Дауда, по-видимому, несколько недооценивалась.

Б. Б. Пиотровский, анализируя материалы раскопок, показал, что занятия скотоводством играли большую роль в хозяйстве Египта преддинастического времени и в период первых династий, чем предполагалось ранее. С развитием скотоводства надо, очевидно, связывать процесс образования имущественных классов в период, предшествовавший оформлению государства. Очевидно, такая «скотоводческая стадия» присуща не только населению степей, но и «цивилизациям великих рек». Примитивное еще в то время земледелие не могло обеспечить устойчивого количества прибавочного продукта и конкурировать в этом плане с хорошо развитым скотоводством.

Подъем земледельческого хозяйства в конце IV — начале III тысячелетий до н. э. в Египте, где условия для его развития были более благоприятны, чем в Нубии, способствовал образованию государства. Однако и в эпоху первых династий скотоводство оставалось всё еще существенной отраслью хозяйства, а следы его некогда важной роли были закреплены в древнеегипетской письменности. Многие древнеегипетские термины, обозначающие имущественное, классовое положение, знатность, связаны со скотоводством. Так, термин «князь», «царь» передавался изображением пастушеского посоха, коза со знаком собственности на шее обозначала «знатность», «благородство», а лежащий теленок — «наследство». Изображения крупного и мелкого рогатого скота и атрибутов, связанных со скотоводством, нередки и для других обозначений, в частности для знаков многих областей Древнего Египта.

Из всего, что было сказано выше, можно сделать один очень существенный вывод: не только Верхний Египет, но и Северная Нубия с ее хозяйственными ресурсами и культурными достижениями стоит у колыбели древнеегипетского государства. Именно это, а не сокровища, о которых пишут более поздние египетские источники, — золото, слоновая кость, рабы и другое — является главным вкладом Нубии в «копилку» древнеегипетской культуры.

4. По следам грабителей могил

Медленно, длинной вереницей, с наполненными песком корзинами на плечах идут рабочие. Метрах в 20 от раскопа песок сваливается в большую кучу, и рабочие не спеша возвращаются обратно. Почти непрерывно ведется общий и весьма оживленный разговор. Мальчишки, а их у нас несколько, стараются ходить парами; о чем-то своем они разговаривают вполголоса. Иногда обмен мнениями становится слишком уж оживленным: корзинки, мотыги — всё, что мешает быстрой, почти неистовой жестикуляции руками перед носом оппонента, летит на землю. Голоса повышаются и доходят до крика. Удобно устроившийся на куче песка раис, не торопясь, поднимается, и страсти постепенно утихают.

— Эрфа! Эрфа! Поднимай! — кричит раис, прохаживаясь между расчищаемыми погребениями (Ил. 64).

Почти три месяца мы с Фуадом Якубом с помощью небольшой группы рабочих ведем раскопки могильников на западном берегу реки. Сейчас мы

недалеко от Коштамны, большой деревни, белые домики которой, построенные прямо на песке, хорошо видны на фоне далеких синеватых скал.

Вдоль берега тянется невысокая песчаниковая гряда; полого опускающаяся к воде песчаная прибрежная полоса обрамлена у реки узкой полоской кустарника. Кусты облеплены птицами. Они пронзительно кричат и улетают, когда подходишь к зарослям; в прозрачной воде видны темные спины лениво удаляющихся огромных сомов. Река удивительно богата всяческого рода рыбой. Ближе к деревне скалистые гряды отдаляются от берега, образуя широкое понижение, замкнутое с противоположной от реки стороны цепочкой холмов.

Здесь мы и работаем.

Несколько дней назад были закончены раскопки небольшого могильника, позднего, относящегося, вероятно, к эпохе Нового царства, да и малоинтересного: все погребения его были так варварски ограблены, что порой с трудом удавалось установить примерную форму и размеры погребальной ямы. Закончив раскопки, мы были всерьез обеспо-

Ил. 64. Раскопки у селения Коштамна
Fig. 64. Excavations near the village of Koshtamna

коены поисками нового объекта, так как повседневные разведки не приносили ничего интересного.

Новый могильник был открыт как-то случайно (сейчас даже не помнится кем, кажется, одним из рабочих), и я долго недоумевал, как это мы, проходя ежедневно по несколько раз в 50 м от этого скопления камней, не обратили на них внимания.

Некогда над погребениями были невысокие кольцевые выкладки из песчаниковых плит. Сейчас они полностью разрушены: плиты в беспорядке лежат на песке, образуя на поверхности могильника большую, неправильно-овальную в плане фигуру.

Целый день перед началом раскопок ушел на подробное описание могильника, снятие плана, фотографирование. Эта предварительная работа не всегда интересна — хочется поскорее начать расчистку, но без нее нельзя. Ведь раскопать археологический памятник вторично никак не возможно: во время раскопок он практически уничтожается. Находки, полученные во время раскопок, и подробная документация — чертежи, описания, фотографии — единственное, что остается исследователю, историку или археологу, отдаленному, возможно, от момента раскопок не одним десятком лет.

Прежде чем рассказать о раскопках, напомним о еще одном обстоятельстве. Наверное, многие из читавших интереснейшую книгу Керама «Боги, гробницы, ученые»^{*} помнят о несколько необычном судебном процессе³⁷, происходившем в столице Египта — Фивах во времена XX династии (то есть примерно три тысячи лет назад). Египетский вельможа Пасер, начальник Восточных Фив (город был разделен Нилом на две части; в западной был расположен огромный некрополь и заупокойные храмы фараонов XVIII и XIX династий), получив донесение о грабежах гробниц, сделал донос на начальника Западных Фив Пауера. Последний, очевидно, замешанный каким-то образом в этом деле, сумел подкупить членов разбиравшей донос комиссии, и тот был отклонен. Нашлась и достаточно «серьезная» причина: количество ограблений гробниц в нем было указано неправильно. Через несколько лет после окончания процесса банда грабителей гробниц всё же была разоблачена. До нас дошли их имена. Вот они: каменотес Хепи, ремесленник Ираун,

^{*} Керам К. Боги, гробницы, ученые. Роман археологии. М., 1960 (прим. автора).

крестьянин Аменемхеб, водонос Хамуас, негр-невольник Иснефер. Их показания на суде, отрывки из которых приведены в книге Керама, и сейчас звучат волнующе.

Известно еще много свидетельств о хорошо организованных ограблениях гробниц, о шайках, специализировавшихся на ограблении древних погребений, деятельность которых не прекращалась до недавнего времени. Ни дьявольские ухищрения строителей, ни бдительная охрана и строжайшее по отношению к грабителям законодательство — ничто не могло остановить алчущих золота и драгоценностей грабителей. Вооруженные примитивными орудиями, они проникали в самые отдаленные, спрятанные в скалах тайники, замирая при тусклом свете факелов перед сказочными сокровищами усыпальниц фараонов и вельмож. Глубокие замаскированные колодцы, огромные глыбы камня, неустойчивые своды узких грабительских лазов ежесекундно грозили гибелью... А наверху ждала фараоновская стража, на подкуп которой не всегда хватало денег...

Уже давно археологам стало известно, что подавляющее большинство богатых египетских погребений ограблено. Ведь даже открытая Г. Картером гробница Тутанхамона — а это было одним из самых замечательных археологических открытий, — как было установлено, дважды посещалась грабителями всего через несколько лет после захоронения фараона.

Могут спросить: почему я всё это рассказываю? Ведь в могильниках, которые мы с Фуадом раскапывали, никогда не было и не могло быть и тысячной доли тех сокровищ, которые привлекали грабителей в усыпальницы знати. Однако примерно из сотни раскопанных нами за три месяца погребений (а это, безусловно, были погребения простых нубийцев разных эпох), только пять-шесть погребений каким-то образом уцелели от ограбления. Следы ограбления, произведенного, несомненно, еще в древности, большей частью хорошо заметны еще до раскопок погребения — обычно в виде незначительного, иногда едва заметного проседания поверхности песка над могильной ямой. Эта «грабительская воронка», как ее называют археологи, образуется в результате постепенного естественного заполнения выкопанной грабителями ямы.

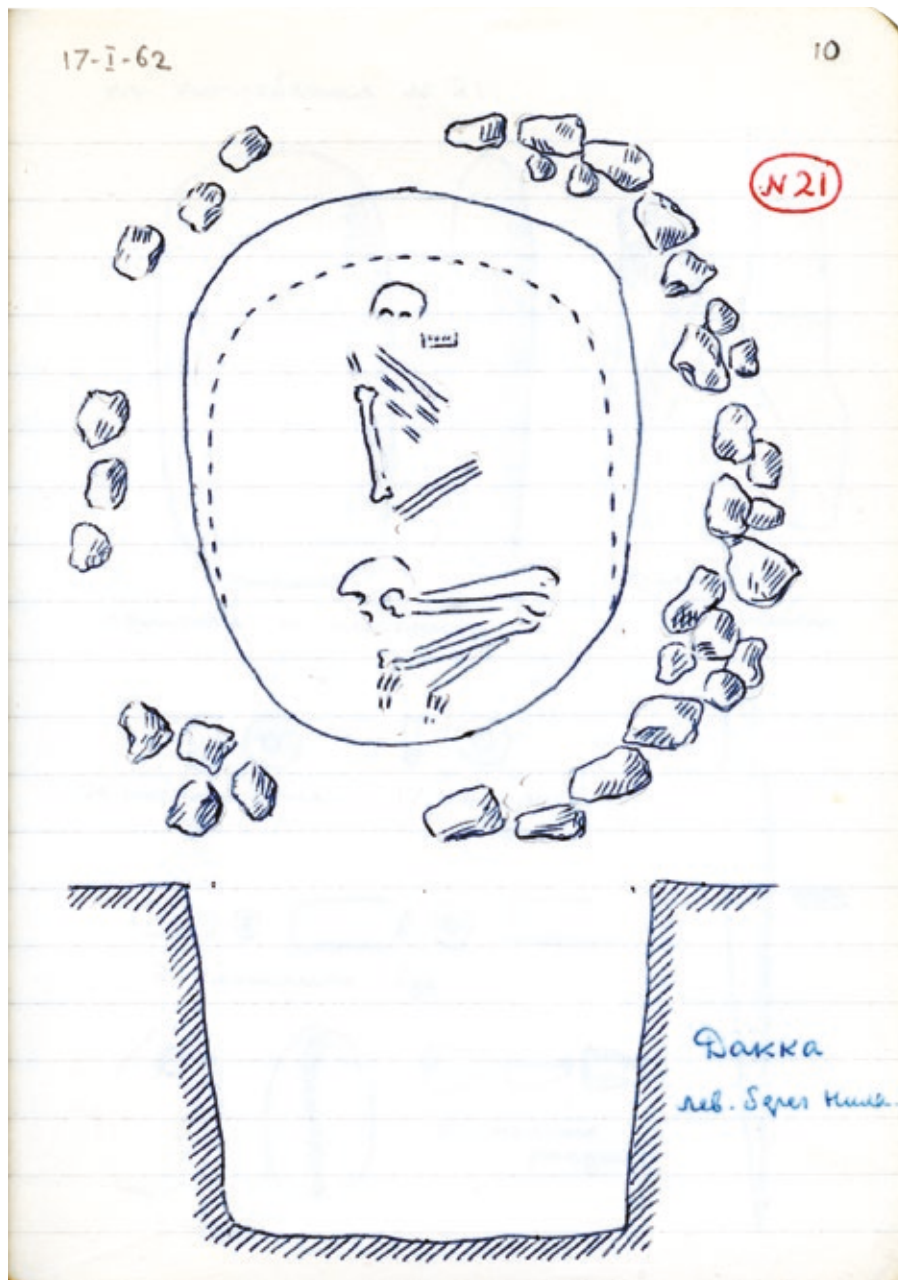
Ведь они всегда очень торопятся и им часто недосуг скрыть результаты своих «трудов».

Грабители, как известно, не вели научных раскопок. И хотя им почти всегда бывали известны все особенности погребального обряда, в том числе и традиционный порядок расположения сопровождавших покойного вещей, всё же труд археолога никогда не бывает затрачен совершенно впустую. Во-первых, даже ограбленные

погребения позволяют судить о характере погребального обряда (а это очень важно для изучения различных сторон духовной культуры древнего населения); во-вторых, мы всё же находим кое-какие из сопровождавших покойного вещей. Они, вместе с некоторыми другими данными раскопок, позволяют определить время погребения. Причины, почему в ограбленных погребениях всё же находят вещи и иногда очень ценные с точки зрения грабителей, бывают разные, но основных всё-таки две: грабители, как уже говорилось, всегда очень торопятся и не могут просматривать каждую горсть земли (как это делают археологи), во-вторых, некоторые вещи их не интересуют.

Вернемся, однако, к могильнику на берегу Нила.

Вот небольшая выдержка из полевого дневника: «Погребение № 21. На поверхности не просматривалось. Обнаружено в процессе зачистки (рабочие сгребают и уносят в корзинках слой песка толщиной в сантиметров 30–40) между погребениями №№ 17 и 14. Могильная яма овальной формы, размером 130×110 см, глубиной в 85 см, вырыта в слое уплотненного серого песка, ориентирована по линии В–З. Заполнение ямы также песчаное. В засыпке... (в таких-то местах и на таких-то уровнях)... найдены обломки трех лепных сосудов — полусферической формы чашек... (далее идет подробное описание обломков). Костяк скорченный, лежит на левом боку, головой на запад. Сильно потревожен» (Ил. 65, 66).

Ил. 65. Могильник у села Коштамна. Могила № 21. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского

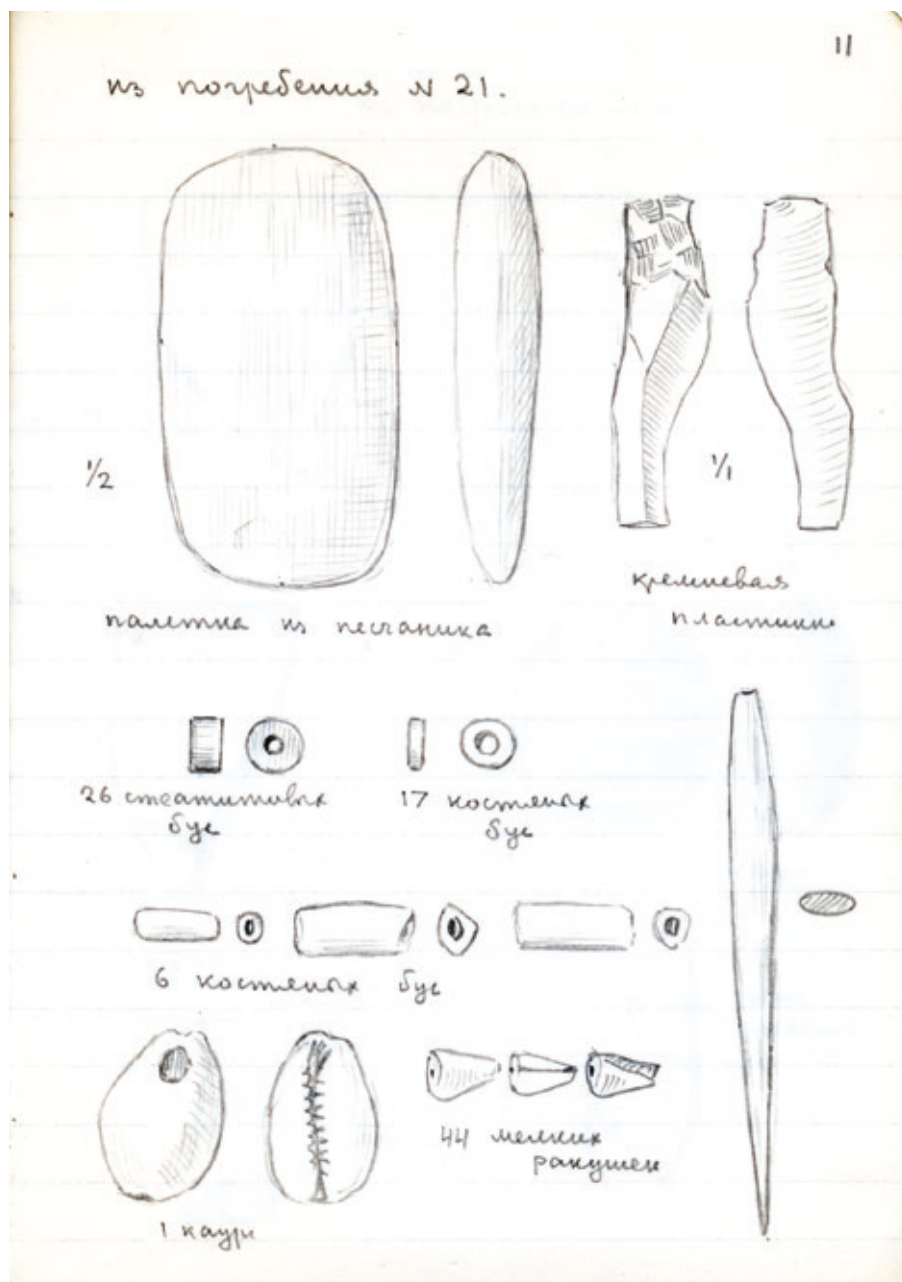
Fig. 65. Necropolis near the village of Koshtamna. Grave 21. A page from the diary of B. B. Piotrovsky

Массивный, широкоплечий Иосип, подоткнув полы галабии и с трудом нащупав босыми ногами свободное местечко на дне ямы, осторожно, кисточкой отгребает остатки песка от обнажившихся костей скелета. Яма очень тесная и неудобная; с трудом нагибаясь, он медленно черпает песок алюминиевым совком и выбрасывает в стоящую наверху корзину. Постепенно на желтом песчаном дне ямы вырисовывается весь костяк. Ноги погребенного были сильно подогнуты, колени находились на уровне живота. Кисти согнутых рук лежали под левой щекой. Это хорошо известный археологам ритуал погребения: в III и II тысячелетиях до н. э. он чрезвычайно характерен для обширных, часто очень отдаленных друг от друга территорий. Существует много предположений относительно причин возникновения этого обряда, но к единому мнению археологи до сих пор не пришли.

Ясно, что погребение № 21 ограблено. Взять хотя бы обломки сосудов в засыпке ямы — несомненно выброшенные за ненадобностью грабителями. Раньше целые сосуды стояли на дне ямы, при костяке. Да и сам костяк потревожен; отброшена в сторону локтевая кость правой руки, рассыпаны шейные позвонки, отодвинут череп.

Самые интересные находки были на дне ямы, среди костей. Наверное, все они побывали в руках грабителя, а затем были выброшены за ненадобностью. Туалетный набор лежал когда-то в одном месте. Сейчас мы находим все три его предме-

та в разных концах ямы. В ногах погребенного оказалась палетка — специально выточенный из песчаника плоский овальной формы предмет. Палетка служила для растирания краски. Нашлась и сама краска — кусочек желтой охры со стертymi на палетке гранями. А вот маленькая палочка с заостренным концом. Абади, которому поручалось обычно самое сложное и кропотливое дело — окончательная расчистка костяка, осторожно сдувает с нее песок, и я рисую

Ил. 66. Заупокойный инвентарь из могилы № 21. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского

Fig. 66. Finds from Grave 21. A page from the diary of B. B. Piotrovsky

ее на плане погребения, где уже отмечены ямы, положение костяка и все другие находки. Убедившись, что палочка хорошей сохранности, Абади осторожно берет ее двумя пальцами, а затем почему-то трогает кончиком языка. Опасаясь за сохранность палочки, я быстро протягиваю к ней руку. Абади смеется и что-то говорит Фуаду.

— Абади считает, что палочка сделана из слоновой кости, — переводит улыбающийся Фуад.

Я очень заинтересован этим не совсем гигиеничным способом определения материала и, насколько позволяет мое знание английского, расспрашиваю Фуада. Он рассказывает, что предметы, сделанные из слоновой кости (в отличие от обычной кости или дерева — их трудно отличить), почему-то очень сильно присасываются к влажному кончику языка. Тут же опробую новый метод. Действительно прилипает очень сильно. Мне кажется, что язык даже немного пощипывает! Фуад объясняет, что этот и многие другие, доморощенные, «ненаучные» методы определения материала очень распространены у египетских рабочих-профессионалов и почти всегда совпадают с лабораторными определениями.

Фуад рассказывает и о назначении палочки. Она тоже из туалетного набора. С ее помощью краска наносилась на веки — существовал такой обычай в Египте и, по-видимому, в Нубии.

Вперемежку с вещами туалетного набора мы нашли в погребении № 21 предметы уже совершенно иного характера — производственного. Они тоже когда-то составляли набор: сейчас часть его утеряна. Это был отбойник, небольшая отполированная до блеска галька с выщерблинами и вмятинами на концах. С его помощью с нуклеуса — кремневого ядрища — снимали правильно ограненные, длинные и тонкие пластины («ножевидные пластины», как их называют археологи), а из них затем делали всевозможные орудия: лезвия для серпов и ножей, скребки, скобели. Нашлась и пластина: небольшая, тонкая, с очень острыми краями. Не было только нуклеуса.

Просматривая песок на дне ямы, мы находим бусины брошенного грабителями и рассыпавшегося ожерелья или браслетов: скорее всего того и другого — бусин очень много. Поощряемый взглядом Абади, я отбираю все костяные бусины и только

что описанным способом определяю, что длинные, ромбические в сечении бусы сделаны из слоновой кости. Много бусин из стеатита и белых раковин: маленьких, дисковидных с дырочкой посредине. Найдены бусы из мелких, конической формы, необработанных раковин. Раковины эти так и называются по латыни *Conus* и, как выяснилось позднее, доставлены сюда с берегов Красного моря.

Одно за другим вскрываем мы древние погребения, ограбленные и не замеченные грабителями, бедные погребения простых нубийцев и еще более бедные, в которых погребальный инвентарь состоял из одного лишь лепного сосуда с едой да нитки бус из дешевых раковин. Как на зло, все неграбленные погребения относились к числу самых бедных. Они не дали никаких особенных находок, но позволили собрать небольшую серию целых сосудов.

Интересными были два парных погребения, совершенные с соблюдением характерного для могильника ритуала. В одном мы расчистили два детских костяка, в другом — скорченный женский костяк и в ногах у него плохо сохранившийся скелетик младенца. Оба захоронения одновременные, очевидно последствия какой-то болезни, не пощадившей ни мать, ни ребенка.

Веселое оживление среди рабочих вызвала погребенная в могильнике собака. Мы нашли ее в самом центре могильника в неглубокой ямке, и погребена она была по всем правилам тогдашнего похоронного обряда и даже не ограблена. Ее так же положили на боку с подогнутыми лапами (Ил. 67).

На шее было надето ожерелье из мелких конических раковин, точно таких же, что и во многих других погребениях. А рядом лежал массивный отбойник из темно-зеленого гранита и створка большой морской раковины с обрезанными краями, служившая либо палеткой, либо сосудиком для красок. Интересно, что мы не могли связать это погребение ни с одним из людских погребений могильника. Собака была похоронена совершенно самостоятельно и, следовательно, не могла быть отнесена к числу жертвенных животных. Тогда как же его рассматривать?

Постепенно накапливался материал для датировки могильника. По вечерам, в лагере, мы с Фуадом просматривали тома о старых раскопках в Ну-

бии, отыскивая аналогии нашим находкам, советовались с Борисом Борисовичем.

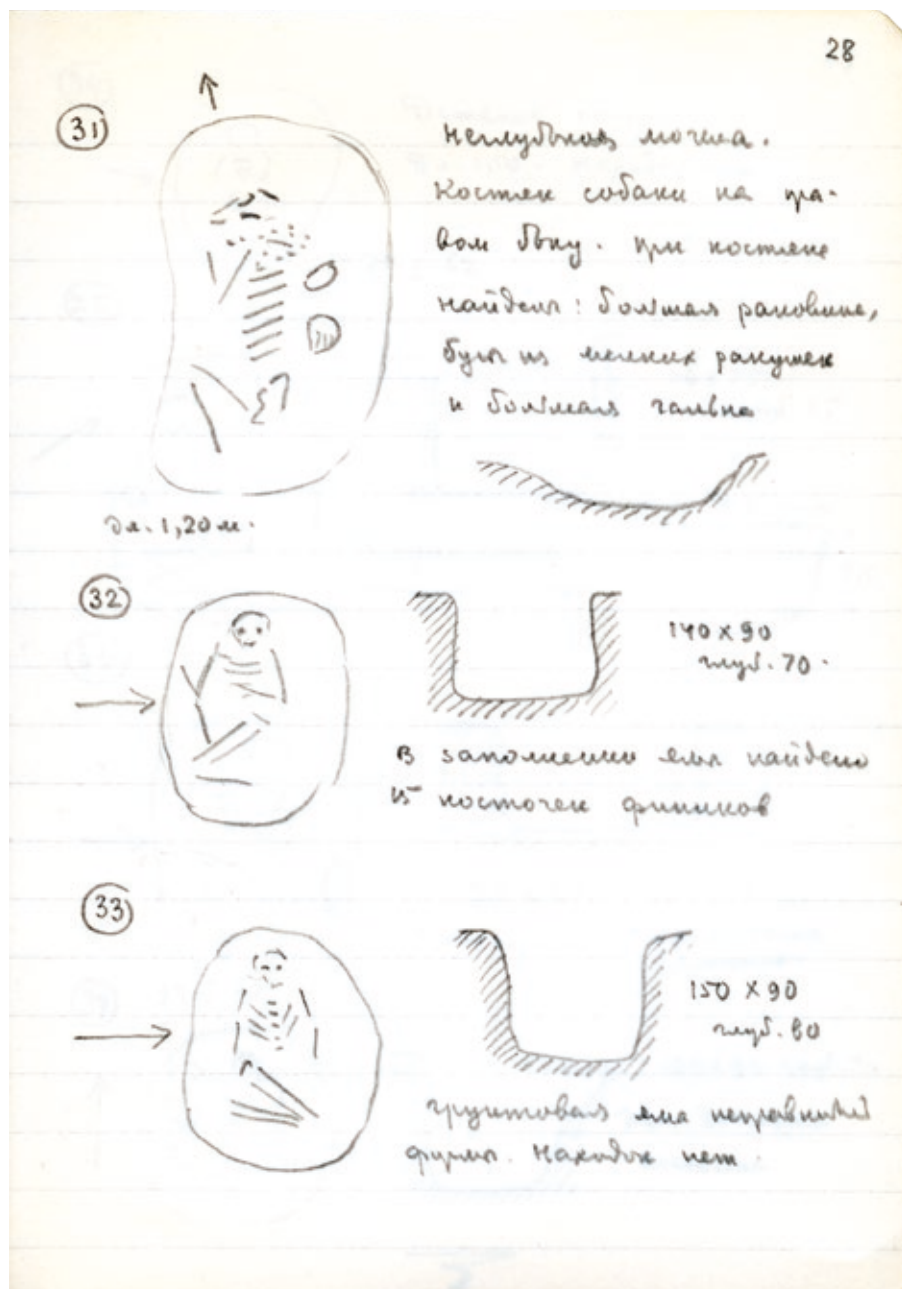
Очень многое для определения времени погребений дал сам погребальный обряд. Известно, что все внешние проявления религиозных верований, в частности погребальные обычаи, отличаются особенной консервативностью и сохраняются чрезвычайно долго. Но постепенно, какими-то второстепенными для нас деталями меняются и они. И если эти изменения отражаются в устройстве могилы, положении погребенного или расположении сопровождающих покойного вещей, то они не могут избежать внимания археологов.

Один из пионеров нубийской археологии Дж. Рейснер, раскопавший на берегах Нила южнее Асуана не один десяток древних могильников, сумел проследить, как на протяжении многих веков менялись погребальные обряды нубийцев. Позднее другие археологи, в частности, Фёрт, Эмери и Юнкер подтвердили наблюдения Рейснера и уточнили многие детали.

Рейснером было установлено на материале сотен раскопанных погребений, что как для могильников раннединастического времени (Группа А), так и для могильников эпохи Древнего (Группа В) и Среднего (Группа С) царств характерны скорченные погребения. Однако для Группы А типичным является положение погребенного на левом боку, а для Группы С — на правом, в то время как для Группы В на том и на другом. То же самое и в ориентировке погреб-

енных. Подавляющее большинство погребенных в раннединастических могильниках положены головой на юг; строго восточную ориентировку имеют погребения Группы С. По поводу же могильников Группы В Рейснер пишет: «Ориентация очень нерегулярная, чаще северная или западная, но имеется так же восточная и южная».

Какие же признаки показывает наш могильник? Вот они: скорченное труположение на левом и на правом боку, единично — на спине.

Ил. 67. Погребение собаки (могила № 31). Некрополь в районе селения Коштамна. Страница из полевого дневника Б.Б. Пиотровского

Fig. 67. Burial of a dog (Grave 31). Necropolis in the vicinity of the village of Koshtamna. A page from the diary of B. B. Piotrovsky

Ориентировка преобладает западная, часто встречается северо-западная и юго-западная, редко северная и юго-восточная. Таким образом, по всем признакам могильник можно датировать периодом Группы В. Эта датировка подтверждается и керамикой — небольшим цилиндрическим сосудом с плоским дном и лепными круглодонными, иногда овальной в плане формы, чашками, большинство из которых имеет такой характерный признак, как широкая черная полоса, опоясывающая сосуд по верхнему краю. Такие сосуды называются черноверхими (*англ.* black-topped). Известно, что в Нубии они уже не встречаются в более позднее, чем Группа С, время, а в Египте исчезают еще раньше.

Но это еще не всё. Рейснером была сделана попытка выделить признаки, характерные для раннего и позднего периодов Группы В. Мы не будем их перечислять, они основаны на преобладании той или иной ориентировки костяков, их положения и т. п. Основываясь на них, можно было бы несколько уточнить датировку и отнести могильник к раннему этапу Группы В. Однако сделать это можно лишь предположительно: небольшие размеры могильника не позволяют с уверенностью утверждать это; к тому же нам мало что известно о характере каменных наземных конструкций могил.

Прежде чем рассказать, что же всё-таки такое эта Группа В, вернемся снова ненадолго к погребению собаки. Неожиданно оказалось, что оно едва ли не самое интересное в могильнике, так как связано с одной из многих не разгаданных учеными загадок древней Нубии. Погребения разных животных нередки для могильников предшествующего Группе В периода, но тогда они, как в Нубии, так и в Египте, всегда связаны с погребениями людей. Ни у кого не вызывает сомнения, что это жертвенные животные. Иное дело в период Группы В. Свообразие погребений животных в могильниках этой группы, произведенных обычно с соблюдением характерного для этого времени ритуала, и заключается в том, что они не могут быть непосредственно связаны ни с одним из окружающих их обычных погребений. Говоря другими словами, это были в той же степени уважаемые члены общины, что и все другие погребенные в могильнике.

Так как погребения такого рода встречаются нередко, археологами было высказано несколь-

ко предположений, объясняющих их. Но ни одно из них не отличается полной достоверностью. Одни считают, что это могут быть захоронения особенно любимых животных, другие говорят, что речь может идти о священных животных. Любопытно, что если это всё-таки не жертвенные животные, то их погребения не могут быть сопоставлены ни с одним из известных даже для Египта погребальных обрядов. Конечно, раскопанное нами всего лишь одно погребение нисколько не прояснило загадки. Но ведь известно, что чем больше материала, тем легче исследователю раскрывать тайны древней истории. И когда-нибудь из множества разрозненных на первый взгляд фактов возникнет стройная теория, объясняющая еще одну малоизвестную подробность истории.

Итак, период Группы В. Мы уже говорили, что хронологически это соответствует правлению в Египте III–IV династии, то есть охватывает время с 2778 по 2270 гг. до н. э. В Египте это время строительства знаменитых пирамид в Саккаре и Гизе, сооружения храмов и каналов, период победоносных походов и завоеваний, необычайного подъема культуры и науки.

Археолог, изучавший в Нубии памятники этого времени (а до сих пор известны преимущественно только могильники), сказал бы, кратко подытоживая результаты своих раскопок: «В период Группы В сравнительно немногочисленное население Нубии, жившее между Первым и Вторым порогом, занималось преимущественно скотоводством, а также охотой, рыболовством и земледелием там, где это возможно. Нубийцы разводили овец, коз и крупный рогатый скот. Скот выпасался на обширных степных пастбищах, место которых впоследствии заняла безводная пустыня. На узкой полоске земли вдоль Нила возделывали огородные культуры. Местами культивировали ячмень, просо, виноград и финиковую пальму. Материальная культура, известная по данным раскопок могильников, близка культуре предшествующего периода, но переживает упадок (или, как пишет Эмери, является продолжением раннединастической, но в сильно дегенерирующей форме). Исчезает характерное для раннединастического времени разнообразие керамических форм, да и вообще керамики очень мало, и она худшего качества. Медные

изделия очень редки: проколки, шилья, да иногда медные пластины. Однажды нашли наконечник копья, но погребение относилось к самому началу периода Группы В. Кремневые орудия редки, но каменные — навершия булав и топоры — встречаются чаще. Много изделий из кости, в том числе и из слоновой: орудия, утварь, украшения. Беднее бусы... Многие из черепов, найденных в погребениях Группы В, показывают негроидную примесь, иногда встречаются чисто негроидные типы... Резкого имущественного расслоения по материалам погребений как будто не прослеживается».

Искушенному человеку этот сухой отчет рассказал бы о многом. Но еще красочнее будет рассказ, если обратиться к египетским источникам.

Египетские надписи времен правления III–IV династий несравненно словоохотливее рассказывают о Нубии, чем в предшествующий период. К этому времени считается уже полностью присоединенной к Египту окраинная часть Нубии к северу от Элефантины (до Силсилэ на севере, район, считавшийся раньше составной частью Нубии). Однако погоня за богатой военной добычей толкает фараонов, власть которых в объединенном Египте необычайно усилилась, всё дальше на юг. Так называемый Палермский камень рассказывает о большой военной экспедиции в Нубию при Снофру, последнем фараоне III династии. Там говорится, между прочим: «Сокрушение земли негров, доставка 7000 пленных мужчин и женщин и 200 тысяч голов быков и овец». Соответствуют ли эти цифры действительности, пускай остается на совести фараона Снофру, приказавшего выбить надпись о походе. Но если даже они и преувеличены, нет сомнения, что казна фараона сильно пополнилась после этого грабежа.

Новая подробность открывается нам при описании походов времен VI династии. Один из высших придворных чиновников Уна³⁸ (он служил при фараонах Пепи I и Меренра; последний сделал его «наместником юга»), затем элфантинский номарх Херхуф (современник фараонов Меренра и Пепи II) совершили несколько походов на юг, за первые пороги. Но, очевидно, не всё можно было получить грабежом. Кроме рабов и скота требовались теперь, и в большом количестве, предметы роскоши. Дворы фараона и номархов отличались

теперь необыкновенной пышностью. Много требовалось и многочисленным храмам. Нужны были благовония, слоновая кость, дорогие сорта дерева, шкуры экзотических животных. Приходилось не только грабить, но и вступать в торговый обмен. Поэтому за солдатами идут караваны с притираниями, изделиями из фаянса, алебастровыми сосудами для обмена и подарков вождям нубийских племен.

Для историка интересны перечисления военной добычи, но еще больше — сведения о внутреннем положении, о политических событиях, происходивших в это время в Нубии. Крупницы таких сведений, полученных в результате постоянного военного и торгового общения с населявшими страну племенами, мы находим в надписях.

В биографии Херхуфа рассказывается: «Его величество Мернера³⁹ отправил меня вместе с моим отцом Ирой в страну Иам, чтобы открыть путь в эту страну. Это я исполнил в 7 месяцев и доставил всякого рода дары из нее... и был весьма отличен за это. В другой раз его величество послал меня одного. Я пошел по пути Элефантины, через Ирчет, Мехер, Теререс, в 8 месяцев: вернулся с дарами этих стран в большом количестве, которого раньше не доставлялось в нашу страну. Я спустился от местопребывания вождя племени Сечу и Ирчет, открыв эти страны: раньше не было это сделано никаким вельможей или предводителем караванов... Его величество послал меня в третий раз в Иам. Я вышел из... на пути оазиса и я встретил вождя страны Иам, когда он направлялся к стране Темех, чтобы поразить темехов до западного угла неба. Я вышел следом за ним к стране Темех, умиротворил ее, чтобы она молила всех богов за царя... Когда я умиротворил этого вождя Иама... перед Ирчетом, позади Сечу я встретил князя Ирчета, Сечу, Уауата... Я спустился с 300 ослами, нагруженными благовониями, эбеновым деревом, душистыми притираниями... шкурами пантер, слоновой костью, бумерангами (?) и всякими превосходными продуктами. Когда увидел вождя Ирчета, Сечу, Уауата силу и многочисленность войск Иама, направлявшихся со мной ко двору, и солдат, посланных со мной, этот вождь привел и дал мне быков и коз, и проводил меня к путям горной страны Ирчета, ибо я был превосходнее и бдительнее, чем какой-либо семер и начальник каравана, который когда-либо посылался в Иам⁴⁰».

Уауат, Сечу, Ирчет, Иам⁴¹ — названия нубийских племен. Египетские надписи насчитывают их не менее десятка. Постоянные военные столкновения, борьба за пастбища и стада, стычки с ливийцами, заселявшими оазисы в пустыне и, наконец, постоянная опасность грабительских экспедиций несравненно более сильного северного соседа способствовали образованию союзов племен. Во время второго похода в Нубию Херхуф встретился с союзом племен Сечу и Ирчет; во время третьего похода он получил быков и коз от вождя Сечу, Ирчета и Уауата. Конечно, такие объединения племен еще не были прочными политическими объединениями. Они могли под действием множества причин распасться, затем объединяться вновь уже в другом составе. Появление вождей указывает на расслоение общины, на появление родовой и племенной аристократии. Обмен с Египтом, без сомнения, ускоряет процесс имущественного расслоения, того расслоения, которое не удалось до сих пор проследить археологам по материалам могильников.

Племенные объединения не смогли приостановить египетские грабежи. Более того, к концу Древнего царства Нубия всё более и более переходит в подчинение Египту. Египтяне вмешиваются в межплеменные распри и жестоко наказывают непокорные племена. Один из преемников Херхуфа на посту эфантинского номарха, Пепинахт, рассказывает: «Его величество послал меня поразить Уауат и Ирчет. Я действовал так, что был похвален моим господином. Я перебил большое количество детей, вождей и превосходных начальников, многих доставил пленными ко двору... Опять послал меня его величество умиротворить эти страны... Я привел ко двору благополучно двух вождей этих стран и много скота».

Лишь временное внутреннее ослабление египетского государства несколько отдалило полное подчинение ему северной Нубии.

В чем же причина упадка культуры в период Группы В? Почему так малочисленны и бедны могильники?

Фёрт, вслед за Рейснером проводивший в 1908–1909 гг. исследования нубийских могильников, считает, что серьезный ущерб процветанию страны был нанесен военной экспедицией Снофру (вспом-

ните строки Палермского камня о тысячах пленников и сотнях тысяч голов скота). Того же мнения придерживается и У. Эмери, раскопавший в конце 1920–1930-х гг. десятки могильников.

Другая точка зрения (собственно, она была высказана первой, сразу же после хронологического выделения культуры периода Группы В) принадлежит Дж. Рейснеру. Он считает виновниками определенной деградации культуры Нубии варварские племена, проникавшие постепенно с юга и мешавшиеся с местным коренным населением⁴². Вспомним в связи с этим и негроидные черты у некоторых черепов из погребений Группы В. Считается, что второе мнение наиболее соответствует действительности. В самом деле, трудно объяснить военным вторжением постепенный упадок культуры, начавшийся, как подтверждается археологически, еще в конце раннединастического периода. Однако не вызывает сомнения, что и варварские грабежи Нубии египтянами никак не поспособствовали развитию местной нубийской культуры.

Интересно, что могильники и поселения Группы В не только исключительно бедны материалом, но и крайне немногочисленны. Маленькие могильники и отдельные, небольшие группы погребений в обширных могильных ямах — всё, чем располагает сейчас археология. Маловероятно, что в оставшееся до затопления Нубии время удастся значительно увеличить этот материал. Поэтому каждый новый могильник, каждое неразграбленное погребение, каждый сосуд или связка бус ценны для археолога и историка.

* * *

Только что вынутые из погребения сосуды лежат на песке, на обочине могильной ямы. Грубо вылепленные, они плохо сохранились: в глубокие сквозные трещины набились корни, залощенная поверхность местами отвалилась. С бутылочками от пепси-колы и набором кисточек к сосудам подсаживается Виктор Васильевич (Ил. 68).

В бутылках клей БФ и спирт. Виктор Васильевич тщательно очищает стенки керамических чашек от пыли, а затем пропитывает жидкоразведенным на спирте клеем разрушающиеся места. Одна из чашек с глубокими трещинами по всему тулову

не выдерживает прикосновения и разваливается. Но это не беда. Тщательно очищены и пропитаны клеем края изломов, и вот уже чашка лежит на песке совершенно целая. Лишь едва заметна тонкая паутинка изломов. Черной тушью на коричневатую поверхность черепка наносится буква «К» — Коштамнинский могильник — и двойной номер: первая цифра означает порядковый номер погребения, из которого он добыт, вторая — номер находки, тот же, что стоит против нее на плане погребения. Сегодня вечером этот сосуд вместе с другими накопившимися за день находками, изготовленными и положенными в погребения около пяти тысяч лет назад, займут место на фанерных стеллажах нашей раскладочной палатки.

* * *

В последний месяц работ мы вынуждены были в поисках новых объектов уйти далеко на юг. За-

держались мы в двенадцати километрах от лагеря, на левом берегу реки, в районе большого нубийского селения Курта. Некоторое время мы исследовали небольшие группы погребений времен Среднего и Нового царств на невысоких песчаных грядах позади деревни. Потом нашли огромный могильник в самой Курте и до конца экспедиции вели его раскопки (Ил. 69).

На небольшом скальном мысу, образованном рекой и подтопленным ее водами устьем хора Набрук, жители старой, затопленной теперь Курты устроили два небольших орошаемых участка. На поверхность песка, перекрывающего скалу, натаскали плодородного речного ила, огородили участки невысокой каменной стеной и соорудили две саккии — несложные механизмы из системы двух деревянных зубчатых колес, приводимые в движение усилиями верблюда или осла и служащие для подъема воды из глубокого колодца (Ил. 70).

Ил. 68. В. В. Пименов склеивает сосуды, только что найденные на некрополе Хор-Набрук
 Fig. 68. V. V. Pimenov glues pottery vessels found on the Khor Nabruk necropolis

Сейчас оба поля заброшены. Сакийи сохранились довольно хорошо. На желтовато-серой поверхности видны кое-где темные квадратики — следы некогда перекрывавшего песок ила.

Между двумя огороженными участками остатки могильника, раскопанного некогда Фёртом — кучи камней и холмы песка, усеянные обломками посуды. Наш раис, еще будучи мальчишкой, работал в экспедиции Фёрта. «Получал два пиастра в день», — под смех рабочих сообщает он. Раис еще не очень стар, но уже не может вспомнить, участвовал ли он в раскопках этого могильника.

Время сооружения могильника определяется без особого труда по разбросанным повсюду обломкам глиняной посуды и по конструкции могил. Богато декорированные нарезным орнаментом черные полусферические чашечки, обломки которых мы в изобилии находим на песке, изготавливались в Нубии только в период Среднего царства. То же самое можно сказать и о надмогильных сооружениях — высоких цилиндрических выкладках из необработанных песчаниковых плит.

Наше первое знакомство с могильником началось со встречи с серой полтораметровой длины змеей. Увидев нас, она быстро спряталась в куче камней рядом с сакийей. На другой день Абади, заметив ее снова, устроил охоту. Подкравшись со стороны камней, он отрезал змее путь к от-

ступлению. Огромная серая гадина, заметавшись и зашипев, сделала попытку прорваться, но была мгновенно перерублена надвое ударом мотыги. Ни Фуад, ни наши луксорские рабочие не знали, что это за змея, однако мое предположение — может быть, она не ядовитая? — все решительно отвергли.

Мы долго ходили, осматривая засыпанные песком каменные кольца древних погребений. Сколько их раскопал здесь Фёрт? Можем ли мы поработать здесь? Опрошенные нами жители Курты не смогли указать место работ английской экспедиции.

Иногда казалось, что отдельные участки могильника не затронуты раскопками — здесь нет ни больших песчаных отвалов, ни битой посуды, — но тут же одолевали сомнения. Трезво рассудив, мы решили, что сомнения могут быть разрешены лишь разведочными раскопками.

Первые два из расчищенных погребений указали место работ Фёрта. Могильные ямы были пустыми, а кольцевые каменные выкладки разобраны в одном месте. Впоследствии так поступали и мы: иначе трудно было вести расчистку глубоких ям. Раскопки не были бесполезными. В песке, рядом с одним из каменных колец, мы нашли обломки одного из самых интересных сосудов нашей коллекции. Сосуд был небольшой, грубовато сделанный, с шаровидным туловом и узким горлом.

Ил. 69. Селение Курта
Fig. 69. The village of Kurta

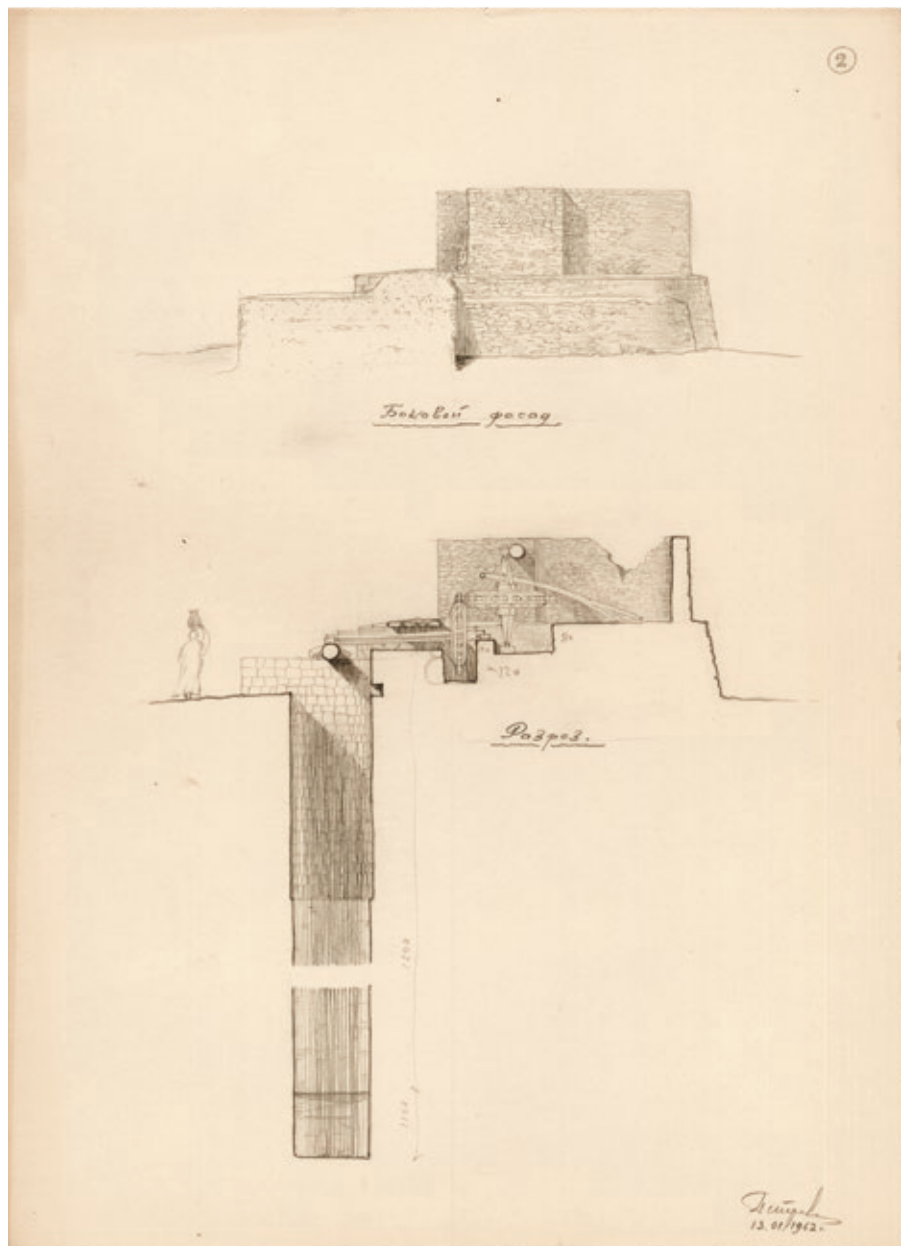
Такие сосуды мы потом не раз находили при раскопках могильника. Но этот был особенный: перед обжигом он побывал в руках художника, и тот тонкой, заостренной на конце палочкой разрисовал сосуд. Верхнюю часть тулова и часть горла он разделил на ромбические фестоны. В четырех фестонах, с одной стороны сосуда, художник нарисовал животных — в каждом фестоне по одному. Схематические рисунки на другой стороне сосуда — заштрихованные или заполненные точечными наколками прямоугольники — мы не могли расшиф-

рывать. В. В. Пименов, реставрировавший сосуд, предположил, что это условные, схематические изображения орошаемых полей, и это предположение не лишено оснований.

Отрицательный результат двухдневной разведочной расчистки уже не мог нас огорчить. К этому времени мы нашли внутри одной из каменных оград большую группу не замеченных Фёртом погребений. Илистый слой здесь уже полностью выветрился, и обнажился чистый желтовато-серый песок. Отсюда его брали жители Курты — песок требовался для устройства и ремонта полов. В результате этого обнажились верхние части нескольких каменных колец, некогда скрытых под слоем песка и ила. Могильник получил название Хор-Набрук и через два-три дня здесь работала уже вся наша группа.

Сразу же возникли трудности с транспортом. Катер ходил от лагеря до Курты с двойной перегрузкой. В начале февраля, когда начались работы на Хор-Набруке, похолодало. Временами начинался сильный и порывистый ветер. На реке поднимались волны, и белые гребешки их переклестывали через борта катера. Несколько раз мы приезжали домой вымокшие до нитки. Поездки в такую погоду были просто опасными, и М. У. Юнсов — водитель катера и вообще «ответственный за перевозки» — вскоре выразил решительный протест.

Тогда мы перевезли в Курту одну из наших десятиместных палаток, поставили ее рядом

Ил. 70. Кроки сакийи в окрестностях Хор-Дауда. Обмер Л. А. Петрова
Fig. 70. Croquis of saqiya in the vicinity of Khor Daud by L. A. Petrov

с могильником и поселили в ней большую часть рабочих. И снова потянулась длинная цепочка их, с корзинами на плечах, снова начал покрикивать раис, и временами возникала песня.

О песне надо сказать особо. Поют рабочие часто — и в лагере, и на раскопках. Начинает раис или кто-нибудь из взрослых, остальные хором подхватывают припев. Песни длинные, с частыми повторами. Вместе с песнями, слова которых зафиксированы, часто поют импровизацию на знакомый мотив. Обычно «обыгрывается» какой-нибудь случай из повседневной жизни. Вот пример. Однажды, по нерадивости Абду, винтом моторной лодки был обрублен и утонул конец резинового шланга с фильтром. Когда злополучный Абду, приехав в лагерь, объявил, что фильтр откусила большая рыба — «самак кибир» (позже он уже утверждал, что это был крокодил), то это послужило отличной темой для длинной песни. Песня с четким ритмом

заметно оживляет работу, но и петь при тридцатиградусной жаре с тяжелой корзиной на плече тоже нелегко.

Раскопки Хор-Набрука совпали с началом рамадана. В это время, в течение месяца от восхода до захода солнца мусульманин не ест и не пьет. Зато по ночам в деревне звучат бубны и барабаны, слышны песни (Ил. 71).

Необычайно активной стала ночная жизнь и у наших рабочих. Уже за час-полтора до захода солнца они развивают бурную кулинарную деятельность. На сковородках и в кастрюлях что-то шипит и булькает. Вокруг примусов молча сидят и ждут люди.

Заходит солнце, звучит вечерняя молитва и начинается пиршество. Ночью мы почти не спим. Слышны и молитвы, и песни. Рабочие группами ходят к нам на кухню, где их гостеприимно встречает повар Абду. В семь часов утра они невыспавшиеся выходят на работу. Часам к десяти уже становится

Ил. 71. В лагере рабочих во время Рамадана
Fig. 71. In the workers' camp during Ramadan

очень жарко. То и дело рабочие подходят к ведру с водой и полощут во рту. Пить нельзя!

В период рамадана мы кончаем работу на час раньше.

Несмотря на всевозможные осложнения, работы на Хор-Набруке шли в общем успешно. В первые дни раскопок нас, как и прежде в Коштамне, очень интересовали грабители. «Занимались» ли они Хор-Набруком?

В течение недели нам удалось расчистить от песка около десятка каменных колец. Это были довольно внушительные по размерам цилиндрические сооружения: около метра высотой и до 3–4 м в диаметре. Полная расчистка их имеющимися в наличии средствами шла очень медленно, и я не мечтал иметь здесь хотя бы небольшой транспортерчик.

Мы еще не вскрыли ни одного погребения, но бывшее присутствие грабителей уже почувство-

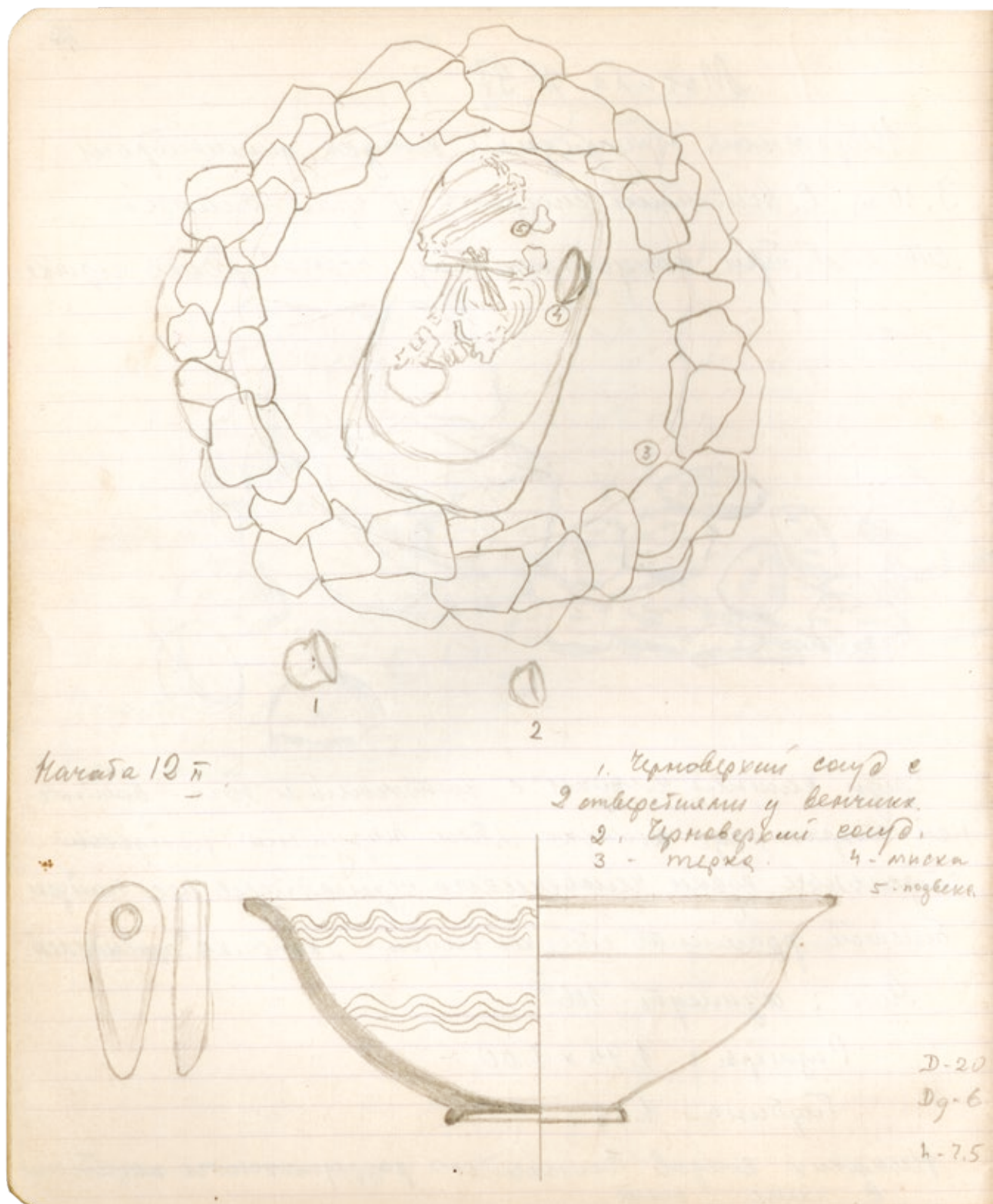
вали. В каждом из десятка каменных колец, с одной стороны, можно было видеть нарушение первоначальной кладки, а порой и ее частичное разрушение. Это были явные следы наших предшественников: мы уже знали, что прежде, чем проникнуть в яму, нужно было в одном месте разобрать кладку.

Чтобы не питать в дальнейшем иллюзий, мы расчистили полностью одно из погребений. Яма была большой и очень глубокой, и работа заняла два дня. Иосип, красивый и сильный молодой парень, нагнул и помог Абади выбраться. Вытирая рукавом галабии пот с разгоряченного работой и измазанного землей лица, Абади сказал, улыбаясь: «Халас!» (конец) — и показал на кучку мелких обломков костей и два черепка, лежавшие на дне аккуратно вычищенной ямы. Могила была пуста.

Забегая вперед, скажу, что и все остальные сорок с лишним погребений могильника Хор-Набрук

Ил. 72. Раскопки могильника Хор-Набрук
Fig. 72. Excavations of the Khor Nabruk cemetery

Ил. 73. Страница из полевого дневника Н. Я. Мерперта. 12 февраля 1963 г. Могила № 97 некрополя Хор-Набрук

Fig. 73. A page from N. Ya. Merpert's field diary. Entry from February 12, 1963. Grave 97 of the Khor Nabruk necropolis

были тщательно ограблены. И всё же мы не очень огорчались. Дело в том, что в этот грустный момент мы уже знали тайну Хор-Набрука (Ил. 72).

Выше говорилось о времени сооружения могильника: его оставило население, жившее в Нубии в период Группы С. В ранних могильниках этого времени вещи, сопровождавшие умершего, клали не в яму, вместе с ним, а наверх, с внешней стороны каменного кольца. Лишь позднее они появляются и в ямах; сначала отдельные категории их, а затем — все, в том числе и керамика. По многим признакам Хор-Набрук нельзя было отнести к поздним (в рамках Группы С) могильникам. Если в могилах Хор-Набрука и были некогда вещи, то это была лишь часть «погребального инвентаря». Основная же масса находок должна была лежать вне могилы, на древней «дневной» поверхности (Ил. 73).

И мы нашли их. С восточной стороны каждого погребения, у основания каменной башенки стояли сосуды. Сначала мы расчистили несколько небольших полусферических чашек, лежавших рядом вдоль нижнего ряда камней кольцевой выкладки. Четыре из них — красноощенные, с неровным черным ободком по краю — стояли вверх дном. Другие два, черного лощения — вверх горлом. Стенки последних были сплошь покрыты богатым нарезным геометрическим узором. Впоследствии мы называли их кокосовыми орехами — такими они были приятными на глаз и на ощупь: миниатюрными, тонкостенными, нарядными (Ил. 74).

Расчистка почти каждой новой башенки давала нам по несколько сосудов, иногда по шесть-восемь. Появились и новые формы их — большие сигарообразные сосуды, похожие на раннединастические находки из Хор-Дауда, грубо сделанные шаровидные горшки с узким горлом. Коллекция с могильника к концу раскопок насчитывала около сотни сосудов превосходной сохранности. Впрочем, последнее не совсем точно.

Почти у всех красноощенных неорнаментированных чашек (а их нашли около сорока) было пробито дно. По стоявшим вверх дном сосудам кто-то аккуратно «прошелся» острым и тяжелым орудием: отверстие было маленькое, а на песке под чашкой мы всегда находили кусок отслоившейся при ударе внутренней поверхности ее. Вряд ли это было связано с погребальным обрядом. Скорее всего,

это своего рода предохранительная мера против грабителей могил. Ведь сосуды, согласно ритуалу, долгое время (пока их не заносило песком) оставались лежать открытыми на поверхности земли.

Вскоре после начала работы появились любопытствующие визитеры. Первыми, естественно, были мальчишки. Сперва они страшно робели и держались в отдалении. Самые отчаянные издали что-то кричали нашим рабочим. Все мальчишки темнокожие, курчавые, в длинных полосатых галабиях и босы (Ил. 75).

Беру фотоаппарат и хочу подойти поближе. При первых же шагах ребячья стайка — врассыпную. Лишь к вечеру двое самых смелых подошли и опустились рядом на корточки. За ними потянулись остальные.

— Кодак? — спросил один, показывая на камеру.

— Зенит.

— Зенит, — зашелестели ребячья голоса.

Лед бы сломан.

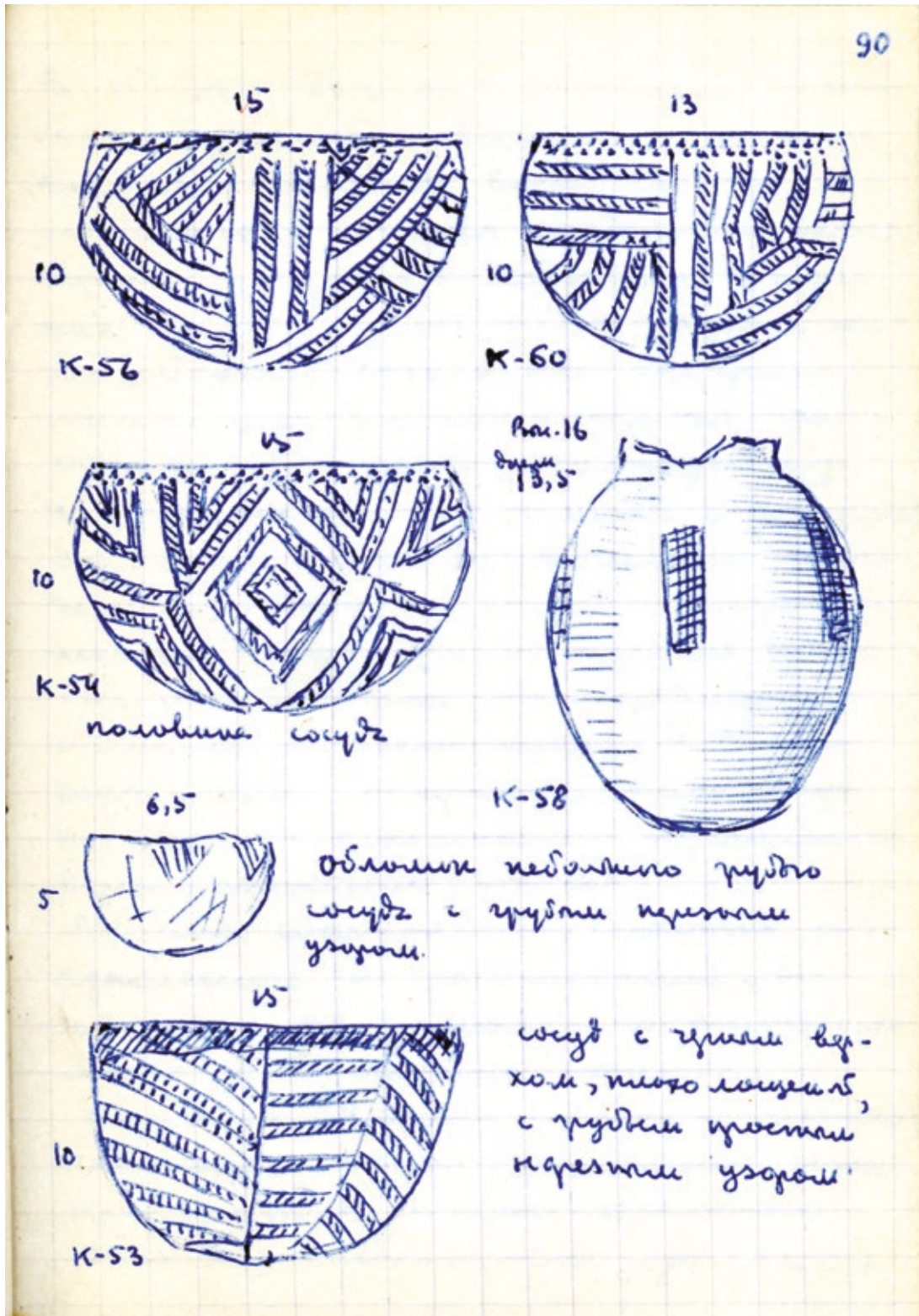
На другой день от ребят уже не было отбоя. Они кружком садились на корточки за спиной, что-то вполголоса оживленно обсуждали, разглядывали чертежи и дневники и порядком мешали. Ежедневно до конца раскопок они толпой провожали нас от могильника до катера, а по утрам встречали у причала (Ил. 76).

Из взрослых чаще всего приходил тщательно и чисто одетый преклонного возраста старик, родственник куртского мудира (начальника). С большим трудом нагибаясь, он садился на кучу песка и часами грелся здесь на солнышке, изредка беседуя с Фуадом по-арабски и по-французски — с Л. Н. Петровым.

«Фёрт здесь не копал, — медленно рассуждал он. — Фёрт не мог здесь копать — здесь было поле, а сакийя была еще не сломана».

Потом старик надолго замолчал, часто мигая больными слезящимися глазами и рисуя что-то на песке гладко отполированной палкой. Перед тем как уйти домой, он внимательно осматривал всё, что было раскопано за день.

А раскопки продвигались быстро. Они были несложными и сводились, по существу, к расчистке от песка сначала каменных колец, а затем пустых, ограбленных погребальных ям. Если бы нас не определили грабители, раскопки были бы интереснее.

Ил. 74. Керамика из могильника в Хор-Набруке. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского

Fig. 74. Pottery from the necropolis at Khor Nabruk. A page from the field diary of B. B. Piotrovsky

Ил. 75. Дети на раскопе. Некрополь Хор-Набрук
Fig. 75. Children at the excavation site. Khor Nabruk necropolis

Ил. 76. Жители селения Курта у катера советских археологов
Fig. 76. Residents of the village of Kurta next to the Soviet archaeologists' motorboat

Как выяснилось, находки в ямах всё-таки некогда были. Вместе с умершими клали их украшения и, вероятно, орудия и оружие. Грабители ничего не оставили в могилах. Лишь в двух погребениях, на дне и в песчаной засыпке, мы нашли разрозненные остатки ожерелий из мелких голубовато-зеленых фаянсовых бус, да несколько створок больших морских раковин, служивших, очевидно, для растирания туалетных красок.

Подстилающая песок скальная поверхность постепенно повышалась к югу. Соответственно уменьшалась и глубина вырытых в песке ям. Здесь была естественная граница могильника. Попытки нубийцев расширить ее дальше к югу не увенчались успехом. Последняя, полуметровой глубины яма уперлась в скалу и была брошена. Раскопки могильника в северном направлении продолжались до конца экспедиции.

Время сооружения могильника (Группа С) — очень интересный период истории Нубии. В это время в Нубии складывается культура, связанная корнями с культурой предшествующего времени, но очень своеобразная. В страну на рубеже III и II тысячелетий до н. э. проникает извне, с юга, новая волна населения. Это время подъема хозяйства и культуры, включающей, в отличие от предшествующих периодов, значительно большее количество самобытных признаков. Взаимоотношения нубийских племен и египетских правителей очень активные: после небольшого периода самостоятельного развития (в переходное от Древнего к Среднему царству время), начинается новое покорение и «замирение» Нубии египетскими военачальниками. В гробницах фараонов появляются снова описания побед и трофеев, а в Нубии, по берегам Нила, в стратегически важных местах возводятся египетские крепости.

Могильников, подобных Хор-Набруку, множество в Нубии и они часто колоссальны по размерам. Раскопаны тысячи погребений Группы С, неограбленных же — всего несколько десятков. Несмотря на это, нубийская хронология эпохи Среднего царства построена в основном на материалах раскопок могильников. За семьсот с лишним лет существования в Нубии этой культуры произошли многие существенные изменения в ритуале погребений. Менялось положение погребенного отно-

сительно сторон света, конструкция надмогильных сооружений, характер и расположение сопровождающих погребение вещей. По этим изменениям и выделены четыре этапа культуры Группы С.

Хор-Набрук относится ко второму этапу. Это время правления в Египте фараонов XI и XII династий (2060–1785 гг. до н. э.) и период наивысшего расцвета культуры Группы С. Именно в это время Нубия была вновь полностью покорена, а граница Египта продвинулась на юг до Третьего порога.

5. Обреченная страна

В Москве до начала экспедиции было время для подготовки. Можно было освежить в памяти соответствующие разделы университетских учебников, посмотреть кое-что из специальной литературы. Но если перед отъездом я довольно много знал о древней Нубии, то почти ничего о современной. Авторы статей и разделов в энциклопедиях и других справочных изданиях, едва упомянув слово Нубия, спешили погрузиться в волны ее многотысячелетней истории. Даже в таком превосходном труде, как многотомные «Народы мира»⁴³, о современном населении Нубии почти ничего не говорится.

Три месяца, проведенные нами в этой стране, были до отказа заполнены работой, которая сама по себе не очень-то способствовала знакомству с современной жизнью. Существенным барьером было и незнание языка. В этом плане в наиболее выигрышном положении оказался, бесспорно, ленинградский арабист О. Г. Большаков (Ил. 77).

Мне несколько повезло в другом. Археологические памятники, на которых работали мы с Фуадом Якубом, располагались в разных, порой весьма удаленных друг от друга и от нашего лагеря участках выделенной экспедиции территории. Заканчивались раскопки очередного могильника — начинались поиски нового. Многокилометровые пешеходные разведки по обоим берегам реки позволили посмотреть почти все нубийские деревни. А последний крупный объект наших работ — могильник Хор-Набрук — вообще располагался в центре большого нубийского селения Курта. То, что рассказано о Нубии ниже, — в основном впечатления от знакомства с деревнями, коротких встреч на прибрежных тропах и длительных бесед (с помощью

Фуада Якуба и, порой, не без помощи жестов) с нубийцами, часто приходившими к нам на раскопки.

Египетскую Нубию не назовешь легкодоступной страной. Железнодорожная колея и шоссейная дорога, пересекающие Египет с севера на юг, обрываются в Асуане. В Нубии не приземляются самолеты: редкое население, отсутствие сколько-нибудь крупных населенных пунктов делают, очевидно, нерентабельным местное воздушное сообщение. От Асуана в Египте до Вади-Хальфы на севере Судана не существует никакого прямого сообщения кроме водного, по Нилу. Даже знаменитые «татры» не менее знаменитых чешских автопутешественников Ганзелки и Зикмунда⁴⁴ проделали этот путь не колесами, а на барже. Сейчас от Асуана до Вади-Хальфы организовано регулярное пассажирское сообщение. Два раза в неделю к маленькой пристани в Дакке пришвартовывается пароходик. Неторопливо путешествуя на нем, можно попасть практически в любой пункт египетской Нубии, в том числе и в знаменитый Абу-Симбел.

Итак, Нил не только кормит Нубию, но и связывает ее с другими районами республики и с другими африканскими странами.

Сейчас, зимой, воды Нила, задержанные старой Асуанской плотиной, разлиты широко, затопив прибрежные деревья и кусты, дома заброшенных деревень, древние могильники. Ширина реки достигает в некоторых местах двух-трех километров.

В Египте Нил несет воду шоколадного цвета — от обилия взвешенных в ней плодородных илистых частиц, а в Нубии нильские воды прозрачны и течение спокойно. Лишь сильные ветры, а они довольно часты в зимние месяцы, поднимают большую волну, и тогда плавание по реке на нашем катере порой становится опасным.

По утрам широкая река покрыта туманом. Когда мы проезжаем Дакку (во время ежедневных путешествий на Хор-Набрук), солнечные лучи уже успевают разогнать его, и река, замкнутая вдали чуть приподнятыми в мираже береговыми скалами, покрывается тысячами мелких серебряных

Ил. 77. О. Г. Большаков
Fig. 77. O. G. Bolshakov

бликов. В стороне, под берегом — густые кроны затопленных деревьев. Поочередно они меняют цвет: от почти черного до розовато-белого. Мы долго не могли понять, в чем тут дело, и однажды сделали небольшой крюк. Вспугнутые катером, взлетели сотни птиц, белоснежных ибисов, и долго кружились над рекой.

В тихих лагунах — устьях хоров — нашли зимнее пристанище дикие гуси и утки. Их уже не сотни, а тысячи, и они, непуганые, спокойно проплывают рядом с лодкой.

Особенную красоту придают реке фелюги — большие парусные лодки. Они в этой стране без дорог, наряду с верблюдами и ослами, являются наиболее употребительным видом внутреннего транспорта.

Маленькие фелюги имеют вид открытой лодки, на больших устроена палуба со съемными щитами в центральной части. Под палубой, в неразгороженном трюме запасы еды, посуда, примус и т. д. Там же можно отдохнуть в плохую погоду, хотя высота помещения лишь в редких случаях достигает полутора метров.

Фелюга имеет невысокую мачту, на конце которой подвижно закреплена огромная косая пере-

кладина, поднимающая парус. При свежем попутном ветре фелюга подобна птице с ярким оперением. Нехитрый такелаж украшен гирляндами разноцветных флажков, на туго натянутом большом косом парусе вертикальными полосами нашиты куски яркой рисунчатой набойки. Монументальный деревянный руль расписан красками; здесь же на корме флаг некоей несуществующей державы, яркая расцветка и оригинальный рисунок которого милы сердцу фелюжника.

Работа на фелюге, особенно при попутном и даже боковом ветре, несложна. Небольшая команда ее восседает на мешках и тюках с грузом; занят лишь рулевой. Она может идти и против ветра, правда, очень медленно.

В безветренные дни, сопровождающиеся к тому же обычно сильной жарой, эти суденышки кажутся тяжелыми и неуклюжими. В один из таких дней мы вели разведки наскальных надписей севернее Герф-Хусейна. Измученные лазаньем по скалам и проклиная не по-зимнему щедрое нубийское солнце, мы высадились, чтобы спокойно искупаться, на небольшой песчаной отмели. Две большие фелюги шли мимо нас вниз по реке. Безжизненно висели огромные паруса, поникли цветные флажки

Ил. 78. Селение Дакка. Часть домов оставлена жителями, переселившимися из зоны затопления

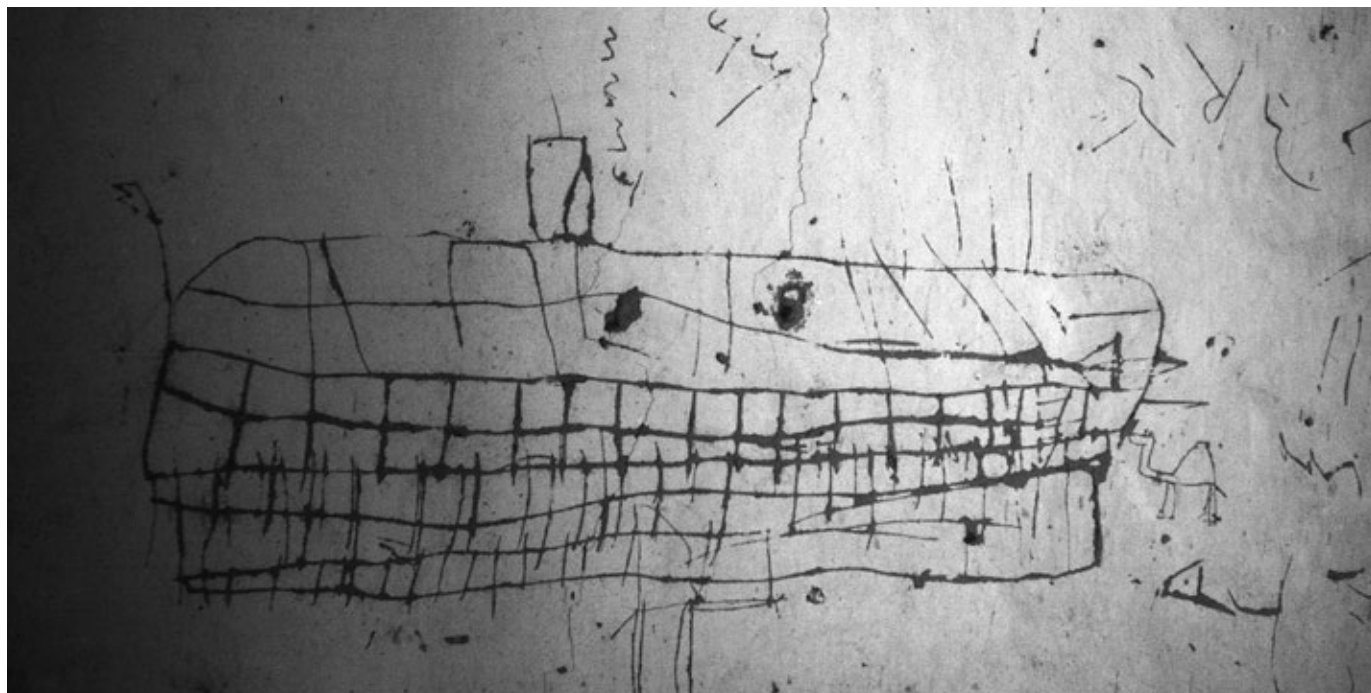
Fig. 78. Dukka village. Some houses were abandoned by residents who moved from the flooded part of Nubia

на ослабших веревках. Еще более уныло выглядели фелючники. Одна из фелюг шла на веслах по середине реки. Смуглокожие нубийцы, обнаженные до пояса или в промокших от пота белых рубашках, устало били по воде толстыми, короткими веслами. Другая команда вела фелюгу по мелководью вдоль берега. Один из фелючников, стоя на корме, отпихивался длинным шестом. Дно реки, илистое, вязкое, затягивало шест, и вытащить его каждый раз стоило больших трудов. С медленно идущей мимо нас лодки слышны короткие возгласы приветствий. Наблюдая этот каторжный труд, приходишь в некоторое смущение при виде уткнувшегося рядом в песок нашего голубого катера. Сейчас мы погрузимся в него, за спиной взревет мотор, и минут через десять будем в лагере, там, где только что виденная фелюга была два часа назад.

Нильские берега кажутся пустынными, неприглядными, а встречающиеся тут и там небольшие селения с обмазанными глиной плоскостолыми домами — вымершими. Многие из последних действительно покинуты населением. Одно из них на восточном берегу, недалеко от Хор-Дауда. Низкие дома неровной линией выстроились вдоль реки (Ил. 78).

Большие дворы, жилые и хозяйственные помещения. Плоские перекрытия разобраны: дерево здесь слишком дорого, чтобы его оставлять. Сзади домов выложенные из камня загон для скота. Узенькая каменная лесенка, по которой некогда поднимались на крышу, обрывается в пустоту полуразрушенной комнаты. Повсюду обломки глиняной и фаянсовой посуды и гнетущая тишина. В пустых стенах глухо отдаются стуки мотора насосной станции, работающей на другом берегу, слышны шорохи пугливых ящериц и птиц, гнездящихся в нишах стен. В одной из комнат по некогда белой штукатурке процарапаны детские рисунки. На одном — верблюды, прогуливающиеся между маленькими коническими горками. На другом изображен большой трехпалубный пароход, причаливший к берегу. Уже положены сходни. А рядом, на берегу — удивленный верблюжонок (Ил. 79).

Заброшенных, мертвых деревень много по берегам Нила. Большая часть их оставлена населением после постройки в 1902 г. старой Асуанской плотины и ее реконструкций — в 1919 и 1934 г. Поднятые плотинами воды Нила затопили узкую полосу плодородной земли, которая даже до того с трудом могла прокормить сравнительно малочисленное

Ил. 79. Детские рисунки в одном из оставленных домов селения близ Хор-Дауда
Fig. 79. Children's drawings in one of the abandoned houses in the village near Khor Daud

население египетской Нубии. Затопленными оказались и некоторые из расположенных низко нубийских селений, множество памятников древней культуры, в том числе несколько монументальных храмовых построек. Среди последних — уже упоминавшийся храм в Дакке.

Лишь неполных два месяца в году (в июле и августе) вода входит в старые берега, открывая храм и узкую полосу заиленной земли. А большую часть года нильская волна плещется у скал, которыми по обе стороны реки начинается бесплодная, выжженная солнцем каменистая пустыня.

За счет жителей покинутых деревень значительно выросли в начале века такие крупные нубийские селения, как Курта и Дакка. О них мы еще будем рассказывать. В это же время происходит значительный отлив населения на север, в Египет. Большая часть взрослого мужского населения Нубии уходит на заработки в крупные египетские горо-

да. В Каире, Луксоре, Асуане нубийцев почти всегда можно встретить в отелях и пансионатах в роли официантов, коридорных, лифтеров. В некоторых отелях и ресторанах предпочитают комплектовать прислугу только из нубийцев. Для многих это давно уже стало основной профессией. В родные места они попадают ненадолго и только летом, когда иссякает поток иностранных туристов, а все состоятельные египтяне устремляются на север. Сейчас много нубийцев трудится на строительстве Асуанского гидроузла: работы здесь хватает на всех. Поэтому так пустынно нубийские деревни зимой. В них лишь женщины, дети и старики (Ил. 80).

Подходишь к небольшой деревне — она кажется вымершей. Но вот за углом дома несколько худых коз и овец. Кругом, насколько видит глаз, — ни одного зеленого стебелька. Ведь под тонким слоем песка — скала. Впрочем, растительность есть: несколько низкорослых кустиков рыжей колючки

Ил. 80. Нубийки перед воротами дома
Fig. 80. Nubian women in front of the gate of the house

у каменной стены. Но они настолько пересохли и пропитались пылью, что бедные животные, понюхав их, равнодушно отходят прочь. А вот и еще живность: за высокой стеной двора промычала корова. Разведение крупного рогатого скота — традиционная еще с древнейших времен отрасль хозяйства нубийцев.

Из-за дома показались три женщины в длинных светлых одеждах, с большими вязанками соломки на голове. Увидев меня, они закрыли лица покрывалами и свернули в проулок. Неспеша, с горделиво поднятой головой, прошествовал верблюд с двумя огромными связками камыша на спине. За ним две женщины с закрытыми лицами. И опять до конца деревни ни звука, ни движения (Ил. 81).

Чем живут эти полупустые селения? Исключая Дакку и Аллаки, где имеются насосные станции современного типа, обрабатываемые земледельческие участки деревень, расположенных в зоне

наших работ, до курьезного малы, а техника полива и обработки та же, что и несколько тысяч лет назад, во времена фараонов. В ходе разведок мы не раз обнаруживали, причем в самых неожиданных местах, эти крохотные нубийские огороды. Самый интересный из них встретился на правом берегу, в районе Восточной Коштамны.

В поисках наскальных надписей и рисунков-петроглифов мы, высадившись с катера, пробирались по узкой тропинке у основания берегового обрыва. За очередным выступом скалы неожиданно открылось нечто вроде большой ниши с плоским каменным дном почти на уровне воды. На камень насыпана земля — тонким 30–40 сантиметровым слоем — и огорожена плитками в виде двух небольших (в 5–6 квадратных метров каждый) участков. На прилепившихся у воды «плантациях» зеленые всходы: помидоры, фасоль, еще что-то. Заметны следы недавнего полива. Водоподъемные

Ил. 81. Фасад нубийского дома
Fig. 81. Facade of a Nubian house

сооружения здесь ни к чему — вода в полутора метрах. Можно обойтись шелловской жестянкой изпод бензина со срезанным верхом.

Откуда-то сверху залаяла собака. Метрах в двадцати над нами, в расщелине показался черный боконогий мальчишка. Обнаружив катер, а затем и нас, он издал вопль и мгновенно исчез где-то наверху. Отъехав от берега, мы увидели несколько домов, живописно расположенных прямо над обрывом. Наше вторжение с тыла вызвало в поселке переполох. Катер выходил уже на середину реки, а ребятишки всё еще бегали по краю обрыва, что-то кричали и махали руками.

В Курте каменистый берег полого опускается к воде и обрабатываемые участки здесь побольше, обычно площадью в несколько десятков квадратных метров. Они располагаются в северной части деревни, в том месте, где, судя по карте, некогда был могильник эпохи Среднего царства, такой же как Хор-Набрук. Здесь к низкому скальному берегу примыкает довольно большой и ровный заи-

ленный мыс, поднятый на полметра над уровнем реки. На двух обвалованных землях участках зеленые всходы, на третьем, залитом водой, что-то делает старик-нубиец в подоткнутой за пояс галабии и с мотыгой в руках. Здесь используется уже традиционная водоподъемная механизация. Метров на десять в сторону реки выдвинута узкая выложенная камнем дамба. На конце ее построен шадуф — сооружение типа колодезного журавля (Ил. 82).

На одном конце подвижной перекладки, закрепленной между двумя кривыми кольями, плотного плетения корзина, на другом небольшой камень. Вода, зачерпнутая корзиной, сливается в желоб, идущий по гребню дамбы и продолжающийся до близ расположенного участка. Этот примитивный механизм, применявшийся еще в Древнем царстве, сохранился до наших дней без каких-либо существенных изменений. До сих пор шадуф широко применяется для полива не только в Нубии, но и в Египте. Использовался в Нубии до недавнего времени (а может быть, и сейчас применяется) дру-

Ил. 82. Шадуф на Ниле
Fig. 82. Shaduf on the Nile

гой столь же древний водоподъемный механизм — сакийя. Полуразрушенные сакийи мы видели на заброшенных сейчас участках в районе Хор-Дауда и на территории могильника Хор-Набрук (Ил. 83). Орошаемое из глубокого колодца с помощью сакийи поле существовало на месте могильника сравнительно недавно, несколько десятков лет назад.

Селение Дакка и по количеству населения, и по той роли, которую оно играет в экономической и культурной жизни, бесспорно, является центром того района Нубии, где работала экспедиция. Через нее осуществляется связь жителей окрестных деревень — телефоном и рейсовым пароходом — с внешними миром. В Дакке имеются школа и мечеть, насосная станция и почта. Отсюда, наконец, осуществляется административное управление округой.

Постройки Дакки вытянулись вдоль берега не менее, чем на километр. Вид ее с реки очень живописен. Дома располагаются цепочкой, местами в два-три ряда. Пологий береговой склон придает им вид террас, стоящих одна над другой. Некото-

рые из построек закрыты густыми кронами стоящих у воды деревьев (Ил. 84).

После виденных ранее в районе Коштамны полупустых селений Дакка кажется оживленной. Отчасти это объясняется, очевидно, и тем, что мое первое знакомство с ней произошло в пятницу, мусульманский праздник, когда всякие работы запрещены. По прилегающей к Нилу улице проходили группы женщин, в тени, у стен домов сидели мужчины, неторопливо ведя разговор и раскуривая сигареты и самокрутки.

По-настоящему праздничной Дакка была 7 марта, в день, завершающий месячный пост — рамадан. Накануне вечером из главной каирской мечети транслируется по радио торжественное богослужение. У государственных служащих ОАР — три выходных дня. У наших рабочих, естественно, тоже.

Кажется, всё население Дакки на улицах. Живописными красочными группами стоят женщины, стайками проходят девушки. На всех длинные яркие платья — красные, малиновые. Очень

Ил. 83. Заброшенная сакийя в окрестностях Хор-Дауда
Fig. 83. Abandoned saqiya in the vicinity of Khor Daud

импозантны мужчины в новых галабиях. У них преобладают синие тона (Ил. 85).

Население Нубии, живущее на узкой полоске вдоль Нила на огромном протяжении его от Первого порога у Асуана и до Пятого порога в Судане, а также в некоторых горных районах, довольно разнородно и по физическому облику, и по языку. Этому способствовало в значительной степени, естественно, географическое положение страны, издревле служившей «проходным двором», связывающим северо-восточную оконечность континента и Переднюю Азию с многими районами экваториальной, «негритянской Африки». Кто только не проходил здесь, не «покорял» или не «замирал» нубийцев. Предки современного населения Северной Нубии — родственники древних египтян и по языку, и по культуре⁴⁵. Сейчас население египетской Нубии говорит на диалекте арабского языка⁴⁶. Этому они, как и другие народы Северной Африки, обязаны арабскому завоеванию. Начало формирования современного физического типа нубийцев, отличающегося от египетского, относится к еще более раннему времени. Археологами и антропологами зафиксировано проникновение с юга в северную Нубию негроидных племен еще в первой половине III тысячелетия до н. э. Проникновение это происходило и позднее.

Негроидные признаки в физическом облике нубийцев и сейчас наблюдаются достаточно четко. Жители Нубии все очень смуглы. Но и среди них нередки люди с более темным цветом кожи, характерным строением лица и курчавыми волосами. Вернемся, однако, в Дакку.

Самое большое здание в деревне — школа. Школа, почта и дома начальника насосной станции и врача — единственные в Дакке постройки с окнами. Над зданием школы полощется трехцветный национальный флаг ОАР. Перед школой нечто вроде спортплощадки, здесь всегда полно ребятшек. Большая школа в Дакке, так же как и школа в Курте, — по-видимому, детища революции 1952 г. Большая часть нубийцев старшего и среднего поколения неграмотны. Из двенадцати местных рабочих, нанятых в Курте для раскопок Хор-Набрука, лишь один мог написать свое имя. И это было единственное слово, которое он умел писать. А сейчас нубийцы уже работают учителями в младших классах Куртской школы. С двоими из них — еще очень молодыми ребятами, до церемонности вежливыми, аккуратно одетыми в белоснежные галабии, — мы однажды познакомились в Курте.

На другом конце деревни мечеть и лавка. Мечеть — большая с гладкими побеленными стенами постройка с башенкой-минаретом. Сейчас, в празд-

Ил. 84. Вид на Дакку с Нила
Fig. 84. View of Dakka from the Nile

ник, из мечети слышны гортанные выкрики и зазывания муллы (Ил. 86).

В маленькой лавке нехитрый выбор товаров. Здесь можно купить керосин и горелку для примуса, масло, муку и мыло, дешевую хлопчатобумажную ткань. Здесь, очевидно, практикуется и нечто вроде натурального обмена. Зашедший при нас в лавку мальчуган за корзинку арахисовых орехов получил кусок мыла. В конце сезона мы покупали в этой лавке сигареты и туалетное мыло. Мыло не очень хорошее, со странным запахом, зато в каждую пачку вложено изображение красотики в купальном костюме, напечатанное на плотной глянцева́й бумаге.

Яркие, праздничные наряды нубийцев очень оживляют длинную пыльную улицу с рядами однообразных домов — серых, цвета глины, или побеленных, приземистых, довольно больших по площади. Впрочем, последнее обстоятельство только

кажущееся: собственно дом — крытая жилая постройка — невелик, но дополняется большим двором, огороженным толстыми и высокими, вровень с плоскими перекрытиями комнат, стенами. Внешне все постройки кажутся глинобитными. Однако судя по полуразрушенным постройкам старой Курты, частично затопленной и оставленной населением в начале века, если не все, то, по крайней мере, часть их сложена из неотесанных песчаниковых блоков и лишь оштукатурена глиной.

И в Дакке, и, в особенности, в Курте в жилой архитектуре заметно чувствуются различия в достатке хозяев. Большая часть домов — довольно невзрачные сооружения с низкой крышей, размытыми на стенах, давно не отремонтированными и не белеными. И здесь же рядом дома-крепости, с высокими зубчатыми поверху стенами, укрепленными по углам круглыми башенками, с пилястрами на внешней плоскости, иногда с большими

Ил. 85. Праздник в Дакке по случаю завершения поста в месяце Рамадан

Fig. 85. A feast in Dakka to celebrate the end of Ramadan fasting

айванами⁴⁷, кровлю которых поддерживают толстые оштукатуренные колонны (Ил. 87, 88).

Крытые айваны сравнительно редки, но перед воротами каждого большого дома имеется прямоугольная глинобитная площадка с невысоким бортиком по краям. Величина и архитектурное оформление ее — также дело вкуса и достатка.

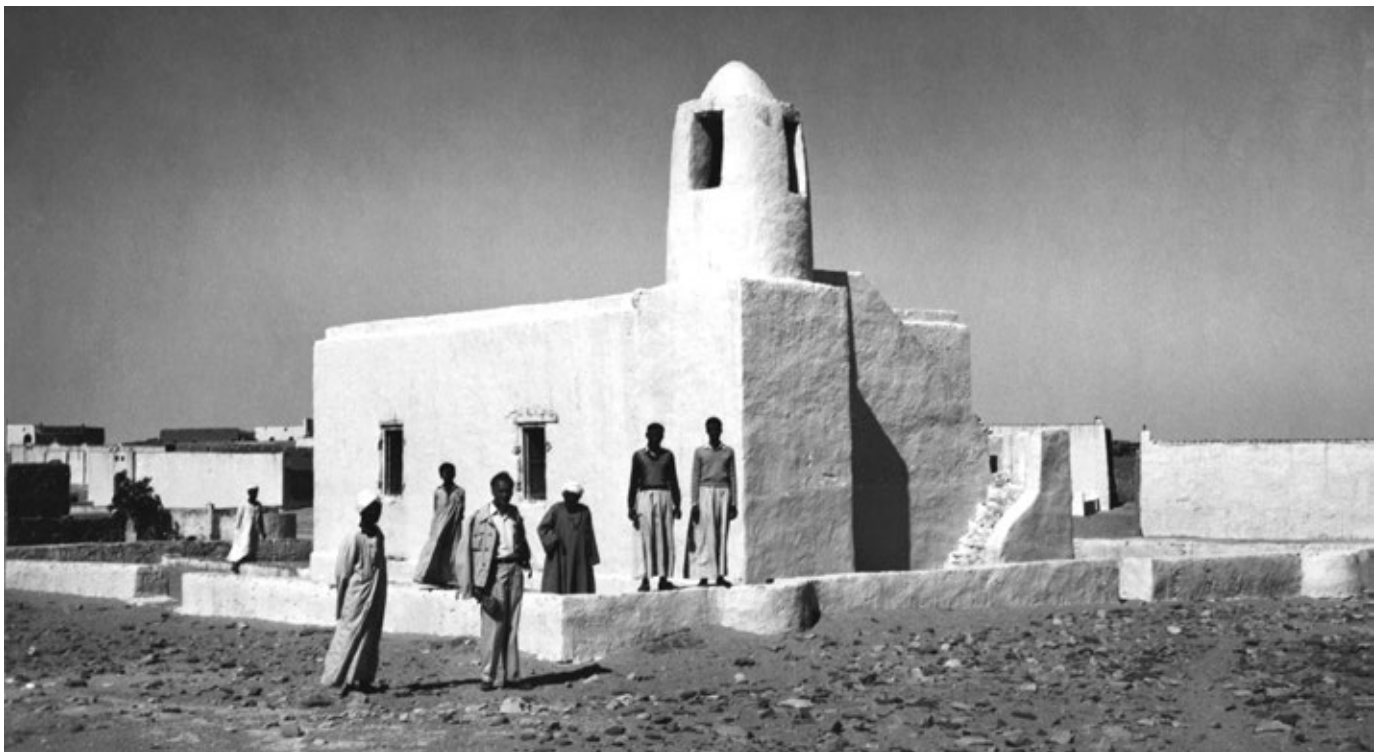
Вход в дом — центральная часть архитектурного и декоративного оформления фасада и, в некотором роде, произведение искусства. Высокий плоский портал прорезан узким дверным проемом. Дверь деревянная, часто резная. Поверху портал украшен симметрично расположенными пирамидальными башенками, либо фигурками зверей. Иногда такие же украшения имеются и по верхним углам фасадной стены.

Плоскость портала — над дверью и по бокам ее, обычно лишь в верхней части — украшена резьбой, красками и своеобразной инкрустацией и представляет собой богатую и интересную орнаментальную композицию. Основу ее составляют небольшие ниши круглой, ромбической или треугольной формы, отчетливо выделяющиеся на белой и хорошо освещенной

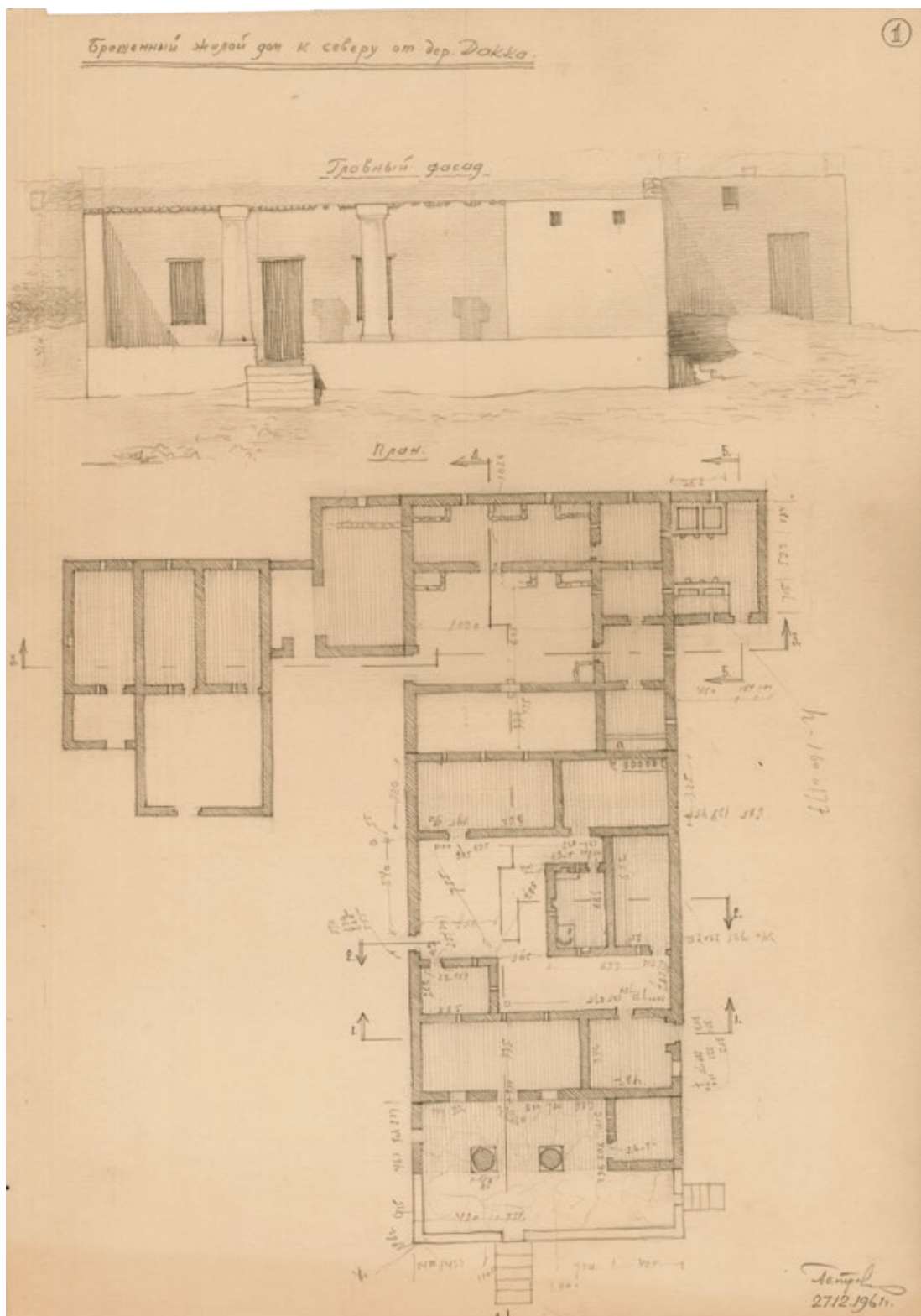
плоскости и располагающиеся обычно группами в строгом геометрическом порядке. Инкрустация по глине замечательная: фаянсовые блюда и тарелки. Не преувеличивая, можно предполагать, что для украшения некоторых богатых нубийских домов был разрознен не один чайный и столовый сервиз. Блюда укреплены донцем в сырой глине, а затем раскрашены. Симметрично расположенные над дверью, они очень удачно дополняют резьбу. Довершает всё это роспись яркими минеральными красками по ослепительно белому фону (Ил. 89).

Надо сказать, что в отличие от фаянсовой инкрустации роспись и резьба украшают не только портал, но часто и всю фасадную стену. И еще одно: яркость и обилие росписи не зависит от имущественных различий, столь ощутимых в размерах и архитектурном оформлении домов. Иногда на бедных, с облупившейся обмазкой постройках роспись ярче, богаче, интереснее.

Основу росписи составляют орнаментальные геометризированные узоры (цепочки треугольников, ромбов и др.), симметрично располагающиеся на плоскости стены по обе стороны портала.

Ил. 86. Л. А. Петров рядом с мечетью в селении Дакка
Fig. 86. L. A. Petrov next to a mosque in the village of Dakka

Ил. 87. Кроки брошенного жилого дома в северной части селения Дакка. Обмер Л. А. Петрова
Fig. 87. A croquis of an abandoned Nubian house in the northern part of the village of Dakka by L. A. Petrov

Ил. 88. Брошенный нубийский дом в селении Дакка
Fig. 88. Abandoned Nubian house in the village of Dakka

Ил. 89. Стена нубийского дома
Fig. 89. Wall of a Nubian house

Некоторые из них близки по форме и расцветке орнаментам плетеных изделий. О них я расскажу ниже. Наиболее же интересны композиции жанрового и пейзажного характера. Большие, обрамленные орнаментальным пояском панно изображают Нил. Пароходы на Ниле. Высотная Асуанская плотина. Мощные струи воды падают, разбиваясь, с большой высоты. А вот жанровые сцены. Девочки, одетые в короткие европейского покроя платья, прыгают через веревочку. Легкий столик с тонкими перекрещивающимися ножками, на нем примус. Рядом женщина со сковородкой и тоже в европейском платье, совершенно не характерном для нубиек. Изображение столика на перекрещивающихся ножках (так же, впрочем, как и висящей на гвозде картины в пышной раме) очень характерно для росписи домов. На портале одного из домов Курты по обе стороны от деревянных дверей нарисованы такие столики со стоящими на них цветком в горшке, радиоприемником, круглыми часами-будильником.

Бесспорно, большинство жанровых и пейзажных росписей сравнительно недавнего происхождения. Об этом можно судить и по некоторым сюжетам, и по характеру росписей домов старой, полуразрушенной Курты. Заинтересовавшись росписями и облазив развалины (благо они были рядом с раскапываемым могильником), я не нашел ни одного изображения подобного рода. Там была лишь традиционная геометризированная орнаментика.

На стенах почти всех домов нарисованы обереги, защищающие дом и его обитателей от злых духов, болезней и вообще от всяческих напастей. Однажды мы купили их в Курте у нубиек: вышитые бисером матерчатые подушечки с гирляндой бисерных же висюлек. На конце каждой из них привязана маленькая костяная или пластмассовая рыбка. Обереги с висюльками — разной формы и размеров — я видел и раньше у каирских таксистов — «на счастье», в Асуане, и вот теперь они почти на каждом нубийском доме. Роль оберега, но уже вполне конкретного, играют, очевидно, и изображения скорпиона — небольшого, с упругим, загнутым вверх членистым хвостом-жалом.

Все рисунки вполне реалистичны. Обычно они выполнены темным контуром, а потом раскрашены. Что касается Курты, то судя по общему стилю и изображению некоторых деталей, большин-

ство новых росписей выполнено одним мастером.

Еще в Асуане нас заинтересовали цветные плетеные изделия. Недалеко от «Гранд-отеля», где мы останавливались, расположено несколько небольших базарчиков с сувенирами. Один из них называется «Суданским базаром». Здесь прямо на открытом воздухе, на столах и стене дома разложено и развешено множество вещей, порой весьма любопытных. За сходную цену тут можно купить феску, брошь, брелок или нож для бумаги, вырезанные из кости, кривой кинжал в ножнах, статуэтки негров или Нефертити (кому что нравится), засушенного крокодильчика и подлинный сосуд трех или пяти тысячелетней давности. На деревянной перекладине вместе с хвостатыми мухобойками висели десятки пестрых плетенок: широкополые шляпы, корзинки и сумки, большие круглые «щиты». Второй раз я встретил плетенки уже в Нубии, в Курте, во время раскопок могильника Хор-Набрук.

У стены дома, в узкой полоске отбрасываемой ею тени, сидело несколько женщин. На коленях у каждой те же самые плетеные «щиты», что мы видели в Асуане. Женщины обсуждали что-то весьма оживленно, а пальцы их быстро и ритмично двигались. Вертикально стоящий на коленях «щит», медленно поворачиваясь, постепенно увеличивался в размерах (Ил. 90).

При нашем приближении (мы втроем — М. У. Юнисов, Фуад Яккуб и я, окончив работу на могильнике, шли к катеру) одна из женщин поспешно встала и убежала в дом, остальные быстро закрылись покрывалами. Две женщины плели большие «щиты» (выяснилось, что это крышки для сосудов), молоденькая девушка, дочь одной из них, заканчивала работу над яркой, с красивым геометрическим узором вазой.

Женщины были одеты в белые или светлые с неярким рисунком очень длинные платья. На головах накидки из прозрачной ткани, все босые. При первой встрече поразило обилие украшений, в основном металлических, медных и алюминиевых: браслеты на руках и ногах, кольца и перстни, что-то блестящее на шее и на груди. Наконец, на носу с одной стороны — бляшка или брошь, вероятно, клипса.

Одна из женщин продолжает работу. Инструмент для плетения нехитрый: короткое стальное шило с деревянной ручкой, прямое или чуть

изогнутое и небольшой сосуд с водой (у большинства — консервная банка). Плетение начинается от центра изделия (у сосудов — с дна), куда иногда вставляется круглый кусок кожи. Пучок тонкорасщепленных волокон, пальмовых или камышовых, накручивается в виде спирали. В него в процессе плетения периодически подкладывают по несколько волоконцев. В результате этого длина и толщина его свободного, не закрепленного еще конца всё время остается неизменной. Каждый новый виток спирали плотно прикручивается к предыдущему витку расщепленными на тонкие полоски пальмовыми листьями. Их-то и размачивают предварительно в воде, а просовывают под закрепленный уже жгут с помощью шила. Пучки волокон пальмового листа лежат рядом с мастерицами, некоторые из них уже окрашены какой-то яркой, несмываемой в воде краской: оранжевой, желтой, фиолетовой (Ил. 91, 92).

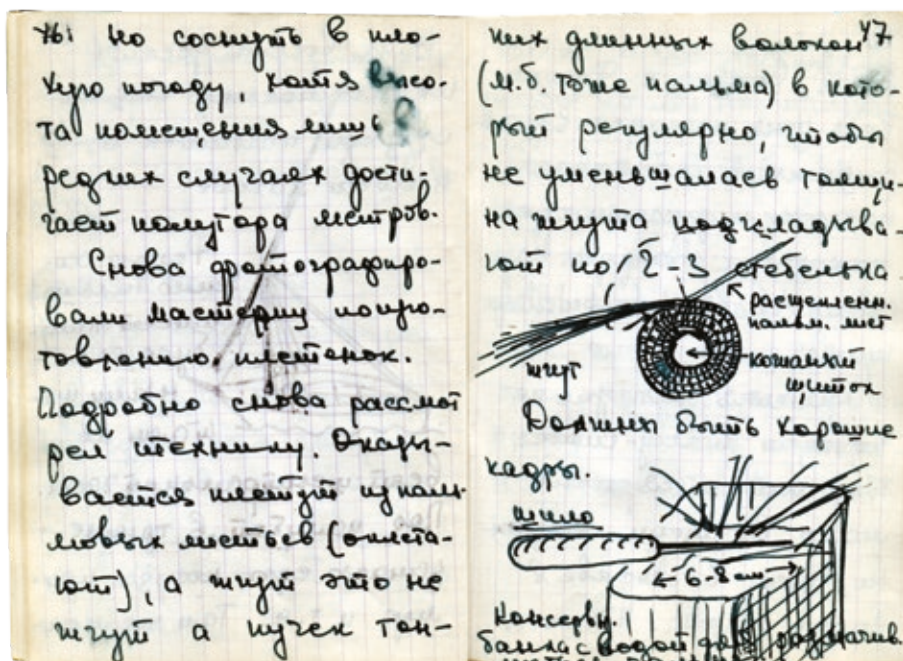
Техника плетения из пальмового лыка, а может быть, и некоторые из орнаментов плетеных изделий столь же древние, что и египетское государ-

ство. Судя по опубликованным рисункам, плетенки, найденные Г. Юнкером в Нубии в погребениях эпохи Древнего царства, сделаны той же техникой и близки по форме, да и по орнаментальному рисунку я не взялся бы отличить их от некоторых современных.

Не буду утверждать, что до нашего появления искусство плетения в Курте находилось в упадке. Хотя произведения местных мастериц и не попадали, вероятно, на внешний рынок (виденные нами в Асуане плетенки несколько отличались от куртских и происходили из других мест), всё же внутренние потребности были достаточными для того, чтобы это древнее искусство не забылось. Нам не раз впоследствии приносили вместе с новыми и плетенки не первой свежести, сделанные, возможно, еще во времена Фёрта и постройки первой Асуанской плотины. Однако, можно определенно утверждать, что с начала февраля 1962 г. производство плетеных изделий в Курте значительно расширилось. Объяснялось это чисто экономическими причинами: появился рынок сбыта.

Ил. 90. Женщины селения Курта, плетущие «щиты»
Fig. 90. Women of the village of Kurta plaiting 'shields'

Сначала «рынком» были мы с Мусой Юнисовым. С помощью Фуада, хотя и с трудом, но понимающего местный диалект, и не без помощи жестов выясняем, что нубийки не прочь продать нам свои изделия. Те, что они плетут сейчас, будут готовы только завтра, в лучшем случае сегодня вечером. Одна из женщин встает и уходит в дом. Через минуту она возвращается с прелестной плетеной вазой на небольшом низком поддоне. Выясняется, что ваза стоит всего лишь пятнадцать пиастров. Деньги забирает беззубая старуха, попросив предварительно заменить старую засаленную бумажку (Ил. 93).

Через несколько дней «рынок сбыта» расширился: к нам присоединился Л. Н. Петров. В конце наших работ в Курте в приобретении плетенки участвовали и В. В. Пименов, и Н. Я. Мерперт. Импровизированная мастерская, переходя вместе с тощей тропической тенью от одной стены к другой, функционировала теперь ежедневно.

В нашу собственность уже перешли по два «щита», по вазе и по маленькой нарядной подставочке. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды, и мне, кроме красивых плетенки, захотелось иметь еще и фотографии мастериц за работой. А желания Льва Николаевича Петрова шли еще дальше: его, оказывается, фотографии не совсем удовлетворяли, а нужна была киноплёнка.

Второй тур переговоров продолжался несколько дней. Трудно сказать, кому мы больше всего были обязаны: Фуаду ли, необыкновенно вежливо и вместе

Ил. 91. Страницы из дневника А. В. Виноградова со схемой плетения из пальмового лыка

Fig. 91. Pages from A. V. Vinogradov's diary with a palm bast plait pattern

Ил. 92. А. В. Виноградов за плетением «щитов» из пальмового волокна. Рядом — М. У. Юнисов

Fig. 92. A. V. Vinogradov is plaiting a 'shield' of palm fibre. M. U. Yunisov is nearby

с тем сурово что-то долго объяснявшему женщинам, или раису и рабочему Шергауи, напившимися в переговорах, как мне показалось, больше на экономическую сторону дела. Но однажды лед был сломан, и в продолжении двух или трех дней мы лихорадочно фотографировали и снимали кино: боялись, что нубийки передумают. Женщины всё время работали в тени, а попросить их попозировать при более благоприятном освещении мы уже не решились. Однако и снимки, и кинокадры все-таки получились.

Мне не пришлось ни разу побывать в гостях у коренных жителей Дакки или Курты. Лишь иногда через открытые створки ворот удавалось мельком подсмотреть кусочек скрытой высокими стенами жизни. Во дворе большого дома иногда многолюдно и оживленно: много женщин, молодых и старых, ребятишки. Здесь же животные — овцы, козы и куры. У стен рядами стоят большие сосуды с плетеными крышками-«щитами». Накалена глиняная печь — наподобие среднеазиатских тандыров. По вечерам некоторые из обитателей дома пере-

мещаются со двора на предвратную глинобитную вымостку. Вечером здесь, кроме ребятишек, можно увидеть старика в высокой белой чалме, неторопливо потягивающего кальян. То, что повседневная деятельность нубийской семьи протекает в основном за высокими стенами двора, является, вероятно, одной из причин (наряду с уходом значительной части населения на заработки) поразившей нас в первые дни пустынности нубийских деревень.

Вернемся снова в Дакку. В каждом из крупных нубийских селений имеются свои достопримечательности. В Дакке это, бесспорно, насосная станция и всё остальное с ней связанное. От «pumping station», как почти все ее здесь называют, зависит всё живое и произрастающее не только в Дакке, но и в округе. Станция небольшая, но достаточно мощная. К тому же она и подвижная, смонтированная на барже и пришвартованная к берегу в центре деревни. Начальник станции — приветливый молодой египетский инженер — побывал в гостях у нас в лагере. Мы приезжали к нему с ответным визитом. Среди предложенных нам угощений был и специ-

Ил. 93. М. У. Юнисов и В. В. Пименов в селении Курта
Fig. 93. M. U. Yunisov and V. V. Pimenov in the village of Kurta

ально испеченный торт, на котором кремом были выписаны буквы «R — E», «Россия — Египет». Инженер рассказал много интересного о современной Дакке и о дальнейшей судьбе ее населения.

От насосной станции, пересекая деревню, идет метровой толщины стальная труба. Дакка, как оказалось, значительно больше по площади, чем можно было предполагать, наблюдая с реки. Позади вытянувшихся вдоль реки строений большой, очень живописный участок полей и садов. Сюда в периоды полива по трубе день и ночь бежит вода. Здесь настоящее царство зелени, кажущееся чудом в выжженной солнцем каменистой пустыне. Перешагиваем через низкий проволочный заборчик и через минуту оказываемся в мире влажного тропического воздуха и одуряющего по консистенции запаха магнолий и жимолости. Солнце почти не проникает сюда сквозь густые зеленые кроны плотно посаженных апельсиновых деревьев. Маленькие солнечные полянки возделаны и засажены овощами. Рядом с садами обработанные и обвалованные в виде больших прямоугольников поля. По узким тропинкам бредут ослики и верблюды. На спине у каждого пара больших конусовидных корзин с удобрениями. Орошаемые с помощью насосной станции земли принадлежат не только жителям Дакки: небольшие наделы получают здесь и обитатели некоторых окрестных деревень, в частности и Курты. На полях отдельно стоящие деревья и небольшие рощицы финиковых пальм.

Сейчас начало марта и даккские сады пусты. Последние апельсины (здесь их называют португалами⁴⁸) прямо с деревьев нам приносили в конце февраля. Но на одном из деревьев крупные золотистые плоды. Фуад объясняет, что это несъедобная разновидность апельсинов, из которой, однако, делают очень вкусный джем. Абду, один из наших нубийских рабочих, быстро сбивает палкой несколько плодов, и мы с удовольствием сосем кислые дольки. «А джем-то делают из корочек», — замечает Фуад. Действительно, от корки плода — толстой, мясистой, с шероховатой бородавчатой поверхностью — далеко распространяется густое апельсиновое благоухание. М. У. Юнисов, попробовав и внимательно осмотрев плоды, разоблачает наших даккских поставщиков: «А мы несколько раз покупали их под видом апельсинов. Ничего страшного!»

Выходим из садов — снова камень и солнце. И еще одна картинка из нубийской жизни. В низинке на краю деревни лагерь бедуинов⁴⁹. Их жилища — сделанные из камышовых циновок загородки — по существу не что иное, как хорошо известные этнографам ветровые заслоны первобытных племен. В Дакке бедуинов довольно много, и, судя по всему, это наиболее беднейшая часть населения. Большой лагерь бедуинов мы обнаружили и севернее Дакки, между деревней и нашим лагерем. Правительство ОАР предприняло некоторые мероприятия для перевода на оседлость этих кочевников-скотоводов, странствовавших по просторам пустыни по обе стороны от Нила. Мы, очевидно, застали здесь только начальный этап этого сложного, порой болезненного процесса. Может быть, в недалеком будущем кочевники найдут свою судьбу вместе с оседлыми нубийцами на новых землях ниже Асуана⁵⁰.

Нубия — обреченная страна. Но это, если так можно выразиться, «запланированная обреченность». Когда через два-три года скроются под водой скалистые берега нубийского Нила, а вместе с ними и прибрежные деревни, в том числе, знакомые нам Коштамна, Курта и Дакка, нубийцы уже будут переселены на север. Здесь в районе Ком-Омбо уже начата для них постройка новых благоустроенных деревень — с оросительными системами, больницами, школами, мечетями. Переселение ожидает и нубийцев Судана, где Асуанское водохранилище затопит район протяженностью около 150 км, в том числе, сравнительно густонаселенный район Вади-Хальфы. Население суданской Нубии оседет в восточной части страны, в районе Хашм-аль-Гирба⁵¹, в Новой Вади-Хальфе и большой деревенской округе. Расставаться с родными местами, причем расставаться навсегда, я думаю, непросто. Но эта потеря со временем должна возместиться многими преимуществами новых мест, прежде всего, наличием плодородной земли, напоенной водами Нубийского моря. Рано или поздно, очевидно, исчезнут у нубийского населения многие специфические признаки культуры (а их, надо полагать, немало), отличающие их ныне от египтян. Впрочем, горевать об этом не приходится. Жаль лишь, что в Нубии вместе с многочисленными археологическими экспедициями не работали сейчас этнографы.

6. Вади-Аллаки (страницы каменной книги)

Настенные росписи современных нубийских домов, бесспорно, очень интересны. Но еще более интересны рисунки и надписи на скалах. В районе наших работ, сравнительно небольшом, их многие сотни, и они уводят нас во времена многочисленных военных походов и экспедиций в Нубию, проводившихся по приказам фараонов Нового, Среднего и Древнего царств, а некоторые из рисунков — и в более отдаленное время, в эпоху первобытных охотников и собирателей, несколько тысячелетий назад населявших эти места.

Рисунки и надписи встречались и на обрамленных к реке прибрежных скалах, и в отдалении от Нила, на растрескавшихся и выветренных скальных останцах, терриконами возвышающихся над желтовато-серой равниной. В ближайшем соседстве, порой на одном камне уживаются памятные записи, разделенные десятками веков: древнеегипетские, сделанные рисунчатым иероглифическим письмом, греческие и латинские, наконец, арабские современные или близкие нам по времени.

В один из февральских дней мы высадились с катера на мокрые камни под многометровым скалистым обрывом нильского берега. С трудом добираемся до высеченных высоко на скале изображений. Трещиноватая поверхность песчаника потемнела, покрылась пустынным загаром. На темном, местами почти черном фоне камня рельефная надпись выделяется еще и цветом — она желтоватая. Иероглифические значки выбиты твердым остроконечным орудием; следы его хорошо заметны в виде точечных «отпечатков» на заглубленной поверхности рисунков.

Б. Б. Пиотровский и Фуад Якуб пальцами прощупывают контур каждого из цепочки иероглифов. Песчаник — не мрамор. Края знаков выщерблены, другие совсем уничтожены — отслоились вместе с плитками известняка. Ведь прошло более четырех тысяч лет с того дня, когда мастер, с удовлетворением осмотрев выбитую им надпись, снова занял место на многовесельном египетском корабле (Ил. 94).

— Шери шел в страну Пани, — медленно читает Борис Борисович, ведя пальцем по поверхности камня.

Надпись большая, да и не одна она здесь. Сразу же можно сказать, что надписи не одновременны: различна техника их выполнения. Рядом с одной из надписей, частично перекрывая ее, изображение стада быков с большими крутоизогнутыми рогами. Чуть ниже и левее еще одно изображение, кажется, слона. Рисунков здесь очень много, в несколько раз больше, чем надписей.

Вдоль Нила и в Вади-Аллаки (о нем мы расскажем ниже) чаще других встречаются короткие надписи с упоминанием имен. Вот некоторые из них: «начальник управления, начальник воинов Деми правогласный», «начальник переводчиков Туа», «сопровождающий Хучуиа, сын Баки...», «Господин Сери, рожденный госпожой дома Нети», «Живущий от стола господина Имхотеи, рожденный Мит»*. В надписях названы и знатные люди («Деми правогласный»), и мелкие должностные лица, и простые люди — слуги или солдаты.

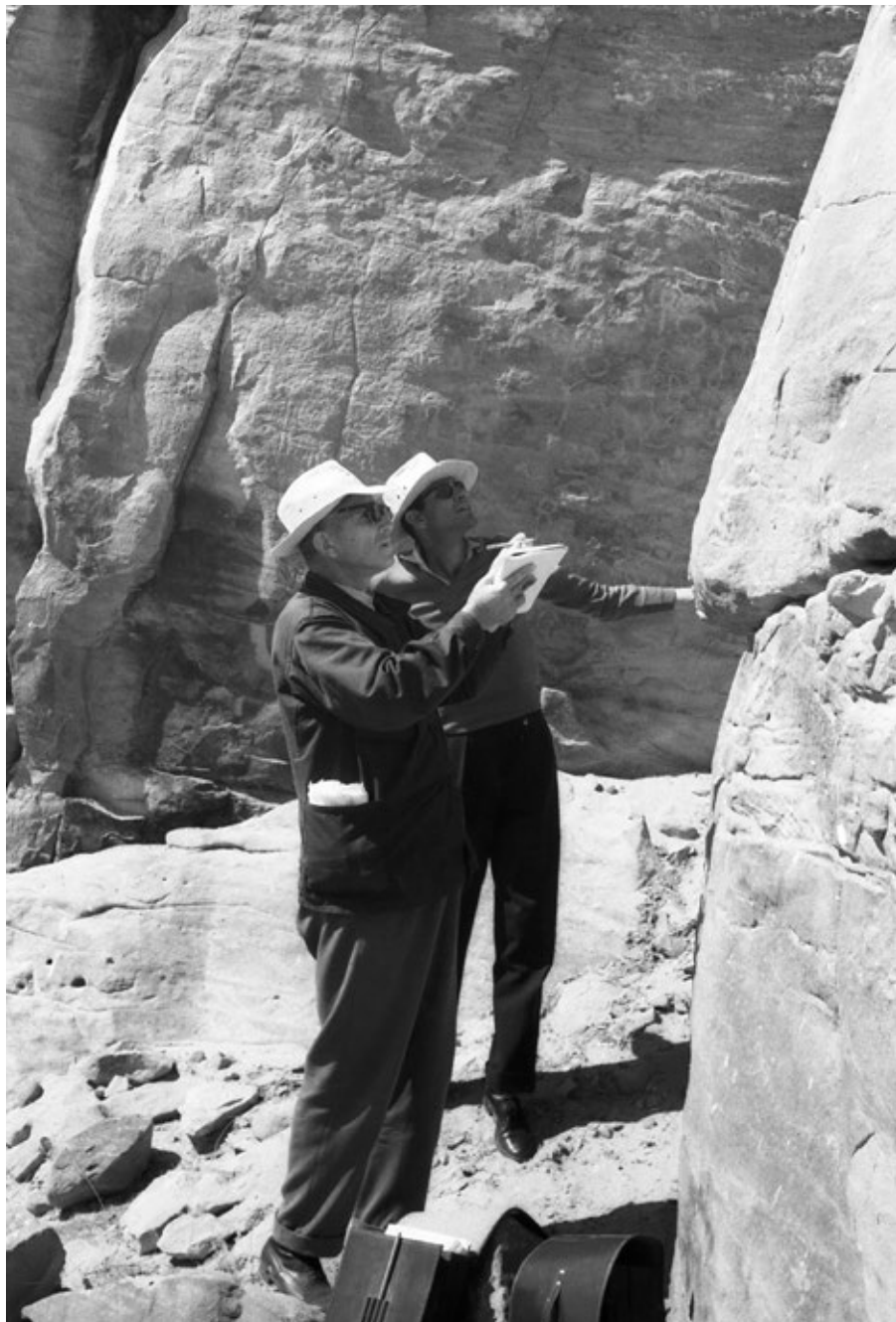
С какими целями делались надписи? Б. Б. Пиотровский и другие исследователи, изучавшие их, полагают, что они связаны с многочисленными египетскими военными походами и экспедициями. Это поминальные и задравные надписи.

Золото и различные сорта поделочного камня были одной из главных целей нубийских экспедиций на протяжении всей истории Египта. Эти экспедиции были весьма внушительными по количеству участников. Об одной из подобного рода экспедиций в район более близкий и более безопасный, чем Нубия, египетский источник сообщает, что в ней участвовало более восьми тысяч человек, в том числе пять тысяч солдат и около трех тысяч рабочих. Экспедиции за пределы собственно Египта, в том числе и в завоеванную уже Нубию, никогда не были совершенно безопасными. Так, за время упомянутой выше экспедиции из ее состава выбыло 900 человек⁵². Люди погибали в стычках с враждебными Египту племенами, в результате болезней, наконец, от непосильного труда. И появлялись на скалах, у мест стоянок караванов, имена

* Здесь и ниже тексты наскальных надписей из Нубии даны в переводах Б. Б. Пиотровского. См.: Б. Б. Пиотровский. Древнеегипетские надписи в районе сел. Дакка и Вади-Аллаки // Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике 1961–1962 / под общ. редакцией Б. Б. Пиотровского. М.—Л.: Наука, 1964. (Прим. автора).

военачальников, чиновников, писцов. Оставшиеся в живых поминали умерших и заодно просили благосклонности богов на будущее для себя.

Самое крупное в прибрежной полосе скопление разновременных наскальных надписей и рисунков находилось в урочище Абу-Дурва⁵³ (Ил. 95).

Ил. 94. Б. Б. Пиотровский и Ф. Якуб перед надписями Вади-аль-Аллаки. Поездка в Вади 23.02.1962 г.

Fig. 94. B. B. Piotrovsky and F. Yacoub in front of the Wadi al-Allaqi inscriptions. Trip to the Wadi 23.02.1962

Вскоре после приезда из Асуана, в одну из пятниц, мы высадились в Дакке, пересекли деревню и по песчаной равнине двинулись к маячившим на горизонте конусовидным холмам. На первом полуразрушенном останце мы обнаружили лишь выбитое на большом песчаниковом блоке изображение человеческой ступни. Зато следующий останец нас буквально ошеломил, хотя мы и были подготовлены рассказами уже побывавших здесь товарищей. Плоские поверхности огромных каменных глыб, образовавших многометровое ступенчатое нагромождение, почти сплошь были покрыты надписями и петроглифами (Ил. 96).

Рисунки были и на больших камнях, некогда отколовшихся и откатившихся от песчаникового монолита. Мы медленно обходим останец, перелезая через глыбы и открывая всё новые и новые надписи. Затем начали работу. Л. Н. Петров, перескакивая с камня на камень и принимая самые немислимые позы, фотографировал. Н. Я. Мерперт копировал в тетрадку латинские и греческие надписи. Б. Б. Пиотровский и В. В. Пименов «примерялись» к древнеегипетской иероглифической надписи: ее надо эстампировать (Ил. 97).

Потом все вместе любовались рисунками. Стадо жирафов появилось на этих камнях, наверно, еще в первобытные времена. Позже, в эпоху египетской колонизации Нубии, были выбиты многовесельные боевые корабли.

Датировка наскальных изображений — дело нелегкое⁵⁴. В пределах одной группы или

Ил. 95. Дорога к местности Абу-Дурва, богатой петроглифами и древними надписями
Fig. 95. The road to the Abu Durwa area, rich in petroglyphs and ancient inscriptions

Ил. 96. «Палимпсест» петроглифов и надписей на одной из скал Абу-Дурвы
Fig. 96. A 'palimpsest' of petroglyphs and inscriptions on one of the rocks of Abu Durwa

небольшого района их относительную древность можно определить по степени загара или выветренности выбитых поверхностей. Интересные результаты может дать сравнительное исследование техники нанесения рисунка на поверхность камня: она, как правило, менялась с течением времени. Существуют и другие способы. Каждый из них сам по себе может указать лишь, что одно из изображений древнее или моложе другого (относительная датировка). Случается, что петроглифы удается увязать тем или иным способом с близ расположенным археологическим памятником, стоянкой или поселением и получить таким образом их абсолютную дату. Это, однако, бывает нечасто, да и способы такой увязки не всегда надежны. Чаще всего и наиболее успешно для датировки петроглифов применяется стилистический и тематический анализ изображения. Рисунку или композиции в целом, отдельным его деталям и различным аксессуарам

Ил. 97. В. В. Пименов эстампирует надписи. Рядом у лестницы Б. Б. Пиотровский и Н. Я. Мерперт
Fig. 97. V. V. Pimenov taking estampages of inscriptions.
 B. B. Piotrovsky and N. Ya. Merpert stand next to the staircase

арам подыскиваются наиболее близкие аналоги в уже датированном археологическом материале. Нашупанная таким образом ниточка может потянуться и к другим изображениям того же района, отличающимся от уже датированного сюжетом, но близким ему по технике, оглаженности, загару.

Нубийская экспедиция не занималась специально наскальными изображениями, однако в ходе работ Б. Б. Пиотровским была разгадана тайна некоторых петроглифов. Так, изображения кораблей на прибрежной скале левого берега Нила между Герф-Хусейном и Коштамной оказались сходными с изображениями росписей одной из гробниц первой династии в Иераконполе, одном из древнейших городов Египта. В рисунках совпадали многие существенные детали: расширяющаяся носовая часть лодок, две высокие надстройки в середине и другие (Ил. 98).

С уверенностью можно было отнести к эпохе Среднего царства изображение стада быков из того же района. Круторогие, с характерным изгибом на концах рогов, с бородкой, обозначенной одной или двумя линиями, с различного рода заштриховкой туловищ или с заполнением контура точками, они нашли своих двойников на сосудах из нубийских могильников Среднего царства (Группы С).

Совершенно особая и, возможно, одна из самых интересных тем связана с наскальными рисунками первобытной эпохи. Они имеются, очевидно, во всех крупных скоплениях петроглифов, но не всегда четко отделяются от более поздних изображений.

Кто и когда изобразил на скалах длинноногих жирафов и страусов, слонов с опущенными к земле тяжелыми бивнями? Более или менее подробно рассказать об этом можно было бы после проведения специальных исследований. Однако, кое-что можно рассказать и сейчас.

В одном из прочных «морских» ящичков, погруженных на баржу после окончания работ, на дне, под хрупкими сосудами Среднего царства, были плотно в несколько рядов уложены пестрые матерчатые мешочки. Неискушенный человек не заметил бы ничего необычного, ознакомившись с их содержанием. В мешках — камни. В одном — покрупнее, грубоокатанные, коричневатые. В другом — множество пестрых, сильно оглаженных,

приятных на ощупь галек с оббитыми краями: серых, розовых, белых. Здесь же и миниатюрные сколы с них, с острыми как у бритвы краями.

При осмотре материалов экспедиции в Каирском музее мешки, к нашему удовольствию, были равнодушно отложены в сторону, хотя содержимое их могло бы послужить основой для экспозиции древнейших этапов истории Нубии в Асуанском музее⁵⁵.

В тяжелых пестрых мешочках были уложены орудия каменного века, найденные нами в нескольких пунктах по обоим берегам Нила.

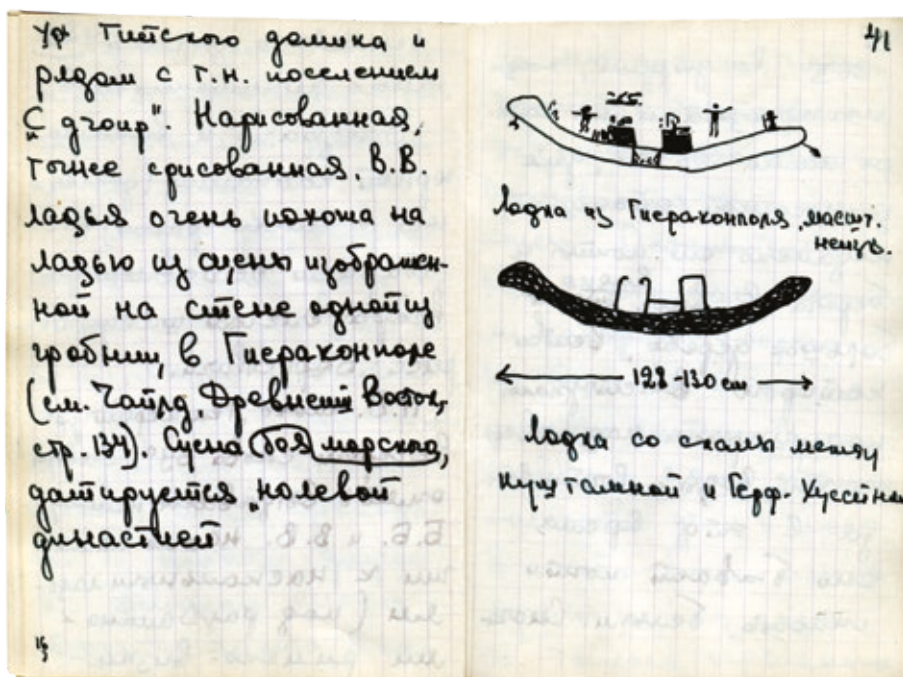
В описях находок, например, кроме Хор-Дауда — раннединастического поселения скотоводов, числились еще два Хор-Дауда, оба палеолитические, а кроме Хор-Набрука — могильника эпохи Среднего царства, Хор-Набрук раннепалеолитический. Были еще три Коштамны, три Дакки, Курта, Абу-Дурва, Хор-Иккур и другие места с остатками поселений и временных стоянок первобытного человека.

Первые орудия древнего каменного века (палеолита) — грубые осколки с заглаженными ребрами и следами искусственного расщепления — Б. Б. Пиотровский нашел на Хор-Дауде. Они лежали прямо на поверхности песка рядом с ямами раннединастического поселения. Находки тридцати-сорокатысячелетней давности рядом, на одном уровне с совсем молодыми, пятидесятилетними — не странно ли это? Ничего необычного, впрочем, здесь нет. Дело в том, что древние, палеолитические орудия находятся здесь не в том первоначальном положении, как они были оставлены в свое время людьми, а уже в переотложенном виде.

Поисками орудий каменного века в свободное время увлекались все сотрудники, и, хотя находки были редкими и рассеянными на довольно большой площади, мы через некоторое время оказались обладателями довольно большой коллекции мустьерских орудий — треугольных отщепов, пластин, нуклеусов, с которых они были сколоты. Наконец, О. Г. Большаков нашел отличный остроконечник — одно из самых характерных изделий мустьерского человека.

Остатки временных стоянок мустьерских людей, охотников и собирателей пищи, живших ранним родовым строем, мы нашли и во многих других местах — на берегах Нила и в некотором отдалении от него. Самые интересные находки попались на пути к Абу-Дурве, сразу же как только мы пересекли деревню. Поднятый Б. Б. Пиотровским невзрачный на вид окатанный камень оказался отличнейшим ручным рубилом. Орудия этого типа, крупные и массивные, грубо отесанные с двух сторон, овальные или миндалевидные по форме, появились еще на заре человеческой истории и служили человеку до эпохи среднего палеолита.

Надо сразу же оговориться: человек мустьерского времени, неандерталец, не имел никакого отношения к наскальным рисункам, даже самым древним из них. Первые образцы изобразительного искусства, в том числе великолепная наскальная роспись, появились позднее, в эпоху верхнего палеолита, когда появился человек современного типа.

Ил. 98. Страницы из дневника А. В. Виноградова с изображением додинастических лодок
Fig. 98. Pages from A. V. Vinogradov's diary with drawings of predynastic boats

А вот каменные орудия, найденные в Хор-Набруке, оставлены людьми, которые вполне могли быть причастными к наскальным рисункам.

Как и в Хор-Дауде, каменные орудия лежали здесь прямо на поверхности, в том числе и на территории могильника. Площадь находок была огромной. Разноцветные гальки с отполированными до блеска боками и следами сколов, мелкие отщепики, миниатюрные пластинки с острыми как бритва краями, сделанные из полупрозрачного дымчатого халцедона, встречались всюду между могилами и развалами камней у заброшенных разрушающихся домов, на прилегающем к реке каменистом склоне и изредка даже в засыпке могил.

Первоначально возникло предположение: не прорезан ли могильными ямами культурный слой стойбища каменного века. Однако вскоре от него пришлось отказаться: слишком велика была площадь находок. Тогда стало ясно, что находки каменного века ко времени сооружения могильника уже находились на поверхности песка и часть их случайно попала в погребения.

Так же как и на Хор-Дауде, каменные орудия собирали все. Дело это хоть и увлекательное, но весьма утомляющее. Кроме того, оно требует острого глаза и некоторых профессиональных навыков. Не так просто, стоя, заметить на песке миниатюрную кремневую чешуйку и не спутать ее с чуть присыпанным песком ничем не примечательным камнем или расслоившимся кусочком керамики. А кремневое изделие может лежать к тому же вверх стороной, сохранившей галечную корку. Спутать — значит нагнуться лишний раз, лишний десяток, сотню раз. Через полчаса начинает болеть спина, а в глазах от жары, ослепительного света и напряжения появляются радужные круги. Когда очень устанешь — можно сесть или даже лечь, и, не двигаясь, внимательно осмотреться. Наверняка попадетя что-нибудь интересное. Способ этот особенно любил раис Махмуд. Его слезящиеся глаза плохо различали мелкие находки. Он сердился, начинал бегать по участку, потом садился на корточки, подобрав длинные полы галабии, и тихонько рылся пальцем в песке.

Хор-набрукские находки отличались от мустьерских прежде всего размерами и материалом, из которого они были сделаны. Древние наход-

ки — и заготовки для орудий, и сами орудия — массивные, толстые. Сделаны они преимущественно из грубых пород — окремненного железистого известняка и других столь же плохо податливых при обработке. Находки из Хор-Набрука миниатюрны и сделаны из отличного галечного кремня. Это бросающиеся в глаза различия, но не главные. Главное — в характере, формах самих орудий и технике их изготовления.

Хорнабрукцы использовали почти исключительно мелкую кремневую гальку. Вдоль нильского берега и в некоторых местах вдали от реки, на более высоких отметках, она встречается в изобилии. В районе могильника почти вся галька «опробованная», со следами сколов: не вся галька была кремневая и не вся шла «в дело».

Из подходящей гальки делали небольшие дисковидные или призматические нуклеусы (ядрища), с которых затем скалывали заготовки нужной формы для изготовления орудий. Иногда орудия делали из целых заготовок, но чаще их предварительно рассекали на части. Из сечений делали скребки, различные орудия с выемками (очевидно, скребла) и, главное, очень мелкие орудья геометрических форм — треугольные, сегментовидные или трапецевидные. Они служили, возможно, наконечниками стрел, а скорее всего, вкладными лезвиями для крупных орудий с костяной или деревянной основой. В пазы основы вставлялась целая серия таких миниатюрных вкладышей нужной формы в зависимости от того, каким предполагалось лезвие: прямым (для ножа или кинжала), зубчатым (для гарпуна или копья) и т. д.

Находки из Хор-Набрука значительно моложе хор-даудских. Они относятся, очевидно, к мезолиту или началу неолита и отделены от нашего времени уже не десятками тысячелетий, а всего несколькими тысячелетиями. В это время небольшие охотничьи коллективы селились не только по берегам реки, но и в пустыне, в местах выходов на поверхность подземных, родниковых вод. Охотниками эпохи мезолита и неолита, хорошо знавшими повадки животных пустыни, могли быть сделаны некоторые из виденных нами древних изображений.

Вади-Аллаки значилось в плане работ экспедиции еще задолго до того, как были окончательно определены состав и сроки работ. В разноязычных

изданиях ЮНЕСКО, посвященных спасению памятников Нубии, в списке стран-участниц кампании значилось: СССР — Дакка, Вади-Аллаки.

Чтобы попасть в Вади-Аллаки нужны были машина и хороший проводник. Одна из экспедиционных машин осталась законсервированной в Александрии, другая была доставлена в Асуан, но в каком виде! При погрузке на нашу новенькую ГАЗ-69 упал тяжелый контейнер, и передок машины был изрядно помят. Транспортная компания оплачивала ремонт, но он затянулся, и рассчитывать на собственный транспорт не приходилось.

Наши деловые знакомства в окрестностях позволили, однако, довольно быстро разрешить это затруднение. Машину мы получили в горной компании, поселок которой располагался в устье Вади-Аллаки.

Там же нашелся и проводник — Ибрагим Хусейн Швойна, пожилой араб, верблюжатник, большой знаток здешних мест и, в частности, Вади-Аллаки.

Что же такое Вади-Аллаки? Вади в здешних местах называют большие сухие русла, подходящие к Нилу из возвышенных районов пустыни. Вади-Аллаки — грандиозное русло. Широким и глубоким каньоном оно прорезает возвышенное плато к востоку от реки. На карте двойная пунктирная ниточка сухой реки уводит далеко на юго-восток, на территорию Судана.

Когда-то русло было полноводным: пропиленное в скалах огромное ложе свидетельствует об этом. Когда — точно не известно. Во всяком случае, за много десятков тысячелетий до того времени, когда на юге Египта образовалось первое государство. Позднее огромное русло, очевидно, лишь временами обводнялось за счет сезонных осадков, особенно в периоды некоторого увлажнения климата.

Постоянный водоток прекратился, но это не помешало Вади-Аллаки стать во времена фараонов важнейшей транспортной артерией.

По Вади-Аллаки, нижняя часть которого в древности называлась страной Баки, еще в период Древнего царства шел хорошо организованный караванный путь к золотым рудникам и каменоломням. Устье Вади — начало пути к «золоту страны Вават» (Северной Нубии) — стерегла мощная

египетская крепость Баки. Меньшие по размерам укрепления, пристанища для караванов, а там, где возможно, и колодцы были построены на всем пути к золотым рудникам.

Все тяжелые работы на каменоломнях и золотых рудниках выполнялись руками рабов. Греческий историк Диодор Сицилийский дает описание каторжного труда, рудокопов и сообщает, что на рудниках Нубии рабочими по преимуществу являются осужденные преступники, военнопленные⁵⁶. Очень любопытно в этом отношении обычная формула клятвы в древнеегипетском суде: «Истина — всё сказанное мной, если я потом поверну рот свой, пусть я буду отдан на работу в Куш»⁵⁷.

Однажды в наш лагерь пришел Ибрагим и рассказал много интересного о Вади-Аллаки: о выбитых на скалах рисунках, древних могилах, о развалинах храма, сохранившиеся колонны которого он якобы видел где-то далеко по руслу. Ехать с нами в Вади-Аллаки сейчас старик наотрез отказался. «Он говорит, что давно уже не был в тех местах и хочет сначала сходить туда один, а потом повести нас», — переводит О. Г. Большаков слова Ибрагима.

— Когда Ибрагим рассчитывает вернуться?

— Дорога туда и обратно займет не менее десяти дней.

Ибрагим уехал на катере, пообещав завтра же выйти в путь.

Через неделю нас покинул Б. Б. Пиотровский. В Каире начинались заседания Комитета экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии, в котором Борис Борисович представлял Академию наук СССР. Раскопочные работы возглавил Н. Я. Мерперт.

Среди оставленных Б. Б. Пиотровским распоряжений было и следующее: «Без меня в Вади-Аллаки не ездить. Больше десяти дней в Каире не задержусь».

В маленьком лагере стало тише. Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков каждое утро на моторной лодке переправлялись на восточный берег, где полным ходом шли раскопки Хор-Дауда. Мы с Фуадом берегом шли к Коштамне, на могильник; сзади цепочкой тянулись рабочие.

Л. Н. Петров, обвешанный фото и кинокамерами, успевал бывать всюду (Ил. 99).

Много работы было и у художника. В. В. Пименов перебивал рисунки наскальных надписей, рисовал все новые находки и одновременно успевал реставрировать кое-что из керамики. Впрочем, плохо сохранившихся сосудов было немного: из хордаудских ям ежедневно вынимали по несколько отличных сосудов, не требовавших, кроме мойки, никакого ухода.

Ибрагим вернулся через двенадцать дней. Утром он пришел в лагерь и сказал, что готов повести русских в Вади-Аллаки. Ждать возвращения «мудира Бориса»* Ибрагим не мог: через несколько дней он должен снова уйти в пустыню, собрать там своих верблюдов и отправить их в Асуан. Это займет немало времени.

Потерять надолго Ибрагима было бы ошибкой. К этому мнению единодушно пришли все оставшиеся в лагере сотрудники. Было принято решение: пусть Ибрагим покажет наиболее интересные места, потом мы сможем найти их сами. Поездка должна быть однодневной и носить лишь рекогносцировочный характер. После приезда Б. Б. Пиотровского можно будет провести основательную разведку русла. Принятию решения способствовало и то, что у компании освободилась машина и ее вместе с шофером готовы были предоставить экспедиции на день-два.

На следующее утро Н. Я. Мерперт, О. Г. Большаков, Л. Н. Петров и Фуад Якуб выехали в Вади-Аллаки. К ужину они не вернулись. Лишь часам к десяти на тем-

ной, сливающейся с небом реке, на фоне тусклых огоньков Дакки, появился движущийся светлячок. В дверь палатки заглянул усатый Абду и, сказав что-то по-арабски, показал на огонек. Через полчаса я уже закручивал за камень брошенный с катера конец.

Рассказы начались в столовой. Обычно словоохотливый Олег рассказывал очень скупое. Николай Яковлевич иногда кое-что добавлял, а Лев Николаевич оснащал рассказ живописными деталями.

Храм с колоннами, о котором рассказывал Ибрагим, не нашли. Он, оказывается, где-то в стороне, а времени в обрез. Бегло осмотрели старые золотые рудники, но они сравнительно недавно были сильно модернизированы и большого интереса не представляли. На поверхности, в «подъемке» — вместе с древнеегипетской керамикой современный фаянс. Наконец Олег спрашивает:

Ил. 99. Л. Н. Петров
Fig. 99. L. N. Petrov

* Мудир — начальник (араб.). (Прим. автора).

— Абу-Дурву все видели?
 — Вместе ходили.
 — Ну вот, по сравнению с тем, что мы видели в Вади-Аллаки, Абу-Дурва — мелочь.

В подтверждение своих слов он вытаскивает из полевой сумки большой кусок миллиметровки. На оборотной стороне эстампаж трех

небольших стен. В прямоугольных с округлым верхом рамках — строки иероглифов. На одной из стел крупное изображение сокола с короной на голове. Жаль, что Б. Б. Пиотровский в отъезде и никто (кроме, пожалуй, Фуада) не может прочесть начертанное на скале (Ил. 100).

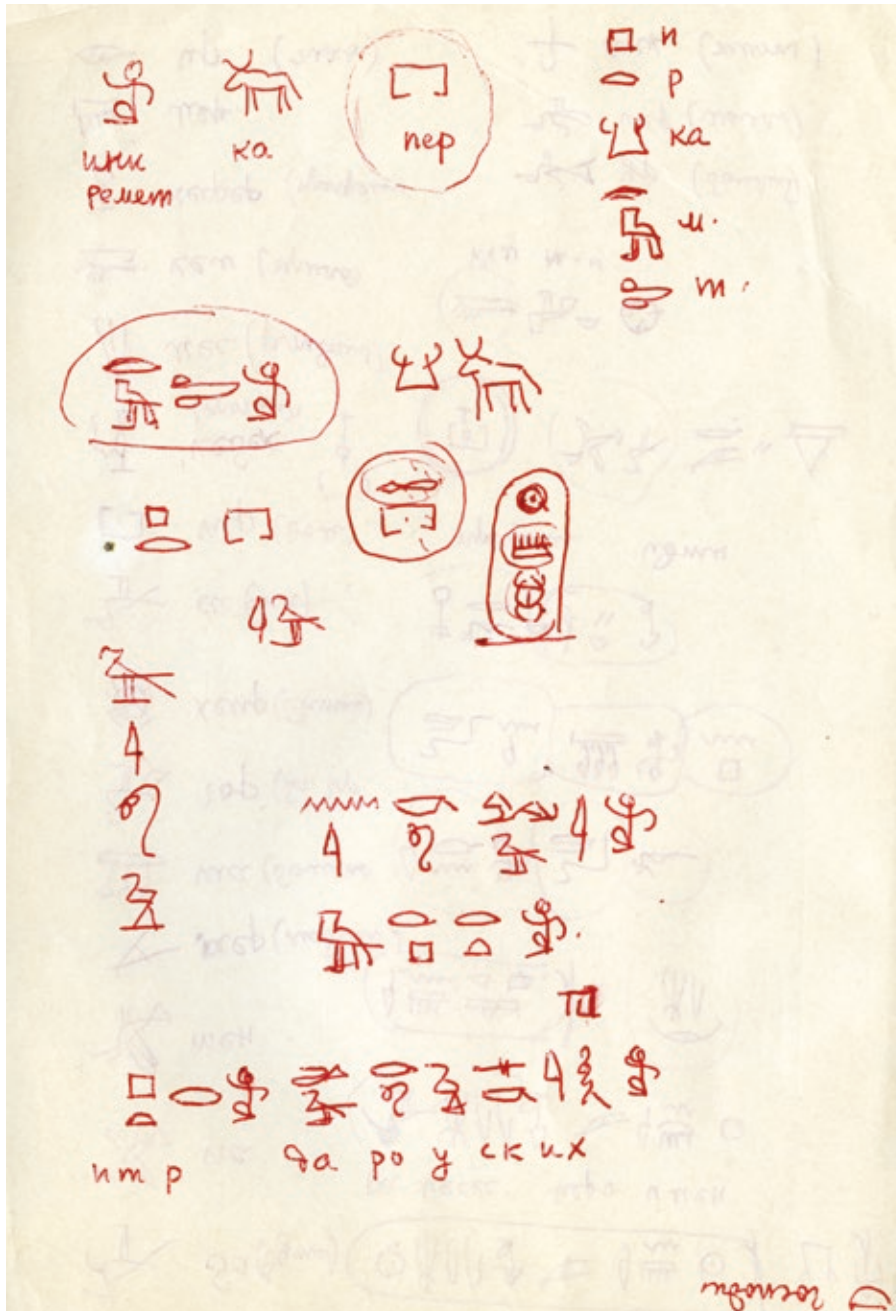
А Олег уже рассказывает о наскальных надписях. Участники разведки видели их буквально сотни, и судя по всему, они были первыми из археологов, кто их видел*.

Вторая поездка в Вади-Аллаки состоялась лишь через полтора месяца. Н. Я. Мерперт был прав, когда решил не откладывать разведку по сухому руслу: Ибрагима мы так и не дождались. Решили ехать без проводника, по известному маршруту.

Нас шесть человек в маленькой машине, загруженной одеялами, канистрами с водой, пакетами с продовольствием. О машине надо сказать особо (Ил. 101).

Внешность ее перед дальней дорогой в безводный район наводила на очень грустные размышления. Очевидно, этот невероятно грязный механизм был когда-то «виллисом». Но в каком виде он предстал сейчас перед нами! Погнутые фары без стекол. Что-то привязано веревками. Из пяти приборов на приборном щитке три выдраны с корнем, стрелки остальных, по-видимому,

*Впоследствии выяснилось, что некоторые из надписей были ранее сфотографированы директором топографической службы Нубии Д. Мюрреем, и по снимкам, переданным в Каирский египетский музей, частично опубликованы чешским археологом Ярославом Черны. См.: [Пиотровский 1964б] (прим. автора).

Ил. 100. В свободное время участники экспедиции под руководством Б. Б. Пиотровского развлекали себя знакомством с азами иероглифики. На страницах дневника Н. Я. Мерперта сохранились такие «уроки». Здесь выписано в картуше тронное имя фараона Тутмосиса III (Менхеперра), некоторые египетские слова, а также имена и фамилии участников экспедиции — самого Н. Я. и П. Д. Даровских
Fig. 100. In their leisure time, the members of the expedition entertained themselves by learning the basics of hieroglyphics under the guidance of B. B. Piotrovsky. The following 'lessons' were preserved in N. Ya. Merpert's diary. Here, we find the throne name of Pharaoh Tuthmosis III (Menheperra) written, together with some Egyptian words, and the names and surnames of the expedition members — N. Ya. himself and P. D. Darovskikh

уже много лет стоят на нуле. Несколькоими ведрами воды удалось немного смыть грязь, и лишь тогда, постелив сначала газеты, а затем одеяла, мы смогли занять места на металлических сиденьях.

По дороге мы узнали у шофера, что машина — из военных запасов союзников. Забегая вперед, скажу, что опасения наши, к счастью, не оправдались. Весь день машина вела себя превосходно. А дорога была песчаная, нелегкая.

Автомобильный след огибает последние домики прибрежного поселка и уходит на восток. Километров на восемь-десять справа тянется узкая полоска воды. Вдоль нее отдельные домики, рощицы пальм, обработанные поля. Это устье Вади, подтопленное сейчас, зимой, водами Нила. Летом вода подается по трубам; у берега, в поселке Аллаки, к небольшой каменной дамбе пришвартована плавучая насосная станция, такая же как в Дакке.

Устьевая часть Вади очень широка, и на первый взгляд трудно определить, где здесь русло. Справа и слева, почти у горизонта видны цепочки всхолмлений. Плавные контуры их четко вырисовываются на безоблачном небе. Это и есть берега русла в его устье. Рисунок южного берега переби-

вается несколькими крупными терриконообразными возвышенностями. Конусовидные с плоским верхом холмы свойственны пейзажу Нубийской пустыни. Это характерная для здешних мест форма выветривания поверхности.

Постепенно Вади принимает вид хорошо выраженного русла очень большой реки с крутыми, скалистыми, изрезанными ущельями берегами. Иногда в середине русла, будто оторвавшиеся от берега, возникают огромные нагромождения каменных глыб. Это немые свидетели упорной многовековой работы, которую вела здесь вода. Не покоренные рекой, сейчас они выглядят несколько сиротливо. А некогда здесь были опасные, наподобие нильских, пороги (Ил. 102).

Окрестный пейзаж очень красив; но красота эта какая-то непривычная, немного мрачноватая. Наверное, это вызвано необычными красками: изъеденные трещинами береговые скалы кажутся иссиня-черными от покрывающего их многотысячелетнего загара. Лишь местами недавние обвалы обнажают свежий желтоватый песчаник.

Умм-Агаиб — первая большая остановка. От реки двадцать пять километров, дневной переход каравана. Причудливо нагроможденные камни

Ил. 101. Машина, взятая внаем для поездки в Вади-аль-Аллаки 3 марта 1962 г. Умм-Ашира

Fig. 101. A car rented for a trip to Wadi al-Allaqi on March 3, 1962. Umm Ashira

Ил. 102. Вид Вадии-аль-Аллаки в зоне работы советской экспедиции
Fig. 102. View of the lower reaches of Wadi al-Allaqi, where the Soviet expedition worked

Ил. 103. Жирафы. Петроглифы Умм-Агайба (Вадии-аль-Аллаки)
Fig. 103. Giraffes. Petroglyphs of Umm Agaib (Wadi al-Allaqi)

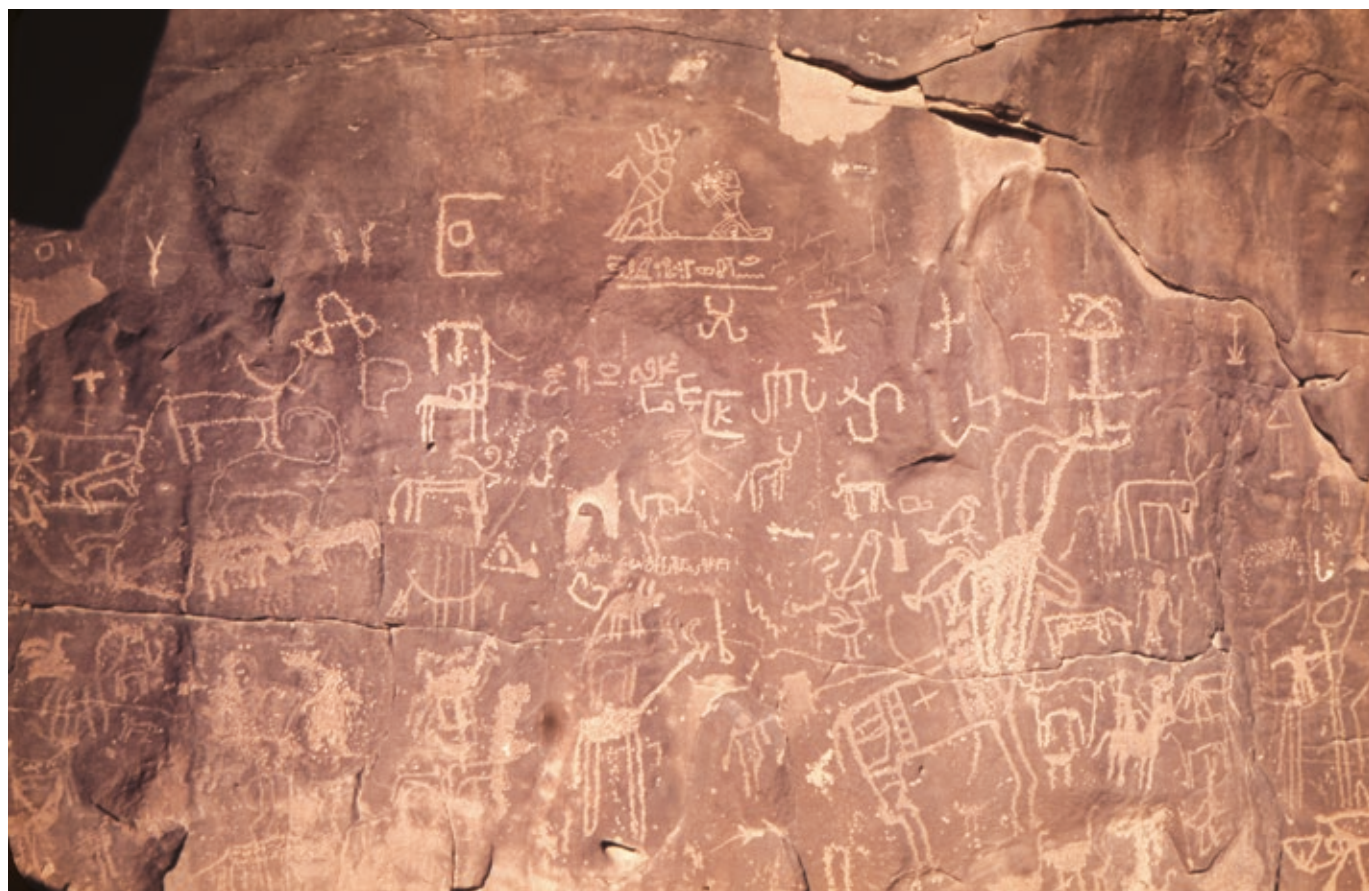
образовали у правого берега большой тенистый навес. Здесь, должно быть, с удовольствием останавливались усталые караванщики. И здесь же первые надписи и изображения.

Особенно многочисленны и хороши петроглифы. Три длинноногих жирафа, настороженно вытянув шеи, что-то высматривают вдаль. Пропорции животных на рисунке несколько нарушены, но изображение от этого только выиграло. Рисунок очень жив, экспрессивен (Ил. 103). Очевидно, художник много раз наблюдал повадки грациозного животного, может быть, охотился на него.

Большая, в два человеческих роста каменная глыба почти полностью покрыта изображениями и надписями. Самые юные надписи — арабские. Они небрежно процарапаны по камню чем-то острым, а то и просто написаны мягким известняком. Самые древние надписи — древнеегипетские, выполненные иероглифическим или иера-

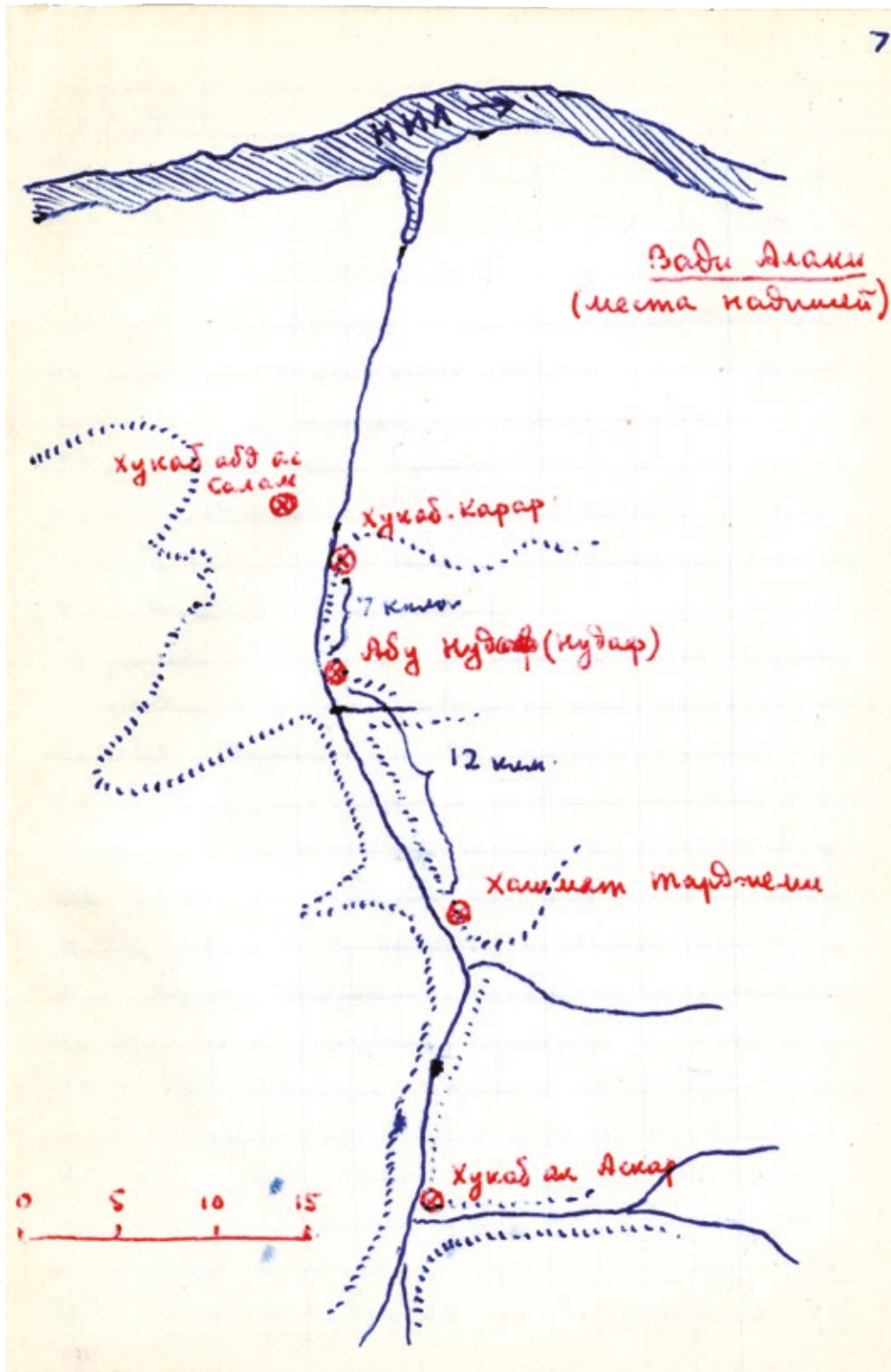
тическим письмом. Знаки выбиты аккуратными бороздками и относятся к эпохе Нового царства (II тыс. до н. э.). Надписями часто сопровождается изображение бога Гора, владыки страны Баки, покровителя путешествовавших по Вади-Аллаки. Гора рисовали в виде сокола с двойной (Верхнего и Нижнего Египта) царской короной на голове. На одной из сцен перед соколом Гором изображение коленопреклоненного царя с воздетыми в молитве руками. А ниже надпись: «Сделал писец Небнетру, сын Гори, для господина своего» (Ил. 104).

Часть петроглифов Умм-Агайба значительно древнее самых древних надписей и относится, по всей видимости, к первобытной эпохе. Изображения жирафов, о которых говорилось выше, выбиты на поверхности камня ровной контурной линией. Канавка рисунка так же черна от загара, как и плоскость камня. Трехтысячелетней давности древнеегипетские надписи кажутся по сравнению

Ил. 104. Умм-Агаиб. Скопление петроглифов и надписей.
Сверху посередине — коленопреклоненный царь с воздетыми в молитве руками перед богом Гором в облике сокола

Fig. 104. Umm Agaib. Rock drawings and inscriptions. The king kneeling in front of Horus, his hands raised in prayer

Ил. 105. Схематический план мест расположения надписей в Вади-аль-Аллаки. Из дневника Б. Б. Пиотровского
 Fig. 105. Schematic plan of the locations of the inscriptions in Wadi al-Allaqi. From the diary of B. B. Piotrovsky

с этим рисунком сделанными только вчера. К тому же далекому времени относятся и изображения страусов. Лодка с рулем на корме и надстройкой в средней части выбита позже, уже в фараоновские времена.

В узких каменных щелях — густая тень, полумрак. Но, присмотревшись, рисунки можно найти и здесь. Жаль только, сфотографировать их нельзя. Да и время торопит, надо двигаться дальше.

Берега Вади постепенно сдвигаются, однако, это отнюдь не каньон. Даже здесь ширина русла местами не менее километра. Наша маленькая машина пробирается по песчаному дну вдоль черного обрывистого берега. Кое-где песок сменяется участками, покрытыми плотной растрескавшейся глиняной коркой. Это такыры; здесь когда-то стояла вода. Нам рассказывали, что зимой в Вади-Аллаки бывают иногда сильные ливни. Сейчас как-то не верится в это. Но вот на такырной поверхности зеленые переплетения стелющихся мясистых стеблей. И плоды, как две капли похожие на арбузы — зеленые с белыми или желтоватыми зубчаты-

ми полосками «от пупа до пупа» — только небольшие, в половину настоящих⁵⁸. Высохшие кустики пустынной колючки бугорками собирают вокруг себя переувлажненный ветром песок — и дно Вади на нескольких километрах принимает вид огромного сусличьего городка.

В семидесяти пяти километрах от Нила — Умм-Ашира. Собственно, под этим именем известен большой, в несколько десятков метров высотой, конусообразный скальный останец. А урочище называют сейчас Бир-аль-Аскари, что означает «воинский колодец» (Ил. 105).

Как обычно, у подножия ступенчатого останца нагромождение глыб. А на их гладких боках снова надписи и рисунки, многие десятки надписей. Это, пожалуй, самое крупное из всех виденных нами скоплений. Настоящий музей.

Участники разведки разбредаются и с разных сторон начинают взбираться на скалу. На каждом уступе всё новые и новые надписи. Пожалуй, их не десятки, а сотни. Петроглифов меньше, к тому же некоторые перекрыты надписями. Снова и снова изображения Гора, на этот раз не только в виде сокола, но и в человеческом облике, правда, все-таки с птичьей, соколиной головой. Одно такое изображение на плоской грани, венчающей останец песчаниковой глыбы. Крупное, почти в рост человека, оно видно издалека. На голове Гора двойная царская корона, в одной руке жезл, в другой — знак «анх» — символ жизни. Рядом две крупные надписи: «Царский открыватель путей в страны разные. Начальник шемсу Саамон». И еще: «Изготовил начальник экспедиции Мини» (Ил. 106).

Ил. 106. Изображение Гора и надпись: «Царский открыватель путей в страны разные. Начальник шемсу Саамон». Вади-аль-Аллаки, Умм-Ашира

Fig. 106. Depiction of Horus and inscription: “Royal opener of the ways to different countries. Chief of the shemsu Saamon”. Wadi al-Allaqi, Umm Ashira

Осматриваем стелы, эстампаж которых нам показывал О. Г. Большаков. Они внизу, под скальным навесом, «спасавшим» путешественников (как и в Умм-Агайбе) от солнца и жары. Стел три, и они тоже посвящены Гору страны Баки. На каждой, кроме изображения сокола, надписи. Вот одна из них: «Гору, владыке города Баки, богу великому, владыке неба. Изготовил Пахопи для господина своего». Здесь же внизу на отдельном камне еще одна стела, сделанная очень тщательно. В центре ее высокий жертвенник, на нем сосуд. Над жертвенником — солнечный диск. По обеим сторонам — обращенные к жертвеннику боги: слева Амон в высоком головном уборе, справа Гор с головой сокола.

Но вернемся к надписям.

Выше мы приводили образцы надписей из Умм-Агайба. Вот несколько надписей Умм-Аширы: «Князь, жрец Ноферронпет», «Слуга Рамессухер»,

«Писец счета золота Инпуюмхеб», «Сделал Хаунати, писец сокровищницы царского сына Сетау». Вот знакомая уже надпись: «Писец Небнетру, сын Гори». Он «расписался», как мы знаем, и на камнях Умм-Агайба. И не только там. Имя Небнетру, сына Гори, писца, известно по надписям из других мест и в Вади-Аллаки, и в долине Нила. Вполне вероятно, что все эти надписи, говорят об одном человеке. Интересно, что в Умм-Ашире найдена еще одна надпись, имеющая прямое отношение к писцу Небнетру. В ней говорится о его отце и деду и их занятиях. Вот она: «Изготовил писец Гори, сын жреца Паура». Из надписи видно, что род Небнетру занимал высокое общественное положение, а сам Небнетру пошел по стопам отца, не только унаследовав его профессию, но и участвуя подобно отцу и деду в нубийских экспедициях. Дед Паур также, в свою очередь, оставил в Вади-Аллаки две

Ил. 107. Надписи из Умм-Аширы. «Писец нома Джехутиемхеб». «Слуга Рамессухер». «Год 40-й. Сделал писец сокровищницы счета золота Хауас». «Писец Небнетру, сын Гори»

Fig. 107. Inscriptions from Umm Ashira. 'Scribe of the nome Djehutiemkheb', 'Servant Ramessukher', 'Year 40. Made by the scribe of the treasury of gold Khawas', 'Scribe Nebnetru son of Hori'

надписи. На одной из них его должность звучит так: «жрец-херихеб, писец храма, дома Гора,ладыки страны Баки». Такая «семейственность», судя по некоторым надписям в Вади-Аллаки, была нередкой среди участников экспедиций и, вероятно, в египетской администрации в Нубии. Умм-Ашира сообщает о жреце Паруди, а Умм-Агаиб — о начальнике экспедиции Нашуируде, сыне Паруди. В одной из надписей Умм-Аширы упоминается князь, жрец Ноферронпет, там же на другой надписи — его сын Пенисет.

В отличие от Умм-Агаиба, скалы Умм-Аширы дали надписи весьма высокопоставленных лиц. Титул «царский посланник во все страны» («Царский открыватель путей в страны разные») носили наместники Нубии — страны Куш. Высокое положение в чиновничьей иерархии занимал и человек с титулом «начальник закромов, заместитель начальника страны Вават». Выше говорилось о начальниках экспедиций. Они упоминаются много раз; в буквальном переводе эта должность звучит как «начальник сопровождающих». Чаще всего, пожалуй, в надписях упоминаются писцы. У них свой «табель о рангах». Есть просто писцы, а есть «писец счета золота» или «писец сокровищницы» (Ил. 107).

Все изученные экспедицией древнеегипетские надписи Вади-Аллаки датируются эпохой Нового царства, временем правления фараонов XVIII и XIX династий.

Караванный путь по сухому руслу, как уже говорилось, существовал значительно раньше, еще во времена Древнего царства. И то, что за такой сравнительно небольшой отрезок времени (вся эпоха Нового царства насчитывает примерно 500 лет, в том числе XVIII и XIX династии — 380 лет) на скалах Вади-Аллаки появилось такое обилие надписей, может свидетельствовать лишь о необычайном оживлении на этом пути и расширении масштабов работ на золотых рудниках. Сами рудники, поселки рудокопов, храмы и могильники, расположенные окрест, еще ждут своих исследователей. Они многое могут рассказать о древнем Вади-Аллаки, о далекой и таинственной стране Баки.

А нам пора возвращаться. Солнце уже склоняется к закату, а впереди — длинная, утомительная дорога к Нилу.

7. Прощай Нубия

Наши работы подходят к концу. Как всегда на раскопках, последняя неделя была напряженной. Николай Яковлевич и Олег поздно возвращаются с Хор-Дауда: заканчивается съемка плана и описание памятника. Рабочие пробивают траншею, которая должна соединить оба расчищенных участка — на правом и левом берегах Хора.

8 марта один из последних маршрутов. На катере идем вниз по реке и высаживаемся на западном берегу, между Коштамной и Герф-Хусейном. Где-то здесь один из раскопанных Фёртом могильников додинастического времени. Довольно быстро находим его рядом с большой полуразрушенной сакийей и остатками орошавшегося участка. Наша задача: осмотреть могильник, и если обнаружатся при этом не раскопанные Фёртом погребения, то исследовать их и пополнить хор-даудскую коллекцию находками из могильника примерно того же времени.

На поверхности в беспорядке лежат песчаниковые плиты, тут и там небольшие холмики выброшенного при раскопках грунта, воронки затянутых песком могильных ям, мелкие обломки глиняной посуды. Разбредаемся в разные стороны. Вот и еще один след Фёрта — намалеванная на плитке масляной краской римская цифра два. Таким способом отмечался на фотографиях порядковый номер раскопанного погребения.

Находим несколько наименее ярко выраженных воронок. Может быть, здесь побывали только грабители? Рабочие быстро, одну за другой, очищают ямы от песка, но тщетно: все погребения пусты. Педантичный англичанин ничего не пропустил.

Спускаемся чуть ниже по береговому склону, ближе к реке. Метрах в двадцати-тридцати от берега, на небольшой, довольно круто опускающейся к реке площадке находим множество беспорядочно лежащих плит, таких же, как на могильнике. Как будто никаких отвалов и перекопов. Начинаем разбирать рыхлый поверхностный слой и сразу же находки: великолепная кремневая пластина с ретушью, несколько кремневых отцепов, обломки тонкостенного сосуда с красной росписью. Часто встречаются угольки, обломки костей. Находки хоть и не обильны, но интересны. Обломки сосуда

с изображением дерева датируют их средним додинастическим периодом, то есть временем значительно более ранним, чем время Хор-Дауда.

Нашупали кусок низенькой стенки из вертикально стоящих, обмазанных илом плит. Может быть, остатки поселения? Нет, вряд ли, ведь это превысило бы самые смелые наши ожидания.

Прямо пропорционально возрастанию нашего интереса к находкам возвращается бодрость к разломлевшему от жары раису. Его новая голубая галабия (Борис Борисович сегодня за что-то на него сердит и называет его «голубой раис») мелькает по склону. Он с наигранной бодростью покрикивает на рабочих, затем садится на корточки и начинает раздувать песок, вскакивает, словом, развивает бурную деятельность.

Между тем расчистка стенки и примыкающего к ней небольшого участка продолжается. Находки встречаются, но значительно реже, и у всех уже зародились сомнения. Некоторое время спустя сомнения эти стали высказывать вслух. Правда, сначала в очень осторожной и деликатной форме: любыми средствами хочется сохранить до последнего момента какую-то иллюзию удачи.

Сомнения таковы: да, обмазанная илом стенка из песчаниковых плит несколько напоминает остатки известных по публикациям раскопанных нубийских жилищ (последние, правда, более позднего времени). Действительно, с одной стороны к стенке примыкает рыхлый, слегка гумусированный слой с мелкими обломками посуды, уголками, косточками, слой, который ничем не отличается от так называемого «культурного слоя» древних поселений. Дальше следуют всяческие «но»: стенка может быть остатком большого желоба для воды (ведь рядом сакийя и поле). В таком случае и «культурный слой» — это не «культурный слой», а остатки насыпанного не так давно поля. Тогда почему же в этом слое находки? Да потому, что для устройства поля могли использовать землю, выброшенную из могил во время раскопок. Известно к тому же, что Фёрт не брал разбитых сосудов.

Сразу примириться с подобными мыслями трудно. Появляются «контра но», примерно такого плана: наши сосуды, судя по обломкам расписного сосуда, датируются как будто среднединастическим периодом, в то время как фёртовский

могильник более поздний, близкий по времени Хор-Дауду. Следовательно, наши находки не могут быть выбросом из могил.

Нас очень смущает весьма скептическое отношение к затеянному предприятию со стороны рабочих. Почувствовали ли они наши сомнения или сами поняли бесперспективность дальнейшей зачистки, сказать трудно. Скорее всего, верно второе. Работают вяло, с неохотой. К тому же в последние дни необычно жарко. Часа в четыре, измученные жарой и раздраженные, возвращаемся в лагерь.

Здесь всё предвещает близкий отъезд. Петр Дмитриевич и Лев Николаевич с помощью Абду и еще одного рабочего заняты упаковкой ненужного уже оборудования. Обычно чистенький лагерь теперь трудно узнать. Повсюду лежат инструменты, валяются гвозди, упаковочная бумага, вата (Ил. 108).

Сейчас и в лагере у каждого из сотрудников много работы. До захода солнца шифрую и заношу в опись последние находки с Хор-Набрука. Потом, уже при свете лампочки, вместе с Фуадом трудимся над «режистр бук». А впереди еще не начатая обработка — консервация и упаковка — серии черепов из коштамнинского могильника.

На следующее утро — снова к Герф-Хусейну. На этот раз с нами восемь рабочих с Хор-Дауда. С их помощью наши иллюзии рассеиваются быстро. Абади, расчищавший камни, многозначительно указал на сакийю, затем, чтобы не было никаких сомнений, тронул ногой плиты и изрек одно из немногих известных ему английских слов: «ирригация». Часа через два наступил финал. Сначала прекратились находки. Затем перед нашими глазами предстал совершенно недвусмысленный участок желоба для воды, от которого по обе стороны отходили невысокие подпорные стенки располагавшихся некогда по склону террасами маленьких прямоугольных участков.

Все мы, конечно, огорчены. Но что поделаешь. Огорчения у археологов бывают очень часто. Не каждую же неделю должны попадаться Хор-Дауды!

В заключение расчищаем еще несколько погребений. Снова пустые. По дороге к лагерю осматриваем и фотографируем наскальные надписи и рисунки. Высаживаемся на левом берегу, недалеко от Коштамны, у высоких, обрывающихся в во-

ду прибрежных скал. Здесь также много надписей и рисунков, но сейчас нас привлекает другое. Мы хотим посмотреть замеченные на днях Борисом Борисовичем под скалами, у самой воды, участки обнажившейся из-под песка кладки из сырцового кирпича.

Место это довольно интересное. На противоположном берегу видны развалины большого укрепления римского времени: остатки стен, колонны. На нашем, западном берегу, река и большой, подтопленный в устьевой части, хор образуют высокий скалистый мыс, с вершины которого хорошо видны и противоположный берег, и Нил в обе стороны и на большом расстоянии. Прорезавшая скалы река здесь неширока.

Рабочие с увлечением, мотыгами, а то и просто руками отгребают песок, обнажая постепенно остатки стен. Струйки песка по крутому склону медленно стекают в воду. Появляются небольшие, сложенные из камней и необожжённых илистых кирпичей сооружения — комнатуски площадью в несколько квадратных метров, небольшая гли-

нобитная печь, очень похожая на среднеазиатский тандыр. Всё это прилеплено прямо к скале, но каким-то чудом держится. И жили здесь, судя по всему, довольно долго. На поверхности и в песке огромное количество обломков керамики римского времени: красивые венчики, ручки, крышки сосудов. Многие из обломков покрыты лаком или имеют следы росписи.

Мы провели здесь два последних раскопочных дня, 11 и 12 марта. Остатки каменных и сырцовых построек оказались и наверху, над обрывом. Здесь, на голой, открытой всем ветрам скале, сохранились места лишь основания стен. По-видимому, на этом удобном наблюдательном пункте находился постоянный сторожевой пост римского гарнизона, располагавшегося в крепости на противоположном берегу и блокировавшего путь по реке.

К вечеру 11 марта мы закончили расчистку сохранившихся помещений. Из-под песка были извлечены остатки еще нескольких комнатусек.

Этот день чуть не закончился трагически для моего фотоаппарата. Высаживаясь из катера,

Ил. 108. Отъезд экспедиции. 16 марта 1962 г.

Fig. 108. Departure of the expedition. March 16, 1962

я неосторожно наклонил полевую сумку, и зеркалка мигом очутилась в воде. В последний момент мне удалось ухватить ремешок футляра. Закрытый объектив, к счастью, не пострадал, но вода успела забраться в зеркальное устройство, и оно вышло из строя. Моментально размокла пленка. Очень жалко интересную пленку, еще больше камеру. Ведь впереди еще столько любопытного. Два дня аппарат висел на кольшке с наружной стороны палатки, как следует просох на солнце. На третий день обнаружилось, что он снова отлично работает.

Очень тяжелым оказался следующий день.

Накануне, поздно вечером, вернулся из Асуана Петр Дмитриевич. Ему удалось договориться в Управлении строительства плотины насчет баржи. Она должна прийти за нами завтра вечером или, самое позднее, утром 14 марта.

Петра Дмитриевича, вернувшегося рейсовым пароходом, встречал на катере Миша Юнисов. Всегда спокойный и даже веселый, он на этот раз возвратился мрачным, расстроенным. Оказывается, причаливая в темноте к каменистому берегу, катер налетел винтом на подводный камень. В результате погнулся вал и сейчас мы рискуем остаться без транспорта.

Утром удрученный Миша на самой малой скорости отвез нас на место раскопок. Сзади, в моторе что-то время от времени стучало и скрежетало. Высадив нас, Миша заторопился в Дакку, на насосную станцию, где с помощью кувалды злополучный вал уже не раз приобретал близкую к первоначальной форму.

Уже с утра установилась сильная жара. Едва приступив к работе, мы вынуждены были снять куртки, а затем и рубашки. Сегодня день фиксации. Олег и Николай Яковлевич, вооружившись буссолью и тремя большими рулетками, работали наверху, на скале. Они должны нанести на план все сохранившиеся основания стен. Мы с Борисом Борисовичем делаем план окончательно расчищенных вчера сооружений под обрывом.

Ближе к полудню жара становится трудновыносимой. Под обрывом особенно плохо; раскаленный воздух неподвижен, ни малейшего ветерка. Капли пота собираются на кончике носа и все время падают на планшет. Достаем флягу и делаем, первый раз с утра, по несколько глотков теплой

невкусной воды. Надо бы охладить ее. Пытаюсь объяснить одному из помогавших нам рабочих, что нужно спуститься к реке и намочить чехол фляги.

— Ни в коем случае не доливай флягу из реки, только намочи, — несколько раз повторяю я ему, заменяя жестами недостающие слова и не выпуская флягу из рук.

Молодой парень согласно кивает головой; мне кажется, что он, наконец, всё понял. Передаю флягу и продолжаю обмеры. Через несколько минут рабочий возвращается: открытая фляга полна до краев! Так мы лишились воды. Естественно, что через полчаса мы умирали от жажды, ведь когда есть в запасе хоть немного воды, и пить хочется меньше. А пить сырую воду из Нила мы за три месяца так и не решились. Достаточно того, что, позабыв о предостережениях, мы ежедневно купались.

К часу дня мы закончили съемку плана нижних помещений. Катера пока не ждем, Миша наверняка еще не управился. Борис Борисович, несмотря на жару, решает идти до лагеря пешком. Он идет вдоль берега и через несколько минут его уже не видно за огромными камнями. Я остаюсь с Олегом и Николаем Яковлевичем, так как прогулка по каменистому берегу под таким солнцепеком меня не прельщает. У них еще много работы: остатки построек разбросаны на большом участке.

Купаемся в заливе, затем Мерперт и Большаков продолжают съемку, а я отправляюсь еще раз осмотреть небольшую котловинку неподалеку, где позавчера нашел кремневые орудия. Искать их сегодня очень трудно. Отражаемый камнем и светлым песком яркий солнечный свет слепит, в глазах рябит от разноцветных маленьких галек, в обилии рассыпанных на поверхности.

Около четырех часов послышался шум мотора и вдалеке, у Коштамны, мы увидели катер. На прощанье купаемся, затем снова купаемся у лагеря. Приятно в такой день на середине могучей реки прыгнуть прямо с катера в прохладную прозрачную воду. Смываешь с себя пыль и пот, прополощешь пересохший рот — и куда-то уходит усталость тяжелого рабочего дня...

В лагере все в ожидании баржи. Заканчивается упаковка. На песке у воды стоят лишь жилые палатки, столовая, да опустевшая, без находок, раскладочная.

Вечером баржа не пришла. Не было ее и на следующий день. Никаких сведений о Сабри, который должен сопровождать баржу от Асуана.

15 марта получили телеграмму. Сабри сообщил, что выход баржи задерживается на неопределенное время, так как свободной сейчас якобы нет. Петр Дмитриевич телеграфирует министру строительства плотины, просит ускорить отправку баржи.

Сидим на ящиках у воды, с тоской провожая взглядом каждую идущую вверх по реке посудину. Зная, как трудно в темноте найти лагерь, вечером сигналим фонарем. Ночью, на звук мотора, катер несколько раз выезжал на середину реки. Но всё безуспешно: огоньки пароходов и барж проплывали мимо.

Баржа, влекаемая маленьким буксирчиком, пришла шестнадцатого в полдень. Сразу забылись тоскливые часы ожидания. В лагере рабочих по этому поводу бурное оживление; видимо, они тоже очень соскучились по дому. Погрузка происходила так быстро, что к вечеру все наши ящики и тюки были прочно закреплены на широкой па-

лубе баржи, и мы еще засветло смогли начать плавание (Ил. 109).

Опустела бухта. Без палаток и причалов она уже не казалась такой знакомой и уютной. На берегу видна одинокая фигура растроганного прощанием Абду. Он еще долго машет своей белой рубашкой вслед уходящей барже. Остались позади домики Коштамны, мимо которых мы столько раз проходили и проплывали. Кончились знакомые места, район наших разведок. Прощай, Нубия, пустынная и суровая страна, проникнувшаяся к нам доверием и рассказавшая так много интересного о себе и своем прошлом.

Тесно прижавшись к борту, буксир долго тащил баржу в полной темноте. Сдвинувшиеся скалы берегов гулко отражали шум моторов. Уютно устроившись на носу среди ящиков, мы поужинали консервами. Не забыты были и остатки привезенного из Москвы спирта. Забылась усталость последних жарких дней, напряженной работы, волнующих ожиданий. И скоро под монотонный стук двигателя и плеск волны возникла песня.

Ил. 109. Последний день экспедиции. Отъезд из Дакки
Fig. 109. Last day of the expedition. Departure from Dakka

Об Африке, в которой нет ни жаровен, ни чертей⁵⁹, о сияющем в небе Южном кресте. Потом долго слушали песни рабочих.

Здесь же среди ящиков, прямо под звездным южным небом, мы развернули спальные мешки. Корпус баржи мелко вздрагивал, через низкие борта перелетали брызги и мягко шуршали по брезенту. Отлично спалось нам в эту последнюю нубийскую ночь.

Километров двадцать не дойдя до Асуана, баржа на несколько часов пристала к берегу, а утром, с первыми лучами солнца, снова в путь. Снова на подходе к Асуану, справа и слева, мачты электролиний, склады, трубы земснарядов, самоходные баржи и катера. На скалах восточного и западного берегов белые вертикальные полосы: здесь Высотная плотина преградит путь реке.

Баржа разгружается в Шелляле — оживленном асуанском порту. В Асуане на несколько дней, для отправки груза и размещения остающегося на следующий сезон оборудования, задерживается часть сотрудников. Мы же впятером через день отправляемся в Луксор — город знаменитых памятников древнеегипетского искусства и архитектуры.

Мы уезжаем вечером восемнадцатого. Вагон первого класса почти пустой, и мы занимаем огромное купе с красными плюшевыми креслами, при малейшем прикосновении к которым выделяются клубы ядовитой пыли. Открыть металлические жалюзи окон не удалось, но два хороших вентилятора да открытая в коридор дверь делают наше существование вполне сносным. Получивший бакшиш проводник каждый раз, когда мы выходим в коридор, предупредительно запирает купе. В соседних купе едут несколько арабов: два офицера, остальные, судя по виду, коммерсанты. Поезд несколько раз останавливается на маленьких станциях. В темноте, кроме слабоосвещенных станционных построек, ничего не видно; к тому же вагон наш в конце поезда. Душный вагон-ресторан до отказа заполнен туристами. Многих из них мы уже не раз встречали в Асуане.

Через четыре часа мы выходим в Луксоре. На привокзальной площади в шумной толпе нас быстро находит агент отеля, где нам заказаны места. В нашем распоряжении два пароконных старомодных фаэтона. С трудом укладываем чемоданы

и рассаживаемся. Представитель отеля притуляется где-то сбоку, и мы мчим через город. Как выяснилось на следующий день, конный транспорт — одна из достопримечательностей Луксора. Первое такси мы встретили только на второй день, уже на западном берегу, в Фивах. Очевидно, тамошние довольно большие расстояния костлявым «рысакам» непосильны. Нельзя без улыбки смотреть на двигающуюся по набережной Луксора вереницу этих несовременных экипажей с восседающей солидной западногерманской четой на одном из них (на нем галстук-бабочка и белая панамка, она в остроносых туфлях на босу ногу, в кокетливых темных очках), или стайкой американских девиц в нейлоновых шортах — на другом.

На два дня мы влились в армию туристов — вечно спешащих, измученных, упорно щелкающих камерами. Правда, в отличие от остальных, мы были одни, без гида, и лишь отличный Бедекер издания конца прошлого века⁶⁰ помогал нам ориентироваться в лабиринте древностей.

Первый день ушел на беглый осмотр Карнака и Луксорского храма.

Рано утром мы подошли к массивным пилонам храма, построенного в честь главного божества Фив, а со времен Нового царства — и всего Египта — солнечного бога Амона (Ил. 110).

Пустынно в огромных дворах, среди гигантских, похожих на старый сосновый бор, колонн гипостилиа, у бесчисленных надписей, барельефов и скульптур. Туристы придут сюда чуть позже. Только бойкий фотограф трусит впереди, снимая нашу маленькую группу. На следующий день он разыщет нас на вокзале и веером развернет пачку блестящих глянецом фотографий. Отказаться, огорчить его будет невозможно.

Все сохранившиеся сейчас постройки храма Амона и других храмов Карнака (так же как и Луксорского храма) не старше эпохи Нового царства. В Фивы, ставшие после освобождения от владычества гиксосов столицей Египта, хлынули потоки сокровищ не только со всех концов страны, но (и главным образом) из-за ее рубежей. Удачные походы на севере и на юге, в далекой и богатой Нубии, обогатили казну фараонов. В Фивах, на восточном берегу Нила, возводились дворцы и храмы. С юга шли барки с асуанским гранитом. Рамсес II,

обращаясь к Амону, писал: «Я не давал отдыха руке, не исполнив всего для твоего двора. Я выстроил тебе пилон из камня, поставил для тебя вечные шесты для флагов. Я доставил тебе обелиски из Элефантины, я велел принести тебе вечный камень, я влачил тебе корабли по океану, перевозя дары стран...»⁶¹.

О Карнакском храме, этом огромном, разностильном, строившемся и перестраивавшемся в течение нескольких веков комплексе, написано много. Сухие трактаты ученых-египтологов, где текст перемежается строчками иероглифов (ведь Карнак — это, помимо прочего, огромный архив документов по истории Египта), искусствоведческие и архитектурные штудии, и, наконец, полные восторгов и поэзии путевые заметки любителей. Трудно передать впечатления от великолепных, совершенных по мастерству исполнения огромных барельефов, выбитых талантливыми

скульпторами, рабами дворца или храма, в честь знаменитых фараонов XVIII и XIX династий — Тутмоса III, Сети I, Рамсеса II и других. Боги и фараоны, разноплеменные воины фараоновской армии, боевые колесницы и многовесельные корабли, вереницы слуг с дарами разных стран в руках, толпы пленников, сцены сражений, охоты, пиршеств. Можно не знать значений сотен значков-иероглифов, окружающих изображения, и понимать содержание многих сюжетов — официально-парадных и производственных, военных и интимных. Постепенно перестаешь замечать некоторую условность изображений; уже не кажутся странными эти широкие развернутые плечи и повернутая в профиль голова. Смотришь — и оживают фигуры гребцов на большом корабле, двигаются весла; идет стадо быков; вот сейчас будет закончена жатва на этом маленьком поле... Громкоголосый гид ведет группу туристов, следом идет другая.

Ил. 110. Карнакский храм. Слева направо: О. Г. Большаков, М. У. Юнисов, В. В. Пименов, Н. Я. Мерперт

Fig. 110. Karnak Temple. From left to right: O. G. Bolshakov, M. U. Yunisov, V. V. Pimenov, N. Ya. Merpert

Оживленная речь, смех снова возвращают в душный солнечный день, ожившие на мгновение фигуры снова застывают на полуразрушенной, изъеденной временем стене.

На западном берегу огромный некрополь (Ил. 111). Обширная территория занята многочисленными кладбищами и заупокойными храмами. Долина царей. Здесь гробницы фараонов Нового царства. Долина цариц. Гробницы знати. По окраинам хоронили бедняков.

Серая равнина, на которой высятся погребальные храмы Рамсеса II, Рамсеса III и других фараонов, замыкается на горизонте полосой высоких скал. Края их изрезаны глубокими трещинами — ущельями. Машина движется к одному из этих ущелий — Долине царей. На полдороге останавливаемся у храма Хатшепсут — величественного сооружения с белой колоннадой, примыкающего к скале тремя уступами-террасами (Ил. 112).

По стилю и планировке — это нечто новое, совершенно не похожее на только что виденные нами массивные постройки заупокойных храмов⁶². Легкий и изящный, несмотря на внушительные размеры, этот храм, построенный в честь Амона и богини Фиванского некрополя — Хатхор, должен был, по замыслу Хатшепсут, изображать террасы земли Пунт, откуда только что вернулась направленная в свое время царицей экспедиция за благовониями. У храма были посажены привезенные экспедицией деревья этой страны, источающие благовонную смолу «анти» (мирру). Стены храма были покрыты многоцветными росписями, изображающими, в частности, подробности экспедиции. Многие из них сохранились и до сего дня.

Храм пострадал трижды. Первый раз от руки Тутмеса III — сводного брата и мужа царицы Хатшепсут, не желавшего простить супругу, надолго отстранившую его от власти. Он со страстью пре-

Ил. 111. Луксор. Колоссы Мемнона
Fig. 111. Luxor. Colossi of Memnon

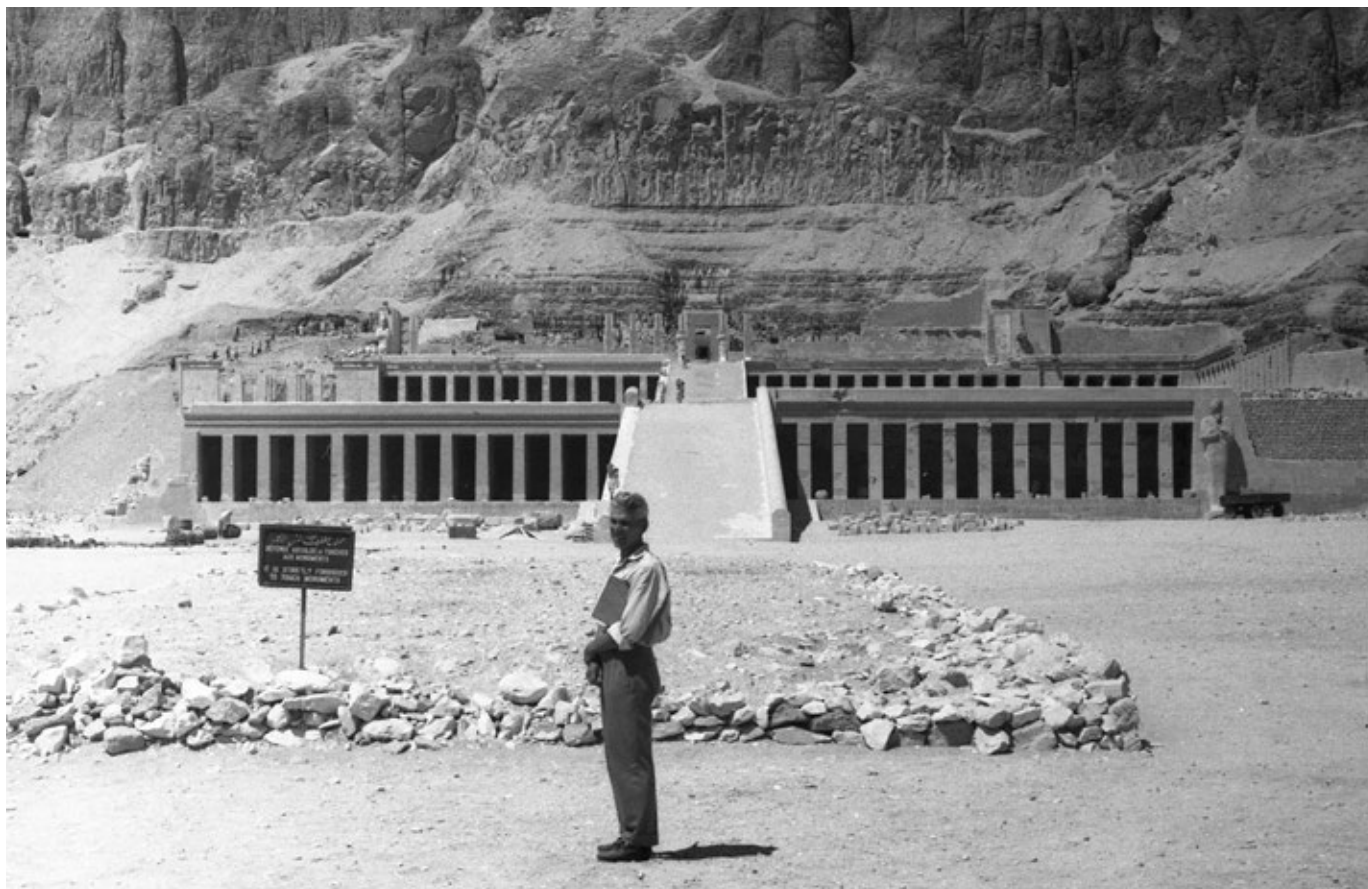
следовал память царицы, приказывая соскабливать со стен посвященные ей строки надписей. На редких сохранившихся изображениях царица Хатшепсут выступает в мужской одежде, иногда даже с подвязанной по египетскому обычаю бородкой. И тронное имя у нее здесь мужское — фараон Мааткара. Второй раз — от Аменхотепа IV (Эхнатона), реформатора государственной религии, уничтожавшего всюду имена и изображения бога Амона.

И наконец — от поселившихся в развалинах коптских монахов, варварски разбивавших языческие барельефы⁶³.

На месте полуразрушенного храма и в его окрестностях вели раскопки немецкие, французские и английские археологи. Сейчас здесь работают наши польские коллеги. На левом крыле верхней террасы сквозь густую завесу пыли видна знакомая нам цепочка рабочих с плетеными корзинами на плечах. Ниже разложены полученные

при расчистке обломки архитектурных деталей, куски стен и колонн с росписями и рельефами. Скоро они, скрепленные цементом, займут свои прежние места: составленный архитектором Лешекком Домбровским, сотрудником Польской археологической станции в Каире, проект реконструкции храма успешно претворяется в жизнь. Связанные с реконструкцией работы привели к открытию неизвестного храма Тутмеса III.

Долина царей. Огражденные невысокими каменными стенками темные провалы входов уводят глубоко в скалу, в погребальные покои фараонов XVIII и XIX династий. По положенным на каменные ступени деревянным лестницам спускаемся на десятки метров вниз. Прохладой подземелья сменяется полуденная жара. Площадка с боковыми помещениями и снова лестница ведет вниз. На стенах многокрасочные росписи. Помещение, где в саркофаге покоилась мумия фараона

Ил. 112. В. В. Пименов на фоне храма Хатшепсут
Fig. 112. V. V. Pimenov in front of the Temple of Hatshepsut

и были разложены вещи, необходимые для загробной жизни.

Сейчас в Долине царей известны шестьдесят четыре гробницы. Когда их, одну за другой, открывали археологи, они оказывались пустыми. Грабителей не смутили ни дьявольские маскировочные ухищрения строителей гробниц, ни вооруженная охрана и угроза смертной казни. В 1881 г. в соседнем ущелье, в тайнике, случайно было найдено свыше сорока лежавших штабелями мумий⁶⁴. В тайнике лежал и основатель XVIII династии, освободитель Египта от гиксосов — Яхмес I, и прославленные фараоны-завоеватели — Тутмес III, Сети I, Рамсес II. В скромном тайнике, спасаясь от грабителей, нашли свое предпоследнее убежище прославленные властители Египта; сейчас они находятся в комнате мумий Каирского музея.

Лишь одна из гробниц, та, в которую мы сейчас спускаемся, хранила сказочные сокровища. Она не самая большая и не самая глубокая. Да и погребенный в ней фараон не был ничем знаменит: на трон он вступил двенадцати лет, а умер восемнадцатилетним юношей. Однако в трех сравнительно небольших помещениях гробницы Тутанхамона наряду с огромным саркофагом, занимавшим целую комнату, было сложено столько редкостных вещей, что для расстановки их в каирском Египетском музее пришлось отвести два огромных коридора и несколько комнат. «Повезло» английскому археологу Говарду Картеру. В 1921 г. после длительных и настойчивых поисков, уже почти отчаявшись найти что-либо, «он извлек» из-под земли огромное количество высокохудожественных и драгоценных находок.

В связи с сокровищами гробницы Тутанхамона сразу же вспоминаются луксорские торговцы древностями.

В антикварных магазинах Луксора и Каира, обычно солидных торговых фирмах, за несколько египетских фунтов можно купить сосуд эпохи Древнего царства, а за несколько десятков фунтов — хорошего скарабея или маленькую статуэтку. Некоторые из продаваемых вещей снабжены паспортами, подписанными специалистами; соответственно, и стоят они дороже.

В Каире нам говорили, что еще два-три года назад торговля древностями процветала: крупные

магазины и маленькие лавчонки были завалены древностями; попадались среди них и действительно ценные вещи. В прошлом году торговля древностями была поставлена под строгий финансовый контроль государства — и для солидных торговцев древностями наступили тяжелые времена. Взлетели вверх цены, резко сократилась утечка ценностей за границу, по крайней мере, официальным путем⁶⁵.

Но сейчас хочется рассказать о торговцах другого рода, кустарях-одиночках, осаждающих туристов на всех памятниках Луксора. Начиная от переправы они окружали нас на всех остановках, назойливо предлагая сувениры. Недалеко от храма Хатшепсут, у рестхауза Кука — небольшой базарчик. На обочине дороги, перед разостланными на земле тряпками на корточках сидят торговцы. На тряпках — сокровища: грубовато сделанные из известняка и покрашенные черной краской — «под базальт» — скульптурки «фараонов». Неровные изломы камня и отбитые детали должны обозначать подлинность, древность этих, сделанных несколько дней назад и в нескольких километрах отсюда, «произведений искусства». Самые энергичные из торговцев толпятся вокруг машин. За несколько минут мы увидели не менее двух десятков подлинных Рамсесов, Нефертити и других, не столь знаменитых древнеегипетских деятелей. После того, как статуэтка отвергнута, торговец с таинственным видом увлекает намеченную жертву в сторонку и, нарочито пугливо озираясь, извлекает откуда-то из одежды новую, шепча при этом доверительно: «Первая, действительно, подделка... Вы понимаете... для туристов. Вот эта... только для вас... из раскопок, три фунта».

Поверх полуопущенных стекол машины протягивается несколько смуглых рук. В кулаках зажаты всё те же фигурки. Наш шофер еще не пришел, и мы в безвыходном положении. Приходится покупать луксорский сувенир. Выбираю одну из статуэток, наиболее привлекательную.

— Настоящая?

На лице торговца волнение. С трудом он соглашается на компромисс:

— Нет, господин, но очень хорошая копия.

И торопливо:

— Всего лишь один фунт. Возьмите, господин.

Относительная честность торговца должна быть вознаграждена. Несколько минут мы торгуемся, и, когда машина уже трогается, я, уплатив тридцать пиастров, становлюсь счастливым обладателем головки Рамсеса. Трудно сказать который это по счету из многочисленного семейства Рамсесов. Торговец уверял, что второй. Однако в руках Виктора Васильевича тоже статуэтка Рамсеса II, но почему-то совершенно не похожего на моего.

На рассвете в окнах вагона привлекательные пейзажи придельтового Египта: зеленеющие поля, рощи пальм, тесные феллахские деревни и маленькие городки. Параллельно ходу поезда долго тянется неширокий, но полноводный канал.

Слева на горизонте видны остроконечные пики пирамид, сначала Саккары, а затем Гизы. Поезд подходит к Каиру (Ил. 113).

В последние перед отъездом домой дни экспедиция снова собирается в полном составе. Не хватает только Фуада. Накануне нашего приезда ему

снова пришлось выехать на раскопки, на этот раз куда-то в район Луксора.

Все наши находки уже в Египетском музее, и мы с нетерпением ждем дня дележа: какова-то будет наша половина коллекции. Утром 26 мая участники экспедиции собрались в кабинете директора Египетского музея. Служитель забирает несколько стульев, и вслед за ним нас провожают через музейные залы в большую, заставленную ящиками комнату. Вот они, наши находки, в добротных, сделанных специально для морских перевозок ящиках. Рассаживаемся на поставленные рядом стулья: директор музея доктор [Гиргис, — ред.]⁶⁶, затем молодой египтянин, по-видимому, один из сотрудников музея или Департамента древностей, и мы, сотрудники Нубийской археологической экспедиции АН СССР.

Музейные рабочие вскрывают ящики, но как только появляются первые сосуды, мы, не выдержав и нарушив чинный распорядок, вмешиваемся в распаковку. Керамика доехала до Каира хорошо,

Ил. 113. Вырезка из газеты о визите Ю. А. Гагарина в Египет в 1961 г.

Fig. 113. Newspaper clipping about Yuri Gagarin's visit to Egypt in 1961

почти все сосуды целы. Мы вытаскиваем и расставляем их — с каждого объекта отдельно — в углу комнаты, сначала на столах и больших деревянных диванах, затем прямо на полу: так их много. Египтяне внимательно осматривают каждую находку. В руках у доктора [Гиргиса, — *ред.*] бумажка со столбиком цифр, вероятно, выписанные из «режистр бук» шифры. Значит уже намечено то, что останется в Египте!

Доктор [Гиргис, — *ред.*] что-то тихо говорит молодому человеку, затем — несколько слов служателю музея, и вещь, вместо того, чтобы занять свое место в общем ряду, перекочевывает на отдельно стоящий диванчик. Ушел на музейный диван великолепный расписной сосуд из Хор-Дауда, затем несколько орнаментированных нарезкой керамических чашек из могильника Хор-Набрук. Туда же отправляется и один из прекрасных кремневых ножей из Хор-Дауда. Всё это из числа лучших наших находок. Но никаких поводов для серьезных огорчений нет, так как египтяне настроены к нам очень доброжелательно. И когда распаковка подходит к концу, то оказывается, что из нашей описи, насчитывающей около трехсот номеров, придется вычеркнуть не более тридцати. К тому же Борис Борисович, блеснув на следующий день своим дипломатическим талантом, сумел получить обратно хор-даудский кремневый нож.

Наконец коллекция снова упакована и ждет отправки в Москву. В Москве и Ленинграде начнется кропотливая работа: все вещи должны быть реставри-

ДО 20 ИЮНЯ

НА ДНЯХ В МОСКВУ в адрес Института археологии Академии наук СССР пришел багаж. Он состоял из нескольких ящиков, на которых была надпись «Отправитель советская археологическая экспедиция в Объединенной Арабской Республике».

В течение трех лет в ОАР близ города Асуана ведется строительство грандиозной плотины, которое осуществляется при экономической и технической помощи СССР. Трудно переоценить значение этой плотины для народа ОАР. Однако воды Нила, скованные плотиной, широко разольются и затопят Нубийскую часть долины, где сейчас расположены всемирно известные памятники древней египетской культуры.

В этом районе в конце прошлого года разбила свой лагерь советская археологическая экспедиция под руководством профессора Бориса Борисовича Пистровского.

За три месяца непрерывных раскопок и поисков по обоим берегам Нила было найдено много предметов быта, орудий труда древних людей. Был открыт чрезвычайно интересный древнеегипетский памятник, ранее совершенно неизвестный. Он относится к концу четвертого тысячелетия до нашей эры, т. е. на несколько веков древнее знаменитых египетских пирамид.

Найденные предметы позволят ученым узнать много нового о жизни народа, населявшего Нубию в III—II тысячелетиях до нашей эры, сыграют важную роль в изучении экономики и культуры древнего населения этих районов в эпоху формирования Египетского государства, одного из древнейших государств мира.

На снимке: участник советской археологической экспедиции в ОАР, кандидат исторических наук А. Виноградов с найденными предметами быта и орудий труда древних египтян. Его рассказ вы слышали 14 июня в передаче «Эстафета новостей». Фото В. Азарова.

Ил. 114. Вырезка из газеты со статьей о А. В. Виноградове
Fig. 114. Newspaper clipping with an article about A. V. Vinogradov

рованы и подготовлены к длительному хранению. Сразу же начнется и обработка коллекции для публикации. Находки еще многое расскажут нам о древней Нубии. А затем — займут место в хранилищах, а лучшие и в экспозиционных залах Государственного Эрмитажа и Музея изобразительных искусств (Ил. 114).

Сданы в Департамент древностей фотографии всех находок. Выполнены последние формальности. Пора улетать. Последний визит в Гелиополь, к пригласившим нас польским коллегам-археологам, сотрудникам Станции средиземноморской археологии Варшавского университета (Ил. 115).

На открытой веранде небольшого, окруженного зеленеющими деревьями особняка, нас встречают руководитель Станции, профессор Казимеж Михаловский, и его молодые помощники-археологи, египтологи, архитекторы, недавние выпускники Варшавского университета и Варшавского политехнического института. Мы беседуем на веранде, сидя в удобных плетеных креслах: здесь прохладно и приятно. Профессор Михаловский рассказывает о работе организованной в 1959 г. Станции. Деятельность ее охватывает не только Египет, но и соседние страны Ближнего Востока. Важным объектом исследований за последние годы стала Сирия,

Ил. 115. Участники первого сезона Нубийской экспедиции в гостях у польских археологов в Гелиополе 25 марта 1962 г. Крайний слева — директор Центра средиземноморской археологии Варшавского университета в Каире К. Михаловский. По часовой стрелке от него: Б. Б. Пиотровский, П. Д. Даровских, В. В. Пименов, Н. Я. Мерперт

Fig. 115. Participants of the first season of the Nubian Expedition visiting Polish archaeologists in Heliopolis on March 25, 1962. On the far left is the Director of the Polish Centre of Mediterranean Archaeology in Cairo, K. Michałowski. Clockwise from him: B. B. Piotrovsky, P. D. Darovskikh, V. V. Pimenov, N. Ya. Merpert

где сотрудники Станции ведут раскопки на руинах древней Пальмиры.

Я уже говорил, что помощники Казимежа Михаловского, в основном, молодежь. Молодые польские исследователи, поработав на Станции несколько лет, получают хорошую практическую подготовку по избранной специальности, знакомятся со страной, историей которой им, возможно, придется заниматься не один десяток лет, практикуются в языках. Что и говорить, хорошая школа.

В тот же вечер мы увидели Каир, каким он был, вероятно, в дни Суэца и Порт-Саида. Едва мы успели войти в отель, как на улицах завьли сирены. Быстро погасли огни витрин и неоновых реклам, одно за другим выключались ярко освещенные окна квартир и отелей. В номер зашел хозяин и, ссылаясь на возможность большого штрафа, попросил побыстрее погасить свет в комнатах. «Учебная воздушная тревога», — пояснил он. Мы вышли в коридор. Маленькие, тусклые, стоящие на полу коп-

тилки давали немного света. Снова пришел хозяин и сказал, что даже во время учебной тревоги светомаскировка соблюдается очень строго. На улицах несколько тысяч студентов и старшеклассников. Они спуску не дадут.

Улица шумела. Постепенно расползались и затихали автомобили. Потом наступила тишина. Лишь иногда раздавался пронзительный свист, и слышался шум мальчишеских голосов: мгновенная реакция на осветившееся окно или непогашенные фары машины.

Через час был дан отбой. А еще через несколько минут по иллюминированным неонам узким улицам снова катился поток блестящих машин.

Наш самолет улетает рано утром. Последние сборы и — до свидания, Египет. До новой встречи в будущем году!

А. В. Виноградов

Письма Н. Я. Мерперта*

3. XII. 1961 г.

Мои дорогие!

Вот и получили вы первое письмо мое из совсем далекой земли, той, что, по словам Гумилева, «исполинской грушей висит на дереве древнем Евразии»⁶⁷. Когда оно доберется до вас, это письмо? Уж не поздравить ли вас с Новым годом? На всякий случай поздравляю, но пока кратко. А буду уезжать из Каира — поздравлю подробно. Будет это числа 10–12-го декабря.

Как фантастически быстро менялись, обгоняя друг друга, события последних трех дней! Сейчас, как перед собой, вижу вас на крыше аэровокзала, вижу ставшие очень большими и печальными глаза

* Рукописные письма Н. Я. Мерперта хранятся в научном архиве Института археологии РАН, личный архив Н. Я. Мерперта.

Каперца**. Последний раз я видел вокзал из иллюминатора отрывающегося уже от земли самолета. А потом долго видел только облака. Мы чувствовали себя очень спокойно и уютно в нашем небольшом салоне. Хотелось спать, но уснуть не удалось: сказывалось нервное перенапряжение. Даже коньяк не помог. Облака держались долго. Потом появились просветы: гигантские люки, под которыми проходила гигантская рельефная карта горной страны. Это была Греция. Потом облака исчезли, а внизу шла сплошная ровная голубизна: Средиземное море. И все быстро, быстро. Полоска земли на горизонте: остров Кипр. Опять голубизна и за ней кромка земли — уже по всему южному горизонту — Африка. Волны небольшого прибоя застыли вдоль береговой линии, как два ряда белых

** Домашнее детское имя дочери Н. Я. Мерперта — Надежды Николаевны Соколовой (Мерперт) (1951? — 2022) (прим. Ш. Н. Амирова).

Ил. 116. Каир. Вид на строящееся здание телецентра
Fig. 116. Cairo. View of the television centre building under construction

камешков, которыми обкладывают клумбы и газоны. За этой линией, обрамлявшей песчаные намывы, — вновь вода: большие внутренние «озера», а на них множество рыбацких лодок-фелюк. Сверху они похожи на разноцветных жуков-плавунцов. Потом — ярко-зеленые поля, разделенные на тысячи лоскутков, каналы и много рукавов Нила. А вот и главное русло ярко заблестело под воистину ослепительным солнцем. И вдруг зеленый цвет исчез и заменился серо-желтым по всему горизонту. Внизу — как макет в архитектурной мастерской — появился огромный город. Последнее объявление стюардессы: «Аэропорт Каир, t +24°». Но самолет еще пролетел дальше, развернулся, и на линии горизонта, у края огромной пустыни, стали отчетливо видны пирамиды. Потом посадка, и сразу же поразительная цветовая гамма. Ко всем цветам прибавляйте слово «ярко», чтобы его не писать каждый раз. Ни одного полутона. Все краски обнажены. Голубое небо, желтая земля, черная дорож-

ка, белый трактор, зеленый автокар и т. д., и т. п. (Ил. 116).

Нас встретили друзья Бориса Борисовича. Формальности прошли быстро, потом — великолепное шоссе, рекламы аэрокомпаний, виллы и сады Гелиополиса, опять пустыня и очень скоро Каир. Небольшой отель «Виндзор», в котором всегда останавливается Б. Б. Так что мы теперь виндзорские проказники (Ил. 117).

Первый этап путешествия завершен. Потом — очень насыщенные и напряженные дни: множество дел, деловых визитов, деловых разговоров на всех языках. Очень много ходили по городу, — ну, этого уж подробно не опишешь. А главных моментов два: краски и контрасты. И то и другое поразительно. От совсем Европы до совсем не-Европы, от абсолютно нашего до абсолютно не-нашего. Вчера были в Каирском музее, он колоссален и не только поражает, но и подавляет. Видел все знакомые по учебникам шедевры. Видел несметные сокрови-

Ил. 117. Вид из гостиницы «Виндзор». Впереди площадь Оперы со зданием оперного театра, построенного к открытию Суэцкого канала в 1869 г. и сгоревшего в 1971 г.

Ил. 117. View from the Windsor Hotel. View towards the Place de l'Opéra with the building of the Opera House built for the opening of the Suez Canal in 1869 and which burned down in 1971

ща из гробницы Тутанхамона, о которой столько раз рассказывал вам и нашим друзьям. Они занимают два огромных коридора длиной этак метров в 250. Конечно, в музей надо будет ходить еще много раз, чтобы вихрь впечатлений улегся и что-то осело в душе накрепко. Сегодня объездили древние мечети: это не меньшая нагрузка на все «воспринимающие центры» человека. Видели гробницы халифов. Были в совсем особом районе. Там стоят обычные дома, богатые и бедные, с порталами, дверьми и окнами. Только крыш многие из них не имеют: впечатление такое, что огромный ураган сорвал их все. И людей очень мало, хотя вездесущие ребятишки с обычными здесь криками выскакивают из некоторых домов. В домах никто не живет: это город мертвых, в домах и внутренних дворах — могилы. Каждый такой дом принадлежит отдельной семье. А между домами — обычные улицы.

Здесь нежарко, ходят все в костюмах и национальных одеждах. Конечно, никаких плащей или пальто. Но балконную дверь на ночь закрываем и к двум одеялам прибавляем третье, тканевое.

Мои дорогие! Я ни о чем не спрашиваю: вы сами знаете, как я жду писем и что важно мне всё. Пишите, как я говорил, через экспедицию МИД (узнайте, к каким числам доставлять им письма) по адресу: Объединенная Арабская Республика, г. Каир, Посольство СССР, мне, а дальше в скобках: г. Асуан, Советская археологическая экспедиция. От меня будете получать письма дважды в м-ц. В первом письме пришлите мне штук 10 наших четырехкопеечных марок: я их должен наклеивать на письма к вам.

Привет всем. Крепко вас целую и люблю. Ваш папа.

Cairo, 14. XII. 1961.

Мои дорогие и любимые!

На сей раз определенно поздравляю вас от всего сердца с Новым Годом, а вот наступающим или наступившим — этого уж я не знаю. Желаю вам и нам оставить все хвори, болести, неприятности и прочие проявления коктобелизма* 1961 г. Пусть

* Возможно, имеется в виду отсылка к отдыху в Коктебеле (прим. Ш. Н. Амирова).

Новый год будет для нас годом здоровья и удачи. Первое сейчас так необходимо вам, второе — мне. Дарю вам обоим новогодние подарки, а вот какие — не скажу. Наберитесь терпения. А пока подарки будут радовать меня.

У нас в Африке все о-кэй. Затянувшаяся зимовка в Каире, наконец, кончается. Давно пора! Можно ли столько сидеть на севере, когда наши нежные организмы требуют тепла? Короче, завтра вылетаем в Асуан, а оттуда — на место работ. Вот тут-то и начнется! Каждый день смотрим мы с Б. Б. друг на друга с мистическим видом и спрашиваем друг друга: «Найдем или не найдем?» А найти необходимо, абсолютно необходимо! Просите об этом всех духов! Иначе хана.

Пока никуда из Каира не выезжали. Зато по городу (скорее по центру его) потопали порядком.

Ил. 118. Каир. Даунтаун. 1961 г.
Fig. 118. Cairo. Downtown. 1961

Всё стало привычным. Хожу через Нил, как через Неву (а он поуже Невы-то!). Более всего времени провожу в Египетском музее: был там 6 раз и подсчитал, что для нормального с ним ознакомления мне еще понадобится 71 посещение (Ил. 118).

8-го декабря был особый день в пятитысячелетней истории великих пирамид Гизы и приданного им сфинкса. В этот день они увидели меня. Долго им пришлось ждать, но ничего не поделаешь!

Сейчас уходим к нашим друзьям праздновать наш отъезд.

Еще раз горячо поздравляю и крепко целую. Передайте мои знойные африканские поздравления всем родным нам, а также Н. А. Книбе, Иноземцевым, Шеловым, Барановым, Корзиным, Игорю, Воль-Энштейнам, А. П. Смирнову⁶⁸, Лильке с Мишками, Гене, Софе и всем, всем многочисленным нашим друзьям. Каперец пусть поздравит от меня с Новым годом Валентину Михайловну и Олю. Ну, и конечно Малыша!

Еще много, много раз целую,
Ваш Папа

Асуан, 21 декабря <1961 г.>

Дорогая Танечка*!

Прежде всего поздравляю тебя с днем рождения. В прошлом письме смешивать два поздравления не хотелось, к тому же я не представлял еще себе достаточно реалистично истинное положение дел с почтовой связью. Если бы представлял — не стал бы откладывать поздравление. А сейчас остается только вспомнить известный анекдот из жизни Александра III, когда генерал Михаил Драгомиров запомнил, что 30 августа — день именин императора и вспомнил об этом 3 дня спустя и, чтобы выйти из положения, послал государю телеграмму: «Третий день пьем здоровье вашего величества. Драгомиров».

Так вот начну с вопроса о письмах. Я опрометчиво написал, что письма от меня будут приходиться дважды в месяц. Увы, это только теория. Практически письма из Асуана уходят раз в месяц, к тому же они иногда не успевают к отправке диппочты и ждут следующей. Получается длительность пути 1,5–2 месяца. Но это Асуан. Место же наших работ регулярной связи с Асуаном не имеет. Сухопутного пути нет совсем. Будут только случайные поездки (это 120 км по Нилу). И, к глубокому сожалению, письма тоже будут случайными. Так в конце января Б. Б. поедет в Каир, — он, конечно, отправит письмо. В феврале к нам приедут товарищи из Асуана — отправим с ними. Так что, ради Бога, не беспокойтесь. А мне пишите: из Асуана будут присылать с оказией (Ил. 119).

До сих пор до места мы не доехали и работы не начали. Седьмой день сидим в Асуане и ждем. Ждем баржу для отправки груза, ждем кран для погрузки, ждем механика для катера, ждем состав экспедиции. Ведь нас до сих пор трое!

Здесь уже настоящая Африка, причем очень живописная и многообразная: огромные песчаные холмы, скалы, потрясающей красоты пороги, перегородившие здесь Нил, знаменитый о-в Элефантина, ботанический сад с пальмовыми рощами, сикоморами и огромными диковинными цветами. Сюда заплывают крокодилы, а на песке, у самого берега, сидят, совсем не пугаясь людей, большие

* Письма обращены к Татьяне Гавриловне Ковалевой (1922–2006) — супруге Н. Я. Мерперта (*прим. Ш. Н. Амирова*)

Ил. 119. Асуан. Первые пороги
Fig. 119. Aswan. The first cataracts

ястребы. На скалах, иногда отвесно нависших над Нилом, видны рельефы и петроглифические надписи — некоторые из них относятся к эпохе Древнего царства (3000–2700 гг. до н. э.). Но видим мы все это, как ни странно, очень мало. Почти все время приходится сидеть в осточертевшем отеле и ждать (с тем же успехом можно было сидеть в Калуге или Орехово-Зуеве). Потом начинаются дела и деловые разговоры. Говорю я здесь по-английски, сама представляешь как! Шекспир вращается в гробу денно и ночью! Хожу со словарем, даже в карман его не прячу. Жалею, что не взял грамматический справочник. Поэтому я произвел реформу языка, исключив из него все времена, кроме настоящего, все глагольные формы, кроме инфинитива, все союзы, предлоги, причастия, деепричастия и пр. излишества. Исключил и большую часть словарного запаса, заменив ее русскими словами, произносимыми с английским шипением и сопровождаемыми устрашающими жестами.

От жары мы отнюдь не страдаем. Ночи здесь холодные, а луна тропическая: ущербляется она не сбоку, как у нас, а сверху или снизу. Сейчас видел ее полукруглой, плывущей по небу, как корабль или лодка. Темнеет здесь моментально, минут за 20, как будто гасят свет в кинотеатре.

Привет всем. Крепко целую тебя и Каперца.
Ваш папа.

Берег Нила, 6 января 1962 г.

Родная моя Танечка!

Быть может, завтра П. Д. (?)*** поедет в Асуан, вот и спешу воспользоваться случаем. Ведь теперь случай — только случай — единственная форма связи. Письма мы должны сдавать лично в Асуане, до Асуана — 120 км, дорога одна — Нил, суша не пригодна ни для какого транспорта. Возможность поездки в Асуан *taximum* — раз в месяц. Вот так.

* Представляю тебе экспедицию: Б. Б. — понятно, П. Д. — тоже, Н. Я. — надеюсь, тоже, О. Г. — это Олег, Л. А. — архитектор Лев Аркадьевич Петров, Ф. Я. — м-р Фуад Якуб из Каира (прим. Н. Я. Мерперта).

** Б. Б. — Борис Борисович Пиотровский; П. Д. — Петр Дмитриевич Даровских; О. Г. — Олег Георгиевич Большаков (прим. Ш. Н. Амирова).

Теперь вернемся к воскресенью 24 декабря (1961 г.). В этот день в Асуан прилетели О. Г. и Л. А. и привезли ваши письма. С этого и начну. Не знаю, как и благодарить тебя за такое чудное письмо, каждое слово которого было особенно остро, нежно и дорого здесь, на далекой-далекой чужбине.

Спасибо за описание и программу «Медеи». Здорово было бы и мне ее посмотреть, особенно после Греции.

А теперь о нас. Здесь писать логично и последовательно трудно — пришлось бы описывать каждую минуту — настолько все фантастично. Поэтому буду писать фрагментарно и нелогично.

О. Г. и Л. А. не poznали «асуанского сидения»: мы их привезли прямо на баржу, целиком загруженную нашим добром. Сбоку прилепился маленький буксир — и вот поплыли мимо нас берега Нила: серые, скалистые, первозданные. Это отнюдь не трафаретная пустыня с цветных открыток! Первая ночь на Ниле. Ярчайшие, бесчисленные звезды: они отражаются в воде и оставляют длинные звездные дорожки. Волшебные, неописуемые краски без полутонов. И все меняется моментально: серый Нил, синий Нил, голубой Нил, стальной Нил; коричневые скалы, серые скалы, черные скалы; блекло-голубое небо, ярко-голубое небо, синее небо, черное небо. Холодно (ночь), жарко (утро), страшно жарко (день), холодно (вечер) — соответственно: +6; +20; +40; +10.

Берег Нила. Узкая песчаная полоска. Позади скала — рушеная, колючая. За ней — холмы бескрайней Ливийской пустыни. Мавзолей какого-то святого. Несколько колючих кустов на берегу. Дальше к югу — большой залив. За ним большая нубийская деревня Дакка. На полоске — 7 больших палаток. Одна из них выделяется белым пологом и цветными плетеными нубийскими щитами на стенах. Здесь живем мы. В остальных палатках — склад, столовая («кают-компания»), лаборатория, рабочие. А Нил наступает: 25 декабря от палатки до него было 20 м, теперь 8. А перебираться на скалу так неохота! (Ил. 120).

В заливе, у скал — наш «порт». Деревянный причал (сделанный нами), у причала наш быстроеходный катер с красным флагом. Это единственное наше средство связи с миром. Рядом морская шлюпка. Из четырех ее весел два уже сломаны. Есть

у нее и мотор — это для гимнастики: каждый из нас утром дергает за пусковой шнур раз 100–200, потом кто-нибудь садится за весла. Это если не приходится чинить шлюпку: дважды в результате «дергания» мы отрывали мотор вместе с задней стенкой.

На скале под фанерным навесом стоит наша электростанция — символ мощи экспедиции. Она не работает: ведь наш механик Юнисов, как и другие члены экспедиции, еще не приехал (ох, как мы это чувствуем!).

Первые дни. Неутешительные сведения: все памятники, которые мы должны были копать, — под водой: в это время года Нил особенно сильно разливается. На месте никто ничего не знает. Страшная фраза — андер зе вотер — под водой — повторяется ежедневно. Утомительные разведки наугад в районе селения Дакка. Бесконечные пески. С трудом вытягиваешь ноги. Маршруты по зигзагу. Нил! Вглядываемся в берега. На карте что-то есть. Но что? Катер несется к берегу. Однако, пристать здесь нельзя: подводные камни и затопленные дома. Решают секунды. Вываливаюсь в Нил как есть, в костюме и ботинках. Ору страшным голосом вко-

нец растерявшегося Ф. Я.: тэйк офф зе фут-вear, сигай ин вотер! Он (плавать не умеет), закрыв глаза, вываливается на скалы. П. Д. разворачивает катер и уносится. На берегу ничего нет. Бредем 9 км домой (Ил. 121).

Раскопки. Копаем 26, 27, 29, 30-го декабря. Копаем весь день. Перерываем песок, долбим скалу, ворочаем огромные камни. Осваиваю еще две чудных фразы: 1) носин (по-английски — «ничего»), 2) нэйчерэл рок — природная скала. Не смотрим друг на друга: где же наш опыт? Что это, все эти каменные ограды, курганы и выкладки, под которыми ничего нет? До сих пор не знаю. Мрачное настроение сгушалось. Сплошной носин. Надо ехать в Каир, просить новое место (а какое и чем оно лучше?), потом доставать баржу и т. д. и т. п. В таком состоянии подошли мы к 31 декабря.

А дальше читай про чудо. Утром я продолжал на другом берегу (т. е. за 3,5 км!) среди раскаленных скал долбить роскошные «плиточные могилы», которые теперь оказались кормушками для скота из современных нубийских домов. К 12 дня (последний день года!), получив изрядную пор-

Ил. 120. Лагерь экспедиции
Fig. 120. Expedition camp

цию очередного «носин'га», я, чертыхаясь, побрел (по делам) в пустыню. И там на абсолютно ровном, ничем не отмеченном месте нашел черепок. Мне уже было все равно. Перевел рабочих, велел копать пустыню. До 3-х они раскопали три каких-то пустых ямы. В 3 часа из далекой разведки пришли, шатаясь, Б. Б. и О. Г. Скептически посмотрели на ямы, сказали, что черепок, скорее всего, современный. Потом уехали, обещав прислать за мной катер в 4 часа, чтобы готовиться к невеселой встрече Нового года. В отчаянии говорили: хоть бы одну находку, пусть римского или византийского периодов (I тыс. нашей эры). В 4 катер увез часть рабочих с неким сообщением. А в 4.15 и Б. Б., и О. Г. спешно вернулись, чтобы своими глазами увидеть пять ям с великолепными целыми сосудами додинастического периода, т. е. четвертого тысячелетия до н. э.

Все это очень, очень нелегко. В бескрайней пустыне следы жизни разделены сотнями безжизненных километров. Не знаю, что будет дальше. Испанская экспедиция за 2,5 мес. работ нашла десяток черепков да позднюю крепость. Итальянцы раскопали десяток поздних же могил. Ничего нельзя за-

гадывать. Но уже сейчас, после 6 дней раскопок «хозяйственных ям поселения у залива Хор Дауд» мы имеем свыше 40 целых сосудов, представляющих 18 различных типов, кремневые орудия, браслет из слоновой кости. А это уже далеко не носин.

Ночь начинается здесь в 6: темнеет сразу и становится холодно. Новый год мы встречали по-московски: в 11 часов по местному времени. Конечно, первый тост выпили за всех вас. И больше не пили: после неожиданного подарка судьбы мы за обедом, в 6 час., полностью исчерпали норму. Потом все кроме меня и Ф. Я. сели играть в преферанс, я же спел весь оперный репертуар и влез в спальный мешок.

Вот так и живем. То густо, то пусто, а в общем дни похожи один на другой: вставать (в 6 ч) всегда неохота, потом — на тот берег, в 3 — домой — обед, дневник, склейка сосудов, а в 6 — темно и хочется спать. Сейчас пишу при «летучей мыши». В кают-компания слышатся голоса преферансистов. Время идет, и слава Богу!

Очень вас люблю и крепко целую.
Ваш — я

Ил. 121. Затопленные деревья рядом с Даккой
Fig. 121. Submerged trees near Dakka

Живем мы ныне:
Деревня Дакка
За тропиком Рака.

6-I-1962 г.

Дорогой и любимый мой Каперец!

Спасибо, родная моя, за письмо и стихи; я много-много раз перечитываю их, каждый день мне хочется увидеть твой почерк, а потом закрыть глаза и представить себе, что ты читаешь письмо вслух. Ведь никогда еще я не был так далеко от тебя: на другом материке, в другой части света, да еще по другую сторону тропика. Здесь даже небо совсем другое: звезды все не на тех местах, а есть звезды, которых мы никогда в Москве не видим. Так, например, в 5 часов утра, перед восходом солнца, здесь видно созвездие, которое называется «Южный Крест».

О том, как я живу, ты прочитаешь в письме к маме. А тебе я расскажу о другом. Вчера, когда мы работали в пустыне, я видел целую процессию, шедшую в соседнюю деревню на свадьбу. Впереди шли два мальчика в длинных полосатых халатах и белых чалмах на голове. За ними группа женщин вела невесту. Все они были в ярких-ярких цветных платьях — красных, малиновых, желтых, серебряных. Представляешь себе, как это красиво на фоне желтого песка. На головах у них стояли разноцветные сосуды, на руках и ногах были одеты браслеты — много — красные, белые, синие, желтые, на шее — ожерелья и большие золотые гривны, в каждое ухо было вдето по 5, а то и по 10 золотых колец — не только в мочку, как у нас, а во все ухо сверху донизу. Женщины шли и пели, а позади весело бежали черные девчонки, так же пестро одетые, с такими же браслетами и серьгами. Они били в бубны. Десяток собак замыкал шествие. Закрой глаза и представь себе эту процессию, растянувшуюся чуть не на километр, и только два цвета: ослепительно голубое небо и желтый песок.

Ты уже немножко читала о Египте и знаешь, что это самая древняя страна в мире. Когда мы встретимся, я тебе очень много расскажу о ней. А сейчас послушай маленькую историю. Напротив города Асуана, в высоких скалах высечены гробни-

цы древнеегипетских князей и полководцев. Это целые комнаты, а иногда и много соединенных друг с другом комнат. В них стоят статуи, а на стенах высечены рисунки: сцены из жизни покойного, который лежал в тайном месте, глубоко под полом комнаты. И много надписей, рассказывающих о делах умершего. В одной из гробниц был погребен полководец Хирхуф⁶⁹. Он умер около пяти тысяч лет тому назад где-то в Нубии — там, где живем теперь мы. Хоронить же его привезли в Египет, к величественным скалам Асуана. Высекли в скалах целый храм, под ним — гробницу, а у входа в храм, на скале, решили сделать надпись, прославляющую на века храброго Хирхуфа. Стали думать, какой же из его подвигов описать здесь? И решили высечь на камне письмо, которое когда-то, много лет назад, получил Хирхуф от самого великого владыки Египта, фараона Меренра⁷⁰. В тот год возвращался Хирхуф из далекого похода на юг. Он бесстрашно и искусно провел свои корабли через ревущие нильские пороги, проходил через бесконечные мертвые пустыни и непроходимые леса, бился с многочисленными врагами, видел много чудес. Далеко на юге достиг он земли, где жили совсем маленькие люди — пигмеи. Теперь он вновь вступил на корабль, чтобы плыть обратно, в Египет. И посередине огромной реки увидел Хирхуф богато украшенный встречный корабль: гонец привез ему письмо великого фараона. «Я слышал, ты везешь мне много золота, — писал Меренра⁷¹ (тогда еще мальчик). Но я слышал, ты еще везешь мне карлика, чтобы он играл и танцевал в моем дворце. Так знай: мне этот карлик дороже золота, дороже всех сокровищ. И он всегда должен быть присмотрен. Если он будет на корабле, — смотри, чтобы он не упал в реку. Если он влезет на мачту, — смотри, чтобы он не свалился с неё. И если он будет бегать по палубе, — смотри, чтобы он не разбился. Когда же ты привезешь мне его — получишь столько золота, сколько захочешь». Так писал фараон. И это письмо — как самая дорогая реликвия Хирхуфа — было высечено у входа в его заупокойный храм. И сейчас живы эти трогательные строчки (Ил. 122).

В огромном музее египетских древностей в Каире есть каменная статуэтка карлика-придвор-

ного фараона. Она сделана во времена Хирхуфа. Вот я и посылаю тебе, моему самому любимому Каперцу, фотографию этого карлика⁷². Представь себе, что это тот самый карлик. И посылаю его тебе из той самой Нубии, откуда пять тысяч лет тому назад Хирхуф вез карлика фараону. Храни карлика!

Пиши мне, моя дорогая, моя хорошая, пиши подробно обо всем и обо всех. Как ты учишься? Как фигурное катание и гимнастика? Египетские марки я тебе привезу, сейчас же мне их купить негде: кругом-то пустыня!

Будь здорова и становись здоровей с каждым днем! Передай привет своим друзьям и Мальшу.

Крепко, крепко тебя обнимаю и целую — Папа.

Тот же берег,
15 января 1962 г.

Дорогая моя Танечка!

Наконец-то наша экспедиция воссоединилась, и я получил ваши письма. Спасибо за столь подробное описание вашей жизни — оно хоть как-то сглаживает мою оторванность от вас, от всего родного. Завидую Виноградову: он взял магнитофонную пленку и может слушать здесь жену и детей.

Здорова ли Наденька, не пропускала ли она занятия? Как у нее дела сейчас? А относительно твоего, Танечка, ухода из сектора — это, очевидно, действительно было предопределено. Захочешь, — сможешь вернуться. А сейчас это единственный выход. Я уже по этому поводу писал в прошлом письме, — но связь наша столь несовершенна, что

Ил. 122. Пиотровский перед гробницей Херхуфа на некрополе Куббет-эль-Хава. Асуан

Fig. 122. V. B. Piotrovsky in front of the tomb of Herkhuf at the necropolis of Qubbet el-Hawa. Aswan

практика намного опережает теорию: мой совет хоть и попал в точку, но пришел *post factum*.

Как вы теперь живете? Есть ли у тебя помощница? Где живет Надежда Александровна и как ее здоровье? Передай ей мой самый горячий привет.

Я надеюсь передать это письмо с Львом Аркадьевичем Петровым, который к 1-му февраля вернется в Москву.

О жизни нашей расскажет тебе Лев Аркадьевич. Даже странно думать, что вот будет он тебе в Москве (как будто на другой планете!) рассказывать о нашем далеком Нильском лагере!

Живем мы особой жизнью изолированной мужской компании. В общем дружно живем. Настроение у всех соответствует числу найденных за день горшков. А последние дни находили мало. Раскопки проведены уже огромные, вскрыт чуть не целый гектар (копать здесь очень просто и не менее скучно), найдено много, но увы! Все имеет конец, и наш памятник явно исчерпыва-

ется. Ежедневно я «выпускаю из раскопа щупальцы» — длинные поисковые траншеи на десятки и даже сотни метров, иногда удается открыть новые скопления ям, но их все меньше и меньше, и ямы в большинстве своем пусты. Мы с Олегом проявляем предельное упорство, пытаюсь «осмыслить» весь этот участок пустыни: изучаем почти неуловимую разницу в цвете, плотности и составе песка в районе ям и вне их, копаем заведомо пустые участки, прорезаем сухие русла. Опыт у нас накапливается. Но он-то нам и подсказывает: перспективные участки кончаются. Горшков все меньше. Б. Б. все чаще объявляет: «Мерперту и Большакову сегодня одноразовое питание!» (Ил. 123).

А в запасе у нас почти ничего нет: ежедневные дальние и утомительные разведки, предпринимаемые Б. Б. и всеми сотрудниками экспедиции (иногда в них включается и Олег, и тогда я подыхаю со скуки на раскопе один) пока ощутимого результата не дали (тогда уже я ору: «Всех не кормить вовсе!»). Меж-

Ил. 123. Шуточная фотография, озаглавленная Н. Я. Мерпертом: «Раб и рабовладелец. Иллюстрация к книге История древнего мира»

Fig. 123. A humorous photograph by N. Ya. Merpert entitled: "Slave and slave owner. Illustration for the book *History of the Ancient World*."

ду тем, нам нужны объекты для больших раскопок еще на 2 месяца, да неплохо иметь «задел» и на будущий год. Вот мы все и волнуемся. Правда, один старик наговорил интереснейших вещей о каком-то таинственном месте далеко в Пустыне (5 дней ходьбы от Нила) — там, якобы, и остатки здания с колоннами, и какие-то копи или рудник, и могилы, но, увы, местным рассказням мы научились не верить. Старик 10 дней назад ушел туда, чтобы принести «доказательства». Пока не вернулся. Недалеко от лагеря открыли могильник — Виноградов очень тщательно его копает, но пока все могилы оказываются не менее тщательно ограбленными.

16.I.

Опять сегодня один горшок, да и то ломаный. Завтра, впервые с 31-го декабря, оставлю свой раскоп: уйдем с Виноградовым в разведку вглубь

пустыни по вади (сухое русло). Будем искать. Надежды, по правде говоря, мало: это вади неперспективное, но все уже ходили (ничего не нашли), теперь моя очередь.

День наш протекает так. В 6 часов (теоретический подъем) Б. Б. зажигает фонарик, смотрит на часы и кричит: «Олег! который час?» (у Олега часов нет). После этого все постепенно просыпаются и до 6³⁰ лежат и говорят о том, что надо бы вставать. Ссылаются друг на друга. Некоторые засыпают. В 6³⁰ кто-нибудь, отчаявшись, вылезает из мешка, выскакивает из палатки (как из окопа в атаку) и через 2 минуты, стуча зубами, врывается обратно. Всех охватывает чувство безнадежности. Все с похоронным видом встают, скатывают мешки, одеваются кто в майку, кто в фуфайку, умываются (символически) и едят кашу. Молчат и хотят спать. Потом разделяются. Кто в разведку, кто в лагере, а я с Олегом (часто еще и Б. Б. или еще кто) — в лодку и на тот берег. На Ниле почти перманентное

Ил. 124. Н. Я. Мерперт в моторной лодке с рабочими
Fig. 124. N. Ya. Merpert with workers in a motorboat

волнение: лодку бросает, обдаёт водой — что твоё море. Один раз один из рабочих даже закрыл лицо и начал молиться (Ил. 124).

Затем — скалы того берега (пристать очень нелегко). И 8 часов смертельной скуки. Дело в том, что объект наш совсем особенный. Это не поселение: культурного слоя нет, следить не за чем, чертить и описывать нечего. Это и не могильник: ничего не надо искать и чистить. Это по-нашему склад: стерильно чистый песок и под ним ямы. 20 пустых, в одной сосуд. Рабочие убирают песок и чистят ямы. Мы в лучшем случае лишь намечаем площади. Потом уходим, смотрим, ждем, когда что-нибудь найдут. А находят в среднем 1–2 ямы с сосудом в день. Чертеж и описание каждой из них требуют по 10 минут. Остальное время мы придумываем себе занятия: составляем топографический план местности, делаем десятки измерений, потом проверяем их, находим ошибку, начинаем все с начала и т.д. В 3 часа — халас (конец — араб.). Опять лодка, лагерь, умывание — на сей раз не символическое. К этому времени погода успевает несколько раз смениться. Я уже об этом писал, но по сей день не могу привыкнуть к этим чудесам. Сегодня, например. Утром выехал в фуфайке, «х. б. костюме» и комбинезоне, дул (четвертый день подряд) гнусный северный ветер, руки коченели, было трудно писать. Втроем (с Б. Б. и Олегом) составляли планы, ругались и с нежностью вспоминали ватники. Потом, часов в 11 уселся я отдохнуть в яму (спасаясь от ветра и холода). И вдруг ветер прекратился и, без всякого перехода, с места в карьер, началась тропическая жара. Штаны накалились (!) так, что сидеть было невозможно. Затем (сразу) опять ветер и пар изо рта. Потом — опять жара (как раз когда обедать надо). Обедаем. Едим два супа, или суп и второе. Все в невероятных количествах. Я с любыми блюдами потребляю лук — головки по 4 в день. Странное ощущение: сидишь и знаешь, что пить можно — сколько влезет, — хочешь литр, хочешь — три. Мало влезает. Зато еда влезает вся: едим долго, обстоятельно, с трёпом, перебиваем друг другу кости, опять едим. Из «столовой» буквально выползаем. Потом я привожу в порядок дневник, рисую и клею сосуды и т. п. А затем — в 5³⁰ — солнце начинает срочно садиться. И тогда ежедневно повторяется один и тот же ритуал. Мы с Олегом (последние дни к нам присоеди-

нились и Виноградов) садимся в лодку и уплываем вверх по течению провожать солнце. Маршрут точно размерен — 5 км. Час напряженной гребли (5 км по прямой, на самом же деле значительно больше). Встречаем первые звезды. Потом возвращаемся в полной тьме. Угадываем очертания берегов. Путаемся. Однажды сели на мель. Горланим на весь Нил «специфически русские» песни (впервые слышат их здешние берега). Сегодня ветра не было, гребли без рубашек. Это 16 января! «Раз в крещенский вечерок мы на лодочке катались!» Наконец, угадываем в темноте очертания своих владений. Огибаем Мыс Притягательный (мы дважды чуть в него не врезались), минуем Плато Трудящихся и Залив Рукомойника и входим в Бухту Радужных струй. И каждый вечер одно и то же: в «столовой» уже напряженно дуются проферансисты. Для общества они (Б. Б., П. Д., Л. А., художник Пименов, иногда Олег) погибли безнадежно. Я на них злюсь и «...лаю их многия великия лаи». Посмотрю на них, плюну и иду спать. Читать я разучился совсем: днем слишком яркое солнце, а вечером — света нет: электростанция налажена, да экономят бензин. Иногда мы с Виноградовым перед сном подробно поговорим о змеях и скорпионах — после этого спальный мешок вызывает некоторые подозрения, но вытряхивать его все равно лень. Мешок большой, всем места хватит. Влезаю в мешок (самый блаженный миг!), а из «столовой» слышится: «Туз — он и в Африке туз!!!» Еще одно забавное явление. Здесь нет грязи в нашем понимании этого слова — т. е. саж. Здесь песок. Воздух же поразительно чистый. Весь день тебя обдаёт песком на раскопе, но достаточно его стряхнуть или смыть — и все. Стирать очень просто, а солнце «выбеляет» выстиранные вещи потрясающе. Зато обувь рвется на рушенной скале моментально. Дали нам ботинки: вместо рабочих взяли хорошие флотские офицерские ботинки. Думаю, что изношу их пары три.

На разговоры о разных нильских микробах мы плюём: что же нам, не умываться, что ли? Мы с Олегом и купались на глубоких местах (там нет ила, а следовательно, и микробов). Правда мало, при этом я пел: «Один из них утоп, другого съел микроб...» Охоту купаться отбивают сомы: их здесь масса и они ужасно противные. Наши рабочие поймали за один раз 16 штук. А ловили очень оригинально.

нально: перегородили плотиной маленький заливчик и ведрами вычерпали всю воду.

Интермедия: из «столовой» раздается голос Б. Б.: «Ничего подобного! У меня не было туза, у меня не было валета, а было шесть трэф...»

На сей раз я, кажется, расписался! Боюсь, все эти писания в конверт не влезут! Не знаю, когда и каким образом смогу я отправить следующее письмо. Быть может, в феврале придется посылать специально кого-нибудь в Асуан. Во всяком случае не беспокойтесь и обязательно пишите сами.

Тот же голос из «столовой»: «А зачем же было меня оскорблять? У меня были те же карты...»

17 января

Опять пишу. День был интересный, пусть у тебя, дорогая моя, будет несколько страниц моего дневника, пусть пройдут перед тобой несколько дней нашей жизни.

Опять холодное утро, хотя на небе ни облачка: их здесь почти не бывает. Впервые катер уходит без меня. Олег кричит: «Оставайтесь, оставайтесь! Наконец-то мы что-нибудь найдем!» Выходим на разведку. Иду не с Виноградовым: он нашел новый маленький могильник и копает его. Иду с Б. Б. и фотографом Львом Николаевичем Петровым (не путать с Л. А. Петровым). Обходим большой залив и углубляемся в пустыню. Как прекрасна она и как непохожа на трафаретные описания ее и цветные открытки: безбрежное, мол, море ядовито-желтого песка. Пустыня бесконечно разнообразна, грозна, выразительна и лаконична. Холмы колючего, серого, рушеного камня. Золотые песчаные кратеры и «реки». Лиловые горы и черные скалы, встающие подобно гигантским спинам доисторических животных. Гладкий камень. Острый, измельченный камень. Камень, подобный мятой бумаге. Абсолютно лунный пейзаж на горизонте: горы, холмы, гигантские кратеры, какие-то острые пики. Взираемся на скалы, осматриваем каждую гладкую поверхность: здесь могут быть рисунки и надписи. Спускаемся в долины, идем утопая в песке. Здесь надо переносить всю тяжесть тела вперед и идти очень ритмично. Каждый километр здесь

равен пяти. Расходимся: Б. Б. идет по внешнему вади, за горами, мы с Л. Н. — по внутреннему, между ними. Выбираемся из песка, переваливаем через гряды, потом через вторую... Обходим всю группу холмов. Перед нами широкая песчаная долина, идущая к Нилу. А за ней — уже огромные холмы, настоящие горы. В долине песок отнюдь не однообразен: ближе к горам он серый, даже черный: здесь близко скала. Дальше желтый и, наконец, золотой (вот здесь-то самые тяжелые места). Намечаем ориентир. Идем. Становится тепло, потом жарко. А вокруг следы, следы жизни. Здесь топтались шакалы. Вот след «стружкой» — одна ниточка — лапка в лапку: тут пробежала лиса. Большие трехпалые следы орла. И через всю эту путаницу торжественно прошествовал верблюд... Достигаем ориентира. Памятников нет, но у Л. Н. прекрасный личный трофей: он нашел в песке современный нубийский кинжал с костяной рукояткой. Поворачиваем назад. Идем через большую нубийскую деревню. Потом опять пустыня. Мы уже в майках. Позади добрых 20 километров. Вновь «топкое» место. С трудом вытаскивая ноги, добираемся до раскопа Виноградова. У него первые успехи: могилы, ограбленные не полностью. В одной сохранилось ожерелье (раковины, стеатит, колечки из слоновой кости), в другой — сосуд. Это уже что-то. Обрадованные идем в лагерь. Б. Б. уже там: он, как и мы, ничего не нашел. Все вместе возвращаемся к Виноградову — там торжественно производится фото и киносъемка. Потом опять лагерь, катер и тот берег: надо же проведать свой раскоп. Издали вижу: Олег у теодолита — опять нашел ошибку и все промеряем. Очевидно, он решил снять план всей пустыни, а может быть, и всей Африки. Впрочем, советует мне и завтра уйти куда-нибудь в разведку: у него сегодня 4 сосуда. Это хорошо, но все же памятник безусловно исчерпывается.

Возвращаемся в лагерь. Садимся обедать. И только я нарезал в суп № 1 должное количество лука, как раздается крик: «Какие-то гости!» Мрачнем. Некстати и есть хочется. Продолжаем сидеть, только Б. Б., конечно, вышел. Через дверь палатки видим каких-то типов: трое арабов, какой-то толстый потный европеец (!) с обмотанной мохнатым полотенцем головой и... две белые женщины (!!!) — одна в штанах, другая без (в платье). Вот это да! Мы

уж забыли, как они выглядят. С «улицы» доносятся обрывки фраз и ... сногсшибательное «сведение»: корреспонденты Голоса АМЕРИКИ (!!!!). Вот тут мы и опухли! А Б. Б. — обгоревший и небритый — сунулся в палатку и кричит мне: «Вы что <вот>... меня одного... бросили... немедленно выходите...» Нехотя выхожу: в шортах и тоже нельзя сказать, что бритый. А там уже все готово: звукозаписывающий аппарат, микрофон и прочее. Стол в тени палатки. И тип в полотенце командует. Вопросы к Б. Б. Тот отвечает по-русски. Аппарат работает. Потом вопросы к Фуаду. Тот отвечает по-английски. Со страху односложно. А потом все то же ко мне. Отвечаю по-французски, довольно подробно, не считаясь ни с грамматикой, ни с произношением. Моя французская речь в эфире! На весь цивилизованный мир! Да еще по «Голосу Америки». Брррр! (Ил. 125).

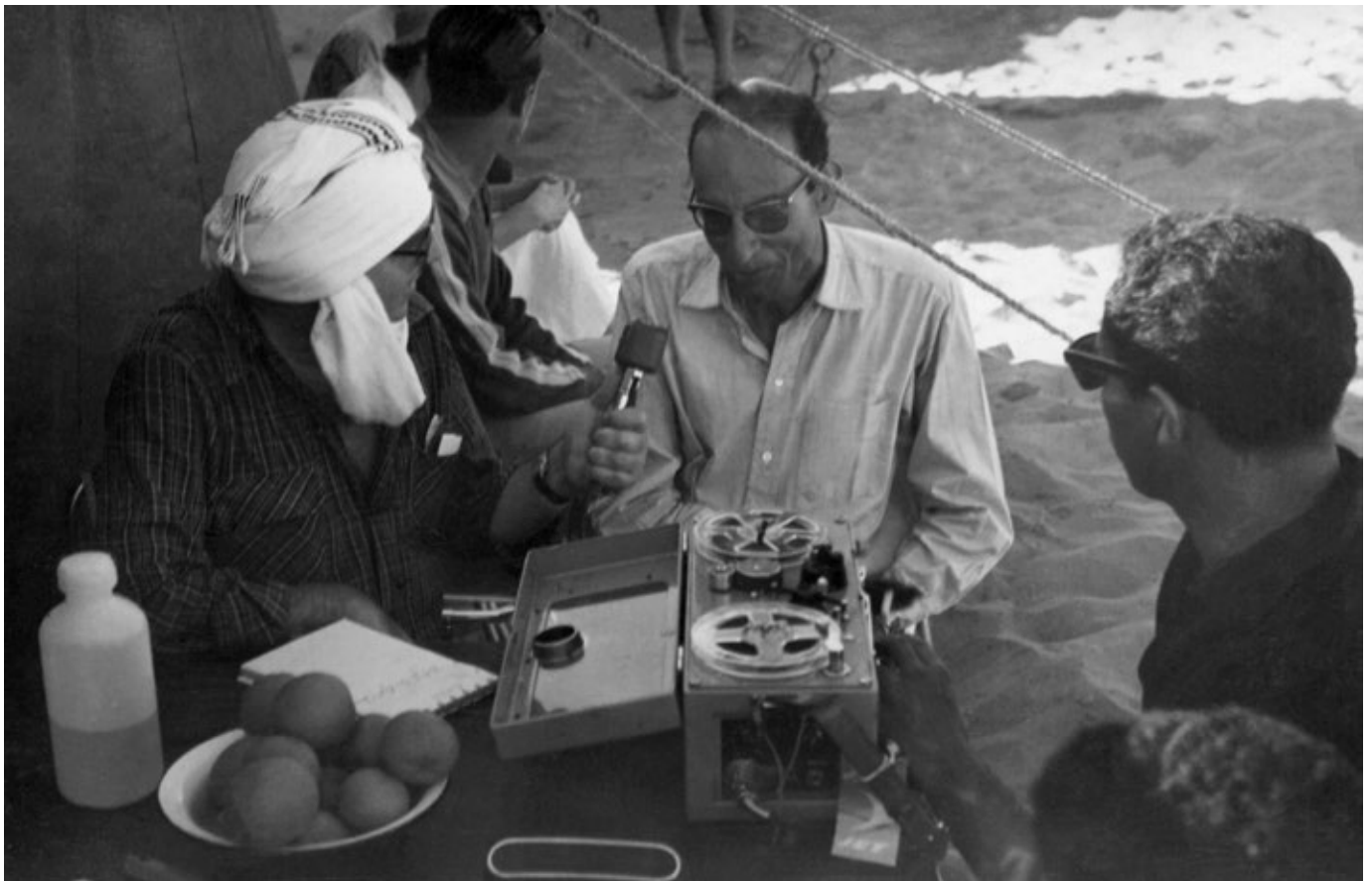
Приглашаю гостей пить кофе. Идем в «столовую». Обед убран. Пропал мой суп с луком! Там все

наши гнусно молчат, а я, лопаюсь от натуги, занимаю гостей. Потом вновь микрофон: инсценируется мой научный разговор с Б. Б. Разговор идет по-русски, но затем я же перевожу его содержание дорогим господам слушателям этой поганой передачи на французский язык. И до чего же наглость человеческая дойти может, особенно если человек голоден! Гости выпили весь кофе и уехали очень довольные. Да! — дамы-то ехали на осле.

Все эти исторические моменты подробно запечатлены на фото и киноплёнку.

От обалдения даже на лодке не поехал. Вечером пустили электростанцию, включили приемник. После обрывков музыки из разных стран поймали Москву. Слушали передачу о Моцарте. Вот это здесь звучало! Даже несколько успокоился. А преферансисты-то сегодня не играли! Впервые!!

Сейчас выключат свет. На сегодня кончаю. Спокойной ночи, мои любимые!

Ил. 125. Фуад Якуб и корреспондент «Голоса Америки»
Fig. 125. Fouad Yasoub and a Voice of America correspondent

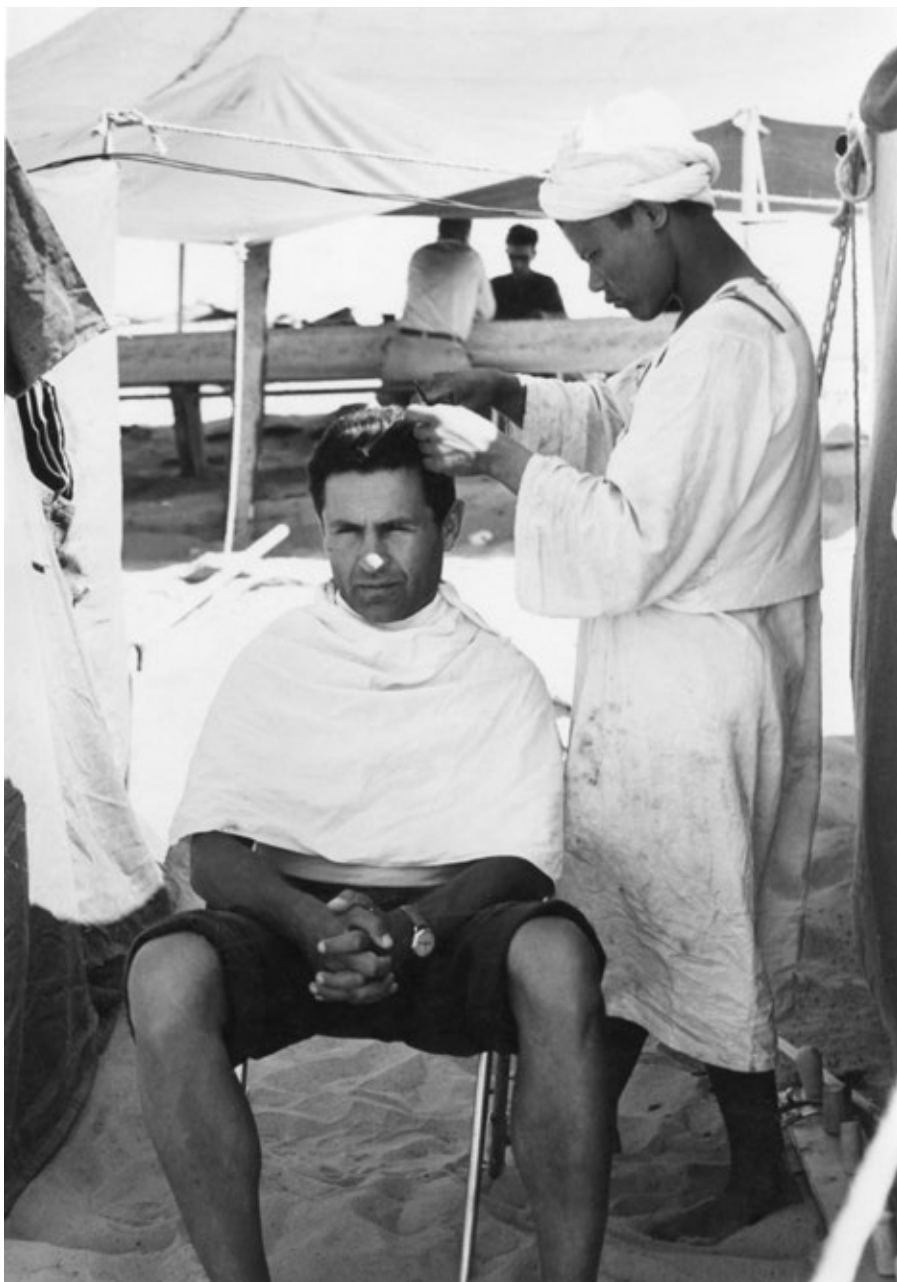
18 января

А сегодня день прошел спокойно: ни корреспондентов, ни находок. И первый день без резких климатических смен. Впервые с утра поехал на работу в шортах. Днем было градусов 45. Обгореть не боюсь, хожу без рубашки. Только купаться нельзя: Нил абсолютно успокоился и стал неимоверно грязным. Первую половину дня с Б. Б.

и Олегом составлял план огромного раскопа. Вторую половину рисовал свои сосуды и сличал их с известными типами (у нас книги с собой). Потом — лодка, прогулка была короче обычной: мы удрали от какого-то сумасшедшего парохода, прижались к берегу и вернулись домой.

Сидим с Олегом и рассуждаем: как будем мы выглядеть месяца через полтора? Машинки у нас нет, а волосы, увы, растут! Никакой надежды попасть в «цивилизованные места» нет. Будем вроде папуасов. Самым цивилизованным местом является наш нынешний лагерь. А дальше — вполне возможно — разведки на юге, в далеких пустынных районах. Вот там-то оно и начнется! (Ил. 126, 127).

Но надо, наконец, кончать! Я все пишу, пишу и кончать не хочется. Когда пишу — будто говорю с тобой и физически ощущаю, как преодолеваю, сжимаю реальное условие существования материи, именуемое пространством.

Ил. 126. Стрижка. Экспедиционная цирюльня
Fig. 126. Haircut. Expedition barbershop

19-го января

Сегодня или завтра утром Л. А. уезжает (с мешком писем). Сейчас в Асуан, потом в Каир, потом в Москву. Б. Б. и П. Д. тоже едут в Каир до 4-го февраля. Остаемся мы без начальства. Лопнул преферанс! А больше поездок не предвидится. И если писем от меня не будет — даже совсем — не беспокойтесь. Я просил Льва Аркадьевича купить в Каире марок для Наденьки. Кроме того, посылаю (в конверте) несколько советских марок, подписанных их автором — нашим художником Пименовым (Ил. 128).

Вот все. Передайте мой самый горячий привет всем друзьям, больше их не перечисляю: все равно половину пропущу.

Горячо вас обеих целую — я.

Писано 14–16 февраля.

Мои родные!

Полтора месяца живу в полном неведении о вас: писем нет, да и не могло быть: в Асуан никто за это время не ездил. Беспокоюсь о вас, думаю, ощущаю всем нутром и время, и пространство, и свою оторванность. Как ты, Танечка, как Наденька? Как чувствуешь себя на новом месте? Вот пишу все это и понятия не имею, когда это письмо уйдет, когда вы его получите? Путешествие в Асуан — это неделя; на этот срок никто из нас не может оторваться от работы. Передать письмо можно только со своими, с русскими. А их у нас пока не было (хотя всех прочих языков перебывало множество — не счесть!). Надеяться можно только на случай. Нас должен в ближайшие недели посетить важный гость — шеф отдела древностей ЮНЕСКО проф. Ван дер Хаген. М. б. его кто-нибудь поедет провожать в Асуан (возможно, я как «язычник»). Тогда удастся отправить письма. Целая проблема! И вообще, пожалуй, это последнее мое письмо в этом сезоне. Вы получите его не раньше марта. Следующая дип. почта будет в конце марта, а в это же время (или в первых числах апреля, хотя вернее — самые последние дни марта, м. б. 31) сами мы, иншалла (если захочет Аллах), явемся в Москву. Осталось еще немного, но очень чувствуется вторая половина. Ежедневно ведутся «чемоданные разговоры» по разным линиям: где и как оставлять оборудование, во что упаковывать коллекции, сколько

Ил. 127. Зам. начальника экспедиции (П. Д. Даровских) стрижет начальника
Fig. 127. Deputy Head of the Expedition (P. D. Darovskikh) gives the chief a haircut

стоит в Каире чемодан, как отправлять в Москву груз свыше положенных 20 кг (это самое сложное) и т. п. Все утомлены длительной разлукой, неведением, да и самим пребыванием в поле. Ведь я, если считать Болгарию, в этом (собственно, каком этом? Все сбилось!) сезоне в поле уже 4 месяца. Живем мы очень здорово. Дружу я больше всего с Олегом, он чудесный парень, и мы стали настоящими друзьями. Копаем мы наш Хор-Дауд вдвоем, 8 часов в день трепемся на раскопе, все вместе делаем и, главное, ведем правильный образ жизни. Встаем раньше всех, 15 минут гребем, купаемся в Ниле — на середине — до восхода солнца, встречаем восход в лодке и в дивном состоянии возвращаемся в лагерь. Днем — после работы — лодка и длительное купание. Вечером — дальняя прогулка и проводы

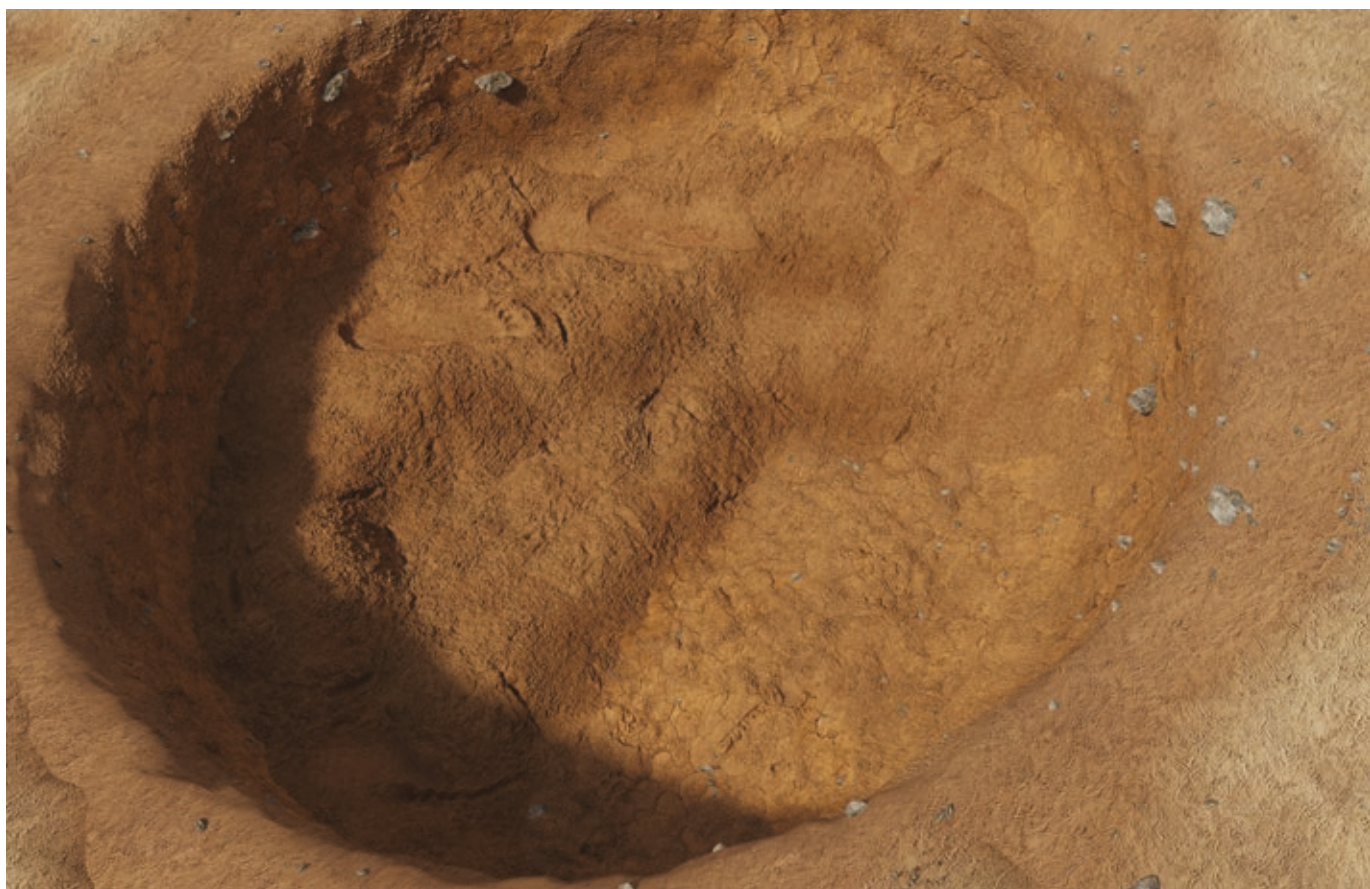
солнца — опять на лодке. Здорово! И ведем мы этот правильный образ жизни неукоснительно вот уже второй день!

5-го февраля [1962] вернулся из Каира в лагерь Б. Б. после почти двадцатидневного отсутствия. За это время я старался направить работы по трем основным линиям: продолжение раскопок основного объекта — Хор-Дауда, дальняя разведка и ближняя разведка с началом раскопок новых объектов. Дела наши оказались весьма успешными во всех трех областях. Наконец-то была произведена разведка на юг, по знаменитому Вади-аль-Аллаки — пути к золотым рудникам. Этот маршрут Б. Б. строго запретил до своего возвращения, но обстоятельства сложились так, что я вынужден был нарушить запрещение. И вот мы — Олег, Лев Николаевич и я — отправились в пустыню абсолютно необитаемую, за день отмахали триста км (на машине, конечно) и насмотрелись чудес на целую поэму! Ехали по руслу огромной реки, которая текла тысячи, а то и миллионы лет тому назад. По обе стороны громоздились причудливые холмы и скалы. Резко, фантастически резко менялись цвета. Черные скалы и каменистые холмы на фоне желтой песчаной глади. И через минуту — желтые, покрытые песком холмы на фоне черной каменистой глади. Неожиданно, в центре пустыни, встречались одинокие деревья. Потом свернули в сторону, пробирались между холмов, пересекали какие-то мелкие сухие русла, все ориентиры исчезли, и только опытный проводник — старик Ибрагим, единственный горнопроходчик этих мест, — безошибочно вел нас среди окружающего хаоса. Видели остатки древних рудников и поселков римского времени возле них. Осмотрели большую скалу, целиком покрытую древнеегипетскими надписями и рисунками. И еще ряд скал — мы возле них уже не останавливались — не было времени, — на глади которых появлялись то жирафы, то страусы, то бог-ястреб Гор, то иероглифы. Потом торопились: ночью там не очень уютно. Машина барахлила, но кончилось все благополучно: в 9 вечера мы уже были на своем катере (Ил. 129).

Ближние разведки позволили, наконец, открыть в 14 км от нашего лагеря довольно интересный могильник, который сейчас успешно копает Саша Виноградов. Он (могильник) не такой древний

Ил. 128. Марки, нарисованные художником В. В. Пименовым. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского
Fig. 128. Stamps drawn by the artist V. V. Pimenov. Page from the diary of B. B. Piotrovsky

Ил. 129. Вади-аль-Аллаки
Fig. 129. Wadi al-Allaqi

Ил. 130. Хор-Дауд. 3D-реконструкция хозяйственной ямы № 17
Fig. 130. Khor Daud. 3D-Reconstruction of a storage pit 17

как мой Хор-Дауд, но все же почтенный: не менее трех с половиной тысяч лет. Интересно, что ни одна могила (каждая из них перекрыта каменным цилиндром, сложенным из плит и достигающим в высоту половины человеческого роста) еще там не вскрыта, но возле них в песке найдено уже около 70-ти хороших сосудов. Это остатки жертвоприношений.

А Хор-Дауд медленно кончается, временами «изрыгая» напоследок прекрасные находки. Число сосудов здесь превысило сотню. Были найдены превосходные кремневые кинжалы, кремневые же серпы, обломки страусовых яиц, покрытые гравюрами; в одном маленьком сосуде лежали 344 глиняных бусины; был найден и обломок медного орудия — одного из древнейших в Египте, а следовательно, и во всем мире. А в одной яме (как, впрочем, и в сотнях других) ничего не было найдено. Но на обмазанном глиной дне этой ямы были ясно

видны отпечатки ноги подростка, который пять с лишним тысяч лет тому назад утрамбовывал эту яму и почему-то не кончил свою работу. Мы сняли слепок с этих следов, а потом удалось вырезать и сами отпечатки (Ил. 130).

К приезду Б. Б. одна из палаток была превращена в настоящую лабораторию с большими отдельными стеллажами для каждого объекта, вещи были расставлены и разложены по типам — получился целый музей. Мною было сделано около 80-ти чертежей, что, конечно, потребовало большого напряжения, введения регулярных вечерних работ и т. п. Иногда я даже не ездил на раскопки и весь день сидел в палатке, которая с 9 до 16 часов напоминала хорошую баню.

Была проведена к приезду Б. Б. и другая работа, общественная. На все навели красоту. Палатки переставили, вытянув их в струнку. Приготовили монтаж, записав его на магнитофоне. Монтаж

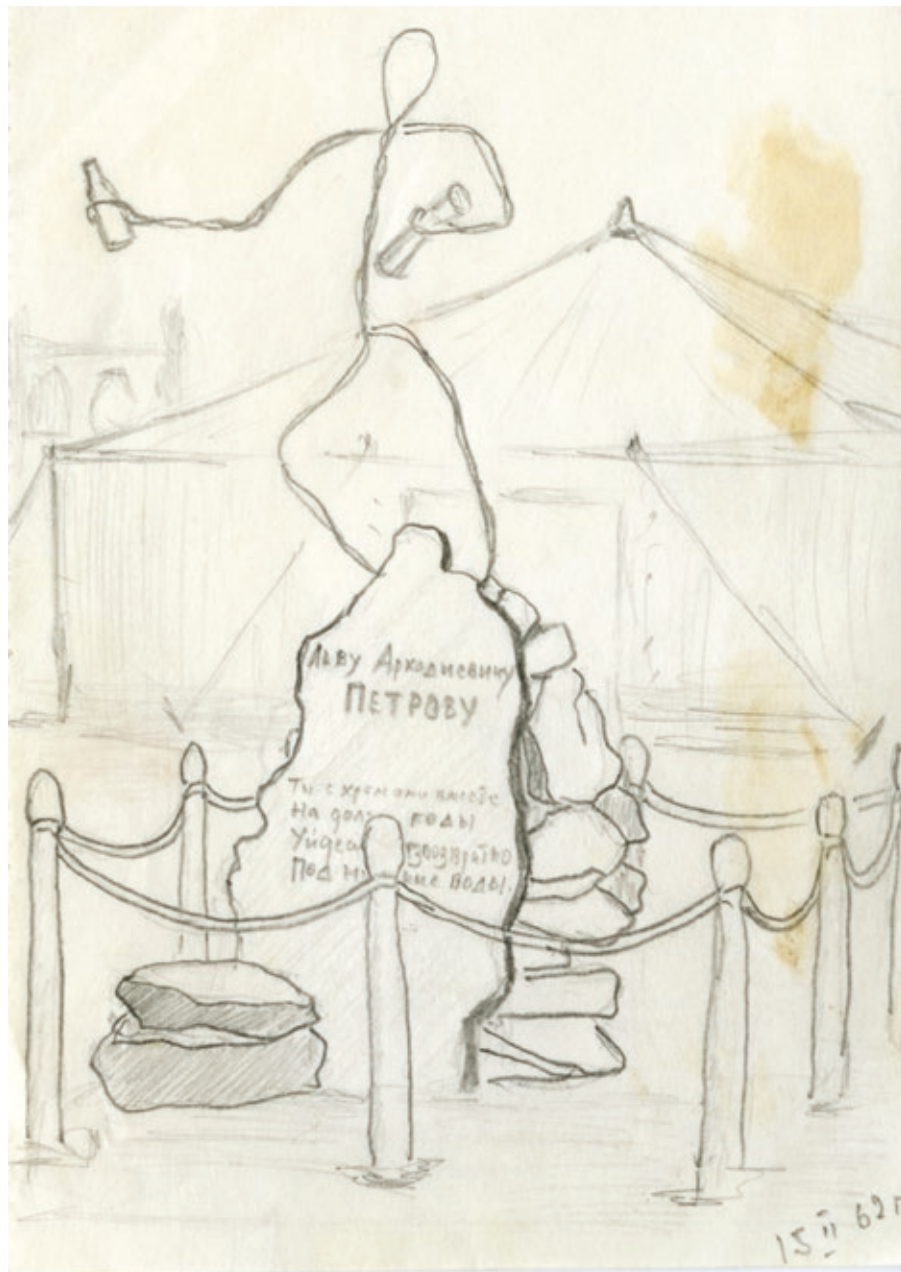

Ил. 131. Рисунок лагеря. Н. Я. Мерперт
Fig. 131. Drawing of the camp. N. Ya. Merpert

лихой, снабженный «многие великия лаи, о коих не только что написать, но и в мыслях помыслети нельзя».

Но гвоздем программы было открытие на берегу Нила памятника Льву Аркадьевичу Петрову (Ил. 131).

Величественная фигура его, выполненная из проволоки в лучших традициях ультрасовременного искусства, возвышается на каменном пьедестале. Общая высота памятника — 3 м 40 см. Я посы-

Ил. 132. Шуточный памятник Л. А. Петрову
Fig. 132. Humorous monument to L. A. Petrov

лаю вам рисунок этого гениального произведения. Вы видите памятник и на другом рисунке, изображающем основную часть лагеря — «Членский проспект». Наша палатка, как я уже писал, отмечена щитами у входа. Памятник стоит у Малого Адмиральского пирса «Лев Аркадьевич» (Ил. 132).

За памятниками вы видите новое здание летней столовой, построенное в духе конструктивизма. Ему имя еще не присвоено.

Февраль считается здесь самым холодным месяцем. И впрямь, начало его было погатым. Дули непрерывные ветры, на раскопе они здорово мешают. Нил соответственно бурлил. Было холодно: с утра надевал свой болгарский жилет, иногда даже ходил в нем почти весь день. В трусах удавалось ходить иногда полчаса в день. Но вот дня четыре назад ветер стих и наступила жара. Даже утром тепло, а вечером жарко. Днем же в тени 40°. Теперь ходим в трусах все время, а это наивысшее наслаждение. Работать, конечно, нелегко, некоторые переносят жару тяжело, но мы с Олегом пока не собираемся жаловаться. Куда лучше холода и ветра. И пока я ни разу не пил на работе!

Живем мы, как вы знаете, на самом берегу Нила, на большой дороге в Нубию. И потому у нас часто бывают гости. Мы, кажется, становимся так же популярны, как Абу-Симбел. Плывут люди в Нубию — надо завернуть в русскую экспедицию. Вот и оказываются у нас то американцы, то немцы, то югославы... Археологи, геологи, негоцианты, ре-

портеры, туристы. Была даже принцесса. Настоящая! Ей так у нас понравилось, что она прожила в лагере два дня и собирается приехать вновь (Ил. 133, 134).

Все ахают на коллекции, потом пьют кофе и спирт. Мы лихо болтаем на всех языках. Впрочем, с иностранцами просто договориться с помощью двух вполне русских слов: «водка» и «Рихтер». Обычно гости приезжают по пятницам. Пятница — это здешнее воскресенье. И ни разу не удалось нам в пятницу выспаться: с утра являлись гости и я, едва натянув шорты, начинал изрекать трафаретные фразы: «Ит ыз сам оф мэйчерэле оф ауа эксплорэйшенс...» И пошло! Такой диалект, который еще ни одним лингвистом мира не был зафиксирован!

Несколько слов о гадах. Их здесь много. Но всё это из Москвы кажется страшнее. Есть разные змеи, очень опасные. Но в районе лагеря они не попадались ни разу. Пока я видел 4 змеи, всех мы убили. Одна из них была огромной — более полутора метров. Мы проследили ее нору в куче камней и решили «выжечь» её бензином, но змея сама выползла греться на солнце. Тут ей и славу поют! Кого действительно очень много, это скорпионов. Есть большие — 7–8 см в длину, толстые и поганые. Но живут они большей частью под камнями и сейчас, зимой, ползают мало. В нашей палатке жил один скорпион — в норе под кроватью Льва Аркадьевича. Вначале мы, опасаясь скорпионов, ходили только в твердой обуви. Теперь мы с Олегом ходим в основном босиком. Это обусловлено двумя факторами: во-первых, вся обувь — и твердая и мягкая — разлетелась на здешних камнях; во-вторых, не всякий крокодил (а не то что скорпион) прокусит сейчас кожу на наших ногах! Фаланга приходила лишь однажды — со скоростью метеора проинспектировала нашу палатку и скрылась. Но во сто крат хуже и скорпионов, и фаланг, и змей самые обыкновенные мухи. Их здесь миллионы. Иногда белый потолок палатки становится совершенно черным. Уйти от них абсолютно некуда: они везде — в пустыне, на раскопе, на середине Нила. Ежедневно мы опрыскиваем палатки специальным составом «Кобра». Из насоса! После этого пол покрывается толстым слоем дохлых мух. Кроме того, перед обедом каждый член (экспедиции) обязан уничтожить 20 мух. А их и не убывает. Местные же

жители говорят: «Разве это мухи! Вот в марте будут мухи!»

Помимо гадов здесь живут птицы. По Нилу, у самого лагеря плавают утки и гуси. Маленькими группами — штук по 400. Их здесь никто не трогает. В самом лагере — за палатками — жили одно время орлы. Их было 14. Толстые и неуклюжие, они прыгали по камням и мирно паслись, напоминая более всего кур. Прозаично выглядят здесь цари пернатых! А иногда прилетает прелестная древнеегипетская птица — ибис. Она белая, вся какая-то вытянутая вверх. Куда красивее чайки!

Не знаю, удастся ли нам увидеть Абу-Симбел. От нас до него 180 км. На катере не доберешься, а пароходы ходят редко, да и попасть на них нелегко (+ дорого). Это очень печально, ибо, несмотря на все планы, спасение этого поразительного памятника становится все более призрачным. Этот вопрос (о нашей поездке) будет решаться в ближайшие дни. Думаю, что он решится негативно.

Дальнейшие планы у нас такие. Мы с Олегом должны как можно скорее кончить раскопки Хор-Дауда и засесть — прямо здесь в лагере — за создание публикации (Б. Б. хочет к лету сдать в печать том наших «Трудов»). Дело это нелегкое, ибо египтологическая литература огромна, а мы в этом деле невинны, как агнцы. Единственная книга по Египту, которую я прочитал после университетского учебника — это Гофмейстер⁷³. А тут еще Хор-Дауд никак не кончается! Саша Виноградов будет долбать свой могильник числа до 10-го. Делать слишком много находок ему не рекомендуется: у нас ящичков для упаковки не хватает! Числа 12–14 мы начнем складывать. Это будет генеральная возня. Мы набрали с собой слишком много лишнего тяжелого груза (и не взяли легкого и необходимого). Куда денем его — пока неясно. К 20-му думаем быть в Асуане, оттуда поедem в Луксор — смотреть храмы и Долину царей. Ведь пока — как это ни парадоксально — из классических памятников Египта мы видели только пирамиды Гизы. Из Луксора — числа 24–25 явимся в Каир, где и проведем последние дни в тяжких хлопотах по реализации своих капиталов.

Вот и все мои дела. Пишите мне скорее и больше. Очень хотел бы получить письмо в Каире в двадцатых числах с последними наставлениями. Боюсь только, как бы это письмо не разминулось

Ил. 133. Пароход принцессы Ага-Хан у лагеря советской экспедиции
Fig. 133. The steamship of Princess Aga Khan at the camp of the Soviet expedition

Ил. 134. Принцесса Ага-Хан
Fig. 134. Princess Aga Khan

со мной и не было бы отправлено в Асуан. Поэтому адрес на последнем письме надо ограничить Каиром. А я попытаюсь переправить в Каир соответствующее заявление.

Передайте мой самый сердечный привет папе с мамой, Надежде Александровне и всем друзьям. Крепко-крепко вас обеих целую — я.

P. S. Танечка, а кокосовых орехов здесь и в помине нет: они здесь растут не более, чем на улице Горького.

P. P. S. Привет великому мужу Льву Аркадьевичу, оставившему столь неизгладимый след на африканском материке. Осталась теперь Африка без льва!

Письма Л. А. Петрова*

Каир, 21 декабря, 1961 г.

Дорогой Гутеньш**!

Четвертый день живем в Каире. Большой и очень оживленный город, с интенсивным движением, с большой толпой на улицах, с бойкой торговлей, а по вечерам — с буйной световой рекламой. Внешним своим видом, т. е. зданиями, площадями, улицами, магазинами он претендует на равенство с европейскими столицами, я бы сказал, что даже передовее их, так как архитектура его зданий в большинстве очень современна, очень много построено нового. Но, это — лишь внешний вид, вид поверху. Внизу же его азиатское, вернее, африканское содержание выдает толпа, очень многие ходят в национальных костюмах, т. е. в белых халатах с широкими поясами, в платках, намотанных на голове, или в фесках — это мужчины. А женщины — в длинных черных халатах-платях, с черными же шальями, которые от головы спускаются до самой земли.

На улицах шум и гвалт необычайный. Арабы говорить тихо не умеют; обязательно надо кричать. Причем кричат не только те, кто ведет беседу друг с другом, но и для себя. Идет, например, человек один и вдруг издает резкий гортанный крик; просто заявляет или напоминает всем, что он живет и дышит или любит для собственного услаждения своим голосом. На улицах очень грязно, вряд ли их когда убирают, хотя в центре города и на главных магистралях всего города они по-современному залиты асфальтом. Масса резких контрастов: среди быстрого и тесного потока автомобилей часто встречаются упряжки лошадей, ослики и мулы с повозками и даже верблюды.

Все это я говорю о центральной, европейской части города. А в старой, «восточной» — там все это

еще более приумножено и чувствуешь себя полностью в стране давних сказок о Гаруне-Аль-Рашиде и Шехерезаде.

Долетели мы хорошо и вполне благополучно. В Каире устроились в гостинице, оформили свои дела, но дальнейший путь задерживается отсутствием билетов. Удалось достать только на утро воскресенья 24/XII.

Погода здесь теплая, такая, какая бывает у нас в мае или сентябре, днем градусов 16–18 в тени, все ходят без пальто, а местная беднота — босиком. Жары, как видишь, нет, солнце не жарит, т. к. уже дня 2–3 над землей висит дымка, которая очень мешает фотографировать.

Сегодня ездили к знаменитым большим пирамидам и к сфинксу — это километрах в 10–12 от города. Впечатление большое, но портила дело погода. Если бы было посолнечней и побезветренней — впечатление было бы больше.

Крепко вас всех целую. Брожу по городу и вспоминаю вас, приглядываю — что кому привезти отсюда. Выбор в магазинах большой, только я до сих пор еще не знаю, какими деньгами буду располагать, поэтому окончательный выбор подарков откладывается до обратного пути через месяц.

Ну, крепко тебя целую, целую крепенько мою курносую Маришку и Юлю. Не скучайте, ведите себя хорошо, а Маринка пусть подтверже входит в режим. В 10.30 надо ей обязательно спать.

Еще раз всего хорошего, поздравляю вас с наступающим Новым Годом и желаю всем здоровья.
Ваш Папка-Лева.

Сел. Дакка, 7/I-62 г.
на Ниле

Дорогие мои Гутеньш,
Маринка и Юлий!

Уже три недели, как папка распрощался с вами. Около недели жил в египетской столице — Каире, день в гор. Асуане, что почти на тысячу километров (говорят даже на 1200 км) южнее Каира,

* Два рукописных письма Л. А. Петрова своим близким, так же как и машинописные «Предварительные соображения по разборке, переноске и восстановлению...» и письмо «В отдел науки ЦК КПСС» находятся в архиве Л. А. Петрова, хранящемся в его семье (*прим. ред.*).

** Домашнее обращение Л. А. Петрова к супруге — Августе Васильевне Горской. В письме упомянуты также дети Петрова: Марина (Маришка, Маринка) и Юлий (Юля) (*прим. М. Л. Петровой*).

и вот почти две недели — около селения Дакка в ста километрах от Асуана еще дальше на юг.

Живем в палатках на берегу Нила в километре от деревни, в живом и непосредственном общении со здешней природой. А природа, прямо надо сказать, суровая: песок, голые скалы и почти полное отсутствие зелени, если не считать одиноких деревьев и маленьких зеленых островков около отдельных деревень. Днем во всю шпарит солнце, так что я раза два перегревался до повышения температуры; ночью прохладно, до 6–8°, бывает и теплее. Вместе со всем этим очень много интересного, необычного. Вот сейчас, например, светит месяц, который выглядит так: ☾.

У нас так никогда не бывает. Звезд — мириады и все они очень яркие, а с вами, с домом связывают Больш. и Мал. Медведицы которые выглядят здесь также необычно, вот так:

Малая воткнулась в горизонт, а от Большой видны только крайние 2–3 звезды.

А какие сказочные закаты!

Такой красоты у нас не увидите.

Зато рассвет приходит почти без зари и очень быстро.

Режим здесь у нас патриархальный, крестьянский. Ложимся спать в 7–8 час. веч., редко позже. Встаем же с солнышком, которое восходит здесь сейчас без 20 мин. 7 час.

Работы экспедиции проходят успешно. Первое время они (археологи) никак не могли напасть на нужное место и начали здорово нервничать, но затем нарвались на остатки какого-то очень древнего поселения, которое сейчас почти каждый день дает много находок. В основном эти находки являются гончарными изделиями древних египтян; таких сосудов, крупных и маленьких, разной формы, сейчас уже найдено с полсотни, а каждому кувшинчику по 5–5½ тысяч лет. Найдены также и следы более древней стоянки человека, палеолитического времени.

Моя личная работа проходит медленнее из-за тех условий, в которые я поставлен. Мне запрещено кому-либо говорить, по какому делу я приехал, и поэтому я официально должен представляться как

член археологической экспедиции, а нужные мне вопросы выяснять попутно и исподволь. В свободное время я вместе со всеми участвую в раскопках, составляю планы их раскопов, провожу геодезическую съемку, делаю зарисовки. Для себя, для души провел обмеры местных нубийских народных жилищ, которые очень интересны; привезу — увидите.

Очень интересно местное население — черные, как угли, только белки глаз и зубы светятся на лицах. Много фотографирую, но возможности фотографировать ограничены, так как местное население далеко не всегда относится к фотографированию одобрительно, а женщин фотографировать вообще нельзя. Приходится ограничиваться природой и зданиями.

Дни сейчас проходят довольно однообразно. Хочется посмотреть еще что-то новое из египетской архитектуры, т. к. я многое из основного еще не видел, не знаю, как мне это удастся сделать. От жизни мы оторваны полностью: газет я не читал со дня вылета из Москвы, т. е. с 18/XII, а радио у нас тоже пока еще не работает (из Москвы не приехал еще механик, который должен пустить электростанцию). Поэтому начинаю здорово скучать по моим зверятам; каждый вечер выхожу из палатки, гляжу на Медведицы и думаю: что-то вы сейчас подельваете, вспоминаете ли своего папку.

Думаю, что около 20 января выеду отсюда в Асуан и в Каир, а в последних числах января буду в Москве. Привезу отсюда моим всем зверятам подарки, которые я частично уже присмотрел в Каире.

Связи здесь никакой нет; отправлять письма почтой нам запрещено: можно только через посольство в Каире или через советскую администрацию строительства плотины в Асуане (а это в 100 км). Завтра наш сотрудник едет по делам в Асуан, и с ним-то пойдет это письмо.

Крепко целую моих родненьких, желаю здоровья и успехов. Если, Гутеньш, получите это письмо до 15/I, напиши мне по адресу:

Объединенная Арабская Республика
г. Каир
Посольство СССР
Петрова Л. А.

Крепко целую
Ваш папка.

Проект переноса храма в Дакке

Как следует из предисловия «Вади-аль-Аллаки — путь к истокам», советская экспедиция в Нубию задумывалась как комплексная, размахом сопоставимая с Хорезмской археолого-антропологической экспедицией АН СССР. Вероятно, по мысли ее организаторов С. П. Толстого и Б. Б. Пиотровского, советское участие в спасении памятников Нубии должно было быть сопоставимо масштабами с эпохальной стройкой Асуанского гидроузла. И если бы план Толстого — Пиотровского был бы реализован, то по уровню технического оснащения, как, впрочем, и по количеству участников советская экспедиция, безусловно, была бы самой крупной в Нубии. Однако у советского правительства были свои соображения на сей счет. Из предисловия М. Л. Петровой хорошо видно, как относилась власть к реставрации «церквенок». Страна строила панельные дома, чтобы переселить миллионы советских людей из бараков и коммуналки. Чиновники с трудом понимали, зачем нужно тратить миллионы государственных рублей на раскопки и реставрационные работы в далекой и мало кому известной Нубии. Амбициозные планы советских ученых, многие из которых в юные годы «переболели» Египтом и сейчас хотели воплотить свою юношескую мечту копать в стране фараонов, государство финансировать не собиралось. У него были свои амбициозные планы, связанные с освоением космоса, строительством коммунизма...

Нубийская экспедиция состоялась лишь по той причине, что не принять участие в этом проекте означало для Советского Союза «потерять лицо». Но выделять средства на реализацию масштабных проектов археологов в полном объеме государство не собиралось.

Одним из таких проектов, который был задуман Борисом Борисовичем, вероятно, уже после того, как он был назначен полевым директором Нубийской экспедиции, был перенос храма у селения Дакка на территории советской концессии.

Интерес Пиотровского в переносе храма был двойным. С одной стороны, он справедливо полагал, что археологические работы на территории, которую уже дважды исследовали, скорее всего не дадут сенсационных находок (так оно в конце

концов и произошло). В этой ситуации перенос храма «явится наиболее реальным результатом участия Советского Союза в международной кампании по спасению памятников Нубии в зоне затопления Асуанской плотины» [АГЭ. Ф. 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Отчет: 10]. Согласно плану Пиотровского, «если Академия наук СССР возьмет на себя кроме археологических работ также перенос храма Дакка, то экспедицию следует разделить на две группы, которые будут работать в разные сезоны. Работы по переносу храма возможны в период с июля по январь, в то время как раскопки с ноября по март месяцы». [АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 23. Л. 16] (Ил. 135).

С другой стороны, раскопки на месте храма после его переноса могли вскрыть более ранние слои бытования памятника. Пиотровский писал: «По мнению главного эксперта СССР по строительству Асуанской плотины И. В. Комзина, к которому присоединяюсь и я, было бы желательно, чтобы Советский Союз взял на себя перенос храма Дакка, построенного нубийским царем Эргаменом ок. 250 г. до н. э. Он находится на территории, представленной археологической экспедиции СССР. На месте этого храма были и более ранние постройки Аменемхета I, Тутмоса III, Сети I. Таким образом, после переноса на месте храма могут быть произведены дополнительные раскопки. По смете Годзола стоимость переноса храма оценивается в 455 тысяч долларов. Но в случае выполнения работ советскими инженерами и техникой, стоимость снизится более чем в два раза [АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 23. Л. 13].

Разработку и реализацию проекта по переносу храма Борис Борисович возложил на архитектора и реставратора Л. А. Петрова.

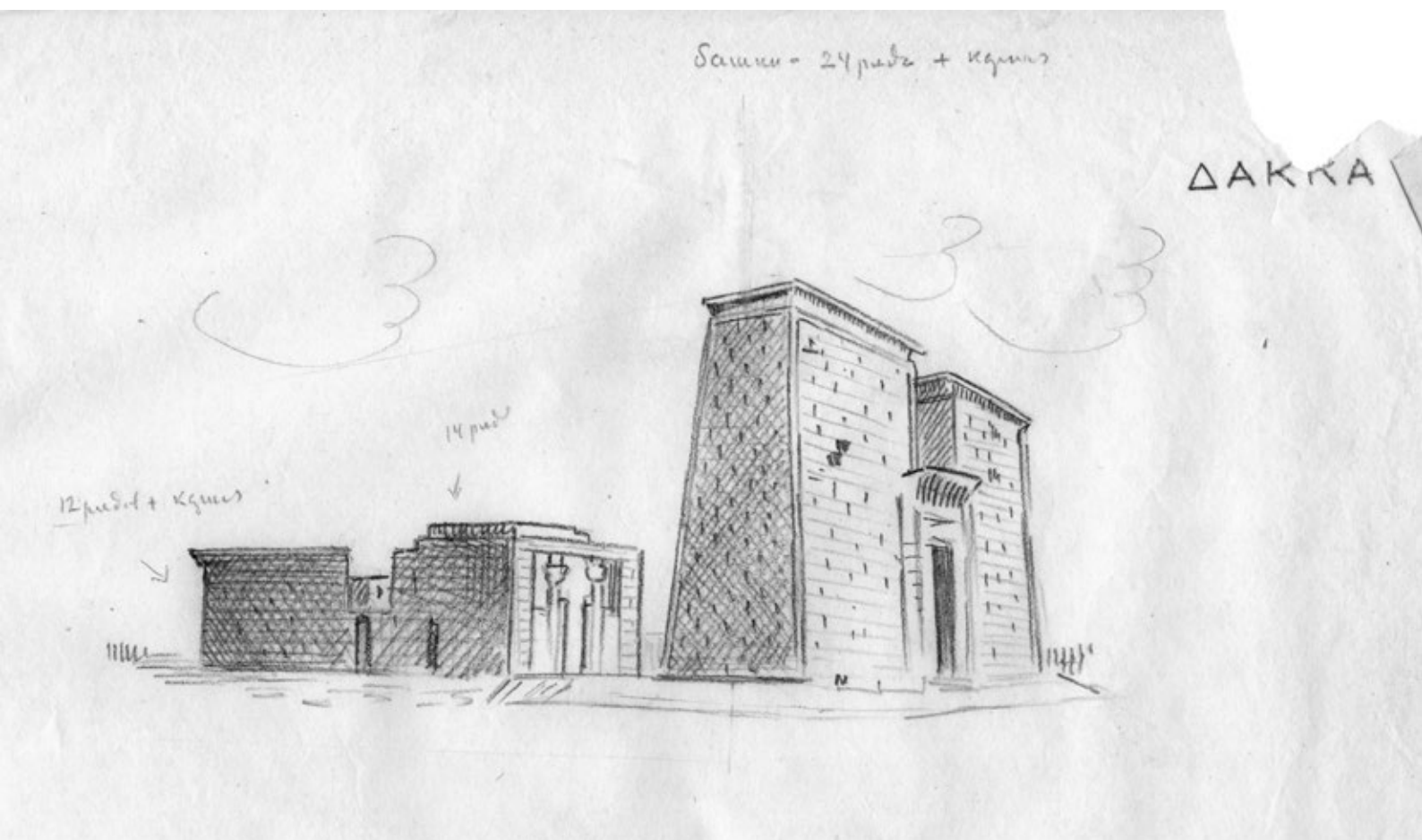
Из предисловия М. Л. Петровой следует, что цель поездки Льва Аркадьевича в Нубию держалась в строжайшей тайне. Из имеющихся в нашем распоряжении источников неизвестно, о чем именно беседовали Борис Борисович и Лев Аркадьевич за закрытыми дверями в Эрмитаже осенью 1961 г. Однако исходя из содержания публикуемого ниже документа «Предварительные соображения по разборке, переноске и восстановлению на новом ме-

сте памятника архитектуры — храма в Дакке в Египетском районе ОАР» [В преддверии 2026: 195], который датируется сентябрем 1961 г., в Эрмитаже, вероятно, обсуждались технические детали проекта.

На основании предварительных соображений, изложенных Петровым, Борисом Борисовичем, видимо, и был разработан проект письма от имени Президента АН СССР М. В. Келдыша и Председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами Г. Л. Жукова. В этом документе сообщается, что в состав Нубийской экспедиции включен представитель научно-реставрационных мастерских Госстроя РСФСР (имеется в виду Л. А. Петров), и о том, что смета расходов по переносу храма, составленная ЮНЕСКО, может быть значительно снижена (250–300 000 долларов против 450 000).

Письмо, вероятно, было отправлено в отдел науки ЦК КПСС (в самом документе адресат не указан). Предложение Академии наук, однако, поддержки не получило. В своих воспоминаниях Н. Я. Мерперт пишет: «Его (Петрова, — авт.) миссией было перенесение находившегося в нашей концессии египетского храма, правда, римского времени. Здесь забавно то обстоятельство, что уже за несколько месяцев до отъезда эту операцию у нас отменили, а Петров остался без ангажемента. Льву Аркадьевичу Петрову удалось, ничего не делая, прожить длительный срок в Египте и объездить всю страну» [Мерперт 2011: 260].

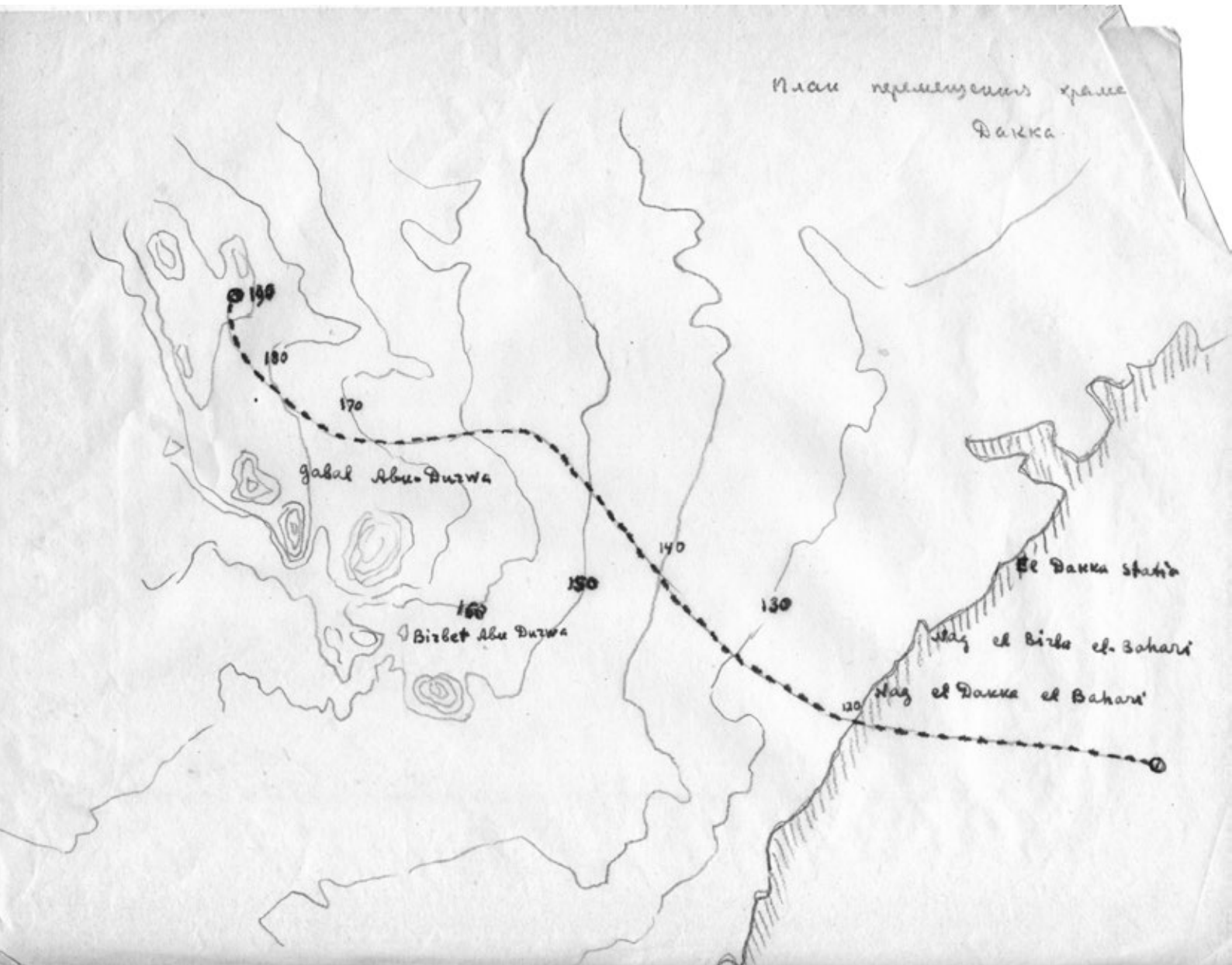
Однако получение отказа на финансирование проекта по переносу храма в Дакке не остановило Пиотровского. Он понимал, что политическая конъюнктура может поменяться в любой момент

Ил. 135. Храм в Дакке. Рисунок Б. Б. Пиотровского
Fig. 135. Temple in Dakka. Drawing by B. B. Piotrovsky

и отвергнутый прежде проект может быть реализован. Поэтому Петров, приехав в Нубию, продолжал собирать необходимые для переноса храма данные. Но уже инкогнито.... О его двусмысленном положении в экспедиции говорит следующий пассаж из письма жене от 07.01.1962: «Моя личная работа проходит медленнее из-за тех условий, в которые я поставлен. Мне запрещено кому-либо говорить,

по какому делу я приехал, и поэтому я официально должен представляться как член археологической экспедиции, а нужные мне вопросы выяснять попутно и исподволь. В свободное время я вместе со всеми участвую в раскопках, составляю планы их раскопов, провожу геодезическую съемку, делаю зарисовки» [В преддверии 2026: 189]. Не совсем понятно, от кого Петров должен был скрывать свою

Ил. 136. План перемещения храма в Дакке
Fig. 136. Dakka Temple relocation plan

миссию. Маловероятно, что Пиотровский стал бы держать в неведении других участников экспедиции. Да это было и невозможно в таком маленьком коллективе, один из членов которого к тому же был сотрудником разведки. Возможно, работу по подготовке проекта переноса храма Лев Аркадьевич должен был скрывать от египетских официальных лиц, инспектора и советских специалистов, работавших на стройке Асуанского гидроузла.

Командировка Л. А. была самой короткой. Он прибыл в Каир 18 декабря 1961 г., а улетел 30 января 1962 г. За время пребывания в Нубии им была определена местность для переноса храма — Абу-Дурва, где советские археологи обнаружили петроглифы и надписи (Ил. 136). Петровым были просчитаны затраты на реализацию проекта, которые оказались ощутимо меньше затрат, заложенных в смету ЮНЕСКО. См: [В преддверии 2026: 198].

Параллельно Лев Аркадьевич старался как мог помогать археологам в их документации. Но это

весьма специфическое занятие, в котором много рутины. Особенно с учетом того, что в Хор-Дауде находки не радовали разнообразием, а в Хор-Набруке большинство погребений были грабленые. В свободное от раскопа время Петров занимался обмером брошенных нубийских домов. Сохранилось несколько сделанных им кроки (Ил. 137).

Вероятно, своим невольным бездельем он раздражал участников экспедиции, которые ежедневно проводили на пекле долгие часы, документируя раскопки не богатых на находки памятников. Возможно, это чувство и нашло отражение в пассаже из воспоминаний Николая Яковлевича.

Однако Петров своим профессионализмом и биографией не мог не вызывать уважения у членов экспедиции. Сам Мерперт в письме к жене от 14–16 февраля 1962 г. писал: «Привет великому мужу Льву Аркадьевичу, оставившему столь неизгладимый след на африканском материке. Осталась теперь Африка без льва!» [В преддверии 2026: 187].

Ил. 137. Л. А. Петров на фоне оставленного нубийского дома
Fig. 137. L. A. Petrov in front of an abandoned Nubian house

История с шуточным памятником, сооруженном к отъезду Петрова из Нубии, тоже свидетельство дружеских чувств, которые к нему испытывали члены Нубийской экспедиции (Ил. 138, 139).

После возвращения в Москву Петров подготовил письмо в Отдел науки ЦК КПСС [В преддверии

2026:197], в котором подробно изложил свои мысли и конкретные предложения по переносу храма...

Мы не знаем, было ли отправлено это письмо, но проект переноса храма так и не был реализован.

А. А. Крол

Ил. 138. Л. Н. Петров вырезает шуточную надпись на «памятнике» Л. А. Петрову
Fig. 138. L. N. Petrov carves a humorous inscription on the 'monument' to L. A. Petrov

Ил. 139. «Памятник» Л. А. Петрову, воздвигнутый к его отъезду из экспедиции
Fig. 139. 'Monument' to L. A. Petrov, erected for his departure from the expedition

Из архива Л. А. Петрова.
**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ
 ПО РАЗБОРКЕ, ПЕРЕНОСКЕ
 И ВОССТАНОВЛЕНИЮ НА НОВОМ
 МЕСТЕ ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ —
 ХРАМА В ДАККЕ В ЕГИПЕТСКОМ
 РАЙОНЕ ОАР**

Перемещение храма в Дакке из зоны затопления на новое место, на расстояние 5–6 км, с точки зрения технической, не является трудной задачей.

Храм состоит из двух отдельно стоящих сооружений (пилонов и собственно храма) и сложен насухо из блоков песчаника, весом (по предварительным данным) от 500 до 1000 кг каждый. Отдельные блоки декоративного и конструктивного характера (карниз главного портала, перемычки проемов и пролетов и др.) могут иметь и больший вес.

Высота одного из сооружений (пилонов) — 12 метров, другого (храм) — 7 метров. Ориентировочный объем каменной кладки, которую предстоит переместить — ок. 1600 м³, и следовательно, вес ее около 4000 тонн.

Организация работ по перемещению храма представляется в следующем виде:

1. Проводятся тщательные архитектурно-археологические обмеры и фотографирование памятника, фиксирующие его состояние перед началом работ, архитектуру, расположение деталей, размеры, раскладку блоков и т.д.

2. На чертежах и соответственно в натуре производится маркировка камней.

3. Выбирается новая площадка и производится прокладка (выравнивание) временной дороги между старым и новым местом.

4. Организуется разборка сооружения краном, погрузка на автомашины, перевозка и систематизированное складирование на новой площадке около места сборки. Работы ведутся с большой осторожностью; так, разборка производится при помощи мягких (деревянных) клиньев, а перевозка — с деревянными прокладками.

5. Одновременно с разборкой ведется подготовка основания под храм на новом месте.

6. Нижние ряды кладки перевозятся непосред-

ственно на новое основание, а вслед за этим начинается восстановление храма, причем каждый блок должен встать на свое место.

7. Утраченные (рассыпавшиеся) при разборке здания блоки (которые невозможно соединить) при сборке здания должны быть заменены аналогичными новыми из однородного с памятником материала, заблаговременно заготовленного в небольшом количестве на месте (все новые дополнения тщательно фиксируются на чертежах).

8. После восстановления здания проводятся работы по благоустройству прилегающего к памятнику участка.

Производство указанных выше работ, кроме кратких сроков, осложняется и тем обстоятельством, что памятник в течение 9-ти месяцев в году затоплен водами Нила. В этих условиях должен быть разработан очень четкий и напряженный график работ.

Для производства необходимых работ потребуются следующие механизмы и транспортные средства:

Автокран К-104 на ЯЗ-210 — общим сроком на 5–6 месяцев;

Автокран К-32 на ЗИС-150 — на срок 6 месяцев;

Автопогрузчик — на срок 4–5 месяцев;

Автомшины средней грузоподъемности (3–5 т.);

4 машины — на 4–5 месяцев.

Для подготовки временной дороги и выравнивания новой площадки потребуются бульдозер и компрессор, сроком на 10–15 дней.

Рабочая сила в количестве 20–25 рабочих на время по 3 месяца в 1962 и 1963 гг. может быть привлечена на месте, в ОАР.

Проектирование переноса храма, организацию работ, научное руководство ими и составление

научного отчета при соответствующем решении, могут принять на себя Центральные научно-реставрационные мастерские Госстроя РСФСР.

Из советских специалистов должны быть командированы:

1. Архитектор — научный руководитель всеми работами на объекте, по 1–1,5 месяца в течение 3-х лет.

2. 2 стереофотограмметриста ЦНРМ в текущем году сроком на 20–25 дней.

3. 2 архитектора-реставратора, осуществляющие научный надзор за работами, с будущего года, на все время производства работ.

4. Археолог, из состава экспедиции АН СССР, на все время производства работ.

5. 1 инженер-проектировщик, сроком на 1 месяц.

6. Производитель работ, с будущего года, на все время производства работ.

7. Переводчик, на все время производства работ.

То есть 9 человек.

При условии получения механизмов и транспортных средств из советской организации по строительству Асуанской плотины, посылки указанных выше советских специалистов-реставраторов и привлечения на месте лишь рабочих, общая стоимость всех работ по перемещению храма в Дакке будет значительно ниже, чем это предусмотрено сметой ЮНЕСКО.

Осложняющим обстоятельством может явиться рыхлая (устарелая) структура материала, из которого сложен памятник, и разрушение его при разборке. В этом случае потребуются укрепление поверхностных слоев камня химическими методами и, следовательно, некоторое удорожание и удлинение сроков производства работ. Потребуется также посылка и 2-х — 3-х чел. соответствующих специалистов по укреплению камня.

Руководитель
Центральных научно-реставрационных
мастерских Госстроя РСФСР

Л. ПЕТРОВ

« » сентября 1961 г.

Из архива Л. А. Петрова. В ОТДЕЛ НАУКИ ЦК КПСС

Командировка в Объединенную Арабскую Республику в связи с предполагаемым переносом древнеегипетского храма в с. Дакка помогла на месте более конкретно изучить условия разборки этого сооружения, перевозки, восстановления его на новом участке, найма рабочей силы, потребность в механизмах, материалах и прокорректировать сметно-финансовый расчет, составленный органами ЮНЕСКО.

В результате конкретного изучения вопроса на месте удалось установить, что:

1) Расходы по фиксации памятника должны сейчас фактически значительно снизиться, так как его обмер в основном уже произведен департаментом Древностей ОАР.

2) Также должна снизиться стоимость работ по подготовке дороги для транспортировки сооружения. Обследования нами трасса перевозки не требует больших затрат, а оставшийся необследованным затопленный во время нашей командировки участок дороги протяженностью около 1 километра не может стоить столько, сколько предусмотрено в расчете.

3) Должна также уменьшиться и сумма затрат на научно-техническое руководство работами, так как финансовый расчет ЮНЕСКО исходил из довольно высокой оплаты труда архитекторов и инженеров, в то время как в Советских условиях зарплата этих работников значительно ниже и не превышает оплаты труда квалифицированных рабочих.

Работы должны разбиться на два этапа:

1-ый этап — разборка, перевозка храма и подготовка дороги и площадки. В связи с ежегодным затоплением храма на протяжении 9 месяцев, производить разборку возможно только в течение июля — сентября. Строительство Асуанской плотины ограничивает срок этой работы двумя сезонами — 1962 и 1963 годов. Начиная с 1964 года начнется постоянное затопление этого сооружения. Экономически целесообразно произвести разборку в течение одного сезона — лета 1962 года, а если что и не удастся завершить в этом году — закончить летом 1963 года.

2-ой этап — восстановление храма на новом месте — не связан сроками ни по сезонам, ни по продолжительности. Однако целесообразно, в целях более тщательного и продуктивного выполнения работы, вести ее в зимнее время, наиболее благоприятное по климатическим условиям.

Для работы на первом этапе, на срок три месяца требуются:

а) Рабочая сила: научный руководитель работ — 1

Зам. руководителя по фин.-хоз. части — 1

Архитекторов — 2

Инженер — производитель работ — 1

Инженер-геодезист — 1

Крановщиков — 2

Шоферов — 3

Механик — 1

Рабочих — 25

Переводчик — 1

б) Механизмы: автомашин — 3

автокранов — 2

Для работы на втором этапе, на срок 7 месяцев потребуются:

а) Рабочая сила: научный руководитель работ — 1

Зам. руководителя по фин.-хоз. части — 1

Архитекторы — 2

Инженер — производитель работ — 1

Инженер-геодезист — 1

Крановщиков — 1

Шоферов — 2

Механик — 1

Переводчик — 1

Рабочих — 40

б) Механизмы: автомашин — 1

автокран — 1

автопогрузчик — 1

Все механизмы и ручной инструмент привозятся из Советского Союза и после их использования на переноске и восстановлении храма будут переданы по соответствующей стоимости строительству Асуанской плотины. Также привозятся

из Советского Союза в целях сбережения инвалюты материалы и горючее.

Таким образом, практические затраты на переноску и восстановление памятника будут состоять из оплаты рабочей силы, ее перевозки; стоимости материалов и ориентировочно составят:

1. Командировочные советскому руководящему и инж.-техническому персоналу при демонтаже — 3510 ег. ф.
2. Оплата их перевозки — 6500 руб.
3. Зарплата егип. рабочих при демонтаже — 2700 ег. ф.
4. Оплата их перевозки — 150 ег. ф.
5. Командировочные советскому руководству и инж.-технич. персоналу на время сборки — 6930 ег. ф.
6. Оплата их перевозки — 6600 руб.
7. Зарплата египетских рабочих на сборке — 8400 ег. ф.
8. Оплата их перевозки — 240 ег. ф.
9. Проектные работы и стоимость руководства проектной организации — 18000 руб.
10. Основные и вспомогательные материалы и инструмент (из Советского Союза) — 6000 руб.
11. Горючее и смазочные для механизмов (из Сов. Союза) — 6000 руб.
12. Оборудование лагеря (из Сов. Союза) — 5000 руб.
13. Транспортировка механизмов, материалов, горючего, лагерного оборудования и т. д. — 5000 руб.
— 800 ег. ф.
14. Разработка карьера, подача и обработка камня на месте, для восполнений утрат — 3000 ег. ф.
15. Содержание лагеря (охрана, уборка и др.) — 400 ег. ф.
16. Расходы по связи и местн. командировки — 400 ег. ф.
17. Непредвиденные расходы /10%/ — 4830 ег. ф.

В итоге практические затраты по выполнению данной работы должны вылиться примерно в сумму 51 000 советских рубля и 33 520 египетских фунтов, а в переводе на советский курс — всего на сумму 138 152 рубля, что значительно меньше

предусмотренных сметой ЮНЕСКО затрат в сумме 454,4 тыс. американских долларов.

Политическая ситуация в вопросе участия СССР в работе по спасению памятников Нубии в связи со строительством Асуанской плотины следующая:

Египетские круги (Министерство культуры, Департамент древностей и представитель ОАР в совете экспертов ЮНЕСКО) не только из местных, но главным образом и из политических соображений, относясь доброжелательно к СССР, откровенно хотят активного участия СССР в этой работе.

Представители других стран в ответ на сделанные нашими представителями заявления о том, что Советский Союз уже оказывает значительную помощь Египту, активно и в большой мере помогая ОАР в строительстве Асуанской плотины, отвечают, что строительство плотины — дело наших частных политических и экономических взаимоотношений с Египтом, а спасение памятников Нубии — международная кампания, ставящая своей целью спасение памятников общечеловеческой культуры.

Некоторые представители буржуазных стран (например, Франции и США) пытаются даже спекулировать на этом. Так, первый (правда, в кулуарах) сказал, что «Советский Союз взял на себя только одну часть задачи — затопить памятники древне-египетской культуры». Представитель США в Совете экспертов ЮНЕСКО на заседании совета поторопился заявить, что «если Советский Союз не хочет выполнять работу по переноске храма в Дакке, то США возьмут эту работу на себя», однако представитель ОАР это предложение отклонил.

Моим личным глубоким убеждением является, что в данной ситуации Советскому Союзу необходимо выполнить эту работу. Такого же мнения придерживается посол СССР в ОАР тов. Ерофеев В. Я. и руководитель археологической экспедиции СССР в Египте, член Совета экспертов в ЮНЕСКО от СССР проф. Б. Б. Пиотровский.

Архитектор
Л. Петров
“ ” марта 1962 г.

Комментарии

1. Первая Асуанская плотина была построена в 1902 г. с целью контроля за высотой разлива Нила. Это гидротехническое сооружение расположено в 5 км южнее Асуана. Первоначально плотина имела высоту 30 м, однако в 1907–1912 гг. ее высота была увеличена еще на 6 м. Створки плотины были закрыты с ноября по конец марта. Это означало, что около 160 км земли вдоль Нила в Нижней Нубии со всеми расположенными на ней деревнями и археологическими памятниками заливало водой. С наступлением жарких месяцев створки плотины открывались, и Нил входил в свои берега, но с началом нового разлива в конце июля часть Нубии вновь постепенно уходила под воду. Осознание того, что постройка плотины приведет к неизбежному разрушению многих памятников, стало причиной проведения правительством Египта Первого археологического исследования Нубии (1907–1911), в ходе которого экспедицией под руководством Джорджа Рейснера (первый сезон) и Сэсила Фёрта (все последующие сезоны) были открыты важнейшие памятники ранее неизвестных нубийских культур: культуры Группы А, культуры Группы С, культуры Группы Х. В зоне затопления в рамках кампании работали и другие экспедиции: Пенсильванского университета в Амаде, Фарасе и Бухене (1907–1910), Оксфордского университета в Фарасе (1910–1912), Германской экспедиции Э. фон Зиглина в Анибе (1910–1912) и Венского университета в Тошке и Арминне.

В 1929–1934 гг. Асуанская плотина была надстроена еще на 9 м. Следствием этого стало увеличение площади земель, которые уходили под воду, вдвое, вплоть до Суданско-египетской границы. Это стало причиной проведения египетским правительством Второго археологического исследования Нубии, которым руководили Уолтер Эмери и Лоуренс Кирван. Частью кампании 1929–1934 гг. стали раскопки египтолога и археолога Георга Штейндорфа в Анибе. Важная работа по документации христианских памятников Нубии была проведена итальянским востоковедом Уго Моннере де Виллардом. Палеолит Нижней Нубии был исследован геологами К. Сэндфордом и Э. Аркеллом из Восточного института Чикагского университета. Второе археологическое исследование внесло существенные дополнения в картину истории Нубии в древности и средневековье (А. К.).

2. В 1967 г. разразилась очередная арабо-израильская война. Против Израиля выступила коалиция из четырех арабских государств (Объединенная Арабская Республика (Египет и Сирия), Иордания, Ирак и Алжир). В течение шести дней (поэтому война получила название Шестидневной) Силы обороны Израиля разгромили арабские силы и захватили Синайский полуостров, Западный берег реки Иордан, сектор Газа и Голанские высоты. После этого Египтом была начата так называемая война на истощение, имевшая целью освобождение Синая. Боевые действия велись в основном в районе Суэцкого канала. В ходе этого противостояния, продолжавшегося до 1970 г., в Египет по просьбе Гамалея Абдель Насера прибыл контингент советских войск, прежде всего, для борьбы с израильской авиацией. Чтобы не допустить разрушения Асуанской плотины, в районе Асуана были установлены батареи ПВО и несли дежурство советские истребители-перехватчики (А. К.).

3. Союзное государство Египта и Сирии, существовавшее в период между 1958 и 1971 г. (А. К.).

4. Марианна Александровна Итина (1922–2004) – сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, доктор исторических наук. С 1945 г. принимала участие в полевых работах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Автор более 200 научных работ, в том числе четырех монографий, посвященных памятникам и проблемам эпохи бронзы и раннего железного века в Средней Азии. Одна из монографий была написана в соавторстве с А. В. Виноградовым (А. К.).

5. Речь идет о так называемой тройственной англо-франко-израильской агрессии против Египта, вызванной национализацией «Всеобщей компании Суэцкого канала», которая управляла грузоперевозками по этому важнейшему торговому пути. Акции Суэцкого канала принадлежали Франции (52%), Англии (44%), соответственно, и большую часть выручки от эксплуатации торгового пути получали эти страны. Национализация Суэцкого канала стала ответом на отказ Великобритании и США финансировать строительство Асуанского гидроузла. Тройственная агрессия для Англии и Франции имела целью смещение президента Египта Г. А. Насера и восстановления контроля над

каналом, а для Израиля – смену власти в Египте, территориальные приобретения за счет Синая и Иордании. Военные действия начались 29 октября 1956 г. атакой израильских ВВС на египетские позиции на Синае. Великобритания и Франция вступили в войну 31 октября. К 5 ноября был захвачен Порт-Саид и установлен англо-британский контроль над большей частью Суэцкого канала. Боевые действия были прекращены благодаря активному вмешательству в конфликт ООН, США и особенно СССР, который косвенно пригрозил Англии и Франции ядерным ударом. Англия, Франция и Израиль были вынуждены остановить боевые действия и вывести войска (А. К.).

6. Имеется в виду одна из главных достопримечательностей Каира, крепость, возведение которой относится к эпохе Средневековья. Цитадель была построена, предположительно, в 1176–1183 гг. знаменитым мусульманским полководцем и лидером, основателем династии Айюбидов, Салах ад-Дином, известным в западной традиции как Саладин (Е. Т.).

7. Возможность взобраться на знаменитые пирамиды Гизы долгое время относилась к числу главных туристических аттракционов. Целая толпа гидов и ловких помощников была готова помочь в этом туристам любого возраста, пола и комплекции. На вершине пирамиды усталых покорителей древностей ожидала чашечка кофе. Для тех же, кто не чувствовал себя в силах совершить восхождение, египетские мальчишки были готовы за небольшое вознаграждение забраться на пирамиду на скорость. В настоящее время подниматься на пирамиды строжайше запрещено. Рискнувшим, согласно новым поправкам, внесенным в 2020 г. в закон № 177 от 1983 г. о защите древностей, грозит тюремное заключение на срок один месяц, а также серьезные штрафы от 10 до 100 тыс. египетских фунтов (Е. Т.).

8. Новейшая история острова Филэ, на котором располагался целый комплекс храмов греко-римского времени, также является наглядным примером компромисса между необходимостью строительства Высотной плотины и сохранения памятников древнеегипетского искусства и архитектуры. Уже после возведения в 1902 г. первой, английской, плотины, часть острова была подтоплена. При сооружении же Высотной Асуанской плотины, по инициативе ЮНЕСКО был разработан план переноса храма, и после выпол-

нения тщательных архитектурных обмеров и составления описаний в 1970-е гг. каменные блоки были перевезены и вновь собраны на острове Агилкия, находившемся в 500 м вверх по течению от первоначального месторасположения храмового комплекса [Wilkinson 2000: 213–215; Крол 2021: 39–42]. В книге А. В. Виноградова описано состояние памятников на острове Филэ еще до строительства Высотной Асуанской плотины (Е. Т.).

9. Храм в Дабоде первоначально располагался в 15 км к югу от Асуана. Небольшое святилище, посвященное Амону, было возведено мероитским царем Адикаламанни в начале III в. до н. э. на фундаментах храма Нового царства. Позднее, в эпоху Птолемея, святилище стало центральной частью небольшого храма 12×15 м, посвященного Исиде из Филэ. Храм был обнесен каменной стеной. Вход к нему вел от набережной сквозь три пилон. В 1968 г. в знак признательности Египта за участие в спасательной кампании храм был преподнесен в дар Испании, разобран и перевезен в Мадрид, где его воссоздали в Западном парке в центре города [Arnold 2003: 64; Wilkinson 2000: 216] (А. К.).

10. Киоск римского времени на западном берегу Нила в 50 км к югу от Асуана. Колонны из коричневого песчаника украшены хаторическими и композитными капителями. Постройка скорее всего была местом, где останавливалась барка богини Исиды во время ритуального путешествия по Нижней Нубии. В период проведения Нубийской спасательной кампании киоск был разобран и перенесен в Новую Калабшу [Arnold 2003: 29; Wilkinson 2000: 192] (А. К.).

11. Храм в Бейт-эль-Вали – небольшой, вырубленный в толще песчаника храм рядом с Калабшей в 50 км к югу от Асуана. Его постройка датируется ранними годами правления Рамсеса II. Храм посвящен Амону-Ра, Ра-Хорахти, Хнуму и Анекет, Рамсесу. Изначально перед входом в храм располагался пилон, сложенный из сырцовых кирпичей. Собственно храм состоял из зала, украшенного рельефами, изображавшими военные победы Рамсеса II, и широкого зала с двумя протодорическими колоннами. Непосредственно за ним располагалось святилище со статуями богов, которым был посвящен храм [Arnold 2003: 29; Wilkinson 2000: 217] (А. К.).

12. До перенесения храм был расположен в 60 км к югу от Асуана на территории города Талмиса. Храм

был посвящен богу Хору-Мандулису, Исиде и Осирису. Основные сооружения храма были возведены в правление последних Птолемеев и императора Августа.

Храмовый комплекс длиной 77 м был обнесен стеной (66×92 м, высотой 15 м) из сырцового кирпича. Вход на территорию комплекса оформлен в виде пилона, сложенного из каменных блоков. Комплекс включал: монументальную набережную, обнесенный колоннами двор, открытый пронаос и собственно храм. В архитектуре храма проявилось сильное влияние классической традиции. На стенах было начертано несколько важных исторических надписей, среди которых надпись царя нобадов Силко (середина V в.), в которой он сообщает о своей победе над блеммиями.

В 1962–1963 гг. храм был разобран. Составлявшие его 13 000 блоков песчаника были перевезены и собраны недалеко от Асуанской плотины (Новая Калабша).

Во время разбора храма было найдено небольшое храмовое сооружение, возведенное при Птолемеях IX Сотере. Гранитный дверной проем храма был вывезен в Германию и находится теперь в Египетском музее Берлина [Arnold 2003: 119; Wilkinson 2000: 217–218] (А. К.).

13. Святилище у нубийской деревни Герф-Хусейн в 87 км к югу от Асуана. Посвящено Рамсесу II, богу Птаху-Татенену, богине Хатхор и богу Птаху — владыке Мемфиса. Оно было выстроено «царским сыном Куша Сетау». Храм представлял собой вырубленный в скале колонный зал, архитектурный план которого напоминает Большой храм в Абу-Симбеле. Перед скальной частью возвышался пилон, открытый двор был обнесен портиком, который покоился на шести колоннах и восьми статуях, выполнявших роль колонн. В толще скалы были вырублены зал для жертвоприношений и зал для ладьи, перевозившей статую божества. Ко входу в храм вела аллея сфинксов. К сожалению, поскольку большая часть храма была вырублена в толще известняковой скалы, целиком его спасти не удалось. Проект переноса храма в Герф-Хусейн целиком оказался непомерно дорогим. Поэтому лишь отдельные части святилища были вырублены и перевезены в Асуан, где в настоящее время выставлены в Нубийском музее [Arnold 2003: 98–99; Wilkinson 2000: 219] (А. К.).

14. Находился в 106 км к югу от Асуана. Назван по имени нубийской деревни, располагавшейся в окрестностях храма. Храм был возведен в период правления

царя Куша Аркамани II (ок. 248–220 гг. до н. э.) на месте храма, выстроенного правителями XVIII династии Тутмесом III и Хатшепсут и посвященного Хору, владыке страны Баки. Располагался рядом с египетским городом Пселкет (*греч.* Пселкис). Первоначально была построена небольшая часовня (5×6,8 м), посвященная Тоту и Исиде. В правление Птолемея IV, Птолемея IX, римских императоров Августа и Тиберия храм был значительно перестроен и расширен. Именно в римский период был возведен массивный пилон, верхняя часть которого возвышается над водной гладью на многих фотографиях членов советской экспедиции. Храм был перенесен в Вади-эс-Себуа в 1968 г. При перенесении были открыты переиспользованные блоки от храмов Тутмеса III, Сети I и Мернептаха. Эти блоки происходили либо от более ранних храмовых построек Дакки, либо из крепости в Кубане [Arnold 2003: 65; Wilkinson 2000: 219] (А. К.).

15. Расположен в 165 км к югу от Асуана. В эпоху правления Аменхетепа III здесь был вырублен в скале небольшой храм, первоначально посвященный Хору, а позднее Амону. Рамсес II вырубил рядом храм длиной 109 м, посвященный культу Амона-Ра, Ра-Хорахти и своему собственному. Дорога процессий, по сторонам которой стояли статуи сфинксов, вела от набережной через два пилона, сложенных из сырцового кирпича, к третьему пилону, возведенному из песчаника, и далее непосредственно в сам храм. Храм состоял из открытого двора, по сторонам которого стояли статуи фараона, выполнявшие функцию колонн, и высеченных в толще камня зала с 12 колоннами и святилищ со статуями богов. Храм был превращен христианами в церковь св. Петра. Многие изображения были сбиты. В 1964 г. храм Рамсеса II был перенесен на 4 км северо-западнее своего первоначального места расположения. Святилище Аменхетепа III перенесено не было [Arnold 2003: 255; Wilkinson 2000: 220] (А. К.).

16. Храм в Эд-Дерре (156 км к югу от Асуана) был построен в правление Рамсеса II. По архитектурному плану и художественному оформлению схож с храмом в Абу-Симбеле, но в отличие от него не имел сидящего фараона перед входом. В скале вырублены два зала с колоннами и три святилища со статуями Птаха, Амона-Ра, Ра-Хорахти и самого Рамсеса, которым и посвящен храм. Несмотря на то, что в христианское время здесь была устроена церковь, многие изображения,

покрывавшие стены, сохранились, например, процессия царских детей. В 1964 г. храм был перенесен на новое место, недалеко от храма в Амаде [Arnold 2003: 70; Wilkinson 2000: 222] (А. К.).

17. Эта конструктивная особенность Большого храма в Абу-Симбеле была сохранена уже современными архитекторами после его переноса. Даже на новом месте дважды в год, 22 октября и 22 февраля, первый луч солнца, который проникает через входную нишу, проходит через коридор и падает на лицо статуи Рамсеса, освещая его 12 минут. На статуях Амона и Ра луч задерживается по шесть минут, проходя мимо Птаха (Е. Т.).

18. Действительно, на рассмотрение Комитета экспертов ЮНЕСКО было представлено два проекта. Первый принадлежал итальянскому архитектору Пьеро Гаццолу (1908–1979) (в своих отчетах Б. Б. Пиотровский также пишет фамилию архитектора (Gazzola) как Гадзола). На момент начала Спасательной кампании он был крупнейшим международным авторитетом в области консервации памятников. Именно поэтому ЮНЕСКО, египетское и суданское правительства поручили ему возглавить группу специалистов, которые должны были подготовить план перенесения 18 храмов Нубии.

Совместно с фирмой «Италконсульт» Гаццола разработал проект перенесения Большого и Малого храмов Абу-Симбела. Согласно этому проекту, предполагалось вырезать блок скалы вместе с храмом, поместить его в «ящик» из железобетона и поднять при помощи гидравлических механизмов скальный монолит на 62 м над тогдашним уровнем вод. В результате была бы воспроизведена первоначальная панорама горы. Между храмами и Нилом сохранились бы прежние отношения перспективы, но на новом, более высоком месте.

Второй проект был разработан французской фирмой «Коин и Белье» по заказу и на средства ЮНЕСКО. Он предусматривал защиту храма сооружением плотины, охватывающей полукольцом оба храма.

Б. Б. Пиотровский, который входил в Комитет экспертов, проголосовал за итальянский проект. Такое решение было им принято после консультаций с советскими специалистами И. В. Комзиным, главным советским экспертом по строительству Асуанского гидроузла, и его заместителем Г. А. Радченко, которые считали, что после сооружения плотины во-

круг храмов сырость неминуемо уничтожит храмовые росписи. Кроме того, проект с плотиной потребует постоянных расходов на откачку воды, которая будет неминуемо просачиваться через плотину. Итальянский же проект, по мнению советских специалистов, был рассчитан настолько точно, что снимал риск разрушения храма при работах. Этот проект, однако, не был принят из-за его высокой стоимости (70 млн долларов). В результате реализовали третий – шведский проект, согласно которому храмы распилили на блоки максимальным весом 30 т и вновь собрали на новом месте, на 62 м выше их первоначального расположения [Сансоне 1986: 44–66; АРАН. Ф. 457, Оп. 3, Д. 24, Л. 14–15] (А. К.).

19. Служба древностей Судана была создана в 1905 г., когда Судан находился под двойным египетско-британским управлением. В 1938 г. была учреждена должность главного инспектора по делам археологии (Commissioner for archaeology). На нее назначили археолога Энтони Аркелла. В период спасательной кампании эту должность занимал известный египтолог Жан Веркуттер. Координацию работ в Судане со стороны ЮНЕСКО осуществлял не менее известный исследователь Уильям Адамс. В настоящее время Служба древностей Судана называется Национальная корпорация по древностям и музеям (А. К.).

20. Абд эль-Монеим Абу-Бакр (1907–1976). Египтологию изучал в Каирском университете. Одним из его преподавателей был российский египтолог В. С. Голенищев. Диссертацию Абу-Бакр защитил в 1938 г. в Берлинском университете под руководством К. Зете. В 1939 г. начал преподавать в Александрийском университете, а с 1954 – в Каирском. С 1939 по 1954 г. принимал участие в раскопках на территории некрополя Гизы. Между 1960 и 1965 г. провел пять полевых сезонов экспедиции Каирского университета в Анибе, в ходе которой были скопированы все надписи гробницы Пеннута, «царского сына Куша», правителя страны Миам в царствование Рамсеса VI. Экспедиция также исследовала 13-километровую территорию вдоль берега Нила по обе стороны от гробницы Пеннута и обнаружила около тысячи погребений, датированных временем распространения культуры Группы А, культуры Группы С и культуры Группы Х. Однако результаты исследований были опубликованы лишь частично [Abd-el-Moneim Abu Bakr 1967: 1–26] (А. К.).

21. Здесь имеется в виду Объединенная экспедиция Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета и Музея естественной истории Пибоди, которая работала в Нубии в течение трех сезонов между 1961 и 1963 г. под руководством профессора египтологии Йельского университета Келли Симпсона. Концессия экспедиции находилась между поселениями Тошка и Арминна. Здесь была исследована вырубленная в скале гробница правителя страны Миам Хеканефера, жившего в эпоху фараона XVIII династии Тутанхамона. Изображение Хеканефера сохранилось на стене гробницы «царского сына Куша» Хеви в Луксоре (ТТ 40) (А. К.).

22. Экспедиция Страсбургского университета в Тумасе (около 160 км к югу от Асуана) под руководством Ж. Лежяна работала в течение двух сезонов в 1961 и 1964 гг. В первом сезоне участвовало три, во втором — пять исследователей. Разведки выявили многочисленные петроглифы неолитического периода и времени культуры Группы С (КГС); иероглифические надписи Древнего, Среднего и Нового царств. Экспедицией был раскопан некрополь КГС, а также небольшое кладбище эпохи Нового царства. Упомянутые Виноградовым результаты деятельности экспедиции относятся к раскопкам сырцовых построек, датированных на основании керамики мероитским периодом, а также находке жертвенного стола и стелы с 24 строками мероитской надписи [*Leclant 1967: 119–122*] (А. К.).

23. Автор приводит название научной организации в прямом переводе с польского. В настоящее время организация, основанная в 1959 г. знаменитым польским археологом и египтологом Казимежем Михаловским (Kazimierz Józef Marian Michałowski), называется Исследовательская станция Центра средиземноморской археологии Варшавского университета в Каире (англ. The Research Centre In Cairo, Polish Centre of Mediterranean Archaeology University of Warsaw) (Е. Т.).

24. Фарас — местность в северном Судане, ниже Второго нильского порога, поблизости от Вади-Хальфы, ныне затопленная водами озера Насер. Археологические работы в регионе начались еще в 1912–1914 гг., и проводились они экспедицией Оксфордского университета во время Первой кампании по спасению нубийских памятников. В 1961–1964 гг. под эгидой ЮНЕСКО здесь работала польская экспедиция археологов под руководством профессора К. Михаловско-

го. В результате были обнаружены руины храма Тутмеса III и средневековый христианский храмово-монастырский комплекс, включавший трехнефную базилику, монастырь, руины царского дворца, жилые дома и хозяйственные постройки конца VIII — XII вв. Стены кафедрального собора были покрыты уникальными росписями в византийско-коптском стиле (около 120 сюжетных композиций). Поскольку археологические памятники Фараса уходили под воду, росписи были демонтированы. Часть была передана польской стороне, другая поступила в археологический музей в Хартуме [*Godlewski 2006; Ochala 2022*] (Е. Т.).

25. Альбер Марке (1875–1947) — французский художник-пейзажист. Характерными чертами его живописи являются яркие и насыщенные краски, игра света и тени. Имел последователей среди советских художников 1930–1940 гг., особенно ленинградских, работавших в жанре камерного городского пейзажа («Ленинградские марксисты»). В 1928 г. Марке был приглашен в Каир для участия в выставке «Французское искусство 1827–1927 гг.», после чего художник отправился на пленэр в Асуан. От его пребывания в Асуане осталось несколько ярких красочных пейзажей (А. К.).

26. Отель Catacact — один из самых известных отелей Египта, был построен в 1899 г. Томасом Куком для размещения богатых европейских путешественников. Среди его знаменитых гостей были император Николай II, Уинстон Черчилль, Говард Картер, Маргарет Тэтчер, Джимми Картер, Франсуа Миттеран, принцесса Диана. Именно в этом отеле Агата Кристи, по легенде, писала свой роман «Смерть на Ниле». В 1973 г. в отеле останавливался государственный секретарь США Генри Киссинджер во время переговоров о прекращении так называемой войны Судного дня (Е. Т.).

27. Асуанский музей — один из старейших египетских музеев, основан в 1912 г. британским египтологом и археологом Сесилом Фёртом, расположен на юго-восточной стороне острова Элефантина в Асуане. После завершения спасательных раскопок, организованных в связи со строительством Асуанской плотины, в музей были переданы артефакты, найденные в ходе этих раскопок. В 1990 г. был открыт новый отдел, в котором представлены находки, обнаруженные на самом острове Элефантина (Е. Т.).

28. Имеется в виду французский востоковед, археолог и дипломат Шарль Симон Клермон-Ганно (1846–1923). Между 1906 и 1911 г. он провел четыре сезона раскопок в юго-восточной части острова Элефантина. В ходе раскопок французской экспедицией было обнаружено около 300 остраконов, большая часть из которых содержала надписи на арамейском языке. Клермон-Ганно был убежден, что в ходе раскопок ему удалось обнаружить храм Яхве. Раскопки, однако, показали, что это была небольшая ступенчатая пирамида Древнего царства. Детальной документации раскопок не велось. Обобщающих публикаций материалов не последовало [*Delange 2012*] (А. К.).

29. Автор имеет в виду стелу фараона Хасехемуи (XXVII в. до н. э.), последнего правителя II династии, обнаруженную в конце XIX – начале XX в. в Иераконполе, повествующую о победе этого царя в Нубии [*Quibell 1900; Quibell, Green 1902*] (Е. Т.).

30. В тексте подразумевается фрагмент так называемого Палермского камня – одного из семи фрагментов стелы из черного базальта, содержащей список египетских фараонов Древнего царства, начиная с I династии до первых представителей V династии, и наиболее важных событий каждого года их царствования. Применительно к правлению фараона Снофру сообщается о постройке нескольких кораблей, каждый из которых был 100 локтей (52 м) в длину, и 60 судов меньшего размера, и военной кампании против населения Нубии. Также говорится о захвате 7000 живых пленников и 200 000 голов скота. Палермский памятник неоднократно издавался и переводился на европейские языки, в том числе и на русский язык.

Публикация текста [*Sethe 1933: Neft IV, 10 (150), 235–249*]; перевод И. С. Кацнельсона [*Хрестоматия 1950: 30–32*]; перевод Н. С. Петровского [*Хрестоматия 1963: 14–26; Петровский 2001: 331–353*]; перевод Е. В. Черезова [*Черезов 2001: 310–330*] (Е. Т.).

31. Херхуф – египетский номарх самого южного египетского нома (I верхнеегипетский ном) эпохи правления фараонов VI династии Меренра I и Пепи II (XXIII в. до н. э.). На внешней стене гробницы Херхуфа в Куббет-эль-Хаве (Асуан) сохранилось его жизнеописание, в котором рассказывается о четырех походах вельможи в Куш до Третьего порога. Херхуф четыре раза побывал в стране Иам в Нубии. Надпись была издана К. Зете и неоднократно переводилась на европей-

ские языки, а также на русский. Текст надписи [*Sethe 1933: Neft II, 26 (76), 120–131*]; перевод Б. А. Тураева [*Тураев 1915: 49–56*]; перевод И. С. Кацнельсона [*Хрестоматия 1950: 40–43*]; перевод В. И. Петровской [*Хрестоматия 1963: 29–31; Хрестоматия 1980: 24–27; История Древнего Востока 2002: 10–12*]; перевод М. А. Коростовцева [*Коростовцев 1978: 86–90*] (Е. Т.).

32. Сабни – так же, как и Хуфхор, являлся высшим египетским чиновником эпохи Древнего царства, времени правления фараона Пепи II. Судя по надписи Сабни в его гробнице в Куббет-эль-Хаве, ему были поручены организация и проведение нескольких экспедиций в Нубию. Отношения Сабни с Нубией имеют долгую семейную историю. Его отец, Меху, номарх Элефантины, был убит во время одного из своих нубийских походов. Узнав о смерти отца, Сабни принимает решение доставить его тело на родину и похоронить в подготовленной гробнице, а также покарать виновных нубийцев. Судя по всему, поход Сабни завершился успешно, он вернулся с богатой добычей и телом отца и был достойно вознагражден фараоном (Е. Т.).

33. Пепинахт (Пиопинахт) Хекаиб или Хекаиб I – древнеегипетский вельможа, так же, как и Херхуф, был номархом I верхнеегипетского нома Та-Сети при фараоне VI династии Пепи II (XXIII в. до н. э.). В автобиографии Пепинахта, высеченной в его гробнице в Куббет-эль-Хаве, повествуется о двух военных походах в Куш, первый из которых был против поднявших восстание земель Вавати и Ирчет, а из второго Пепинахт привез богатую добычу: скот и двух добровольно сдавшихся нубийских властителей. Издание и переводы на русский язык: текст [*Sethe 1933: Neft II, 27 (77), 131–135*]; перевод В. И. Петровской [*Хрестоматия 1963: 32–33; Хрестоматия 1980: 27–28; История Древнего Востока 2002: 12–13*] (Е. Т.).

34. В настоящее время считается, что в Верхнем Египте и в Нижней Нубии процессы возникновения государства шли параллельно. В Верхнем Египте существовало три центра формирования государственности: Иераконполь, Нагада, Абидос. В результате соперничества между этими центрами верх одержал Абидос (Тин). Одновременно формирование правящих элит и центров власти происходило и в Нижней Нубии. По мнению исследователя Б. Уилльямса, данные раскопок некрополя L в Кустуле позволяют говорить о цивилизации, которая возникла как сплав

египетских и суданских культурных традиций и имела широкие контакты как с Ливией, так и Сиро-Палестинским миром. Другой центр власти, вероятно, существовал в районе Дакки, где проводила свои раскопки советская экспедиция. Здесь также были обнаружены «царские» некрополи [Jiménez-Serrano 2003: 257].

По мнению Уильямса, правители Нижней Нубии и первые фараоны Египта на завершающей стадии КГА находились в состоянии частых военных конфликтов, причиной которых было стремление египетских царей устранить посредников в торговле с территориями Центрального Нила.

В процессе объединения Египта правители Иераконполя в результате серии походов разрушили протогосударственное формирование Та-Сети. Эта точка зрения, впрочем, разделяется не всеми исследователями [Adams 1985: 185–192].

Виноградов задается также вопросом о том, почему государство возникло на юге Египта, а не на севере. Согласно палеоэкологическим данным, Дельта Нила в Додинастический и Раннединастический периоды представляла собой заболоченную территорию, разделенную руслами Нила, с небольшими островками, гезирами, на которых существовали поселения. Эти особенности препятствовали объединению Дельты [Крол 2005; Прусаков 2009] (А. К.).

35. Традиция использовать рабочих из деревни Куфт (Кифт) (*араб.* куфтии) для работы на археологических памятниках в Египте восходит к «отцу египетской археологии» У. М. Ф. Питри. В 1893–1894 гг. археолог приступил к исследованию Коптоса в Верхнем Египте. Руины этого древнего городища лежат по большей части под постройками современного города Куфт. По этой причине Питри был вынужден много общаться с местными жителями. Среди них он набирал и рабочих для раскопок. И хотя поначалу они доставляли Питри массу хлопот, вскоре, в результате жесткого «искусственного отбора», он оставил наиболее смысленных из них, обучив их своей системе ведения раскопок и организации полевых работ. Впоследствии они стали основной силой во всех экспедициях Питри в Египте, а затем и в Палестине. В обязанности «куфтиев» входило устройство лагеря, наем рабочих и надзор над ними в поле, часть рутинных работ, связанных с повседневной документацией находок, решение бесконечных бытовых проблем, общение с местным населением. Созданная Питри «профес-

сия» куфтия, требующая знаний менеджера по кадрам и по связям с общественностью, археолога, переводчика, повара, прораба, благополучно сохранилась до сих пор. В Куфте существуют целые династии куфтиев, основанные теми, кто был избран Питри и прошел его подготовку [Крол, Кузнецова 2014: 22]. Согласно сведениям, которые были собраны Б. Б. Пиотровским во время его поездок в Египет в качестве члена Комитета экспертов ЮНЕСКО, «старший рабочий (раис), имеющий большой опыт, получает в день от 70 пиастров до 1 фунта, повар — 80 пиастров, опытные рабочие — 50 пиастров, чернорабочие — 35 пиастров [АРАН. Ф. 457, Оп. 3, Д. 24, Л. 15а] (А. К.).

36. Согласно решению египетского правительства, в целях привлечения зарубежных музеев, университетов, институтов к спасательным раскопкам в Нубии, 50 процентов находок иностранные экспедиции могли вывезти из Египта, за исключением уникальных объектов. Советской экспедиции удалось вывезти большую часть из того, что было отобрано, упаковано и отправлено в Каир. Из Хор-Дауда в СССР прибыло около 100 сосудов, которые были распределены между ГМИИ имени А. С. Пушкина (6 предметов) и Государственным Эрмитажем. Помимо керамики из хор-даудских находок на хранение в Эрмитаж поступили также каменные орудия, каменные зернотерки и отпечаток ноги подростка, найденный в одной из хор-даудских ям (А. К.).

37. Третий переходный период, эпоха древнеегипетской истории, когда происходили описываемые события, характеризуется упадком центральной власти и кризисом, который не мог не отразиться в различных сферах жизни общества. Грабежи гробниц, особенно царских, а также процессы над попавшимися грабителями становятся повседневными реалиями. Автор рассказывает о событиях, нашедших отражение в т. н. папирусе Эббота (*англ.* Abbott Papyrus) — документе из коллекции Британского музея, сообщающем о судебном процессе, связанном с ограблением гробниц в Фивах, в частности усыпальницы одного из фараонов XVII династии — Сехемра-Шедтауи Себекемсафа II. Датируется папирус 16 годом правления фараона Рамсеса IX, приблизительно 1100 г. до н. э. Папирус получил свое название в честь первого известного владельца — доктора Эббота, который в 1857 г. приобрел его в Каире. Любопытно, что существует еще один папирус — состоящий из двух частей папирус Амхерста —

Леопольда II, в котором описываются признания тех самых грабителей, которые фигурировали в папирусе Эббота [*Capart et al. 1936; Peet 1930*] (Е. Т.).

38. Уна (Уни) (XXIV–XXIII вв. до н. э.) — древнеегипетский военачальник, служивший в эпоху VI династии Древнего царства при фараонах Тети, Пепи I и Меренра I. Его автобиография, некогда вырезанная на стене его гробницы в Абидосе, а в настоящее время хранящаяся в Каирском национальном музее, помимо исторической ценности, обладает также и несомненными литературными достоинствами, представляя собой прекрасный образец жанра египетской автобиографии. Уна известен тем, что первым стал набирать в армию нубийцев, совершал экспедиции за Второй порог за гранитом, усмирал непокорные страны [*Коростовцев 1978: 79–85, 265 (коммент.); Piacentini 1990; Eyre 1994: 107–124*] (Е. Т.).

39. Более распространенный вариант написания имени этого фараона — Меренра (Е. Т.).

40. К сожалению, редакторам не удалось определить со стопроцентной достоверностью имя автора перевода. Учитывая, что сам Александр Владимирович не знал египетский язык, можно предположить, что он воспользовался переводом Б. Б. Пиотровского (Е. Т.).

41. Топонимом Уауат (Вават) в Древнем царстве египтяне называли самую северную из трех нижнениубийских земель (Вават, Ирчет, Сечу). Северная граница Вавата находилась в районе Первого порога, южная — в районе Дакки. Южнее находились Ирчет и Сечу. В период между серединой III и серединой II тыс. на этой территории проживали носители культуры Группы С. Высказывается предположение, что первоначально эти три земли располагались в плодородных долинах с центрами в Дакке, Анибе и Фарасе. Именно там были обнаружены наиболее крупные некрополи культуры Группы С. В надписи вельможи Херхуфа говорится о том, что во время второй экспедиции в Нубию он проехал по территории, подконтрольной правителю Ирчет и Сечу, что предполагает, что эти две территории были объединены под единой властью. К моменту же третьей экспедиции Херхуфа (около 2280 г. до н. э.) уже вся территория Нижней Нубии была объединена.

Через земли Нижней Нубии проходили важные торговые пути, который вели в страну Иам и Пунт,

в царство Керму. Именно поэтому египтянам была принципиально важна полная политическая лояльность правителей Вавата, Ирчета и Сечу. В случае неповиновения на жителей этих земель обрушивались суровые репрессии. Вельможа Пепинахт, приемник Хархуфа в должности номарха I верхнеегипетского нома, в своей автобиографической надписи пишет о нескольких походах против Вавата и Ирчета, в ходе которых им было истреблено множество жителей Нижней Нубии, а правители и дети их взяты в плен. Это, по мнению исследователей, означает, что во главе Вавата и Ирчета стояли правители, власть которых передавалась по наследству. Наемники из трех нижнеегипетских земель в период Древнего царства регулярно участвовали в египетских походах.

После VI династии тексты редко упоминают топонимы Ирчет и Сечу. Вся территория Нижней Нубии называется Вават. В правление XII династии Среднего царства Вават был покорен египетскими войсками.

После повторного завоевания Нубии в период правления XVIII династии Нового царства, вся покоренная территория была разделена на Вават (Нижняя Нубия от Первого порога до Семны) и Куш (от Семны и до Четвертого порога) [*Hafsaas 2020: 167–168; Коростовцев 1978: 86–88; Töök 2009: 60–61*].

Целью первой и третьей экспедиции Херхуфа была страна Иам. Вся дорога заняла семь месяцев. Это означает, что страна находилась на расстоянии около 2–3 тыс. километров к югу от Мемфиса. Херхуф привез из Иама благовония, слоновую кость, масло, шкуры пантер и леопардов, черное дерево, пигмея. Локализация страны является предметом дискуссии среди египтологов. Одни считают, что под Иамом стоит понимать царство Керма, другие же считают, что Иам находился еще южнее, в районе Пятого порога. Недавно была высказана точка зрения, что топоним Иам следует локализовать в Западной пустыне между широтой Второго и Четвертого нильского порога. В эпоху Среднего царства страна Иам не упоминается в текстах. Вероятно, она была покинута своими обитателями — кочевыми племенами — из-за продолжающейся аридизации Сахары, или же египтяне нашли другой регион, где можно было дешевле и проще получить те же товары, которые в Древнем царстве привозили из далекого Иама [*O'Connor 1986: 27–50; Obsomer 2007: 39–53; Cooper 2012: 1–21*] (А. К.).

42. Действительно, в первой половине XX в., когда и были совершены основные открытия памятников

нубийских культур, в истории и археологии господствовала теория миграционизма. Она объясняла любые изменения в материальной культуре миграциями, в ходе которых смешение пришлых и автохтонных этнических групп происходило либо мирно и постепенно, либо в результате завоевания (инвазии). Причем движение светлого населения с севера из Египта однозначно характеризовалось как несущее цивилизацию и прогресс, а с юга или из пустыни — как ведущее к деградации культуры. Упадок культуры считался также следствием и «расового» смешения [Trigger 1994: 323–345]. В настоящее время эта точка зрения обсуждается в контексте дискуссии о древнеегипетской «расистской» идеологии в отношении ко всем иноземцам и, в частности, к нубийцам, и о «расистских» концепциях европейских египтологов начала XX в. о якобы имевшем место превосходстве «светлокожей» египетской цивилизации над «темнокожей» нубийской, которую воспринимали не как самобытную культуру, а как «Египет второго сорта» [Adams 1994: 17–22; Ross 2013: 22–24, 176–178; De Simone 2014: 57–59]. В этой связи стоит упомянуть и иную, прямо противоположную точку зрения, сформулированную в 1960-е гг. синегальским общественным деятелем, историком и физиком Шейхом Анта Диопом, одним из отцов «афроцентризма», идеологии, согласно которой все основные достижения человеческой цивилизации берут свое начало в Африке. Им была выдвинута гипотеза о т. н. «черном Египте», согласно которой с конца плейстоцена (около 12 000 лет назад) и вплоть до нашествия ассирийцев в VII в. до н. э. долина Нила была населена высокими темнокожими африканцами. По мнению Шейха Анта Диопа, древнеегипетская цивилизация была негро-африканской, и ее корни лежат в субсахарской Африке. Именно там нужно искать истоки египетской религии, языка, матримонильной социальной организации. Эта концепция получила как горячее признание, особенно на фоне начавшегося с 1961 г. освобождения Африки от колониальной зависимости, так и вызвала широкую и заслуженную критику [MacDonald 2003: 93–105]. В русле дискурса, обозначенного Шейхом Анта Диопом, стоит воспринимать и тезис о том, что корни египетской цивилизации стоит искать в нубийской почве [Anderson 2013: I–III]. Именно такой подход является основным в афро-американской нубиистике и египтологии [Ross 2013: 68–76; De Simone 2014: 57–59].

Проблема идентичности остро стоит и для современных египтян. На протяжении XX в. воспри-

ятие египтян как потомков фараонов (фараонизм) сменялось восприятием Египта прежде всего как части арабского исламского мира (панарабизм). В настоящее время ощущается возвращение к фараонизму как государственной идеологии страны. И эта идеология не предполагает дискуссии о каких-либо африканских корнях египетской цивилизации. Бурю негодования и официальных протестов со стороны египетской общественности и государственных структур вызвал показ сериала «Царица Клеопатра» снятого стриминговой компанией Netflix, где последней египетскую царицу играет чернокожая актриса. Министр по делам древностей заявил, что это является фальсификацией египетской истории [Egypt's racial nationalism 2023] (А. К.).

43. Имеется в виду академическое издание «Народы мира» в 18 томах — многотомная антология Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР под общей редакцией профессора и члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова, выпускавшаяся издательством «Наука» в период с 1954 по 1966 г. Том «Народы Африки» вышел в 1954 г. (Е. Т.).

44. Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд — чехословацкие путешественники. В 1947–1950 гг. совершили путешествия на легковом автомобиле Tatra 87 по Африке, Южной и Центральной Америке. В 1959–1964 гг. объехали на автомобиле Tatra 805 страны Ближнего Востока, Азии и СССР [Ганзелка, Зикмунд: 1958] (А. К.).

45. Это утверждение может считаться верным лишь применительно в эпохе между V и III тыс. до н. э. Верхняя граница этого периода — средний голоцен, когда в V тыс. до н. э. постепенно закончился период выпадения обильных осадков на большей части Восточной Сахары и началось опустынивание территории Северного Судана, Южного Египта и Южной Ливии. Люди, занимавшиеся охотой и собирательством на просторах Восточной, Западной и Нубийской пустынь, были вынуждены постепенно спуститься к берегам Нила и перейти к производящему хозяйству. На рубеже IV и III тыс. на территории Верхнего Египта, где была распространена культура Нагада, и в Нижней Нубии, населенной носителями культуры Группы А, начинаются параллельные процессы выделения правящих элит и возникновения протогосударственных формирований. Территорию от Абидоса и до Кустула можно с рядом оговорок воспринимать как единую с точки

зрения культуры и, возможно, даже языка. Она была объединена как прочными торговыми связями, так и идеологией. Материалы раскопок царского некрополя в Кустуле (прежде всего знаменитая курильница из Могилы L24) дают основания полагать, что на всем этом пространстве формирующаяся верховная власть использовала единую иконографию (серех; сокол как символ царя; пленник со связанными за спиной руками как символ поверженного противника; правитель на троне; короны; барка и др.). При этом есть основания предполагать, что формирование государства происходило именно в Нубии и затем было воспринято элитами в Верхнем Египте. Однако в конце III тыс. объединившийся под властью тинитской династии Египет разрушил государство, правители которого захоранивались на некрополе в Кустуле (в ряде изданий это государство называют царством Та-Сети). Начиная с эпохи Древнего царства и вплоть до конца Нового царства Нижняя Нубия воспринималась как часть Куша, «окаянного Куша», население которого вместе с азиатами и ливийцами рассматривалось на уровне царской идеологии как подвластное. В период Среднего и Нового царств территория Нижней Нубии входила в состав египетской империи. Вдоль Нила была выстроена цепочка крепостей, которые контролировали подвластное население — носителей культуры Группы С, торговлю и добычу полезных ископаемых в пустынях. Эта культура обладает своими характерными чертами (архитектурой погребальных сооружений, керамикой), однако в эпоху правления XVIII–XIX династий происходит полная культурная ассимиляция Нубии с культурой метрополии, особенно на уровне элит, которые были полностью египтизированы. По всей вероятности, языкового и культурного единства не было на территории самого Египта от Дельты до Асуана в фараоновский период, как его нет и теперь. Как уже отмечалось, египтологи XIX в. считали, что египетская цивилизация, будучи созданной белокожим населением, ближе стоит к европейской цивилизации. «Отец египетской археологии» В. М. Ф. Питри придерживался той точки зрения, что государственность и письменность были принесены в долину Нила некоей «династической расой», происходящей из Передней Азии и принесшей начатки цивилизации в результате завоевания [Крол 2005: 124–137] (А. К.).

46. Это не совсем так. На самом деле нубийцы являются носителями нубийского языка, относящегося к одной из двух ветвей тама-нубийской семьи языков, тради-

ционно включаемой в состав восточно-суданской надсемьи нило-сахарской макросемьи. Существует четыре диалекта этого языка, на котором говорят нубийцы, живущие по берегам Нила, и около восьми диалектов так называемых горных нубийцев. На той территории, где работала советская экспедиция, нубийцы говорили на диалекте кенузи, распространенном от Асуана и до Куруско [Завадовский, Смагина 1986]. Безусловно, многие знали и арабский, вернее, его египетский диалект, но в основном это были дети, ходившие в школу, где преподавание было на арабском — государственном языке Египта, или мужчины, большинство которых большую часть года проводили «на севере», где чаще всего работали официантами, привратниками. Именно поэтому, как пишет сам Виноградов, деревни были словно вымершие, ведь в них остались только женщины, старики и дети. Общение с жителями Курты и Дакки представляло определенную сложность даже для Фуада Якуба, не говоря уже о Большакове, классический арабский язык которого был, вероятно, еще менее понятен нубийцам, чем египетский диалект арабского, на котором говорил Якуб (А. К.).

47. Виноградов, как археолог, до участия в Нубийской экспедиции работавший на территории Каракалпакии, невольно сравнивал среднеазиатские и нубийские реалии. Поэтому в его книге так часто проскальзывают слова такыр, тандыр... Айван — важнейший элемент среднеазиатской и, шире, ближневосточной как культовой (мечеть, медресе), так и гражданской архитектуры. Представляет собой открытое во внутренний двор или на фасад просторное трехстенное помещение с балочным перекрытием на колоннах или столбах — колонный айван, либо крытое сводом — сводчатый айван (А. К.).

48. От арабского *буртукаан* или *буртукааль*. Буквально это означает Португалия. Дело в том, что до XV в. сначала в исламском мире, а затем и в Европе, выращивали горькие апельсины. Плодовые деревья были вывезены из Индии, поэтому плоды назывались словом, заимствованным из санскрита *нарандж*. В XV в. португальцы привезли из Индии деревья сладких апельсинов, которые быстро распространились по средиземноморскому миру. Отсюда и название этого фрукта в арабском языке (А. К.).

49. Кочевники-скотоводы, которых упоминает Виноградов, это не бедуины, а беджи бишариин, обитаю-

щие в северной части Нубийской пустыни, называемой также Атбай. Их далекие предки населяли эти места с незапамятных времен. Высказывалось предположение, что племя маджаев, упоминаемых в древнеегипетских источниках, и блеммии, о которых сообщают позднеантичные источники на греческом и латыни, были предками беджа. Арабские авторы упоминают о воинственном племени беджа начиная с IX в. Основа экономики беджа — кочевое скотоводство. Поэтому они в сильной степени зависели от земледельческого населения плодородной долины и спускались по Вади-аль-Аллаки к Нилу для того, чтобы продать скот и купить египетские промышленные товары, зерно, кофе, чай... И так, вероятно, было на протяжении всей истории Нубии (А. К.).

50. В 1969 г. Александр Владимирович не мог знать из советских средств массовой информации, что переселение нубийцев стало огромной трагедией этого народа. План переселения не предполагал возведения новых деревень в той же местности, но выше уровня, которого должны были достигнуть воды искусственного озера, хотя это уже происходило несколько раз при строительстве первой Асуанской плотины и ее двух надстроек. Правительство ОАР приняло решение о переселении нубийцев на новые земли в районе Ком-Омбо в Верхнем Египте. В 1964 г. население 42 нубийских деревень было перевезено в новые деревни, расположение которых повторяло их положение относительно друг друга. Однако они находились на значительном отдалении от реки.

Переселение проходило в спешке. Строительство новых домов не было закончено в срок и в течение длительного времени нубийцы жили в зданиях для общественных собраний в антисанитарных условиях. Перемены климата привели к высокой детской смертности среди первого поколения переселенцев. Большинство нубийцев так и не получили обещанной правительством ОАР компенсации за затопленную землю и росшие на ней пальмы. Фактически переселение привело к частичной утрате нубийской идентичности и постепенной культурной и языковой ассимиляции нубийцев с титульной нацией.

В президентство Анвара Садата началось движение нубийцев за возвращение на земли предков. В 1979 г. Садат пообещал нубийцам, что государство профинансирует проект по рекультивации земель по берегам озера Насера и построит на них 42 деревни. Убийство президента годом позже помешало ре-

ализации проекта. Выплата денежной компенсации и возрождение нубийских деревень были обещаны нубийцам и в последние годы президентства Хосни Мубарака. На этот раз реализации проекта помешала Арабская весна 2011 г. и последовавший за ним период политической нестабильности (А. К.).

51. В Хашм-аль-Гирбу и Хальфа-аль-Джадиду, расположенным в среднем течении Атбары на расстоянии около 300 км к востоку от Хартума, было переселено порядка 60 000 нубийцев: 11 000 из Вади-Хальфы и около 50 000 из деревень в окрестностях города (А. К.).

52. Речь идет об экспедиции под руководством верховного жреца Амона Рамсесунахта в каменоломни Вади-Хаммамат, организованную на третьем году правления фараона Рамсеса IV (1163–1156 гг. до н. э.). Целью экспедиции была добыча камня бехен, грауваки, который египтяне использовали для изготовления статуй и саркофагов. В ней приняло участие 8362 человека. Около 900 участников экспедиции, то есть 10% от общего количества, погибло от жары и истощения. И эта цифра, вероятно, не воспринималась как запредельно высокая, иначе бы ее не стали открыто указывать в официальной надписи [*KRI VI*: 12–14; *Couyat, Montet 1912*: 34–39; *Peden 1994*: 26–27; *Aston et al. 2000*: 57–58; *Пиотровский 1983*: 19–20] (А. К.).

53. В результате двух сезонов работ Нубийской экспедиции АН СССР было обнаружено большое количество петроглифов, относящихся к разным историческим эпохам. Среди найденных экспедицией петроглифов представлены многочисленные изображения африканской фауны. Также присутствуют изображения сцен охоты, животных и птиц, лодок, племенных знаков, антропоморфные изображения. К сожалению, далеко не все изображения удалось опубликовать своевременно. В настоящее время готовится публикация писаниц Вади-аль-Аллаки, основанная на фотографиях, хранящихся в архивах участников экспедиции, и современных с них прорисовках. По итогу предварительного этапа работ по подготовке данного издания нами сделана попытка введения в научный оборот около 200 петроглифов, обнаруженных Нубийской археологической экспедицией АН СССР в месте под названием Умм-Агаиб (Хукаб-Карар), датируемых самым широким историческим периодом [*Подробнее см.: Крол 2022; Толмачева 2023*] (Е. Т.).

54. Датировка нубийских петроглифов и петроглифов Восточной пустыни, особенно тех, которые в настоящее время ушли под воду, действительно представляет собой определенную проблему. В многочисленных публикациях представлено несколько попыток хронологической систематизации петроглифов Восточной и Нубийской пустынь. Одна из самых распространенных была предложена П. Червичком, который попытался соотнести весь известный на тот момент корпус писаниц (включая петроглифы Долины Нила и Западной пустыни) с т. н. изохронологическими «горизонтами». Каждый горизонт соответствовал определенной группе мотивов и имел четкую хронологическую привязку. Кроме того, изображения, относившиеся к каждому из «горизонтов», сопоставлялись с современными им изображениями на других археологических памятниках. К тем петроглифам, которые имели четкие археологические привязки, были добавлены стилистически сходные изображения на основании, например, степени патинации или археологического контекста:

Горизонт А (до 4000 г. до н. э.) — волнистые линии, изогнутые линии, спирали, концентрические круги, отпечатки ладоней, жирафы, скот, кресты, черточки.

Горизонт В (4000–2100 гг. до н. э.) — серпообразные лодки (Нагада II), антропоморфные существа (в т. ч. «оранты»), разнообразные животные, сандалии.

Горизонт С (2100–1400 гг. до н. э.) — лодки с веслами, антропоморфные существа с признаками стеатописии, скот с длинными рогами, домашний крупный рогатый скот, которого ведут за хвост, сандалии.

Горизонт D (1400–1050 гг. до н. э.) — лодки с парусами, колесницы, круги.

Горизонт E (1050 г. до н. э. — 250 г.) — лодки более позднего времени, отпечатки ступней, «рогатые» алтари, верблюды, разнообразные виды геометрического орнамента.

Горизонт F (после 250 г.) — христианские мотивы, всадники, разнообразные виды геометрического орнамента.

Среди новейших хронологий петроглифов обращает на себя внимание классификация, автором которой является Д. Хайге. В своих построениях автор использует как методы, описывающие взаимное расположение петроглифов и степень их патинации, так и археологические методы. Хайге делит весь комплекс писаниц Северной Нубии на семь горизонтов.

Горизонт I (Нагада I) — изображения жирафов разной степени стилизации в рамках «реалистической» манеры.

Горизонт II (Нагада II) — серпообразные лодки, квадратные лодки, антропоморфные «оранты», ибексы, ослы, отсутствие изображений домашнего скота.

Горизонт III (Нагада III, I–II династии) — разнообразные лодки, человеческие фигуры с признаками стеатописии, домашний скот с U-образными рогами, сцены охоты.

Горизонт IV (Древнее царство) — скот с лирообразными рогами, серпообразные лодки, лодки с мачтами, «клиновидные» фигурки людей.

Горизонт V (Среднее и Новое царства) — скот с V-образными рогами, серпообразные лодки, страусы.

Горизонт VI (Поздний и Греко-римский периоды) — верблюды, некоторые лодки, отсутствие изображений домашнего скота, антропоморфные существа;

Горизонт VII (Христианский и исламский периоды) — верблюды, фигурки животных и людей с «линейными» контурами.

Изучение ушедших под воду петроглифов Хукаб-Карара осложнено ограниченностью источника — качество фотографии не всегда позволяет сделать выводы о технике исполнения того или иного знака, степени патинации, кроме того отсутствуют описания горных пород и геологической стратиграфии. Использовать при анализе петроглифов Умм-Агайба весь богатый арсенал методов современной науки не представляется возможным. И все же ряд петроглифов Хукаб-Карара с определенной долей вероятности можно датировать на основании сравнительно-типологического метода — по аналогии с известными памятниками, а также используя опубликованные и рукописные описания участников Нубийской экспедиции [Červíček 1986; Huyge 2002; Judd 2009] (Е. Т.).

55. Палеолитический материал с десяти местонахождений, собранный по большей части Б. Б. Пиотровским во время разведок по берегам Нила, был привезен в Ленинград, обработан и опубликован сотрудником Ленинградского отделения Института археологии СССР В. П. Любиным. Этот материал (нуклеусы, ядрища, пластины, отщепы, ручные рубила) был датирован Любиным эпохой мустье (ок. 120–40 тысяч лет назад). Около 1500 предметов (в основном дебитаж (обобщенное название продуктов преднамеренного расщепления камня — сколы, отщепы, обломки

и т. п.) были собраны А. В. Виноградовым у Хор-Набрука во время раскопок обширного некрополя культуры Группы С. Местонахождение было отнесено к сабильской культуре и датировано концом верхнего палеолита — началом неолита [*Любин 1964*: 32–68; *Виноградов 1964б*: 69–82]. Еще целый ящик с пестрыми матерчатыми мешочками был найден недавно в отделе каменного века Института истории материальной культуры РАН. Оказалось, что это сборы каменных артефактов из Вади-аль-Аллаки второго сезона работы Нубийской экспедиции, и эти находки до настоящего времени никто не изучал. Несмотря на то, что большую часть обнаруженных предметов составляет дебитаж, было выявлено и несколько орудий эпохи палеолита, и фрагменты керамики неолитического времени [*Симоненко и др. 2022*: 114–123; *Krol et al. 2024*: 135–141] (А. К.).

56. Описание нубийских золотых рудников, заимствованное из пятой книги труда «Об Эритрейском море» античного автора II в. до н. э. Агатархида Книдского, приведено Диодором Сицилийским в его «Исторической библиотеке» (III, XII–XIV). Вполне возможно, Александру Владимировичу это описание было известно по публикации И. М. Лурье [*Лурье 1934*]. Также описание нубийских рудников приводится и в статье Б. Б. Пиотровского [*Пиотровский 1964а*]. Современный перевод Диодора, а также анализ его источников дан в монографическом исследовании М. Д. Бухарина «Античный мир на юге ойкумены. Литературная традиция и памятники эпиграфики в эллинистическую и римскую эпохи» [*Бухарин 2018*: 142–146] (Е. Т.).

57. Формула клятвы на суде в Древнем Египте [*Пиотровский 1964а*] (Е. Т.).

58. Речь идет о растении калотропис (А. К.).

59. Имеется в виду песня «Пыль» на стихи Р. Киплинга, мелодия к которой была сочинена в 1941–1943 гг. Евгением Аграновичем. Агранович дописал несколько своих куплетов на тему Великой Отечественной войны, стилизованных под Киплинга (А. К.).

60. В данном случае нарицательное название путеводителя. Путеводители стали так называться в честь Карла Бедекера (1801–1859) — немецкого издателя, который основал в 1827 г. в Кобленце издательство путеводителей по разным городам и странам. Бедекер

быстро стал знаменитым благодаря отменному качеству и точности описаний его путеводителей. В руках у Александра Владимировича мог быть ставший знаменитым «бедекер» по Египту, впервые изданный в 1878 г. Путеводитель состоял из двух частей: первая была посвящена Нижнему Египту и Синаю, вторая — Верхнему Египту. В создании путеводителя приняли участие такие знаменитые египтологи того времени как Георг Эберс, Карл Рихард Лепсиус, Сэмюэль Бирч и др. (Е. Т.).

61. Это строчки из знаменитой «Поэмы Пентаура» («Поэма о Кадешской битве») в переводе Б. А. Тураева [*Тураев 1913; 1935; 2022*] — древнеегипетской поэмы, составленной в эпоху правления фараона Рамсеса II (т. е. в начале XIII в. до н. э.), в которой описываются события знаменитой битвы при Кадеше между египтянами и хеттами. Несмотря на неоднозначный исход битвы, поэма возвеличивает победу Рамсеса II. Наиболее полный текст поэмы известен нам в варианте папируса Рэфе-Салье, составленном писцом Пентауром. Поэма воспевала победу египтян в битве (довольно сомнительную с исторической точки зрения) и служила примером наглядной агитации и пропаганды в древности — Рамсес II повелел высечь ее на стенах многих значимых государственных храмов: на северном пило-не Луксорского храма, в Гипостильном зале Карнака, в заупокойном храме Рамсеса II в Фивах — Рамессеуме, в Абу-Симбеле, Абидосе (Е. Т.).

62. Построенный в Дейр-эль-Бахри храмовый комплекс, «дом миллионов лет», царицы Хатшепсут по праву считается одним из самых знаменитых архитектурных сооружений эпохи Нового царства. Древнеегипетское название храма — Dsr Dsr.w «джесер джесеру» («святая святых»). Несмотря на то, что в литературе храм Хатшепсут часто именуют заупокойным, его функции были шире, что наглядно отражено в особенностях планировки. Все постройки комплекса были расположены по двум осям. Строе-ния, воздвигнутые по главной оси храма (восток — запад), были посвящены празднованиям, связанным с чествованием процессии священной барки Амона-Ра во время Прекрасного праздника Долины, и являлись логическим продолжением центральной оси храма Амона-Ра в Карнаке. Постройки по другой оси (юг — север) были объединены темой, имеющей отношение к основным жизненным циклам царя (коронация, смерть, возрождение) [*Pirelli 1999*: 279]. По своей

структуре храм Хатшепсут напоминает царские заупокойные храмы предыдущих эпох. От долинного святилища к основному зданию храма, расположенного на трех террасах, украшенных выполненными из белоснежного известняка портиками с колоннами, вела дорога процессий. Посередине дороги находился еще один храмовый павильон — место остановки барки Амона-Ра во время Прекрасного праздника Долины [Arnold 2003: 104; Wilkinson 2000: 176]. Вдоль дороги процессий через каждые 10 метров располагались вырезанные из песчаника сфинксы с головой Хатшепсут. Три грандиозных террасы завершались вырубленным в скальном массиве святилищем Амона-Ра. Практически все постройки храма были выстроены из известняка с редким использованием красного гранита и песчаника. Исследователи обращают внимание, что помимо использования комплекса в Дейр-эль-Бахри как погребального храма, здесь же мог отпраздноваться культ Хатшепсут еще при жизни царицы [Haeny 1982] (Е. Т.).

63. В наибольшей степени храм пострадал от сокрушительного землетрясения, произошедшего в начале XXI династии и уничтожившего многие храмовые постройки на западном берегу Нила [Karakhanyan, Avagyan 2010] (Е. Т.).

64. Открытие т. н. тайника царских мумий (ТТ 320) стало одним из самых знаменитых событий в истории египетской археологии. Вход в него располагается высоко в скалах Дейр-эль-Бахри, к северо-западу от храма Хатшепсут. Официальной датой открытия тайника считается июль 1881 г., именно тогда представитель Службы древностей Египта Эмиль Бругш спустился в шахту гробницы, заполненной мумиями и саркофагами величайших правителей Египта эпохи Нового царства. Однако еще задолго до того первыми эти сокровища обнаружили жители Луксора, братья Абд ар-Расулы, и начали постепенно распродавать древности антикварам в обход египетских законов. Активные действия местных властей, подстегнутых запросами представителей Службы древностей, вынудили братьев Абд ар-Расулов открыть местонахождение гробницы. Руководивший работами Э. Бругш, опасаясь возможных проблем с местными жителями и воровства, за несколько суток извлек из шахты около 40 мумий и саркофагов, ушебти, погребальную утварь. Общее количество находок превысило 5900 предметов. Среди них мумии фараонов Секененра

Таа II и царицы Тетишери, Яхмеса и Яхмес-Нефертари, Аменхетеп I, Тутмеса I и II, Тутмеса III, Сети I, Рамсеса II.

К сожалению, Э. Бругш не оставил никакой археологической документации, которая могла бы прояснить специалистам обстоятельства и контекст находок, предоставить сведения о местоположении в гробнице мумий, саркофагов и других объектов, описанных лишь задним числом на основании позднейших воспоминаний. Несколько поколений исследователей, прежде всего, сам тогдашний руководитель египетской Службы древностей Г. Масперо, который по чистой случайности не присутствовал при открытии, пытались восстановить археологический контекст сенсационной находки. Предпринималось несколько экспедиций, последней из которых стала совместная экспедиция Института египтологии и коптологии Мюнстерского университета и Кабинета египтологии Института востоковедения РАН (впоследствии Центра египтологических исследований РАН) под руководством Э. Графе, проработавшая в «царском тайнике» несколько сезонов в 1998–2004 гг. [Aston 2015; Graefe, Belova 2010; Graefe 2003] (Е. Т.).

65. В настоящее время продажа и вывоз любых древностей в Египте строжайше запрещены, нарушителям грозит многолетнее тюремное заключение (Е. Т.).

66. В этом месте в рукописи пропуск. Известно, что с 1960 по 1965 г. директором Каирского музея был Виктор Антун Гиргис (А. К.).

67. Николай Яковлевич процитировал отрывок из следующего стихотворения Николая Гумилева, написанного осенью-зимой 1918 г.

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шёпотом
В небесах говорят серафимы.
И твоё открывая Евангелье,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.
Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.
Обреченный тебе, я поведаю

О вождах в леопардовых шкурах,
 Что во мраке лесов за победою
 Водят воинов стройных и хмурых.

О деревнях с кумирами древними,
 Что смеются усмешкой недоброй,
 И о львах, что стоят над деревнями
 И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную
 Там, где нету пути человеку,
 Дай назвать моим именем черную,
 До сих пор неоткрытую реку;

И последнюю милость, с которою
 Отойду я в селенья святые,
 Дай скончаться под той сикоморою,
 Где с Христом отдыхала Мария.

(Е. Т.)

68. Скорее всего, в числе прочих привет предназначен и Алексею Петровичу Смирнову (1899–1974), знаменитому советскому археологу и историку, доктору исторических наук, специалисту по археологии и истории финно-угров Поволжья и Приуралья, Волжской Булгарии и Золотой Орды. В 1949–1962 гг. был заместителем директора Государственного исторического музея, в 1953–1956 гг. — заместитель директора Института истории материальной культуры (Института археологии) АН СССР, в 1966–1974 — заместитель главного редактора журнала «Советская археология», в 1958–1974 гг. — заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР. С Алексеем Петровичем Смирновым Николай Яковлевич был знаком еще с весьма юных лет — А. П. Смирнов вел занятия в кружке при Историческом музее, которые посещал молодой Николай Мерперт. В 1950 г. Н. Я. Мерперт был назначен заместителем начальника и руководителем второго отряда Куйбышевской экспедиции Института истории материальной культуры, которую возглавлял А. П. Смирнов (Е. Т.).

69. Другое написание имени этого вельможи и военачальника — Херхуф. См. комментарий 30 (Е. Т.).

70. Меренра I (начало XXIII в. до н. э.) — древнеегипетский фараон VI династии Древнего царства, при котором завоевательная политика в отношении Нубии была продолжена, совершались военные экспедиции в Нубию, некоторые из которых и возглавил Херхуф. Последнее пристанище Меренра нашел в пирамидном комплексе в Саккаре (Е. Т.).

71. В данном случае исторические события были немного изменены автором письма ради красивой сказки для дочери. На самом деле Херхуф служил при двух фараонах — Меренра I и его брате — Пепи II. Пепи II взшел на престол совсем еще мальчиком, и как раз именно он просит своего верного слугу Херхуфа привести живым и здоровым карлика из далекой южной страны Ахтиу (Е. Т.).

72. Автор письма имеет в виду один из шедевров Египетского музея в Каире — скульптурную группу карлика Сенеба с супругой и детьми (JE 51280, IV династия, вторая половина XVI в. до н. э.), обнаруженную в его гробнице в Гизе в 1926 г. знаменитым немецким археологом Германом Юнкером. Карликовость в Древнем Египте не считалась дефектом или болезнью, и Сенебу удалось сделать себе весьма успешную карьеру, он владел тысячами голов скота, десятками поместий. Его супруга, высокопоставленная жрица, родила ему троих детей. Правда, жил Сенеб за несколько веков до Херхуфа, в эпоху IV династии, но не стоит забывать, что мы имеем дело не с научной статьей, а с письмом Н. Я. Мерперта дочери (Е. Т.).

73. Высказывание явно носит юмористический характер, поскольку упоминаемый Н. Я. Мерпертом Гофмейстер — чешский художник и путешественник Адольф Гофмейстер, который описывает свои впечатления от поездки по Египту в научно-популярной книге «Вид с пирамид», изданной в 1961 г. издательством «Восточная литература» в серии «Путешествия по странам Востока» (Е. Т.).

А. А. Крол; Е. Г. Толмачева

Wadi al-Allaqi. Back to the origins...

In a conversation with a colleague in 2020 during the pandemic, I learnt to my great surprise and joy that Ekaterina Aleksandrovna Vinogradova, Vice-Chair of Moscow State University's Department of Archaeology, is in fact the daughter of the famous archaeologist Aleksandr Vladimirovich Vinogradov. For many years, Vinogradov was a member – and subsequently the director – of the legendary Khorezmian expedition. More importantly, he was a member of the 1961–1963 Nubian Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences. It was a pleasant surprise to find that the Vinogradov family had preserved his camera rolls from Egypt, together with field diaries and the manuscript of his popular science book on the excavations in Nubia. After all, almost 60 years since our first national expedition to the Middle East, and the chances of finding previously unpublished material about it appeared slim. This was a stroke of luck. Happily, there would be more such to come...

As we would soon learn, the Nubian expedition returned from its second season to Egypt in 1963, following which the field documentation (plans, profiles, pottery drawings, negatives) was handed over to the archives of the institute of Archaeology of the Leningrad branch of the USSR Academy of Sciences, then headed by Boris Borisovich Piotrovsky. The stone tools and ceramics found in Wadi al-Allaqi were transferred to the Department of Neolithic Archaeology at the same institute.

Another stroke of luck was meeting Marina Lvovna Petrova, daughter of the architect and conservator Lev Arkadievich Petrov, who had participated in the first season of the Nubian expedition. The Petrovs – a family of architects – had maintained L. A. Petrov's archive, including the 'Nubian' section, in perfect condition, and graciously allowed us to use materials – letters, photographs, sketches, and watercolours – for our research.

Similarly, the diaries, photographs, drawings, and sketches of Boris Borisovich Piotrovsky are preserved in his archive, which Yuri Yurievich Piotrovsky has graciously made available to us. These are invaluable for studying the history of the Nubian expedition and its scientific legacy.

The final piece of luck was the discovery of Nikolai Yakovlevich Merpert's field diaries, photographs, and

letters held at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. His students, the famous archaeologists Shahmardan Nazimovich Amirov and Tatiana Nikolaevna Mishina, allowed us to use and publish these materials.

It is this combination of good fortune, collegial goodwill, and the project team's own painstaking study of the scientific legacy of the Nubian expedition of the USSR Academy of Sciences, together with financial support from government and non-governmental organisations, that facilitated the 2021 exhibition entitled *The Journey to the Land of Kush*, held at the State Museum of Oriental Art and accompanied by an exhibition catalogue, as well as the compilation and publication of the current book.

This study of the Nubian expedition's scientific legacy and its publication was made possible by the invaluable support of D. V. Pezhemsky, who informed us that Aleksandr Vladimirovich Vinogradov's archive was with E. A. Vinogradova's family; D. A. Karelin, who traced the family of Lev Arkadievich Petrov with the help of his architect colleagues; documentary filmmakers D. Zavilgelsky and D. Chernyshuk, who made the wonderful film *Chronicles of the Nubian Expedition*; M. V. Medvedeva, Head of the scientific archives of the institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, and her colleague M. V. Mandrik; N. M. Osipova, Deputy Scientific Director of the Russian Academy of Sciences' archives, and the staff of the study halls; the staff of the scientific archives of the institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; A. A. Simonenko of the State Historical Museum, who discovered a previously unstudied collection of stone tools and ceramics from the Nubian expedition to Wadi al-Allaqi in the Palaeolithic Department, Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, and E. V. Belyaeva of the Palaeolithic Department, who allowed us to study this collection and transfer it to Moscow State University's Research Institute and Museum of Anthropology; S. E. Malykh, researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, who republished ceramics from the Khor Daoud collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts; Yu. I. Kostyukevich of Skolkovo Institute of Science and Technology, who

attempted to determine the contents of jars found in Khor Daoud pits; O. S. Kalinina, who created 3-D reconstructions of storage pits.

The exhibition *The Journey to the Land of Kush. Soviet archaeologists on the banks of the Nile* (17 February – 28 March 2021) and publication of the accompanying catalogue and other print materials were funded by the Palaeoethnology Research Centre.

The publishing of this book has been made possible by the support of Elena Vladimirovna Bokova, Iliia Evgenievich Perekopskiy, and Daniil Vitalievich Kambulov.

* * *

The USSR's participation in archaeological rescue excavations in Nubia has been subject to discussion since the late 1950s. The scope of the expedition, the amount of funding required, and number of participants kept changing, but unfortunately not increasing. It was initially assumed that the expedition would be an archaeological and ethnographic one, headed by Sergei Pavlovich Tolstov, Director of the Ethnography Institute of the USSR Academy of Sciences. Tolstov was the organiser and director of the Academy's Khorezmian archaeological and ethnographic expedition, arguably one of the major Soviet expeditions in terms of scientific scope and equipment. Tolstov set out to organise an equally large-scale Nubian expedition. His project proposal for the USSR Academy of Sciences' archaeological and anthropological expedition to the Egyptian region of the United Arab Republic – as the political union of Egypt and Syria was known at that time – and the proposed submergence area in Sudan envisaged a team of 27. Like other international expeditions, the team would be accommodated on a self-propelled barge ensuring the safety and – more importantly – better mobility of the archaeologists. To facilitate exploration on land, Tolstov's idea included a Mi-4 helicopter with crew, two all-terrain trucks (a GAZ-47 tracked carrier and a GAZ-63 truck), and a bulldozer on a DT-54 tractor for earthmoving operations [АГЭ. Ф. 50. Ф. Б. Б. Пиотровского. Проект: 1–2].

The initial plan saw Boris Borisovich Piotrovsky as the assistant director of this grand expedition. The ethnographic research in Nubia would be assigned to staff from the Institute of Ethnography of the Academy

of Sciences, and directed by the Chair of the Africa Department, Dmitri Alekseyevich Olderogge, an outstanding Soviet Africanist in his own right, who had also conducted Egyptological studies in the 1920s. To prepare for the expedition, Olderogge visited Egypt on his own in December 1958 – January 1959, and together with B. B. Piotrovsky in 1958 and in April – June 1960. Here he met with colleagues, visited museums, worked in libraries, and travelled to rural areas to acquaint himself with the ethnography and lifestyle of the Egyptian people [АПАХ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 174. Л. 4–22; АПАХ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1071. Л. 2–23].

Unfortunately, the plan did not materialise in such grand scale. For the first season, the team was scaled down to seven members. Of the proposed vehicles, only the GAZ-69 was provided. The survey area was reduced to the Egyptian part of Nubia alone, and ethnographic studies were excluded from the scope of the project.

Nevertheless, the Nubian expedition went down in the annals of Soviet archaeology as an outstanding achievement. It was the very first Soviet expedition to the Middle East.

The Nubian expedition of the USSR Academy of Sciences conducted two seasons of field studies in Egypt: from 1.12.1961 to 31.03.1962 and from 14.12.1962 to 16.04.1963 (Fig. 1).

The expedition was headed by Boris Borisovich Piotrovsky (1908–1990), Corresponding Member of the Armenian Academy of Sciences, Head of the Leningrad branch of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences from 1959 to 1964. His appointment was a logical decision. Piotrovsky's early scientific career was in Egyptology. Additionally, he was an experienced field researcher. By 1961, he had already completed several excavation seasons at complicated, multi-layered Urartian sites in Armenia, including the fortified settlement of Karmir Blur (the Urartian city of Teishebaini). Piotrovsky's knowledge of foreign languages was another important asset. From 1956 onwards, he had travelled regularly to Egypt, at first in order to establish scientific contacts, and later, from 1960, as a member of UNESCO's Advisory Committee of experts for the preservation of the ancient monuments of Nubia.

During the expedition's second season, Boris Borisovich's wife, Hripsime Mikaelovna Djanpoladian-

Piotrovskaya (1918–2004), served as the field photographer. An archaeologist-orientalist, she had met Piotrovsky while working on the excavations at the Karmir Blur hillfort. She had also participated in the excavations at Dvin, the medieval capital of Armenia, and was a specialist in Byzantine glass and pottery. Boris Borisovich paid all her travel and living expenses out of his own salary – probably in order to not strain the expedition’s funds (Fig. 2).

Pyotr Dmitrievich Darovskikh was appointed Piotrovsky’s administrative and managerial deputy. We know little about Darovskikh, not even the dates of his birth and death, and were unable to unearth any details of his biography for a simple reason: Darovskikh had been a foreign intelligence officer before his appointment to the Nubian expedition. Other members of the expedition mentioned him only fleetingly. Following the Nubian expedition, he worked with Boris Borisovich for a few years on the latter’s excavations at Karmir Blur, and would later serve as administrative and managerial deputy to the director of the Soviet archaeological expedition to Iraq from 1968–1969.

Prior to the Nubian expedition, Nikolai Yakovlevich Merpert (1922–2012) had worked with several expeditions, including two to foreign countries: Mongolia under S. V. Kiselev in 1948–1949, where he surveyed Karakoram, the capital of the Mongol empire, and Bulgaria from 1954. His work as the scientific secretary at the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences was also an important qualification. He knew the specifics of rescue excavations first-hand. For several years, he had led a team of the Kuibyshev expedition of the Institute for the History of Material Culture in excavations at the construction site of the Kuibyshev Hydropowerplant. On 24 May 2002, at the second meeting of the scientific council on Egyptology at the History Department of the Lomonosov Moscow State University, Merpert stated, “Yours truly was appointed his (B. B. Piotrovsky’s, – A. K.) deputy – though not an Egyptologist, but with wide knowledge of the Bronze Age including in the Middle East, years of teaching courses on the subject in the School of Archaeology at the History Department of MSU, and conducting excavations in Central Asia” [*Мерперт 2003: 206*].

Aleksandr Vladimirovich Vinogradov (1931–2004) graduated from the Department of Archaeo-

logy of the Faculty of History of Lomonosov MSU. He began to take part in expeditions in 1949. His scientific interests had crystallised during his student years. His desire to study the Stone Age in Central Asia was influenced by the excavations in Karakalpakia, where he was part of the legendary Khorezmian archaeological and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences under S. P. Tolstov, who in turn became his scientific supervisor. Vinogradov defended his PhD thesis entitled *The Kelteminar Culture* in 1957 and joined the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences the same year. As archival documents show, the initial plan was for Tolstov to lead the rescue excavations in Nubia, with the expedition including both archaeological and ethnographic studies, but that the situation subsequently changed. The selection of Vinogradov as an expedition member can likely be understood as a gesture on part of Boris Borisovich towards Moscow and the Institute of Ethnography, headed by Tolstov. More significantly, Vinogradov was a highly experienced field researcher. He surveyed the entire territory of the Soviet concession in Nubia in search of stone age sites, and almost single-handedly led the excavations at the cemeteries of the C-Group culture, making drawings of the pottery and maintaining field inventories of the finds.

Oleg Georgievich Bolshakov (1929–2020), an Arabist and graduate of the Department of Oriental Studies of Leningrad State University, had also gained extensive archaeological experience by the time he joined the Nubian expedition. By the second year of his university course, he had already begun working with the Penjikent team of the Sogdian-Tajik archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. He was a researcher with the State Hermitage and Institute of Archaeology at the USSR Academy of Sciences, Leningrad branch.

Lev Arkadievich Petrov (1908–1982) was part of the Nubian expedition between 18 December 1961 and 30 January 1962. He was invited to Nubia to help safeguard the temple of Dakka by developing a plan for its dismantling and relocation to another area within the Soviet concession, safe from the rising waters of the artificial lake. Petrov was ideally suited for this task. Following his graduation from the Institute of Architecture, he had participated in the Second World War (the Great Patriotic War), following which he had de-

voted himself to reconstruction and restoration of architectural landmarks. Between 1946 and 1950, Petrov was in charge of research and restoration works at the Office of the Commandant of the Moscow Kremlin. He personally planned and directed the survey and reconstruction of the Kremlin towers, walls, cathedrals and the Great Kremlin Palace. When the Nubia expedition began, Petrov was a Director of the Central Scientific and Restoration Workshops and a recognised authority on architectural restoration.

Lev Nikolaevich Petrov (1912–?) acted in various theatres until the end of the 1940s. In 1950 he joined the Kuibyshev expedition of the Institute of the History of Material Culture at the USSR Academy of Sciences (now the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences) as a photographer. There he met N. Ya. Merpert, the deputy director of the expedition and leader of one of the excavation teams. Petrov worked in the photography unit of the Institute from 1952 until his retirement in 1978. During the expedition, Petrov was engaged in photographic documentation and field restoration. He also filmed the daily life and activities of the Soviet expedition team.

Viktor Vasilievich Pimenov (1908–1975) had studied in the Ceramics Department of the Higher Artistic and Technical Institute (VHUTEIN). Since April 1930, he had been working as an artist for various institutions and agencies in Moscow. He went through the Second World War and the war with Japan, was wounded thrice, suffered contusions, and was transferred to the reserves with the rank of First Lieutenant. In 1957, he took part in a closed competition to design original postage stamps marking the 40th anniversary of the October Revolution, and subsequently invited to join the USSR Ministry of Communications (in the Directorate for issue and dispatch of postage stamps). A personal report card from his time as a member of the USSR Artists' Union lists his postage stamp series *Costumes of the peoples of the USSR* (1962) and *Children's series* (1963), among other works. Pimenov was also an expert in industrial graphics. From 1960 he was a candidate for membership with the Moscow branch of the Artists' Union. In 1961, the Board of the Moscow branch of the Artists' Union recommended him for a four-month visit to the United Arab Republic with the archaeological expedition of the USSR Academy of Sciences. He became the artist and field conservator

for the expedition, and his duties included taking impressions of inscriptions and rock art in Abu Durva and Wadi al-Allaqi.

Musa Umarovich Yunisov (1920–2003) took part in the war with Japan. In the 1950s, he worked in the Lomonosov Moscow State University as an electrician and mechanic. In 1957–1969, he was a member of the Central Asian expeditions to the Karakum and Kyzylkum Deserts. Following the Nubian expedition, he served as a driver and mechanic with the Soviet archaeological expedition in Iraq from 1969 to 1980 [*Kpola* 2021: 52–61].

Selecting an excavation concession was not an arbitrary process. B. B. Piotrovsky made several preparatory visits to Egypt before the expedition (Fig. 3, 4), during which he studied all the material on Nubia available in the libraries of the Cairo Museum and the Institut français d'archéologie orientale as well as the reports on the first two rescue campaigns (1907–1912 and 1929–1934) conducted during the construction of the Aswan Low Dam and its two raisings. He also interacted with European and American colleagues leading rescue expeditions in Nubia, and calculated the cost of the future expedition. In May 1960, he travelled from Aswan to Abu Simbel, this time as a member of UNESCO's Advisory Committee of experts for the preservation of the ancient monuments of Nubia, sponsored by the United Arab Republic (UAR) government.

About this visit Piotrovsky reported: "We arrived in Abu Simbel on 16 May. On the way we saw the Egyptian temples that will be submerged and are already partially under water, becoming visible above the water level only between 15 July and 15 September. 1) The island of Philae is submerged, only the roofs of the pylons of the temple of Isis are above the water; 2) The temple of Debod is submerged, only the top parts of the pylons are visible; 3) The Roman Kiosk of Kertassi is submerged; 4) The temple at Tafa is submerged; 5) The partially rock-cut temple in Beit al-Wali is accessible; 6) The Kalabsha temple is submerged; 7) The temple of Dendur is submerged; 8) The temple of Gerf Hussein dedicated to Ramses II is partially rock-cut and has a free-standing courtyard. It is accessible. 9) The temple of Dakka is submerged. Only the tops of the pylons are visible. Across from Dakka is Wadi Allaqi, a valley on the route to the gold mines and

the Red Sea. A long stretch of the Wadi is filled with water, and the ancient Egyptian fortress of Kuban is submerged. It is likely that the initial stretch of the ancient route to the gold mines is also under water. The terrain is very rugged, there are many petroglyphs, at the 130 m level near the settlement of Dakka there are ancient cemeteries that were not fully excavated by Firth's expedition. Emery worked here later but did not go above this elevation. Wadi Allaqi would be an area of interest for the Soviet expedition to work in. Discovering the ancient route to the gold mines and the Red Sea is of great scientific interest [АПАИ. Ф. 457. Оп. 3. Д. 11. Л. 97–98] (Fig. 5).

Following the mission for the Academy of Sciences, the application was submitted for survey and excavations in the area around the Dakka settlement and Wadi al-Allaqi: "The area of exploration selected for the Soviet expedition is of great interest. Near Dakka on the left bank of the Nile, in addition to the temple there are ruins of an ancient Egyptian city and cemetery where Firth conducted excavations in 1909–1911. On the right bank of the Nile across from Dakka is the large Wadi Allaqi on the route to the gold mines and the Red Sea and south to Sudan. According to Egyptian sources, the road to the gold mines was maintained in good condition, fortifications were erected, and wells were dug. This road is yet to be found. Besides, it should be possible to study settlements of ancient Nubian culture along the course of Wadi Allaqi" [АПАИ. Ф. 457. Оп. 3. Д. 11. Л. 109–110].

The UNESCO Advisory Committee of experts, backed by the government of the UAR, allotted the Nubian expedition of the USSR Academy of Sciences the area around the settlement of Dakka on the west bank of the Nile for survey, together with Wadi al-Allaqi on the east bank. However, the area was expanded and more clearly defined during the first season. The expedition was granted an area extending from Gerf Hussein up to the settlement of Qurta (including West Koshtamna and Dakka) along the west bank of the Nile, as well as the area around the settlement of East Koshtamna and Wadi al-Allaqi along the east bank. The Italian expedition received permission to excavate the settlement of Kuban, located along the Nile opposite Dakka [АПАИ. Ф. 457. Оп. 3. Д. 24. Л. 14].

Even before the fieldwork began, N. Ya. Merpert was sent to Cairo to copy maps of the area designa-

ted for survey. "Going by these maps, our concession seemed incredibly rich. Cemeteries of the Old, Middle and New Kingdoms, monuments of the Twenty-fifth Dynasty (the Black Pharaohs) and the Byzantine era were marked on it. Piotrovsky and I even got into a serious quarrel because everyone wanted to dig ancient Egypt. He said to me, "Your PhD was in medieval studies, now go dig up Byzantine period". Of course I pushed back and protested, "Pardon me, but your first article was on Palaeolithic archaeology ..."* [Мерперт 2003: 208].

However, when the first expedition team stepped ashore near Dakka settlement in December 1961, they were in for a bitter disappointment. "Since I had copied the map of this section, I naturally remembered everything. But what did I see! The mausoleum of a Muslim holy man which I had noted some 50 m from the bank was actually somewhere in the middle of the Nile. The temple we had in mind, which we had decided not to move, was shown in the map as standing on land, but here it was in the water with only the top of its pylons visible (Fig. 6). At this point I recalled something I had read in the same set of documents but had not paid attention to – the dam had been raised, and the level of the Nile had finally risen to the '40' mark. The grand monuments of all ages that we had been arguing about had long ago been submerged" [Мерперт 2003: 208].

This situation was all the more annoying because it could have been foreseen. "In November, the openings of the dam were closed and the stored water in Egyptian Nubia was then successively released from the end of March when a lack of water was beginning to be felt in Egypt. In July, before the arrival of the next flood, as much water was emptied from the reservoir as possible in order to give place for the new floods, and Egypt was thus as a rule transformed into a large lake" [Temples and tombs of Ancient Nubia 1987: 47]. Thus, between December and March, when the Soviet expedition was working at the site, the water level in the artificial lake was at its highest. Work here during any other time of the year would, however, pose a health risk. The only relatively comfortable period for archaeological work in Nubia was November to March. The rest of the year was intolerably hot for Europeans.

* It is not entirely clear what N. Ya. Merpert meant. Boris Borisovich's first publication was the article "On the ancient Egyptian [term] *iron*", published in the Reports of the USSR Academy of Sciences. No. 1. 1929. P. 1–4 (A. K.).

Piotrovsky, Merpert, Bolshakov, and Fouad Yacoub, an inspector from the Antiquities Service of Egypt, spent a month exploring the eastern and western banks of the concession. Merpert recalls that Piotrovsky even planned to go to Cairo to demand another concession [Merpert 2003: 208]. In a letter to his wife, Merpert writes that the members of the expedition were deeply dejected by the situation [B *npedδβεpυυ* 2026: 170].

It was only just before the New Year that the Khor Daoud site would be discovered – a site belonging to the autochthonous A-Group culture whose population occupied Lower Nubia from Kuban (10 km north of the First Cataract) to Melik an-Nasir (100 km south of the Sudan-Egypt border) between 3800 and 2900 BC.

A-Group culture

The name was coined by the American archaeologist George A. Reisner, leader of the First Archaeological Survey of Nubia 1907–1912 [Reisner 1910: 5–6]. He defined the culture according to its characteristic burial ritual and assemblages. Characteristic for the A-Group culture was an economic model combining a variety of occupations – pastoralism, agriculture, hunting, and gathering. Trade also played an extremely important role. By the end of the 4th millennium BC, a proto-state formation (chiefdom, polity) had emerged in Lower Nubia, featuring a ruling elite, (possibly) a hereditary kingship and a royal ideology [Gatto 2020].

To date, 126 cemeteries of the A-Group culture with about 3000 graves have been excavated [Gatto 2006: 62], in contrast to very few settlements. Therefore, our knowledge of this period in Nubian history is based primarily on evidence from necropolis rather than settlements.

Cemeteries and settlements of the A-Group culture were situated in the foothills of elevated areas along the Nile and the edge of the alluvial valley in order to escape mudflows [Nordström *et al.* 1972: 22–23]. However, A-Group populations preferred to settle near the mouths of wadis, which opened the way to the Nubian and Western Deserts, enabling barter with nomads and provide access to building stone, gemstones, gold, and marine shells from the Red Sea.

Finds particularly important for the understanding of this culture were discovered in the ‘royal’ cemeteries 137 and 142 in Sayala in the Dakka valley,

not far from the Soviet concession. Both these cemeteries had been excavated by Reisner’s colleague Cecil Firth in 1910–1911. The broad alluvial valley in the area provided grazing for larger herds and land for more abundant harvests. Additionally, the proximity to the mouth of Wadi al-Allaqi provided access to the gold-bearing regions of the Nubian Desert [Jiménez-Serrano 2003: 257]. Two pear-shaped maces of pink quartz with gold-plated wooden handles were found in Grave 1 of Cemetery 137 (Fig. 7). One of them was decorated with images of animals and birds. Apart from these two maces, the grave contained palettes, Egyptian and Nubian ceramics, beads, etc. [Firth 1927: 205–207]. Grave 1 has been dated to c. 3300 BC [Jiménez-Serrano 2003: 262].

The 1962–1964 Nubian expedition of Chicago University’s Oriental Institute led by K. C. Seele surveyed Cemetery L in the Qustul necropolis, containing the burials of A-Group rulers, their families and servants. This small cemetery contained 33 graves, seven of which were cattle burials. Based on the Egyptian ceramics and other finds of Egyptian origin, Cemetery L is dated to c. 3300 BC. In the chronology of the A-Group culture, this corresponds to its Middle and Terminal periods [Williams 1986].

In the 1980s, Egyptologist B. Williams embarked on a comprehensive analysis of the finds collected by the Nubian Expedition of the University of Chicago Oriental Institute and held at the Oriental Institute. It was possible to identify twelve graves as royal burials based on the size of a grave and the quantity and quality of the accompanying burial goods.

In a 1980 article in *Archaeology* magazine, Williams suggested for the first time that the finds from Cemetery L in Qustul belonged to a civilisation that had emerged as a blend of Egyptian and Sudanese cultures while maintaining far-reaching contacts with Libya and the Syro-Palestinian world. Before the unification of Egypt, the rulers of this proto-state entity with Qustul as its centre had unified the territory of Nubia, establishing a kingship, territorial state and a royal ideology – the most vivid evidence of which is the famous Qustul incense burner found in Grave L 24 [Williams 1986: 177–183]. Williams called it kingdom of ‘Ta-Seti’ (*Land of the Bow*) on the basis of the hieroglyph that would later come to signify Nubia in the hieroglyphic script. He referred to the cemetery in Qustul as the Royal

cemetery of Ta-Seti. Further, he submitted that the twelve rulers buried in Qustul and representing nine generations – together with rulers from Upper Egypt – had laid the foundations of the civilisation now known as pharaonic. Political unification had been achieved in Nubia. More importantly, it predated the similar creation of a unified state in Egypt [Williams 1980: 12–21; Williams 1986: 172]. William’s claim drew severe criticism from several researchers [Adams 1985: 185–192].

According to Williams, the Terminal period of the A-Group culture was marked by frequent conflict between the rulers of Ta-Seti and the early pharaohs of Egypt – evidenced by scenes of armed conflict depicted in the relief of Jebel Sheikh Suleiman south of Qustul. These, he stated, depicted the victory of the rulers of Ta-Seti [Williams 1986: 171]. A. Jiménez-Serrano, on the other hand, understands the scenes as depicting a victory of the pharaohs [Jiménez-Serrano 2003: 263].

The A-Group culture disappeared around 2900 BC for reasons currently unclear – perhaps due to military defeat at the hands of proto-state entities of Upper Egypt seeking to eliminate an intermediary in the trade with the Central Nile region [Gatto 2020: 137–138].

The fate of Lower Nubia during this time and up to 2400 BC also remains uncertain. This is when the earliest archaeological evidence of the existence of a C-Group culture between the First and Second Cataracts begins to appear.

The majority of the A-Group culture’s cemeteries within the Soviet concession had already been excavated by C. Firth. Those he had not excavated for lack of time ended up submerged. Nevertheless, the archaeological complex discovered by Piotrovsky’s expedition is of great scientific interest, mainly because of its unique quality.

The Khor Daoud complex and the circumstances under which it was discovered and excavated have been described in detail in Vinogradov’s book and Merpert’s letters. The complex comprised 578 storage pits, 65 of which contained various objects, chiefly ceramic vessels. Two-thirds of these were of Egyptian origin [Мерперт, Большаков 1964: 175; Крол 2021: 77; Крол и др. 2023]. Based on the analysis of the imported Egyptian ceramics, the Khor Daoud complex must have functioned during the Nagada IIb–IIc period, which corresponds to 3650–3300

BC [Nordström et al. 1972: 26; Hendrickx 1996: 64] (Fig. 8).

In his book, Vinogradov mentions B. B. Piotrovsky’s hypothesis regarding the function of the complex. Piotrovsky suggested the early dynastic settlement at Khor Daoud to represent a new type of archaic Egyptian settlement based on cattle breeding. He believed the site “was the place to which the breeders brought the milk to be processed, and that dairy produce was then ferried over to the opposite bank of the Nile, where the chief settlement and fields were situated.” The fact that the breeders were often obliged to make use of boats is illustrated by rock carvings of cattle being ferried across the river, as well as by the presence of clay models of boats in tombs, together with statuettes of horned cattle [Piotrowski 1967: 131].

Piotrovsky’s idea did not find support among his foreign colleagues. The well-known American archaeologist W. Adams, who was in charge of all UNESCO rescue operations in Sudanese Nubia, believed that the rock images did not belong to Khor Daoud but to other sites, and probably even other chronological horizons [Adams 1977: 126]. He argued that “the whole discourse on the role of cattle in the A Horizon is in fact a classic specimen of Marxian dialectic, based not on empirical evidence but on a supposed analogy with early Mesopotamia. Such an analogy is valid only under the rigid theory of evolutionary parallelism which is one of the sacred tenets of Marxist ideology. In a land, which, in 3200 BC, was already approaching its modern condition of aridity, the suggestion of commercial dairying operations at Khor Daud shows a gross disregard for ecological reality”. Adams considered Piotrovsky’s hypothesis “the triumph of ideology over common sense” [Adams 1977: 126]. Meanwhile, Swedish archaeologist H.-A. Nordström did find indirect evidence that cattle-breeding formed a significant part of the A-Group economy, namely cattle-dung temper in the pottery [Nordström et al. 1972: 24]. Nevertheless, he too criticised Piotrovsky’s hypothesis, stating that the Soviet researcher’s theory of a ‘dairy farm’ at Khor Daoud was not based on any direct evidence from this site or the area as a whole. The presence of foreign pottery vessels in the storage pits, together with flint tools, a fragmentary copper chisel, grains of wheat and barley, combined with the complete absence of any oc-

cupation layer or fire places – all these factors pointed not to an ordinary habitation site but rather to a specific locality where people met to exchange and redistribute goods. Nordström strengthened his case by arguing that the site may also have been a riverine bartering place for cattle pastoralists living in the tract between the Red Sea Hills and Lower Nubia. These may have come to Khor Daoud, as it was located in a fertile area of the Dakka valley close to the mouth of Wadi al-Allaqi [Nordström *et al.* 1972: 26].

M. Gatto also supported this view, suggesting that barter with nomads was probably in the hands of Egyptian traders who were permanent inhabitants here [Gatto 2006a: 228]. In Nordström's view, the Khor Daoud complex was also linked to trade between the A-Group and Nagada cultures [Nordström *et al.* 1972: 68]. According to B. Williams, the function of the Khor Daoud complex could have been linked to the process of extracting alluvial gold in Wadi al-Allaqi [*personal communication*]. Storage pits excavated by Soviet expedition may have served to store supplies for Egyptian teams venturing into the desert to mine for gold and precious stones. In his work, G. Smith discussed the potential for bearers of the A-Group culture to mine gold in the Nubian Desert [Smith 1993: 108].

The finds from the Khor Daoud archaeological complex presently kept at the Pushkin State Museum of Fine Arts and the Hermitage museum are currently being republished as part of the ongoing project of the Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, which may shed more light on the function of Khor Daoud.

A few words about the B-Group culture mentioned in Vinogradov's book are in order. Like the other 'alphabet' cultures (A, B, C, and X), it was named by G. Reisner during the First Archaeological Survey of Nubia. During the first rescue campaign, a total of 21 cemeteries (415 graves) were excavated, which Reisner, and later Firth, who replaced him, assigned to the B-Group culture. During the Second Archaeological Survey of Nubia, W. Emery and L. Kirwan excavated only three cemeteries, which they dated to the period of spread of the B-Group. Harry Smith meticulously studied all the available information on this Nubian culture. His analysis showed that over a fourth of the burials assigned by Reisner and Firth to the B-Group

culture had been so thoroughly plundered that they could not have contained any artefacts on the basis of which they could be assigned to a particular culture. Smith assigned the rest to either the A-Group or C-Group culture [Adams 1977: 132–135; Smith 1966: 69–124].

Vingradov investigated 19 burials in the settlement area of Western Koshtamna, dating these to the B-Group culture [Виноградов 1964в: 205–228]. One of them was a well preserved burial of a dog [Впередверии 2026: 104, 106]. The current project to republish the materials of the Nubian Expedition of the Academy of Sciences of the USSR will include a detailed study of the finds from Western Koshtamna, which will enable a more precise dating of the site.

Another very important site explored by the Nubian expedition of Soviet Academy of Sciences in the Nile valley was the vast C-Group cemetery at Khor Nabruk near the village of Qurta.

C-Group culture

The C-Group culture defines the archaeological culture of herders inhabiting Lower Nubia (between Kuban and Batn al-Hajar) from the mid-3rd millennium to the mid-2nd millennium BC.

During this period, the history of the inhabitants of Lower Nubia was largely determined by the buffer zone formed by the land between the First and Second Cataracts and separating the Egyptian state from the kingdom of Kush – the latter belonging to the Kerma culture.

Egyptian sources from the Old Kingdom use the toponym Nehsi for Lower Nubia, referring to its inhabitants as Nehsyu. A. V. Vinogradov mentions other toponyms that denoted Lower Nubia: Wawat, Irtjet and Setju. It is assumed that Wawat extended from Aswan to Korosko. The lands of Irtjet were spread along the river bank from Amada to Toshka, while Setju lay to the south, extending from Toshka to the Second Cataract [Hafsaas 2006: 71]. These three ancient Egyptian toponyms most probably correspond to the three fertile regions of Lower Nubia and their centres in Dakka, Aniba and Faras, and were possibly chiefdoms (polities) of Lower Nubia.

During the Old Kingdom period, Lower Nubia was the frequent target of Egyptian military expeditions.

Archaeological materials from W. Emery's excavations in Buhen, where a fortified Egyptian settlement was discovered, demonstrate the zone of Egypt's economic interest during the reign of the pharaohs of the Fifth and Sixth Dynasties to have extended as far as the Second Cataract. This garrison protected copper mining and logging activities in the Nubian Desert [Emery 1963: 116–117; O'Connor 2014: 336–38]. We know from the biographical inscription of Weni in Abydos [Urk. I: 98–110] that Nubians from different regions of Nubia and the Nubian Desert (Irtjet, Medja, Wawat, Yam, and Kaau) served as mercenaries in the campaigns of Pepi I in Palestine [Strudwick 2005: 354]. According to the same inscription, Nubia was also an important source of wood (mainly acacia) for shipbuilding during the Old Kingdom, and Weni built ships to transport granite blocks for the royal tombs [Strudwick 2005: 356–57].

Inscriptions in the tombs of nobles in the Old Kingdom cemetery of Qubbet el-Hawa at Aswan are also valuable for the study of Nubian history. The inscriptions in the tomb of Harkhuf, nomarch of Elephantine during the reigns of Merenra I and Pepi II of the Sixth Dynasty, record his four expeditions to Yam, which some scholars have localised in the territory of Kerma culture in Upper Nubia [Raue 2019: 300], while others have placed it in western Sudan (Darfur) [Williams 2013: 3]. The main purpose of these expeditions was to procure frankincense, ebony, aromatic oils, panther skins, elephant tusks, and throwing sticks for the king's court [Strudwick 2005: 331].

The ruling elites of Lower Nubian territories demanded payment for the transit of trade caravans through their lands, and Egyptians were forced to comply. An autobiographical inscription in the tomb of Sabni states that he was forced to outfit a caravan of 100 donkeys loaded with a variety of goods for Nubian elites in exchange for the body of his father, Mekhu, who had died (or was killed) in Wawat [Urk. I: 137–138; Strudwick 2005: 335–338]. The Egyptian administration's understandable reluctance to pay for passage of goods through the territory between the First and Second Cataracts led to several military expeditions against Wawat.

According to an inscription of the Fourth Dynasty dated to c. 2500 BC, the Pharaoh Snofru sacked the land of Nehsi, taking 7000 captives as well as 200,000

cattle, sheep and goats [Urk. I: 236]. At first glance, these figures seem far-fetched, but considering that he may have ravaged both Lower and Upper Nubia, where the Kerma people lived, the claims may well be true [Raue 2019: 294]. This ratio of captives to animals is corroborated by archaeological evidence, which demonstrates that livestock farming was the main occupation in Lower Nubia in the mid-3rd millennium BC [Adams 1977: 139].

An autobiographical inscription in the tomb of Pepinakht I, a nobleman during the reign of Pepi II, claims that he headed an expedition to the south against Wawat and Irtjet, returning with a huge booty and a large number of prisoners [Strudwick 2005: 334].

A series of catastrophic environmental changes led to the collapse of centralised government in Egypt and the decline of the Old Kingdom. Nomarchs in the south gained power and needed to maintain their own armies. Both textual and archaeological sources show that the nomarchs of Upper Egypt recruited Nubian mercenaries during the First Intermediate period [Hafsaas 2020: 169–171].

As seen in images in the tomb of the nomarch Sethka, Nubians usually served as archers [Bestock 2018: 230]. Dark-skinned Nehsiu archers are also seen in images in the tomb of Ankhtifi, nomarch of the II and III nomes [Vandier 1950: 98–99]. Forty wooden figurines of dark-skinned archers were found in the tomb of Mesehti, nomarch of the XIII nome during the reign of the Eleventh Dynasty. The depiction of Nehsiu in one of the tombs at Beni Hasan shows that the male population of Lower Nubia was involved in internal wars inside Egypt even during the Twelfth Dynasty [Bestock 2017: 241–251].

During the Middle Kingdom, Egypt's rulers abandoned the strategy of using the C-Group people as intermediaries in the complicated logistics of organising expeditions to Lower Nubia to procure exotic goods or for mining in the deserts. Instead, they conquered Lower Nubia and established direct control over the trade routes and mines [Knoblauch 2019: 367]. As a result of several large military campaigns during the rule of Amenemhat I (1990–1962 BC), the territory of Lower Nubia was conquered all the way to Buhen and annexed into the Egyptian empire [Török 2009: 85–86].

The Egyptians built a chain of thirteen powerful fortresses in the most populous areas of Nubia

(Shellal, Kuban, Ikkur, Aniba, Faras, Serra, Buhen, Khor, Mirgissa, Semna, Kumna, Uronarti), from which their garrisons could control the local population, ensuring safe passage for their trading ships on the Nile and protecting their mining operations in the Nubian and Libyan Deserts [*Gardiner 1916*: 184–192; *Vogel 2004*: 66–69; *Hafsaas 2006*: 117–121], including mining for amethyst in Wadi el-Hudi and gneiss to the west of Toshka.

The fortress of Baki (named Kuban by European archaeologists after the Nubian settlement nearby) was built at the mouth of Wadi al-Allaqi, about 100 km south of Shellal, during the rule of Amenemhat I. The fortress of Ikkur (after the eponymous Nubian settlement) was built on the opposite bank of the Nile in an area with a high population of C-Group Nubians [*Morris 2018*: 71–77]. The Kuban fortress was excavated by W. Emery and L. Kirwan in 1930 during the Second Nubian archaeological survey [*Emery, Kirwan 1935*].

The garrison in this fortress not only controlled the riverine traffic and kept the large indigenous Lower Nubian population in check, but also defended the valley against raiding nomads ever ready to plunder the valley settlements, particularly during dry spells in the Red Sea Hills, which could incur famine affecting both people and their herds. There was also the danger of attack by enemy detachments from Kush, who could penetrate the fortified Nile thresholds by traversing the desert from Abu Hamed through Wadi Gabgaba and Wadi al-Allaqi up to the Kuban [*Emery 1965*: 175–176]. The fortress also served as an important logistic centre, holding provisions for the gold-mining crews.

The main livelihood of the C-Group people continued to be livestock farming. At the same time, they would have also been forced to work on the fortress constructions and in the desert mines.

According to M. Bietak, the C-Group Nubians were not oppressed during the Egyptian occupation, but probably continued with their old lifestyle. It is not unlikely that they were employed as labourers in Egyptian fortresses or gold mines of the Eastern Desert or as sailors between the two cataracts. The increasing number of graves in the C-Group cemeteries dating to the Twelfth Dynasty attest to an increase in the Nubian population [*Bietak 1987*: 120].

The territory of Batn al-Hajar south of the Second Cataract was annexed by the Egyptians and added to

their Nubian province between 1862 and 1854 BC, during the rule of Senwosret III.

Towards the end of the Thirteenth Dynasty (c. 1650 BC), the Egyptians gradually withdrew their garrisons from the fortresses in Nubia, once again leaving intermediary trade with the Kingdom of Kerma in the hands of the Nubians. Egyptian imports began to appear in C-Group graves at this time – most likely payments for transit trade through Nubian territory [*Bietak 1987*: 120].

The Second Intermediate period was the most favourable for C-Group development. The appearance of large grave superstructures during this period reflects a rapid social stratification [*Hafsaas 2006*: 27–29].

During the Seventeenth Dynasty, the kings of the nome of Thebes, who had led the process of unification of Egypt, initiated the gradual reconquest of Lower Nubia. Under pharaoh Kamose, the Egyptians captured the territory up to Buhen. The C-Group ruling elite was probably in alliance with the Egyptians [*Hafsaas 2006*: 145]. The campaigns of Thutmose I and Thutmose II resulted in the capture of Kerma, the capital of ‘wretched Kush’, and the destruction of the city.

The Nubian lands captured up to the Fourth Cataract were divided into two regions, Wawat in the north, and Kush in the south, each with its own deputy governor. Both were controlled by the Viceroy of Nubia, ‘King’s Son of Kush’. Wawat was centred on Aniba, while Kush was governed from Soleb during the late Eighteenth Dynasty, and Amara West by the Nineteenth Dynasty [*Edwards 2004*: 106–107; *Török 1988*: 171–181].

Archaeological evidence attests to a gradual process of acculturation of C-Group people during the New Kingdom. This affected not only the elites, who became completely Egyptianised and served in the Egyptian administration in Nubia, but also the common people. An example is found in hemispheric bowls with a round base and incised geometric patterns painted in white [*Raue 2019*: 314], which are typical of the C-Group archaeological culture, but disappear from their burials during this time [*Hafsaas 2020*: 163]. Such vessels would usually be placed overground next to the grave [*Виноградов 1964a*: 188, 190–193]. Sherds of this decorated pottery type have also been found in settlements, suggesting that such bowls were in daily use and not dedicated funerary items [*Hafsaas 2007*: 166].

A further characteristic feature of the C-Group was the grave superstructure, which consisted of a ring of dry-laid stone masonry [Adams 1977: 142–143].

We have little definitive information about the beliefs and practices of the C-Group people. Funerary offerings found in relevant cemeteries can probably be interpreted as beliefs in an afterlife. It is also possible that the stelae erected in the early cemeteries of this culture served a commemorative purpose [Bietak 1987: 123].

Clay figurines of steatopygous females found in C-Group settlements and graves were probably associated with the fertility cult [Raue 2019: 321–322]. The numerous representations of cattle found in graves may also have a cultic significance.

The expedition worked at the Khor Nabruk site for two seasons, the first directed by A. V. Vinogradov in 1962, and the following by N. Ya. Merpert and O. G. Bolshakov (Fig. 9). Together they excavated a total of 155 graves. All constituted typical C-Group superstructures consisting of stone rings, up to 1 m high, either infilled with sand and gravel, or with stone. The body was placed in the grave in a contracted position on its right side with head to the east facing north. Most of the graves were plundered in ancient times. Vinogradov dated the cemetery to the Eleventh – Twelfth Dynasties of the Middle Kingdom [Виноградов 1964a: 180–204].

More precise dating may become possible once the Khor Nabruk finds of the Nubian expedition preserved in the Pushkin Museum and the Hermitage have been revised and re-published.

The final Nile valley site to be excavated by the Soviet expedition during its first season (10–12 March 1962) was the permanent lookout post near the Koshtamna village. It probably belonged to the Roman fortress on the opposite (right) bank of the Nile [В преддверии 2026: 153].

The Soviet concession, as it turned out, included territory along what was once the southern border of the Ptolemaic and later Imperial Roman domain in Nubia.

During the rule of Ptolemy II Philadelphus, Egypt captured Lower Nubia from the Meroites. The real reason behind the 3rd-century Ptolemys' continuing interest in the Sudan was their desire to find a secure source of war elephants. Another reason was to gain access to the gold mines in Wadi al-Allaqi and Wadi Gabgaba [Burstein 2020: 702–703]. Under Pto-

lemy II, Egypt's border was established to the south of Aswan near Maharraqa (Hierasykaminos). The territories under the control of the Ptolemies were called the Dodekaschoinos (territory of twelve Schoenus or approximately 120 km in length).

Following the death of Cleopatra VII in 30 BC, Egypt came under the control of Rome. G. Cornelius Gallus, the first prefect of Egypt, established the area of the First Cataract as the southern border of the Roman territories in Egypt. The Meroites soon took advantage of the Roman military's absence in Lower Nubia to briefly capture all of Nubia, including the southern Egyptian cities of Philae, Elephantine and Syene (Aswan). However, Roman legions under Petronius, the third Roman prefect of Egypt, drove the Meroites away from the captured territories and advanced further south up to Jebel Barkal. According to the peace concluded by Augustus, the fortress of Maharraqa was established as the border between Meroe and the Roman territories in Egypt and Nubia [Bagnall, Rathbone 2004: 16–17]. Peace brought a long period of prosperity to Nubia, and trade through Nubia flourished [Updegraff 1988: 80].

This explains the numerous Meroitic, Greek and Roman inscriptions found in the territory of the Soviet concession [Griffith 1912: 23; Koerner 1977: 233–234].

From the end of the 3rd century to the mid-5th century, the Dodekaschoinos territory was under the control of nomadic tribes of herders known in Greek and Roman sources as the Blemmyes, living mainly in the Eastern and Nubian Deserts between the modern cities of Qus and Quseir (Egypt) in the north and Erkowit (Sudan) in the south. Some researchers even believe that a united nomadic kingdom existed in these vast territories from the 4th to the 9th centuries [Cooper 2021].

Regular raids conducted by the Blemmyes forced Emperor Diocletian to withdraw the Roman garrison from Dodekaschoinos in 294 and move the Roman border to Elephantine. The Blemmyes gradually occupied the abandoned territory, eventually controlling both the Nubian Desert and Lower Nubia between the mid-4th and mid-5th centuries.

The principal occupation of the Blemmyes was seasonal herding. They were also familiar with camel breeding – a skill they had most likely learned from the Nabateans of Arabia [Bulliet 1990: 117]. This allowed them to provide the logistics on the caravan

trade route running through their lands (between the Red Sea and the Nile). We know from Olymiodorus that the Blemmyes exploited emerald mines in Mons Smaragdus (near the modern city of Marsa Alam) during the first half of the 5th century. Plundering neighbouring states also provided them a rich source of income.

It remains unclear whether the Blemmyes constituted a homogenous ethnic group or numerous disparate nomadic groups inhabiting the Nubian Desert during Late Antiquity, i.e. the period during which ancient authors referred to them using this ethnonym [Dijkstra 2012: 247].

In the mid-5th century, the Blemmyes suffered defeat at the hands of the Noubades king Silko and were forced to withdraw from Dodekaschoinos and retreat into the desert [Török 1988: 56–59].

From the 9th century, Arab sources describe the political history, social organisation, economic activities, and religious practices of the Beja tribes, who, without any doubt, are the same people as the Blemmyes described by ancient authors [Zaborski 1965: 289–307]. As nomads themselves, Arabs were greatly interested in the nomads of the Eastern Desert especially in Beja who populated the gold-bearing region of Wadi al-Allaqi. It is therefore possible to attribute information gleaned from Arab sources – with due caution – to the Blemmyes of the Late Antiquity.

To this day, we know no archaeological sites in the Eastern Desert that can be definitely assigned to the Blemmyes. Nonetheless, we find remarkable funerary structures in the form of disc-shaped burial mounds ('akerataheils') with a variable diameter and about 1 m high. The sides are generally vertical, but, depending on the local stone, may have a slight batter to prevent the edges from collapsing. A further characteristic feature is also the ring of flagstones leaning against the outside [Lassányi 2012: 249–269; Krziewinski 2012: 144–146, 151–153]. These types of burials appear during the 4th–6th centuries, together with the so-called Eastern Desert Ware, a type of small, handmade pottery shapes – mostly cups and bowls – with a remarkably well-polished surface and incised decorations [Barnard 2008], in the vast expanse stretching from Al-Moalla in Lower Egypt to Khor Nubt in Sudan.

One of the largest cemeteries containing such disc-shaped burial mounds is located in the Onib de-

pression, 40 km southeast of the Deraheib archaeological site in the Wadi al-Allaqi region. It was discovered in March 1990 during a survey by the Italian Centro Ricerche sul Deserto Orientale (CeRDO), founded by Alfredo and Angelo Castiglioni and excavated two years later [Sadr et al. 1995: 220]. The 13 burial mounds are scattered over an area of 25.3 hectares and range from 7–10 m in diameter and 0.5–1.5 m in height. The cemetery also holds 415 burials with various types of funerary superstructures (Fig. 10). The founders of the Centre, Alfredo and Angelo Castiglioni, suggested this to be a cemetery of the Beja kings living in Deraheib [Castiglioni Al., Castiglioni An. 2020: 65]. The Nubian archaeological and anthropological expedition of the Lomonosov MSU began a survey of the cemetery in December 2022 [Krol et al. 2023].

The Soviet expedition in Wadi al-Allaqi discovered numerous petroglyphs on the rocks along the Nile and on mountain ridges in the dry river valley, but were unable to investigate them further due to various constraints, including lack of time [Krol 2022: 124–136].

Petroglyphs in Umm Agaib, one of the stops on the road from the Nile to the desert via Wadi al-Allaqi, investigated by the Soviet archaeologists contain various geometric symbols, tribal signs used by nomads of the Eastern and Nubian Deserts (Fig. 11). The Arab term for these signs, *vasm* (pl. *vusum*), is used in the relevant literature [Stewart 2002: 173]. These geometric symbols have been studied in detail and are well-known throughout the Arabian Peninsula, in Israel, Syria, and Jordan. They are used mainly for branding camels, thus serving an important purpose. While bedouins can usually identify their own tribe's camels without difficulty, these brands make it easier to identify them in a large herd, e.g. at a watering hole, or when stolen [Stewart 2002: 173–174]. An additional sign denoting a particular clan could be added to the common tribal symbol to indicate ownership [Stewart 2002: 173–174]. Apart from branding animals, the *vasm* was also used on rocks, graves, wells, and trees to mark a tribe's territory [Stewart 2002: 173–174]. Several researchers have suggested that most of the abstract (non-representational) symbols found in the Eastern Desert can be dated to the period when the Nubian Desert was controlled by the Blemmyes [Winkler 1937: 11–12; Červíček 1986: 87–88; Alfano 1992: 123–124; Krol 2022: 124–136].

Research on the Blemmyes can only move forward with increased archaeological excavation in the Eastern Desert.

Epigraphic studies in Wadi al-Allaqi

Similar to Khor Daud, archaeological excavations and epigraphic survey have yielded significant scientific results in Wadi al-Allaqi, the largest wadi of the entire Eastern and Nubian Deserts. The impending construction of the High Aswan Dam and ensuing artificial lake would submerge Wadi al-Allaqi and its archaeological sites over a distance of 60 km. Therefore, the dry river bed was also included in the Soviet concession.

The hydrology and geology of Wadi al-Allaqi has yet to be systematically studied, and is hindered mainly by the political situation of straddling two modern countries. Border regions – especially a turbulent one like this – are not the best place for research. However, we can reconstruct a broad hydrological history of Wadi al-Allaqi based on the study of another dry river, Wadi Howar, itself the largest relic drainage system of the southeastern Sahara. Wadi Howar rises in the Ennedi hill plateau in Chad and the Jebel Marra mountains in Sudan and falls into the Nile almost 1000 km further east, in the region of Old Dongola in Sudan. From 6900–4900 BC, Wadi Howar was a river of 4–15 km width and fed by the heavy precipitation of the Neolithic Subpluvial period. During this time, the zone of monsoon rains was 500–800 km north of where it is now, and northern Sudan, where Wadi al-Allaqi lies, received 400–1000 mm of rainfall. The valleys of Wadi Howar were dotted with many lakes, whose shores were home to typical savannah fauna – elephants, rhinoceroses, crocodiles, antelopes, bulls, gazelles, wild asses, etc. The many hunter-gatherer tribes once living here have left behind stone artefacts, ceramics and petroglyphs. The end of the Neolithic Subpluvial brought on the desertification of the savannah, forcing people to leave the banks of Wadi Howar [*Pachur, Kropelin 1987*: 298–300; *Vogelsang, Keding 2013*: 43–62]. This obviously happened later than at Wadi al-Allaqi, which lies 300 km further north, but the processes were generally similar, as evidenced by the neolithic tools, debitage and ceramic sherds found by Soviet archaeologists along the banks of the Wadi in 1961–1963 as well as by Russian researchers studying the Onib de-

pression in 2022 [*Симоненко и др. 2022*: 114–123; *Krol et al. 2023*: 132–149].

Many petroglyphs of the Neolithic Subpluvial period (8500–5300 BC) were found in the Wadi. This was a time when there was a full-flowing river in the valley and the Nubian Desert was a savannah inhabited by many animals and people. This is reflected in the petroglyphs of this period in the wadi depicting elephants, giraffes, rhinos, and crocodiles living on the banks of the rivers and lakes. The 1962–1963 Soviet expedition was unable to make estampages or photograph rock-art for lack of time, and we only know these petroglyphs through photographs of relevant sites showing clusters of inscriptions and images. However, the available photographs are being used to analyse the rock art as part of the ongoing project to study the scientific legacy of the Nubian expedition of the USSR Academy of Sciences [*Толмачева 2023*: 117–131].

However, the main objective of the Soviet expedition in the Wadi were Ancient Egyptian inscriptions.

Judging by the 34 hieroglyphic inscriptions discovered and photographed by George William Murray, Director of the Topographical Survey of Egypt, and published by Jaroslav Černý [*Černý 1947*: 52–57], Piotrovsky expected to find many more inscriptions and petroglyphs on the rocks lining the Wadi.

The first reconnaissance trip to Wadi al-Allaqi took place on 23 January 1962. N. Ya. Merpert, O. G. Bolshakov, L. N. Petrov, and inspector Fouad Yacoub explored the dry river valley in a vehicle hired from an Egyptian company mining marble in the Wadi (**Fig. 12**). B. B. Piotrovsky joined them on the next one-day trip on 3 March 1962 (**Fig. 13, 14, 15**). These visits revealed that the inscriptions previously discovered by Murray constituted only a very small percentage of the Wadi's epigraphical wealth [*Крол 2021*: 87–89]. Vinogradov noted in his diary that Piotrovsky was planning to bring along Lenin-grad hieroglyphist O. D. Berlev in the following year. 'Golenishchev earned fame in Wadi Hammamat,' Piotrovsky joked, 'Berlev will earn fame in Wadi Allaqi'. [*Виноградов. Дневник № 2*: 84].

The Soviet expedition devoted a good part of the second season to a systematic study of the hieroglyphic inscriptions in Wadi al-Allaqi. Unfortunately, Egyptologist O. D. Berlev could not be brought

to Nubia. In fact, half the team from the first season could not come to Egypt any more for various reasons. A new team was formed, consisting of B. B. Piotrovsky, Hr. M. Djanpoladian-Piotrovskaya, P. D. Darovskikh, N. Ya. Merpert, O. G. Bolshakov, M. U. Yunisov, and Ahmed Said Hindi, the Inspector from the UAR Antiquities Service.

The epigraphic survey in the Wadi yielded excellent results, with up to 200 inscriptions. Amongst the most interesting were the inscriptions of a certain Weni [*Piotrowski 1967: 135*]. In all likelihood, this was the same Weni mentioned above, i.e. the nobleman who left the famous autobiographical inscription in Abydos [*Strudwick 2005: 352–257*].

Another inscription was found near Weni's inscription – the titles of Khunes, another high official of the Sixth Dynasty period. Khunes is well-known from the texts inscribed in his tomb in Aswan [*Piotrowski 1967: 134*].

Two inscriptions containing titles of the nobleman Merymose, who served as King's Son of Kush during the reign of Amenhotep III of the Eighteenth Dynasty [*Piotrowski 1967: 136; Пуомповский 1983: 72–73*] are of great significance, particularly in the context of the Semna stela text, which tells of troops gathering in the Egyptian fortresses of Baki (Kuban) and Tery (Tombos) to fight against the country of Ibhet [*Morris 2005: 324–325*]. From this it can be assumed that Ibhet was located in Wadi al-Allaqi [*Zibelius-Chen 1994: 412–417; Cooper 2020:125–129*]. Interestingly, the image of a horse is shown alongside Merymose's inscription – perhaps a depiction of his mount in the desert (**Fig. 16**).

Another extremely important find made at Umm Ashira (another stop on the road to gold bearing mines of Wadi al-Allaqi) are the fragments of a stone stela carrying an image of Ramses II bringing a sacrificial offering to the god Min and a fragmentary yet clearly legible inscription naming a well: 'Ramses Mery-Amon, brave in life' [*Piotrowski 1967: 133; Пуомповский 1983: 29–30*]. A well of the same name is mentioned on the so-called Kuban stela found in 1842 in the ruins of the Baki fortress near the settlement of Kuban, where Wadi al-Allaqi enters the Nile. The text on the Kuban stela states that Pharaoh Ramses II ordered this well to be dug during the third year of his reign in order to supply expeditions going to the country of Ikayta to mine gold. The name of the well on the Kuban stela was in-

complete, with the last two words missing. However, the discovery of the Umm Ashira stela made it possible to reconstruct the full name of the well and locate the country of Ikayta in the Wadi al-Allaqi [*Крол и др. 2025; Cooper 2020:133*].

The second expedition season came to a close in March of 1963. The onset of spring saw a sharp increase in temperature, making work in the Nubian Desert difficult, and even completely impossible in April.

The Soviet expedition would not return to Nubia the following year. The USSR government refused to fund the project to relocate the Dakka temple. There were no other promising sites on the territory of the Soviet concession, and the expedition – it seemed – had placed too much trust in their guide Ibrahim Hussein Shwoyna (**Fig. 17**).

B. B. Piotrovsky's diary entry of 30 January 1963 about this guide reads, "Ibrahim insists that there are no Egyptian inscriptions or rock art beyond Umm Ashira. We looked for grottoes and places suitable for inscriptions. There are sherds near some grottoes, but no inscriptions. On the right there is a passage to Wadi Gabgaba, where there are again ridges. But Ibrahim insists that there, too, there are no inscriptions or images.

Thus, unfortunately, we lost the traces of the ancient Egyptian expeditions to the gold mines beyond Umm-Ashira" [*АГЭ. Ф. 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Дневник №2: 18*].

But the guide was wrong.

Egyptian inscriptions can be found a good 200 km further into Wadi al-Allaqi, and also in Wadi Gabgaba, throughout most of the dry river bed and up to the Nile around Abu Hamed [*Davies 2020: 186–221*]. This suggests that the gold mine in Umm Garayat, about 90 km from the Nile, was not the sole or most important destination of Egyptian expeditions setting out from the Baki (Kuban) fortress along Wadi al-Allaqi, but the headwaters of the Wadi itself. The reasons for this may lie in the peculiarities of the climate in the Red Sea Hills, the source of the Wadi.

The climate in region of Wadi al-Allaqi

The main distinctive feature of this region along the 22nd parallel, marking the border between Egypt and Sudan – are the Red Sea Hills, which reach their

maximum height of 1.5 km in this area. The region where the wadi takes its origin receives heavy precipitation during the transition from autumn to winter (**Fig. 18**). Continental winds from the north gather moisture as they pass over the warm Red Sea, bringing orographic rainfall to the Red Sea Hills [*El-Tom 1975: 27–28; Krzywinski 2001: 29*]. The multiple wadis carry this precipitation as mudflows down to the Nile [*Hinkel 1992: 35*]. Occasionally, the rainfall is sufficient to convert the usually dry wadi into a temporary stream for a part of all of its length. The French engineer L. de Bellefonds wrote that in 1830, the torrent from the wadi into the Nile was so strong as to prevent his boat ('dahabiya') sailing up the river past the point of influx in spite of the good wind and all sails set [*Linant de Bellefonds 1868: 1*].

Part of the moisture is absorbed into the alluvium deposits of the wadi and accumulates in bedrock cavities, forming large water sources aquifers [*Krzywinski 2001: 29*]. For this reason, the upper reaches of Wadi al-Allaqi have trees, mainly various species of acacias (*Acacia raddiana*, *A. tortilis* and *A. ehrenbergiana*), as well as *Balanites aegyptiaca*, *Maurea crassifolia*, *Salvadora persica*, *Ziziphus spina-christi*, and a large number of ephemerals (for several months after rainfall) [*Springuel, Mekki 1994*].

This vegetation serving as a source of food, building material and fuel for the Beja people of the Bishari tribe who lived here, as well as fodder for their herds. The ancestors of the Beja may have been the Medjay and Blemmyes peoples who had lived here for some 4000 years [*Herzog 1985: 161–172*]. An ecological niche probably formed here around the 4th millennium BC, at the end of the Neolithic Subpluvial period, when the savannah gave way to desert and the people living in the region of the Red Sea Hills turned to nomadic herding. They remain nomadic herders to this day (**Fig. 19**).

In our opinion, expeditions travelled in this direction, to the source of the Wadi, to mine gold.

The wadi grows much broader as it leaves the Red Sea Hills, while the mountain slopes grow less steep. There is almost no precipitation here and consequently, no vegetation. This tallies with the description of the lower reaches of the Wadi noted in the B. B. Piotrovsky's diary and A. V. Vinogradov's book [*B преддверии 2026: 143*].

Mining in the Wadi al-Allaqi

At first, Egyptians were attracted here by the available stone. A stone expedition was organised to one of the quarries in Wadi al-Allaqi by Weni, a high official under Pharaoh Merenre of the Fifth Dynasty.

Copper was the main ore mined in the region during the Middle Kingdom. We know of the mines in Seyala, some 90 km east of the Baki (Kuban) fortress, where almost 220 t of slag was found. It is estimated that about 12 t of smelted copper was obtained [*Lucas 1927: 166*]. This was only a portion of the copper. The slag and furnaces found in the mines indicate that some of the ore was smelted on-site [*Lucas 1927: 164*]. As for gold, R. and D. Klemm suggest it was mined not by Egyptians, but by the people living in the Eastern Desert, who would exchange it for Egyptian goods in the valley, near the mouth of the Wadi [*Klemm R., Klemm D. 2013: 8*].

From the New Kingdom to the present day, it is gold ore that draws people to the Eastern Desert. The gold mines of the pharaonic period can be divided into three groups: the northern group in the mountainous region along the Red Sea between Wadi Hammamat and Wadi Abbad; the central group, the road to which lay through Wadi al-Allaqi and Wadi Gabgaba; the southern group along the valley of the Nile. According to Egyptologist J. Vercoutter, this corresponds to the three gold-bearing areas recorded in Egyptian sources: the Coptos Desert, Wawat, and Kush [*Vercoutter 1959: 128*]. The richest gold-yielding region was Wawat. According to the annals of Thutmose III, 2554 debens (232.4 kg) of gold was mined in Wawat state during the 34th year of his reign alone, while the mines of Kush yielded only 300 debens (27.5 kg) [*Vercoutter 1959: 130*]. As a possible explanation, Vercoutter suggests that Wawat mined gold in both Wadi al-Allaqi and Wadi Gabgaba, while Kush did so only in the area between Buhen and Kerma [*Vercoutter 1959: 130*]. He also suggests that the gold mining area of Wawat might have extended as far as Deraheib and Onib in the Red Sea Hills [*Vercoutter 1959: 130*].

Expeditions of the Centro Ricerche sul Deserto Orientale discovered that gold was mined in the interior regions of the Nubian Desert during the pharaonic period. Between 1989 and 2006, the CeRDO

expeditions explored a vast territory of more than 90,000 sq km – about the size of Ireland – in the northern part of the Nubian Desert, discovering more than 200 archaeological sites, including petroglyph clusters, cemeteries and, above all, gold mining sites of the pharaonic and Islamic periods [Castiglioni *et al.* 1998].

The CeRDO explorations added significantly to the corpus of ancient Egyptian inscriptions found along the roads connecting Korosko and Abu Hamed. A joint expedition of the Sudan Archaeological Research Society and the British Museum further recorded, studied and published these inscriptions in 2013 [Vivian Davies 2020: 185–220]. German researchers Rosemarie and Dietrich Klemm also conducted field seasons between 1996 and 1999 to survey gold mining activity in Egypt and Nubia of the ancient and medieval periods. During their fieldwork, they discovered over 250 gold mining sites in the Eastern and Nubian Deserts. Their results indicate that the Wadi al-Allaqi region, from its mouth right up to its headwaters, contained a fairly dense network of mines extending even to Deraheib. Both the CeRDO's expeditions of the late 1990s and the Lomonosov MSU's Research Institute and Museum of Anthropology expeditions of 2017–2022 have found ancient Egyptian artefacts at the site [Krol *et al.* 2024]. It has even been suggested that a goldminers' settlement depicted on two pieces of papyrus kept in the Turin Museum might have been located in Wadi al-Allaqi [Budge 1907: 335–336; *Пуомповский* 1983: 18–19] and perhaps even in Deraheib [Paul 1954: 27; Castiglioni *et al.* 1998: 150].

R. and D. Klemm propose that Deraheib was an important way-station, not only on the road to the Red Sea but also on the route to the Onib region and its richer auriferous quartz veins [Klemm R., Klemm D. 2013: 445]. Indeed, five New Kingdom settlements have been found in this region, to the southeast of Deraheib.

Thus, it is clear that gold was mined throughout the Wadi al-Allaqi region both in the pharaonic era and later, during the medieval period. Moreover, gold mining was more pronounced in the headwaters of the Wadi than in the arid and barren dry Wadi bed near its mouth – the area surveyed by the Soviet expedition.

R. and D. Klemm dated the gold mines they discovered on the basis of analyses of pottery and findings related to the ore processing technology used at the

site. An important innovation of the New Kingdom was the grinding mill consisting of a flat slab measuring about 30×60 cm – preferably of hard stone – used together with a mobile grinding or runner stone. This mill was similar to stones for grinding grain into flour, which had been in use in the Nile valley since the Predynastic period [Klemm R., Klemm D. 2013: 9]. Used and worn stone mills are the main markers of New Kingdom mines. According to R. and D. Klemm, gold mining intensified in the New Kingdom period as a result of increasing geological knowledge combined with systematic prospecting for gold-bearing veins in the Eastern and Nubian Deserts. Egyptians quarried auriferous ore both by mining quartz veins and by crushing pieces of quartz collected near veins damaged by erosion (wadi-workings). The rock was crushed with a pestle on an anvil slab (a stone with a semi-circular groove) to pea-sized bits, which were then ground in stone mills. This milled 'flour' was washed to separate the heavier gold particles from the rest [Klemm R., Klemm D. 2013: 9–10]. In Wadi al-Allaqi, gold was quarried mainly through wadi-working [Klemm R., Klemm D. 2013: 11]. This technology was applied in a mine in Samut el-Beda, a site between Edfu and Marsa Alam, and arguably the largest New Kingdom mine to have been surveyed in the Eastern Desert [Redon *et al.* 2020: 157]. Although a large number of workers were employed here in mining gold (218 huts were found), the entirety of the gold obtained was from disintegrated rock [Redon *et al.* 2020: 157]. The Egyptians also mined placer or alluvial gold.

Evidence for the intensive gold mining activities in the Wadi al-Allaqi region include the typical huts used by gold miners, numerous stone mills and stone pestles, and inscriptions left by the officials accompanying the expeditions. Of the 200 inscriptions discovered by Soviet archaeologists within a 100 km zone along the dry river bed, 75% were found in Umm Ashira (Bir al-Askari) [*Пуомповский* 1983: 30], with the majority of them dating to the Nineteenth Dynasty [*Пуомповский* 1983: 31].

Unfortunately, only one hieroglyphic inscription was found in the headwaters of Wadi al-Allaqi, about 20 km away from Deraheib, in Wadi Nesari, a dry river bed running parallel to Wadi al-Allaqi [Castiglioni *Al.*, Castiglioni *An.* 2007: 42–44]. The inscription was left by 'Deputy Bakenamun', who probably accompanied

the Ramesside expeditions to the Nubian Desert [Vivian Davies 2020: 211] (Fig. 20). The absence of hieroglyphic inscriptions in Deraheib itself does not mean that there was no gold mining here during the pharaonic period. Inscriptions may not have survived, or simply lie buried under rockfalls, waiting to be discovered.

According to Vercoutter, gold mining was revived in Wadi al-Allaqi and Wadi Gabgaba during the Napatan and Early Meroitic periods. Lower Nubia was conquered during the reign of Ptolemy II Philadelphus, and the Dodekaschoinos border was established near Maharraqa to provide unhindered passage for expeditions along Wadi al-Allaqi [Vercoutter 1959: 138–139; Griffith 1937: 1].

In his treatise *On the Erythraean Sea*, the historian and geographer Agatharchides of Cnidus (pre 200 – post 145 BC), who lived and worked in Alexandria, describes the gold mining process under the Ptolemies in detail [Бухарин 2018: 63–66].

Agatharchides' description is corroborated by archaeological evidence from North Samut in the Eastern Desert, one of the large gold mining centres of the Ptolemaic period (last quarter of the 4th millennium BC) [Redon et al. 2020: 160]. However, the Greek author states that the entire technological process – from mining the auriferous ore to processing it and extracting the gold – took place in the mine. In that case, the mine would have to be located close to both a source with sufficient water for washing the ore and a source of fuel for smelting it. Water and fuel would also be needed for the daily needs of the large number of people engaged in mining [Redon et al. 2020]. Researchers studying the Ptolemaic era mines in Samut have cast doubts on Agatharchides' assertion that rock disintegration was achieved through heating, arguing that wood is an extremely rare and valuable commodity in the desert [Faucher 2018: 4]. They similarly doubt the washing and smelting of the gold ore in Samut because of the large quantities of water and fuel required. Additionally, excavations at this site have yet to uncover the devices used for washing the ore described by Agatharchides [Faucher 2018: 10]. Instead, scholars believe that ore was transported to the Nile valley for washing and smelting [Redon et al. 2020: 161].

However, the headwaters of Wadi al-Allaqi offer sufficient water and vegetation, and prospectors of an-

cient and medieval times may have been mining gold here throughout the year. It is not by accident that the only city in the Nubian Desert is located in the headwaters of the Wadi, in the area of the Deraheib archaeological site.

This site was discovered in 1832 by L. de Bellefonds, an engineer charged with assessing the gold reserves in the Wadi al-Allaqi region. Deraheib is also mentioned several times in articles by officials of the British colonial administration, who had turned to scholarly pursuits in their leisure time [Paul 1954: 27; Newbold 1948: 33–34]. However, scientific exploration of the ancient sites in the headwaters of Wadi al-Allaqi began only in 1989 with the previously mentioned expedition of the the Centro Ricerche sul Deserto Orientale led by Alfredo and Angelo Castiglioni [Castiglioni et al. 1998; Castiglioni Al., Castiglioni An. 2020b: 41–47] (Fig. 21).

The Castiglioni brothers believed Deraheib might be the Berenice Panchrysos mentioned in the sixth book of Pliny the Elder's *Natural History* (VI, 170). This hypothesis was discussed in 1990 by an International committee of Egyptologists and Nubiologists including I. Caneva, C. Bonnet, J. Vercoutter, S. Donadoni, A.-M. Donadoni Roveri, Al. Castiglioni, An. Castiglioni, and G. Negro. The committee endorsed the identification of the site discovered by the Castiglioni expedition as Berenice Panchrysos [Al. Castiglioni, An. Castiglioni 2020b: 44]. However, no compelling evidence was presented to prove that Berenice Panchrysos of the Ptolemaic period had once stood upon the present site of Deraheib, i.e. that the latter was not simply an unknown gold mine but indeed an important one. Agatharchides' claim that the Ptolemies mined gold in the southern borderlands of Egypt [Бухарин, Крол: 2020] was offered as proof, together with the tetradrachm of Ptolemy Soter found at the settlement of Deraheib by the expedition in February 1989 using a metal detector [Al. Castiglioni, An. Castiglioni 2020b: 44]. Any ancient Egyptian artefacts and Graeco-Roman ceramics found in the following seasons have not been published [Krol et al. 2024], and in no way do these isolated finds indicate that Pliny the Elder's 'lost' city of Berenice can be identified with Deraheib.

Although Deraheib most likely was not the legendary Berenice Panchrysos, it may have functioned as a major gold mining centre of the Ptolemaic and Roman periods thanks to its unique ecological conditions.

However, it was after the Arab conquest of Egypt that gold mining became a truly large-scale activity here. In the 9th century, Wadi al-Allaqi was transformed – in the flowery language of the Arab geographer al-Ya'qubi – into “great town, where Arabs and non-Arabs live together: there are markets where business is transacted” [Vantini 1975: 77]. This was when the Wadi probably got its name, which, according to the Arab historian al-Hamdani, comes from the name of an Arab tribe, the Banu Allaq [Dunlop 1957: 40]. Gold mining was reintroduced in the region mainly by Arabs who had moved to Africa from the Arabian Peninsula after Egypt became part of the Caliphate in the 7th century. The Arabs introduced their own advanced technology of gold mining from the Arabian Desert, which were equally advanced for the Eastern and Nubian Deserts. These deserts on opposite sides of the Red Sea are part of the common Nubian-Arabian shield, rich in gold deposits. The main technological innovation of the Arab period was related to ore processing. The Arabs introduced the rotary mill consisting of a flat stationary stone of 40 to 60 cm diameter and an upper rotary disc with a central fill hole and a lateral perforation for the handle [Klemm R., Klemm D. 2013: 16]. A further innovation was an inclined washing table used to extract the gold contained in the silica ore slurries [Klemm R., Klemm D. 2013: 18–19]. These innovations boosted the gold output. The number of mines also increased, with some growing into large settlements, such as Wadi Eleiga in the Eastern Desert in Egyptian territory. However, only Deraheib (Al-Allaqi in Arab sources), the capital of the richest gold-bearing region of the Nubian Desert, could be called a city [Krol, Tolmacheva 2023: 251–261].

Gold from the outlying mines was brought here by miners, who would gather on Fridays to listen to the preacher and offer prayers, buy groceries and tools in the market, and deposit gold obtained after washing for safe-keeping. One of the haj pilgrimage routes passed through Al-Allaqi [Krol 2018: 20–31]. The faithful sailed up the Nile to Aswan, where they would wait for a pilgrim caravan to assemble for travel across the Nubian Desert, stopping in Al-Allaqi and reaching the Red Sea port of Aydhab in two weeks, from where they would sail onto Hejaz in the Arabian Peninsula [Krol 2018: 20–31].

The Aswan – Aydhab route was also used by trading caravans to transport goods from southeast Asia

(mainly spices and ceramics), Africa and West Asia across the Nubian Desert.

The route through Wadi al-Allaqi and Deraheib was in active use up until the 12th century, after which it appears that the road through this region was no longer considered safe. During the 1070s, Fatimid Egypt experienced a prolonged crisis caused by a succession of poor harvests and epidemics followed by internal turmoil due to confrontations between Turk and Berber mercenaries, on the one hand, and mercenaries from Sudan, on the other hand [Garcin 1976: 77–79]. The Beja took advantage of the weakened central power and began plundering trading caravans and mines as they had frequently in the past. As a result, caravan routes moved north and gold mining was discontinued [Krol 2020: 203–217].

The city of Al-Allaqi and the entire gold mining region went into a gradual decline. Life returned here only during the rule of Muhammed Ali in Egypt, who sent several expeditions to the Nubian Desert to prospect for gold. Deraheib was then ‘re-discovered’ in 1832 by the expedition mounted by the French engineer Linant de Bellefonds [Linant de Bellefonds 1868: 70–72].

In the early 20th century, European companies began mining the Eastern and Nubian Deserts extensively for gold, including the mines of Umm Garayat in Wadi al-Allaqi [Klemm R., Klemm D. 2013: 314–316], Deraheib and Onib [Newbold 1948: 33–34].

Gold mining activities in Wadi al-Allaqi would periodically diminish as a result of the political instability of the governments controlling the Nile valley, which made operations unprofitable or unsafe. At other times mining activities would increase. Gold rushes were seen on three occasions: during the New Kingdom, when the rulers of the Eighteenth and Nineteenth Dynasties required gold to implement their geopolitical and architectural projects; during the 9th–11th centuries, when the Abbasid and Fatimid Caliphates wanted gold to mint dinars; and from 2011, when Sudan split into two states and living standards dropped sharply for the bulk of the population, sparking a rage of gold mining in the Nubian Desert which the government could practically not control. During the height of this latest gold fever, which lasted until 2018, the desert was home to millions of Sudanese using either primitive methods to extract the gold, such as manually crushing

pieces of quartz or mercury amalgamation, or even implementing modern mining and processing technology. Around 100 t of gold was extracted every year in this time.

In their search for gold, prospectors lacking professional knowledge would usually search for traces of old mines, which lay preserved over millennia by the arid climate of the desert. As a result, many mining settlements in the Nubian Desert belonging to the New Kingdom and Arab periods have been destroyed, together with the ancient and medieval mines themselves. Deraheib, however, was lucky. Its main structures, the Northern and Southern Fortresses and the Settlement, have suffered little damage. However, the section of the site dated by the Castiglioni brothers to the Ptolemaic period – the so-called Granite City – has been completely demolished.

The situation is no better in Egypt, we hear ...

The civil war in Sudan that started more than two years ago put an end to active gold mining in the Nubian Desert. It became prohibitively expensive and unsafe. Again, history repeats itself. Once the turmoil ends, thousands of Sudanese will again head into the desert in search of a better life. It is impossible to stop this process. We can only move quickly to study the mining sites of the past that have not yet been destroyed, together with the cemeteries of the Nubian Desert nomads, the rock inscriptions and petroglyphs, and the material and spiritual culture of the Bishari Beja people who now live in Central Atbai. And repeat what our compatriots managed to do sixty years ago at the mouth of Wadi al-Allaqi, when they saved the monuments of Nubia from oblivion.

Alexei A. Krol

Список иллюстраций

1. Ил. 1. Участники первого сезона Нубийской экспедиции. Стоят (слева — направо): О. Г. Большаков, А. В. Виноградов, Н. Я. Мерперт, В. В. Пименов. Сидят (слева — направо): первый — Л. А. Петров, второй — П. Д. Даровских, пятый — Б. Б. Пиотровский, шестой — Ф. Якуб. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.

Fig. 1. Members of the Nubian expedition of the USSR Academy of Sciences (1961–1962). Standing (from left to right): O. G. Bolshakov, A. V. Vinogradov, N. Ya. Merpert, V. V. Pimenov. Seated: the first from the left is L. A. Petrov, then P. D. Darovskikh, the fifth from the left is B. B. Piotrovsky, then F. Yacoub. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.

2. Ил. 2. Рипсимэ Микаэловна и Борис Борисович, принцесса Ага-Хан с друзьями в лагере советской экспедиции. Второй слева — О. Г. Большаков, четвертая слева — принцесса Ага-Хан, далее — Р. М. Джанполадян-Пиотровская, Б. Б. Пиотровский. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.

Fig. 2. Hripsime Mikaelovna and Boris Borisovich with the Princess Aga Khan and her friends at the camp of the Soviet expedition. The second from the left is O. G. Bolshakov, the fourth from the left is Princess Aga Khan, next to her — R. M. Djanpoladian-Piotrovskaya, B. B. Piotrovsky. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.

3. Ил. 3. Б. Б. Пиотровский и А. П. Окладников во время поездки в Нубию. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.

Fig. 3. B. B. Piotrovsky and A. P. Okladnikov during their trip to Nubia. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.

4. Ил. 4. Б. Б. Пиотровский и А. П. Окладников со студентами и преподавателями Каирского университета. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.

Fig. 4. B. B. Piotrovsky and A. P. Okladnikov with students and professors of the Cairo University. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.

5. Ил. 5. Схематическая карта памятников Нижней Нубии из дневника Б. Б. Пиотровского. Указаны места ночевки во время ознакомительной поездки по Нубии. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.

Fig. 5. A schematic map of the Lower Nubia archaeological sites from the diary of B. B. Piotrovsky. The locations of overnight stays during the study trip to Nubia are marked. File from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.

6. Ил. 6. Верхушки пилонов храма в Дакке. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.

Fig. 6. Tops of the pylons of the temple in Dakka. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

7. Ил. 7. Грушевидная булава из розового кварца. Некрополь 137 в Сайяле. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.

Fig. 7. Pear-shaped mace head made of pink quartz. Cemetery 137 at Sayala. Page from Piotrovsky's diary. The State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.

8. Ил. 8. Раскопки археологического комплекса в Хор-Дауде. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.

Fig. 8. Excavations of the archaeological site at Khor Daud. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.

9. Ил. 9. Некрополь у селения Хор-Набрук. Раскопки второго сезона Нубийской экспедиции. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.

- Fig. 9. Necropolis near the village of Khor Nabruk. Excavations of the second season of the Nubian expedition. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
10. Ил. 10. Котловина Ониб. В правом нижнем углу видна часть некрополя Хофра с каменными дисковидными курганами. Съемки с дрона: © К. Самурский.
- Fig. 10. Onib Depression. A part of the Khofra necropolis with stone disc-shaped mounds is visible in the lower right corner. Drone footage: © K. Samursky.
11. Подготовка к эстампированию надписей и петроглифов на одной из скал в местности Умм-Ашира. Фото: А. В. Виноградов. 1962. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 11. V. V. Pimenov is getting ready to take estampages of the inscriptions and petroglyphs in Umm-Ashira. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
12. Ил. 12. Низовья Вади-аль-Аллаки. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 12. Lower reaches of Wadi al-Allaqi. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
13. Ил. 13. Дневниковые записи Б. Б. Пиотровского от 3 марта 1962 г. о поездке в Вади-аль-Аллаки. Скалы Умм-Агайба. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Дневник № 1 : 69. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 13. Diary entries of B. B. Piotrovsky from March 3, 1962 about a trip to Wadi al-Allaqi. Cliffs of Umm Agaib. File from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. Diary No 1: 69. © The State Hermitage Museum.
14. Ил. 14. В. В. Пименов за эстампажем надписей в Вади-аль-Аллаки. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 14. V. V. Pimenov taking estampage of inscriptions in Wadi al-Allaqi. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
15. Ил. 15. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского. Запись от 3 марта 1962 г. о поездке в Вади-аль-Аллаки. Надписи на скалах Умм-Аширы. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Diary No 1: 69. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 15. The page from the diary of B. B. Piotrovsky. Entry from March 3, 1962 about a trip to Wadi al-Allaqi. Inscriptions on the rocks of Umm Ashira. File from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. Diary No 1: 73. © The State Hermitage.
16. Ил. 16. Надпись «царского сына Куша» Меримесе из Умм-Аширы. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 16. Inscription of the 'King's son of Kush', Merimose, from Umm Ashira. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
17. Ил. 17. Проводник Ибрагим Хусейн Швойна и О. Г. Большаков. Из архива О. Г. Большакова. Публикуется с разрешения А. О. Большакова. © А. О. Большаков.
- Fig. 17. Guide Ibrahim Hussein Shwoyna and O. G. Bolshakov. Photo from the archive of O. G. Bolshakov. Published with permission of A. O. Bolshakov. © A. O. Bolshakov.
18. Ил. 18. Остановка по пути в Дерахейб. Ноябрьские дожди размывли часть дороги. Фото: А. Скурат. © А. Скурат.
- Fig. 18. Stop on the way to Deraheib. The November rains had washed away part of the road. Photo: A. Skurat. © A. Skurat.
19. Ил. 19. Дерахейб. Фото: К. Самурский. © К. Самурский.
- Fig. 19. Deraheib. Photo: K. Samursky. © K. Samursky.
20. Ил. 20. Альфредо Кастильони перед надписью: «Заместитель Бакенамон» в Вади-Несари. Публикуется с разрешения Центра изучения Восточной пустыни. © Центр изучения Восточной пустыни.
- Fig. 20. Alfredo Castiglioni stands before the rock inscription that reads: 'Deputy Bakenamon' in Wadi Nesari. Published with permission of the Centro Ricerche sul Deserto Orientale. © Centro Ricerche sul Deserto Orientale.
21. Ил. 21. Анджело Кастильони на фоне городища Дерахейб. Публикуется с разрешения Центра изучения Восточной пустыни. © Центр изучения Восточной пустыни.

- Fig. 21. Angelo Castiglioni in front of the Deraheib settlement. Published with permission of the Centro Ricerche sul Deserto Orientale. © Centro Ricerche sul Deserto Orientale.
22. Ил. 22. А. В. Виноградов. 1960-е гг. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 22. A. V. Vinogradov. 1960s. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
23. Ил. 23. Городище Джанбас-Кала, Каракалпакстан. Четвертый слева: А. В. Виноградов, пятая — Е. А. Виноградова. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 23. The Janbas Kala settlement, Karakalpakstan. The fourth from the left is A. V. Vinogradov, the fifth from the left is E. A. Vinogradova. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
24. Ил. 24. А. В. Виноградов (первый слева) с коллегами у ног статуи Будды. Бамиан. Афганистан. 1980-е гг. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 24. A. V. Vinogradov (first from the left) with colleagues at the feet of Buddha statue. Bamiyan. Afghanistan. 1980s. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
25. Ил. 25. А. В. Виноградов на раскопках в Каракалпаккии. 1987 г. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 25. A. V. Vinogradov at excavations in Karakalpakstan. 1987. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
26. Ил. 26. Н. Я. Мерперт и американский археолог М. Гимбутас. 1966 г. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН
- Fig. 26. N. Ya. Merpert and American archaeologist M. Gimbutas. 1966. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
27. Ил. 27. Н. Я. Мерперт рядом с одной из хозяйственных ям Хор-Дауда. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского.
- Fig. 27. N. Ya. Merpert next to one of the storage pits of Khor Daud. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
28. Ил. 28. Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков. Первый сезон Нубийской экспедиции. Фото: © Л. А. Петров. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой.
- Fig. 28. N. Ya. Merpert and O. G. Bolshakov. The first season of the Nubian expedition. Photo: © L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova.
29. Ил. 29. Н. Я. Мерперт и О. Г. Большаков во время раскопок на Ярым-Тепе. Завязавшаяся еще в Нубии дружба связывала Николая Яковлевича и Олега Георгиевича Большакова всю жизнь. Фото из архива В. И. Гуляева. © ИА РАН.
- Fig. 29. N. Ya. Merpert and O. G. Bolshakov during excavations at Yarym-Tepe. The friendship of Nikolai Yakovlevich and Oleg Georgievich Bolshakov began in Nubia and would continue throughout their lives. Photo from the archive of V. I. Gulyaev. © IA RAS.
30. Ил. 30. Телль-Хазна. Лагерь экспедиции. Стоят слева направо: А. Н. Смирнов, Н. К. Ревенков, Саид Фахд (Абу Мухаммад) (сторож экспедиции), Ш. Н. Амиров, Антуан Сулейман, Н. Я. Мерперт, Ю. Б. Цетлин, Р. М. Мунчаев. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 30. Tell Hazna. Expedition camp. From left to right, standing: A. N. Smirnov, N. K. Revenkov, Said Fahd (Abu Muhammad) (expedition guard), Sh. N. Amirov, Antoine Suleiman, N. Ya. Merpert, Yu. B. Tsetlin, R. M. Munchaev. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
31. Ил. 31. Л. А. Петров. 1955 г. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 31. L. A. Petrov. 1955. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
32. Ил. 32. Рисунок из журнала Крокодил за 1961 г. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.

- Fig. 32. Drawing from the *Krokodil* magazine. Issue 5, 1961. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
33. Ил. 33. Л. А. Петров на фоне палаток лагеря Нубийской экспедиции. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 33. L. A. Petrov in front of the tents in the Nubian Expedition camp. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
34. Ил. 34. Лев Аркадьевич Петров с дочерью Мариной Львовной Петровой на праздновании своего 60-летнего юбилея в Центральном доме архитекторов. 1968 г. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 34. Lev Arkadyevich Petrov with his daughter Marina Lvovna Petrova at the celebration of his 60th birthday at the Central House of Architects. 1968. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
35. Ил. 35. Статуэтка «лев» – подарок Л. А. Петрову к 60-летию юбилею от коллектива ЦНРМ. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 35. The 'lion' statuette, a gift to L. A. Petrov for his 60th birthday. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
36. Ил. 36. Каир. Площадь Талаат Харба. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 36. Cairo. Talaat Harb Square. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
37. Ил. 37. Вид на Каир из Цитадели. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 37. View of Cairo from the Citadel. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
38. Ил. 38. Плато Гиза. Великие пирамиды. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 38. Giza Plateau. Great Pyramids. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
39. Ил. 39. Каир. Вид на Гезиру. В центре – Каирская башня. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 39. Cairo. View of Gezira. In the centre – the Cairo Tower. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
40. Ил. 40. Храм в Герф-Хусейне. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 40. Temple in Gerf Hussein. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
41. Ил. 41. Абу-Симбел. Храм Рамсеса II. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 41. Abu Simbel. Temple of Ramses II. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
42. Ил. 42. Абу-Симбел. Храм царицы Нефертари. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 42. Abu Simbel. Temple of Queen Nefertari. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
43. Ил. 43. Асуан. Набережная. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 43. Aswan. The Nile Corniche. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
44. Ил. 44. Багажная бирка А. В. Виноградова на самолет в Асуан. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 44. A. V. Vinogradov's luggage tag for the plane to Aswan. From the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
45. Ил. 45. Улица в Асуане. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 45. Street in Aswan. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
46. Ил. 46. Девушки с винтовками. Школьницы на демонстрации и параде 9 декабря 1961 г. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 46. Girls with rifles. Schoolgirls at the demonstration and parade on December 9, 1961. Photo from

- the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
47. Ил. 47. Живописный Асуан. Вид на Нил в районе Асуана. Слева — древнеегипетский некрополь Куббет-эль-Хава. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 47. Picturesque Aswan. View of the Nile in Aswan. On the left is the ancient Egyptian necropolis of Qubbet el-Hawa. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
48. Ил. 48. Асуан. Отель «Катаракт». 1963 г. Фото: Р. М. Джанполадян-Пиотровская. Негатив I 51022. © Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
- Fig. 48. Aswan. Cataract Hotel. 1963. Photo: Hr. M. Djanpoladian-Piotrovskaya. Negative I 51022. © Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.
49. Ил. 49. Фелюги на Ниле в Асуане. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 49. Feluccas on the Nile in Aswan. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
50. Ил. 50. Остров Элефантина. Блоки храма (вероятно, в Дендуре), разобранные и вывезенные из зоны затопления. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 50. Elephantine Island. Blocks of a temple (probably in Dendur), dismantled and removed from the flooded part of Nubia. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
51. Ил. 51. Дорога в Дакку, к лагерю советской экспедиции. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 51. En route to Dakka, to the camp of the Soviet expedition. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
52. Ил. 52. Инспектор египетской Службы древностей Фуад Якуб. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 52. Fouad Yacoub, Inspector of the Egyptian Antiquities Service. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
53. Ил. 53. Лагерь советской экспедиции в первый сезон работ. Акварель Л. А. Петрова. Из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 53. The camp of the Soviet expedition during the first season of work. Watercolour by L. A. Petrov. From the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
54. Ил. 54. Повар Абду. Фото: Р. М. Джанполадян-Пиотровская. Негатив I 51028. © Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
- Fig. 54. Cook Abdu. Photo: Hr. M. Djanpoladian-Piotrovskaya. Negative I 51028. © Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.
55. Ил. 55. Керамика из Хор-Дауда в лагере экспедиции. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 55. Khor Daud ceramics in the expedition camp. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
56. Ил. 56. Экспедиционный «порт». Сезон 1962–1963 г. Фото: Р. М. Джанполадян-Пиотровская. Негатив I 51004. © Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
- Fig. 56. Expedition 'port'. Season 1962–63. Photo: Hr. M. Djanpoladian-Piotrovskaya. Negative I 51004. © Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.
57. Ил. 57. Лагерь советской экспедиции в первый сезон работ. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 57. The camp of the Soviet expedition during the first season of work. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
58. Ил. 58. Одна из хозяйственных ям Хор-Дауда. Из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 58. One of the storage pits of Khor Daud. From the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
59. Ил. 59. Схематический план местности, где был расположен памятник Хор-Дауд. Из архива Н. Я. Мерперта. Мерперт Н. Я. Полевой дневник

- (27 декабря 1961 – 5 марта 1962). Запись от 30 декабря 1961 г. С. 16. © ИА РАН.
- Fig. 59. Layout of the area where the Khor Daud site was located. From the archive of N. Ya. Merpert. Merpert N. Ya. *Field diary (December 27, 1961 – March 5, 1962)*. Entry from December 30, 1961. P. 16. © IA RAS.
60. Ил. 60. Б. Б. Пиотровский перед хор-даудской керамикой. Шуточная фотография, на которой Борис Борисович в традиционном египетском одеянии, с четками, стоит перед рядами сосудов, найденных в хор-даудских хозяйственных ямах. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 60. B. B. Piotrovsky in front of Khor Daud pottery. A humorous photo of Boris Borisovich wearing a traditional Egyptian jellabiya, holding a prayer beads, and standing in front of rows of vessels found in the Khor Daud storage pits. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
61. Ил. 61. Рисунок хозяйственной ямы № 3А из дневника Н. Я. Мерперта. Из архива Н. Я. Мерперта. *Мерперт Н. Я. Полевой дневник (27 декабря 1961 – 5 марта 1962)*. Запись от 9 января 1962 г. С. 41. © ИА РАН.
- Fig. 61. Drawing of a storage pit 3A from the diary of N. Ya. Merpert. From the archive of N. Ya. Merpert. Merpert N. Ya. *Field diary (December 27, 1961 – March 5, 1962)*. Entry from January 9, 1962. P. 41. © IA RAS.
62. Ил. 62. Реконструкция хозяйственной ямы № 3А. 3D-реконструкция: © О. С. Калинина.
- Fig. 62. Reconstruction of a storage pit 3A. 3D-Reconstruction: © O. S. Kalinina.
63. Ил. 63. Находки из хозяйственной ямы № 33 Хор-Дауда. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 63. Finds from the storage pit 33 of the Khor Daud site. Drawing from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
64. Ил. 64. Раскопки у селения Коштамна. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения
- Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 64. Excavations near the village of Koshtamna. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
65. Ил. 65. Могильник у села Коштамна. Могила № 21. Страница из полевого дневника Б. Б. Пиотровского. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 65. Necropolis near the village of Koshtamna. Grave 21. A page from the diary of B. B. Piotrovsky. From the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
66. Ил. 66. Заупокойный инвентарь из могилы № 21. Страница из полевого дневника Б. Б. Пиотровского. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 66. Finds from Grave 21. A page from the diary of B. B. Piotrovsky. From the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
67. Ил. 67. Погребение собаки (могила № 31). Некрополь в районе селения Коштамна. Страница из полевого дневника Б. Б. Пиотровского. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 67. Burial of a dog (Grave 31). Necropolis in the vicinity of the village of Koshtamna. A page from the diary of B. B. Piotrovsky. From the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
68. Ил. 68. В. В. Пименов склеивает сосуды, только что найденные на некрополе Хор-Набрук. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 68. V. V. Pimenov glues pottery vessels found on the Khor Nabruk necropolis. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
69. Ил. 69. Селение Курта. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.

- Fig. 69. The village of Kurta. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
70. Ил. 70. Кроки сакийи в окрестностях Хор-Дауда. Обмер Л. А. Петрова. Из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 70. Croquis of saqiya in the vicinity of Khor Daud by L. A. Petrov. From the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
71. Ил. 71. В лагере рабочих во время Рамадана. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградской. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 71. In the workers' camp during Ramadan. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
72. Ил. 72. Раскопки могильника Хор-Набрук. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 72. Excavations of the Khor Nabruk cemetery. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
73. Ил. 73. Страница из полевого дневника Н. Я. Мерперта. Могила № 97 некрополя Хор-Набрук. Из архива Н. Я. Мерперта. *Мерперт Н. Я. Полевой дневник (2 февраля – 15 марта 1963)*. Запись от 12 февраля 1963 г. С. 28. © ИА РАН.
- Fig. 73. A page from N. Ya. Merpert's field diary. Grave 97 of the Khor Nabruk necropolis. From the archive of N. Ya. Merpert. Merpert N. Ya. *Field diary (February 2, 1963 – March 15, 1963)*. Entry from February 16, 1963. P. 28. © IA RAS.
74. Ил. 74. Керамика из могильника в Хор-Набруке. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Дневник № 1: 90. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 74. Pottery from the necropolis at Khor Nabruk. A page from the field diary of B. B. Piotrovsky. From the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. Diary No 1: 90. © The State Hermitage Museum.
75. Ил. 75. Дети на раскопе. Некрополь Хор-Набрук. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 75. Children at the excavation site. Khor Nabruk necropolis. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
76. Ил. 76. Жители селения Курта у катера советских археологов. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградской. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 76. Residents of the village of Kurta next to the Soviet archaeologists' motorboat. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
77. Ил. 77. О. Г. Большаков. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 77. O. G. Bolshakov. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
78. Ил. 78. Селение Дакка. Часть домов оставлена жителями, переселившимися из зоны затопления. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 78. Dakka village. Some houses were abandoned by residents who moved from the flooded part of Nubia. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
79. Ил. 79. Детские рисунки в одном из оставленных домов селения близ Хор-Дауда. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградской. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 79. Children's drawings in one of the abandoned houses in the village near Khor Daud. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
80. Ил. 80. Нубийки перед воротами дома. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградской. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 80. Nubian women in front of the gate of the house. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
81. Ил. 81. Фасад нубийского дома. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 81. Facade of a Nubian house. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.

82. Ил. 82. Шадуф на Ниле. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.

Fig. 82. Shaduf on the Nile. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

83. Ил. 83. Заброшенная сакийя в окрестностях Хор-Дауда. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.

Fig. 83. Abandoned saqiya in the vicinity of Khor Daud. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.

84. Ил. 84. Вид на Дакку с Нила. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.

Fig. 84. View of Dakka from the Nile. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.

85. Ил. 85. Праздник в Дакке по случаю завершения поста в месяце Рамадан. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.

Fig. 85. A feast in Dakka to celebrate the end of Ramadan fasting. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

86. Ил. 86. Л. А. Петров рядом с мечетью в селении Дакка. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.

Fig. 86. L. A. Petrov next to a mosque in the village of Dakka. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.

87. Ил. 87. Кроки брошенного жилого дома в северной части селения Дакка. Обмер Л. А. Петрова. Из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.

Fig. 87. A croquis of an abandoned Nubian house in the northern part of the village of Dakka by L. A. Petrov. From the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.

88. Ил. 88. Брошенный нубийский дом в селении Дакка. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.

Fig. 88. Abandoned Nubian house in the village of Dakka. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.

89. Ил. 89. Стена нубийского дома. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.

Fig. 89. Wall of a Nubian house. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.

90. Ил. 90. Женщины селения Курта, плетущие «щиты». Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.

Fig. 90. Women of the village of Kurta plaiting 'shields'. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

91. Ил. 91. Страницы из дневника А. В. Виноградова со схемой плетения из пальмового лыка. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. Дневник № 2: 47. Diary No 2: 47. © Е. А. Виноградова.

Fig. 91. Pages from A. V. Vinogradov's diary with a palm bast plait pattern. From the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

92. Ил. 92. А. В. Виноградов за плетением «щитов» из пальмового волокна. Рядом — М. У. Юнисов. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.

Fig. 92. A. V. Vinogradov is plaiting a 'shield' of palm fibre. M. U. Yunisov is nearby. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

93. Ил. 93. М. У. Юнисов и В. В. Пименов в селении Курта. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.

Fig. 93. M. U. Yunisov and V. V. Pimenov in the village of Kurta. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

94. Ил. 94. Б. Б. Пиотровский и Ф. Якуб перед надписями Вади-аль-Аллаки. Поездка в Вади 23.02.1962 г. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig.94. B. B. Piotrovsky and F. Yacoub in front of the Wadi al-Allaqi inscriptions. Trip to the Wadi 23.02.1962. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
95. Ил. 95. Дорога к местности Абу-Дурва, богатой петроглифами и древними надписями. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig.95. The road to the Abu Durwa area, rich in petroglyphs and ancient inscriptions. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
96. Ил. 96. «Палимпсест» петроглифов и надписей на одной из скал Абу-Дурвы. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig.96. A 'palimpsest' of petroglyphs and inscriptions on one of the rocks of Abu Durwa. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
97. Ил. 97. В. В. Пименов эстампирует надписи. Рядом у лестницы Б. Б. Пиотровский и Н. Я. Мерперт. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig.97. V. V. Pimenov taking estampages of inscriptions. B. B. Piotrovsky and N. Ya. Merpert stand next to the staircase. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
98. Ил. 98. Страницы из дневника А. В. Виноградова с изображением додинастических лодок. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. Дневник № 2: 41. © Е. А. Виноградова.
- Fig.98. Pages from A. V. Vinogradov's diary with drawings of predynastic boats. From the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. Diary No 2: 41. © E. A. Vinogradova.
99. Ил. 99. Л. Н. Петров. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig.99. L. N. Petrov. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
100. Ил. 100. В свободное время участники экспедиции под руководством Б. Б. Пиотровского развлекали себя знакомством с азами иероглифики. На страницах дневника Н. Я. Мерперта сохранились такие «уроки». Здесь выписано в картуше тронное имя фараона Тутмоса III (Менхеперра), некоторые египетские слова, а также имена и фамилии участников экспедиции — самого Н. Я. и П. Д. Даровских. Из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig.100. In their leisure time, the members of the expedition entertained themselves by learning the basics of hieroglyphics under the guidance of B. B. Piotrovsky. The following 'lessons' were preserved in N. Ya. Merpert's diary. Here, we find the throne name of Pharaoh Tuthmosis III (Menheperra) written, together with some Egyptian words, and the names and surnames of the expedition members — N. Ya. himself and P. D. Darovskikh. From the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
101. Ил. 101. Машина, взятая внаем для поездки в Вади-аль-Аллаки 3 марта 1962 г. Умм-Ашира. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig.101. A car rented for a trip to Wadi al-Allaqi on March 3, 1962. Umm Ashira. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
102. Ил. 102. Вид Вади-аль-Аллаки в зоне работы советской экспедиции. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig.102. View of the lower reaches of Wadi al-Allaqi, where the Soviet expedition worked. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
103. Ил. 103. Жирафы. Петроглифы Умм-Агайба (Вади-аль-Аллаки). Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig.103. Giraffes. Petroglyphs of Umm Agaib (Wadi al-Allaqi). Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

104. Ил. 104. Умм-Агаиб. Скопление петроглифов и надписей. Сверху посередине — коленопреклоненный царь с воздетыми в молитве руками перед богом Гором в облике сокола. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 104. Umm Agaib. Rock drawings and inscriptions. The king kneeling in front of Horus, his hands raised in prayer. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
105. Ил. 105. Схематический план мест расположения надписей в Вади-аль-Аллаки. Из дневника Б. Б. Пиотровского. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Дневник № 2: 7. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 105. Schematic plan of the locations of the inscriptions in Wadi al-Allaqi. From the diary of B. B. Piotrovsky. From the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. Diary No 2: 7. © The State Hermitage Museum.
106. Ил. 106. Изображение Гора и надпись: «Царский открыватель путей в страны разные. Начальник шемсу Саамон». Вади-аль-Аллаки, Умм-Ашира. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 106. Depiction of Horus and inscription: “Royal opener of the ways to different countries. Chief of the shemsu Saamon”. Wadi al-Allaqi, Umm Ashira. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
107. Ил. 107. Надписи из Умм-Аширы. «Писец нома Джехутиемхемб». «Слуга Рамессухер». «Год 40-й. Сделал писец сокровищницы счета золота Хауас». «Писец Небнетру, сын Гори». Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 107. Inscriptions from Umm Ashira. ‘Scribe of the nome Djehutiemkheb’, ‘Servant Ramessukher’, ‘Year 40. Made by the scribe of the treasury of gold Khawas’, ‘Scribe Nebnetru son of Hori’. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
108. Ил. 108. Отъезд экспедиции. 16 марта 1962 г. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 108. Departure of the expedition. March 16, 1962. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
109. Ил. 109. Последний день экспедиции. Отъезд из Дакки. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 109. The last day of the expedition. Departure from Dakka. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
110. Ил. 110. Карнакский храм. Слева направо: О. Г. Большаков, М. У. Юнисов, В. В. Пименов, Н. Я. Мерперт. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 110. Karnak Temple. From left to right: O. G. Bolshakov, M. U. Yunisov, V. V. Pimenov, N. Ya. Merpert. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
111. Ил. 111. Луксор. Колоссы Мемнона. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 111. Luxor. Colossi of Memnon. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
112. Ил. 112. В. В. Пименов на фоне храма Хатшепсут. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 112. V. V. Pimenov in front of the Temple of Hatshepsut. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
113. Ил. 113. Вырезка из газеты о визите Ю. А. Гагарина в Египет в 1961 г. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 113. Newspaper clipping about Yuri Gagarin’s visit to Egypt in 1961. From the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
114. Ил. 114. Вырезка из газеты со статьей о А. В. Виноградове. Из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 114. Newspaper clipping with an article about A. V. Vinogradov. From the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

- dov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
115. Ил. 115. Участники первого сезона Нубийской экспедиции в гостях у польских археологов в Гелиополе 25 марта 1962 г. Крайний слева — директор Центра средиземноморской археологии Варшавского университета в Каире К. Михаловский. По часовой стрелке от него: Б. Б. Пиотровский, П. Д. Даровских, В. В. Пименов, Н. Я. Мерперт. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 115. Participants of the first season of the Nubian Expedition visiting Polish archaeologists in Heliopolis on March 25, 1962. On the far left is the Director of the Polish Centre of Mediterranean Archaeology in Cairo, K. Michałowski. Clockwise from him: B. B. Piotrovsky, P. D. Darovskikh, V. V. Pimenov, N. Ya. Merpert. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
116. Ил. 116. Каир. Вид на строящееся здание телецентра. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 116. Cairo. View of the television centre building under construction. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
117. Ил. 117. Вид из гостиницы «Виндзор». Впереди площадь Оперы со зданием оперного театра, построенного к открытию Суэцкого канала в 1869 г. и сгоревшего в 1971 г. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 117. View from the Windsor Hotel. Ahead is the Place de l'Opéra with the building of the Opera House built for the opening of the Suez Canal in 1869 and which burned down in 1971. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
118. Ил. 118. Каир. Даунтаун. 1961 г. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 118. Cairo. Downtown. 1961. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
119. Ил. 119. Асуан. Первые пороги. Фото: Р. М. Джанполадян-Пиотровская. 1963 г. Негатив I 50595. © Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
- Fig. 119. Aswan. The first cataracts. Photo: Hr. M. Djanpoladian-Piotrovskaya. 1963. Negative I 50595. © Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences.
120. Ил. 120. Лагерь экспедиции. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.
- Fig. 120. Expedition camp. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.
121. Ил. 121. Затопленные деревья рядом с Даккой. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 121. Submerged trees near Dakka. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
122. Ил. 122. Пиотровский перед гробницей Херхуфа на некрополе Куббет-эль-Хава. Асуан. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
- Fig. 122. B. B. Piotrovsky in front of the tomb of Herkhuf at the necropolis of Qubbet el-Hawa. Aswan. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
123. Ил. 123. Шуточная фотография, озаглавленная Н. Я. Мерпертом: «Раб и рабовладелец. Иллюстрация к книге История древнего мира». Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
- Fig. 123. A humorous photograph by N. Ya. Merpert entitled: "Slave and slave owner. Illustration for the book *History of the Ancient World*." Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
124. Ил. 124. Н. Я. Мерперт в моторной лодке с рабочими. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
- Fig. 124. N. Ya. Merpert with workers in a motorboat. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.

125. Ил. 125. Фуад Якуб и корреспондент «Голоса Америки». Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
Fig. 125. Fouad Yacoub and a Voice of America correspondent. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
126. Ил. 126. Стрижка. Экспедиционная цирюльня. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
Fig. 126. Haircut. Expedition barbershop. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
127. Ил. 127. Зам. начальника экспедиции (П. Д. Даровских) стрижет начальника. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
Fig. 127. Deputy Head of the Expedition (P. D. Darovskikh) gives the chief a haircut. Photo from the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
128. Ил. 128. Марки, нарисованные художником В. В. Пименовым. Страница из дневника Б. Б. Пиотровского. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. Дневник (01.01.1962–05.02.1962). © Государственный Эрмитаж.
Fig. 128. Stamps drawn by the artist V. V. Pimenov. Page from the diary of B. B. Piotrovsky. From the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. Diary (01.01.1962–05.02.1962). © The State Hermitage Museum.
129. Ил. 129. Вади-аль-Аллаки. Фото из архива А. В. Виноградова. Публикуется с разрешения Е. А. Виноградовой. © Е. А. Виноградова.
Fig. 129. Wadi al-Allaqi. Photo from the archive of A. V. Vinogradov. Published with permission of E. A. Vinogradova. © E. A. Vinogradova.
130. Ил. 130. Хор-Дауд. 3D-реконструкция хозяйственной ямы № 17. 3D-реконструкция: © О. С. Калинина.
Fig. 130. Khor Daud. 3D-Reconstruction of a storage pit 17. 3D-Reconstruction: © O. S. Kalinina.
131. Ил. 131. Рисунок лагеря. Н. Я. Мерперт. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
Fig. 131. Drawing of the camp. N. Ya. Merpert. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
132. Ил. 132. Шуточный памятник Л. А. Петрову. Надпись:
«Ты с храмами вместе На долгие годы
Уйдешь безвозвратно
Под нильские воды».
Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
Fig. 132. The humorous monument to L. A. Petrov. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
133. Ил. 133. Пароход принцессы Ага-Хан у лагеря советской экспедиции. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
Fig. 133. The steamship of Princess Aga Khan at the camp of the Soviet expedition. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
134. Ил. 134. Принцесса Ага-Хан. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.
Fig. 134. Princess Aga Khan. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.
135. Ил. 135. Храм в Дакке. Рисунок Б. Б. Пиотровского. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
Fig. 135. Temple in Dakka. Drawing by B. B. Piotrovsky. From the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
136. Ил. 136. План перемещения храма в Дакке. Материалы из архива Государственного Эрмитажа. Фонд 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. © Государственный Эрмитаж.
Fig. 136. Dakka Temple relocation plan. From the State Hermitage Archive. Collection 50. B. B. Piotrovsky Collection. © The State Hermitage Museum.
137. Ил. 137. Л. А. Петров на фоне оставленного нубийского дома. Фото из архива Л. А. Петрова. Публикуется с разрешения М. Л. Петровой. © М. Л. Петрова.

Fig. 137. L. A. Petrov in front of an abandoned Nubian house. Photo from the archive of L. A. Petrov. Published with permission of M. L. Petrova. © M. L. Petrova.

138. Ил. 138. Л. Н. Петров вырезает шуточную надпись на «памятнике» Л. А. Петрову. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.

Fig. 138. L. N. Petrov carves a humorous inscription on the 'monument' to L. A. Petrov. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.

139. Ил. 139. «Памятник» Л. А. Петрову, воздвигнутый к его отъезду из экспедиции. Фото из архива Н. Я. Мерперта. © ИА РАН.

Fig. 139. 'Monument' to L. A. Petrov, erected for his departure from the expedition. Photo from the archive of N. Ya. Merpert. © IA RAS.

Указатель

- «Виндзор» 166, 242
 «Италконсульт» 202
 «Коин и Белье» 202
 Абади 103, 104, 110, 113, 152
 Абд ар-Расулы, братья 212
 Абду (Абдул), повар 28, 45, 84, 85, 112, 135, 143, 151, 155, 237
 Абидос (Тин) 20, 30, 204, 206, 207, 211
 Абу-Бакр, Абд эль-Монейм 94, 73, 202
 Абу-Дурва 13, 23, 29, 137, 138, 140, 144, 193, 240,
 Абу-Симбел 13, 43, 62, 70–72, 75, 119, 184, 185, 201, 202, 211, 236
 Абу-Хамед 31, 32, 34
 Август 23, 69, 201
 Агатархид Книдский 36, 37, 211
 Агилкия 200
 Агранович, Евгений 211
 Адамс, Уильям 18, 19, 202
 Адикаламани 200
 Адриан 68
 Айзаб 32, 38
 Айюбиды 200
 Академия архитектуры СССР 55, 57–59
 Александр III 168
 Александрийский университет 202
 Александрия 36
 аль-Йакуби 37
 аль-Хамдани 37
 Аль-Хасеке 51
 Амада 20, 199, 202
 Аменемхеб, крестьянин 101
 Аменемхеб, писец 28
 Аменемхет I 21, 190,
 Аменхетеп I 212
 Аменхетеп III 30, 201
 Амер, И. 94
 Амиров, Ш. Н. 9, 52, 53, 165, 167–169, 235
 Амон 30, 70, 71, 150, 156–159, 200–202, 209
 Амон-Ра 201, 211, 212,
 Амхерста – Леопольда II, папирус 205, 206
 Анатолия 50, 51
 Англия (Великобритания) 76, 199, 200
 Андроников монастырь 57
 Анекет 200
 Аниба 20, 21, 73, 199, 206
 Анхтифи 21
 Аравийская пустыня 37
 Аравия 24, 26, 37, 338
 Аркамани II 201
 Аркелл, Э. Д. 89, 199, 202
 Армения 11, 55
 Арминна 199, 203
 Арциховский, А. В. 40, 48
 Астрахань 57
 Асуан 13, 20, 23, 27, 30, 32, 38, 44, 45, 62, 67, 68, 73–77, 79–83, 105, 119, 122, 126, 131, 132, 135, 142, 143, 155, 156, 167–169, 172, 173, 177, 180, 185, 187–189, 199–201, 203, 204, 208, 209, 236, 242
 Асуанский музей 81, 140, 203
 Атбай 32, 38, 39, 209
 Атбара 209
 Ауэзов, М. 59
 Афганистан 42, 43, 45, 235
 Африка 11, 37, 47, 62, 67, 75, 78, 87, 119, 126, 156, 165, 167, 168, 177, 187, 193, 207, 212
 Ашхабад 41
 Бадер, Н. О. 53
 Бакенамон 35, 234
 Баки 21, 30, 31, 34, 142, 147, 150, 151, 201
 Балканы 47, 49,
 Бану-Аллак 377

- Барановский, П. 55
Барановы 168
Батн-аль-Хаджар 19, 21
Бедауи, А. 94
Бедекер, Карл 156, 211
Беджа бишариин 24, 25, 33, 38, 39, 208, 209
Бейт-эль-Вали (Бейт аль Вали*) 13, 68, 200
Белосток 55
Бельфон, Л. де 32, 37, 38
Беляева, Е. В. 9
Бени-Хасан 21
Бербер 32
Берггольц, О. 59
Береника Всезлатая 37
Берлев, О. 29,
Берлин 201
Берлинский университет 202
Библейско-Богословский институт святого апостола
Андрея Первозванного 52
Бир-аль-Аскари (Бир аль аскери*) см. Умм-Ашира 28,
35, 149
Бирч, Сэмюэль 211
Блаватский, В. Д. 48
блеммии 23–26, 33, 209
Бокова, Е. В. 10
Болгария 50, 51, 53, 181
Болгаро-Советская/Российская экспедиция 50
Большаков, Олег Георгиевич 10, 12, 16, 23, 26, 29, 30,
50, 51, 75, 83, 92, 95, 118, 119, 140, 142–144, 150, 151,
154, 169, 174–177, 179, 181, 184, 234, 235, 238, 241
Бонне, Ш. 37
Британский музей 34, 205
Бругш, Э. 212
Булгаков П. Г. 64
Бухен 20, 21, 221, 34, 99
Вават (Уауат) 20, 22, 34, 108, 142, 151, 204, 206
Вади-Аббад 34
Вади-Аллаки (Вади-аль-Аллаки, Вади-Алаки*, Ала-
ки*, Аллаки, Аль-Аллаки, Вади аль Аллаки*) 9, 13–15,
17, 19, 21, 25–39, 43, 45, 75, 123, 136, 137, 141–151,
181, 182, 209, 211, 234, 240, 241, 243
Вади-Габгаба 31, 34,
Вади-Несари 35, 234
Вади-Хальфа 73, 79, 83, 119, 135, 203, 209
Вади-Хаммамат 34, 38, 52, 209, 235
Вади-Ховар 32
Вади-эль-Худи 21
Вади-эс-Себуа 69, 201
Вакиль 27
Варезе 25
Варшава 60, 74, 163, 203
Великий Новгород 49, 55, 57, 60
Веркуттер, Жан 34, 36, 37, 202
Верхний Египет 17, 21, 89, 99, 147, 204, 206–209, 211
Виллард, Уго Моннере де 199
Виноградов, Александр Владимирович 9, 10, 11, 18–
20, 23, 29, 33, 40, 41–46, 62, 69, 75, 133, 140, 162, 173,
175–177, 181, 185, 199, 200, 203, 205, 206, 208, 209,
211, 233–243
Виноградов, Владимир Борисович 40
Виноградова, Е. А. 9, 62, 233–243
Владимир 40
Владимирская область 40
Власик, Н. С. 56
Волга 49, 73
Воль-Энштейны 168
Восточная Коштамна 15, 123
Восточная пустыня 21, 23–26, 32, 34–38, 207, 210, 234
Восточная Сахара 32, 207
Восточно-суданская надсемья 208
Восточный институт Чикагского университета 16,
199
Всероссийское общество охраны памятников исто-
рии и культуры (ВООПИиК) 54, 61
Всесоюзный производственный научно-реставраци-
онный комбинат 58

- Второе археологическое исследование Нубии 19, 199
- Высотная Асуанская плотина 13, 15, 43, 49, 60, 62, 67, 68, 72, 75, 83, 87, 91, 119, 121, 122, 131, 132, 135, 190, 193, 196–201, 203, 209
- Высший художественно-технический институт 12
- Гадзола, П. (Гаццола) 72, 202
- Газа, сектор 199
- Галл, Гай Корнелий 23
- Ганзелка, Иржи 119, 207
- Гарун-Аль-Рашид* 188
- Гатто, М. 19,
- Гелиополь (Гелиополис*) 64, 163, 166
- Гельфер, С. М. 55
- Германия 201
- Германский археологический институт 53
- Геродот 68
- Герф-Хусейн (Герф-Хуссейн*) 13, 15, 68, 69, 120, 139, 151, 152, 201, 236
- Гиза 64–66, 106, 161, 168, 187, 200, 202, 213, 236
- Гиргис, Виктор Антун 161, 162, 212
- Главное управление охраны МГБ 56
- Главное управление охраны памятников (ГУОП) 57
- ГМИИ им. А. С. Пушкина 9, 19, 205
- Голанские высоты 199
- Голенищев, В. С. 202
- Гори 147, 150, 241
- Городцов, А. В. 48
- Государственный исторический музей 9, 47
- Государственный комитет по строительству и архитектуре (Госгражданстрой СССР) 61
- Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева 60
- Государственный Эрмитаж 12, 19, 23, 41, 46, 163, 190, 191, 205, 233, 234, 237, 238, 240–243
- Грбарь, И. Э. 55
- Граков, Б. Н. 48
- Графе, Э. 212
- Греция 50, 165, 169
- Грузия 55,
- Дабод (Дебод*) 13, 68, 72, 73, 75, 200
- Дакка 13–15, 17, 19, 20, 31, 43, 44, 60, 69, 75, 83, 91, 119, 120, 122, 123, 125–130, 134–137, 140, 142, 143, 145, 154, 155, 169–172, 188–192, 195–198, 201, 205, 206, 233, 236, 238, 239, 242, 243
- Даровских, Петр Дмитриевич 10, 11, 27, 29, 75, 83, 92, 144, 152, 154, 155, 163, 169, 180, 233, 240, 241
- Дарфур 20
- Двин 11
- Дебец, Г. Ф. 48
- Деми 136
- Дендур 13, 73, 82, 236
- Департамент древностей ОАР 16, 29, 45, 73, 74, 84, 91, 161, 163, 197, 198, 207, 212,
- Дерахейб 5, 25, 31, 33–38, 234
- Дерр (Эд-Дерр) 69, 73, 201
- Джанбас-Кала 42, 234
- Джанполадян-Пиотровская, Рипсимэ Микаэловна 11, 12, 29, 233, 236, 237,
- Джебель-Марра 32
- Джебель-Шейх-Сулейман 17
- Джехутиемхеб 150, 241
- Джосер 81
- Диана, принцесса 203
- Диодор Сицилийский 142, 211
- Диоклетиан 23
- Додекасхойна 23
- Домбровский, Лешек 159
- Донадони, С. 37
- Донской монастырь 55
- Драгомиров, Михаил 168
- Древний Хорезм (Хорезм) 40, 44
- Дрезден 60
- Дубровицы 55
- Дунай 49
- Дьяков, В. Н. 48
- Евразия 53, 212

- Евтушенко, Е. 59
Ерофеев, В. Я. 198
Жаба, З. 29
Жуков, Г. Л. 191
Забелло, С. 55
Завильгельский, Д. 9
Западная Коштамна 15, 18
Западный парк (Мадрид) 200
Зеравшан 42
Зете, К. 202, 204
Зиглин, Э. фон 199,
Зикмунд, Мирослав 119, 207
Иам 20, 107, 108, 204, 206
Ибхат 30
Иванов, В. 55
Идфу 35, 36
Иераконполь 139, 204
Израиль 26, 199, 200
Икаит 31
Иккур 21, 140
Имхотеи 136
Иноземцевы 168
Инпумхеб 150
Инстербург 55
Институт археологии 9, 11, 12, 40, 41, 43, 48, 51, 53,
75, 165, 210, 213
Институт востоковедения РАН 9, 212
Институт египтологии и коптологии Мюнстерского
университета 212
Институт истории материальной культуры АН СССР
(РАН) 9, 12, 48, 211, 213, 236, 237, 242
Институт этнографии Академии наук СССР (Инсти-
тут этнологии и антропологии Российской Академии
наук) 10, 11, 40, 41, 43, 75, 207
Иордан, река 199
Иордания 26, 199, 200
Ирак 11, 13, 51, 199
Иракская (Месопотамская) экспедиция Института
археологии РАН 51
Ирамун 101
Ирчет 20, 107, 108, 204, 206
Исида 13, 68, 200, 201
Иснефер 101
Испания 73, 200
Италия 25, 62, 73
Итина, Марианна Александровна 41, 63, 199
Каау 20
Кабинет египтологии Института востоковедения
РАН 212
Кабульский музей (Национальный музей Афганиста-
на в Кабуле) 42
Кадеш 211
Каир 15, 16, 29, 44, 46, 49, 62–66, 74, 76, 77, 79, 122,
125, 142, 144, 159–161, 163–168, 170, 172, 180, 181,
185, 187–189, 193, 200, 202, 203, 205, 213, 236, 241,
242
Каирская цитадель 64, 65, 200, 236
Каирский музей (Египетский музей в Каире) 64, 73,
140, 144, 160, 161, 162, 166–168, 172
Каирский университет 13, 202
Калабша (Талмис) 13, 69, 200, 201
Калинина, О. С. 9, 237, 243
Калуга 169
Калязин 55
Камес 22
Канева, И. 37
Каперц 165, 169, 173
Каракалпакстан 42, 44, 208, 234, 235
Каракорум 49
Каракум, пустыня 13
Карелин, Д. А. 9
Кармир-Блур 11
Картер, Говард 87, 160, 203
Картер, Джимми 203
Кастильони, Альфредо 25, 35, 37, 39, 234

- Кастильони, Анджело 21, 37, 39, 234
 Катаев, В. 59
 Кацнельсон, И. С 204
 Келдыш, М. В. 191
 Кельтеминарская культура 41
 Кена 32
 Кенигсберг 55
 Кенузи, диалект 208
 Керам 101
 Керма 19–22, 34, 206
 Кертасси 13, 68, 72
 Киевская Русь 48, 55
 Киплинг, Р. 211
 Кипр 165
 Кирван, Лоуренс 19, 21, 199
 Кириллово-Белозерский монастырь 57
 Киселев, С. В. 48
 Киссинджер, Генри 203
 Клеммы, Р. и Д. 34, 35
 Клеопатра VII 207
 Клермон-Ганно, Шарль Симон 28, 81
 Книбе, Н. А. 168
 Кобанская культура 49
 Козинцев, Г. 59
 Кой-Крылган-кала 41, 44
 Колокша 40
 Ком-Омбо 209
 Комзин, И. В. 190, 202
 Комиссия по изучению и охране архитектурного наследия 57, 61
 Комиссия по учету памятников 55
 Коптос (Куфт, Кифт) 34, 94, 205
 Корзины 168
 Костюкевич, Ю. И. 9
 Кочуев, Яков 40
 Коштамна 23, 44, 100, 102, 105, 113, 125, 135, 139, 140, 142, 151, 152, 154, 155, 237, 238
 Коштамнинский могильник 109, 152, 237, 238
 Красное море 13, 14, 16, 24, 32, 34, 37, 75, 104
 Красноморские горы 19, 21, 31–34
 Кристи, Агата 203
 Кубан 13, 15, 21, 30, 31, 34, 201
 Куббания 16, 19
 Куббет-эль-Хава 79, 173, 204, 236, 242
 Куйбышевская экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР 12, 49, 213
 Кук, Томас 160, 203
 культура Группы А 16–19, 49, 88–90, 105, 202, 205, 207
 культура Группы В 19, 89, 90, 105–108, 199
 культура Группы С 17, 19, 21–23, 50, 89, 105, 106, 115, 118, 139, 199, 202, 203, 206, 208, 211
 культура Группы Х 19, 199, 202
 Кумна 21
 Куро-аракская культура 49
 Курта 15, 19, 45, 69, 109–111, 117, 118, 122, 124, 126, 127, 131–135, 140, 208, 238, 239
 Куртская школа 45, 126, 127
 Куруско 20, 208
 Кус 23
 Кусейр 23, 32
 Кусково, усадьба 55
 Кустул 16, 17, 204, 207, 208
 Куфт (Кифт, Коптос) 34, 94, 205
 Куш 9, 10, 20, 22, 30, 34, 40, 44–46, 62, 142, 151, 201–204, 206, 208, 234
 Кызылкум, пустыня 13, 40–42
 Лакинский, поселок 40
 Леклян, Жан 74, 203
 Ленинградский филиал Института археологии 9, 11, 210
 АН СССР 9–12, 14, 15, 31, 40–42, 44, 46, 48, 49, 62, 91, 136, 161, 190, 191, 196, 207, 209, 213
 Лепсиус, Карл Рихард 211
 Ливийская пустыня 20, 21, 169
 Ливия 16, 205, 207

- Луксор (Фивы) 46, 69, 75, 79, 94, 122, 156, 158, 160, 161, 185, 203, 211, 212, 241
- Любин, В. П. 210
- Лявлякан 41
- Маджаи 33, 209
- Мадрид 200
- Малое Ивановково 40
- Малых, С. Е. 9
- Мамедов, Э. Д. 41
- Мандрик, М. В. 9
- Марке, Альбер 79, 203
- Марса-Алям 24, 35, 36
- Маршак, С. 59
- Масперо, Г. 212
- Маяковский, В. 599
- МГУ им. М. В. Ломоносова 5, 9, 13, 19, 25, 34, 40, 46, 48, 52
- Медведева, М. В. 9
- Меджа 20
- Международный союз архитекторов 58
- Мекенская, станция 49
- Мелик-ан-Насир 16
- Мемнона колоссы 158, 241
- Мемфис 201, 206
- Менес 90,
- Меренра I 20, 33, 107, 172, 204, 206, 213
- Меримесе 30, 234
- Мернептах 201
- Мероэ 23, 75
- Мерперт, Николай Яковлевич 9–12, 15, 16, 18, 23, 26, 29, 44, 47–53, 75, 83, 92, 97, 114, 137, 139, 142–144, 151, 154, 157, 163, 165, 168, 169, 174, 175, 183, 191, 193, 212, 213, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 240, 241, 242, 243
- Месехти 21
- Месопотамия 18, 47, 51–53
- Мехер 107
- Мехуи 20
- Миам 74, 202, 203
- Мин 29, 30
- Мини 149
- Министерство культуры СССР (РФ) 58
- Минск 55
- Миргисса 21
- Мит 138
- Митгеран, Франсуа 203
- Михаловский, Казимеж 74, 163, 164, 203, 241
- Мишина, Татьяна Николаевна 9
- Мон-Смарагд 24
- Монголия 47, 48
- Мордвинов, А. Г. 56
- Москва 12, 44, 46–48, 52, 56, 58, 59, 63, 73, 83, 94, 118, 155, 162, 172, 174, 178, 180, 181, 185, 189, 194
- Московская область 55
- Московский архитектурный институт 54, 56
- Московский Кремль 55, 56, 60
- Мубарак, Хосни 209
- Музей истории архитектуры Академии архитектуры СССР 54
- Мунчаев, Р. М. 52, 53, 235
- Мустье 44, 140, 210
- Мухаммад Али 38
- Мухаммада Али мечеть 64
- Мухаррака 23
- Мюррей, Джордж Уильям 26, 144
- Набатей 24
- Наг-Набрук (Хор-Набрук) 50
- Нагада 18, 19, 204, 207, 210
- Напатское царство 36, 72, 88
- Насер, Гамаль Абдель 43, 76, 78, 199
- Насер, озеро 203, 209
- Нашуируд 151
- Небнетру 28, 150, 241
- Нектанеб 68
- Неро, Дж. 37

- Неги 136
- Нефертари 70, 71, 236
- Нефертити 131, 160
- Нехси 20
- Нижний Египет 25, 89, 147, 211
- Нижняя Нубия 14, 16, 17, 19–23, 36, 199, 200, 204–208, 233
- НИИ и Музей антропологии МГУ 5, 9, 19, 34, 46
- Никифоров, Д. Н. 47
- Николай II 203
- Никополь 48
- Нил 5, 10, 14–21, 23, 24, 26–28, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 43, 45, 46, 62, 63, 67, 72, 73, 75, 76, 79, 80, 83, 84, 87–89, 91, 92, 96, 101, 102, 105, 106, 118, 119, 121, 122, 124–126, 131, 135, 136, 139–142, 149–151, 153, 154, 156, 166, 168–170, 172, 175–177, 179, 181, 184, 185, 188, 189, 195, 199, 200, 202, 203, 205–212, 236, 239, 243
- Нило-сахарская макросемья 208
- Нобады 201
- Новая Вади-Хальфа (Хальфа-аль-Джадида) 135, 209
- Новая Калабша 200, 201
- Ново-Иерусалимский монастырь 57
- Новодевичий монастырь 57
- Нордстрём, Х.-А. 19
- Нофферонпет 150, 151
- Нубийская археологическая экспедиция Академии наук СССР 5, 9–15, 17–19, 22, 23, 25, 26, 29, 31–34, 43, 45–47, 49, 50, 62, 67, 69, 75, 91, 94, 139, 146, 161, 163, 190, 191, 194, 201, 208–211, 233, 235–238, 240, 241
- Нубийская пустыня 5, 16, 17, 19–21, 23–26, 31, 32, 34, 35, 37–39, 50, 207, 209, 210
- Нубийская экспедиция Восточного института Чикагского университета 16
- Нубийский музей (Асуан) 81, 82, 140, 203
- Нубия 5, 9–11, 13, 14, 16–23, 28, 31, 36, 39, 40, 43, 44, 46, 49, 51, 63, 67, 69, 70, 72–75, 79, 81, 83–92, 94, 97, 99, 104, 106–108, 110, 115, 118, 119, 122, 124–126, 131, 132, 135–137, 140, 142, 144, 151, 155, 163, 167, 172, 173, 184, 188, 190, 192–194, 198, 199, 200, 202–210, 213, 233
- Нукус 41
- Нукусский Институт истории, археологии и этнографии Института археологии и этнографии АН Туркменистана 41
- Общество археологических исследований в Судане 34
- Объединенная Арабская Республика (Египет и Сирия) 10, 12–14, 29, 43, 45, 58, 60, 62, 67, 69, 72, 73, 75, 76, 84, 91, 125, 126, 135, 167, 189, 191, 195, 197, 198, 199, 209
- Объединенная экспедиция Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета и Музея естественной истории Пибоди 73, 203
- Оксфордский университет 199, 203
- Ольдерогге, Дмитрий Алексеевич 11
- Ониб 5, 24, 25, 32, 34, 38, 233
- Ополовников, А. В. 57
- Орехово-Зуево 169
- Осирис 201
- Отелло 64, 65
- Палермский камень 86, 107, 108, 204
- Палестина 20, 205
- Пальмира 164
- Пани 136
- Пантикапей 49
- Паруди 151
- Пасер 101
- Пастернак, Б. 59
- Пауер 101
- Паур 150
- Пахопи 150
- Пежемский, Д. В. 9
- Пенджикентский отряд Согдийско-таджикской археологической экспедиции АН СССР 12
- Пенисет 151
- Пеннут 202
- Пенсильванский университет 73, 203
- Пентаур 211
- Пентаура поэма 211

- Пепи I (Пиопи I) 20, 107, 206
Пепи II (Пиопи II) 20, 107, 204, 213
Пепинахт I (Пиопинахт) Хекаиб или Хекаиб I 20, 86, 108, 204, 206
Первая Асуанская плотина 13, 15, 62, 68, 75, 83, 87, 91, 119, 121, 132, 199, 209
Передняя Азия 38, 51, 126, 208
Петров, Лев Аркадьевич 9–11, 54–61, 75, 84, 111, 128, 129, 169, 174, 177, 184, 188–198, 233, 236–238, 239, 242, 243
Петров, Лев Николаевич 12, 26, 28, 29, 67, 115, 133, 137, 142, 143, 177, 240, 243
Петрова, Марина Львовна 9, 61, 190, 235–239, 242, 243
Петровская, В. И. 204
Петровский, Н. С. 204
Петроний, Публий 23
Пианхи 88
Пименов, Виктор Васильевич 10, 12, 27, 28, 46, 67, 108, 109, 111, 133, 134, 137, 139, 143, 157, 159, 161, 163, 176, 180, 181, 233, 234, 238–242
Пиотровский, Ю. Ю. 9
Пиотровский, Борис Борисович 9–19, 26–29, 31, 40, 46, 49, 54, 60, 69, 75, 83, 94, 95, 97, 99, 102, 103, 105, 116, 136, 137, 139, 140, 142–144, 148, 152–154, 162, 163, 166, 169, 173, 181, 190, 191, 193, 198, 202, 206, 211, 233, 234, 237, 238, 240–243
Питри, У. М. Ф. 205, 208
Поволжье 47, 49, 213
Подмосковье 48
Польша 73
Пониша 72
Порт-Саид 75, 164, 200
Приаралье 41, 42
Приуралье 213
Пселкет (Пселкис) 201
Псков 48, 57, 60
Птах 70, 71, 201, 202
Птах-Татенен 201
Птолеми 23, 36, 37, 39, 69, 200, 201
Птолемей Сотер 37
Птолемей II Филадельф 23, 36
Птолемей IV 201
Птолемей IX Сотер 201
Пунт 158, 206
Ра-Хорахти 200, 201
Радченко, Г. А. 202
Рамессеум 211
Рамессухер 150, 241
Рамсес II (Рамзес II) 30, 31, 62, 69–71, 81, 156–158, 160, 161, 200, 201, 211, 212, 236
Рамсес III 158
Рамсес IV 209
Рамсес VI 202
Рамсес IX 205
Рамессунахт 209
Рашид, форт 87
Ревенков, Н. К. 52, 235
Рейснер, Джордж 16, 17, 19, 87, 88, 90, 94, 96, 105, 106, 108, 199
Рим 23, 48
Ровери-Донадони, А-М. 37
Розеттский камень 87
Рыбаков, Б. А. 40, 47
Рыльский, И. 55
Рэфе-Салье папирус 211
Рязань 57
Саамон 149, 241
Сабни 20, 86, 204
Сабри 26, 155
Садат, Анвар 209
Саид Махмуд Хусейн, раис 45, 94
Саид Фахд (Абу Мухаммад) 235
Сайяла 17, 233
Салах ад-Дин (Саладин) 200
Салтовская культура 48

- Самарканд 41
 Самаркандский государственный университет 41
 Самут Северный 36, 37
 Самут-эль-Бед 35
 Святая земля 52
 себильская культура 44
 Северная Месопотамия 47, 52
 Северная Нубия 90, 92, 99, 109, 126, 142, 210
 Северный Атбай 32
 Северный Судан 32, 49, 203, 207
 Северо-Восточная Сирия 51
 Северо-восточное Приаралье 42
 Секененра Таа II 212
 Семна 21, 22, 30, 206
 Сенеб 213,
 Сенусерт III 21
 Сердюк, З. Т. 59
 Сержен-Юрт 49
 Сери 136
 Серра 21
 Сетау 150, 201
 Сети I 157, 160, 190, 201, 212
 Сетка 21
 Сехемра-Шедтауи Себекемсаф 205
 Сечу 20, 107, 108, 206
 Сиена (Асуан) 23
 Сиил, К. С. 16
 Силко 24, 201
 Силсилэ 107
 Симоненко, А. А. 9
 Симонов, К. 59
 Симпсон, Келли 73
 Синайский полуостров 199, 200, 211
 Синджарский хребет 51
 Сирия 10, 26, 51, 68, 163, 199
 Сиро-Палестина 16, 205
 Сколковский институт науки и технологий 9
 Смирнов, А. Н. 52, 235
 Смирнов, Алексей Петрович 49, 168, 213
 Смит, Г. 19
 Снофру 20, 86, 107, 108, 204
 Собинский район 40
 Соболев, Н. 55
 Советская археологическая экспедиция в Ираке 11
 Советский Союз (СССР) 10, 12, 31, 40, 43, 46, 48, 49, 59, 55–62, 67, 73, 75, 76, 91, 94, 136, 142, 161, 167, 189–191, 197, 198, 200, 205, 207, 209, 210, 213
 Советско-Афганская археологическая экспедиция (СААЭ) 42
 Союз архитекторов СССР (России) 12, 54, 57, 61
 Союз художников СССР 12
 Средиземное море 63
 Среднее Поволжье 49
 Средняя Азия 13, 40, 41, 42, 63, 73, 199, 207
 Сталин, И. В. 55
 Станция средиземноморской археологии Варшавского университета 74, 159, 163, 164, 203
 Старая Донгола 32
 Страсбургский университет 74, 203
 Суакин 32
 Судан (Суданская республика) 5, 10, 14, 20, 23, 25, 32, 34, 38, 39, 43, 46, 49, 67, 72, 73, 75, 79, 83, 89, 119, 126, 135, 142, 202, 203, 207
 Суданская Нубия 18, 67, 70, 73, 74, 87, 89, 135
 Сулейман, Антуан 235
 Сухов, Д. П. 55
 Суэц 63, 75, 164
 Суэцкий канал 43, 62, 63, 76, 166, 199, 200, 242
 Сфинкс 65, 168, 188
 США 16, 73, 76, 198, 199, 200, 203
 Сырдарья 40
 Сэндфорд, К. 199
 Та-Сети 17, 204, 205, 208
 Тайшебаини 11

- Талаат Харба, площадь 64, 236
Талмис (Калабша) 200
Тама-нубийская семья языков 208
Тафа 13
Тахарка 88
Ташаузская область 41
Твардовский, А. 59
Тель-Хазна 51, 52, 235
Тель-Хазна I 51
Темех 107
Теререс 107
Тарой (Томбос) 30
Тетишери 212
Тиберий 201
Тин 204
Толстов, Сергей Павлович 10, 11, 40, 41, 44, 190, 207
Топрак-кала 41
Тот 201
Тошка 20, 21, 73, 199, 203
Траян 68, 81
Троя 51
ТТ 320 212
ТТ 40 203
Туа 136
Тумас 74, 203
Тумек-Кичиджик 41
Тураев, Б. А. 204, 211
Туринский музей 34
Туркмения 41
Туганхамон 74, 87, 101, 160, 167, 203
Тугмес I 22, 212
Тугмес II 212
Тугмес III (Тутмос III) 22, 34, 81, 144, 158, 159, 160, 190, 201, 240
Тэтчер, Маргарет 203
Углич 55
Узбой 42
Уилльямс, Б. 16, 17, 204, 205
Украина 48, 55, 56
Умм-Агаиб (Карар, Хукаб-Карар) 26, 27, 29, 145, 146, 147, 150, 151, 209, 210, 234, 240
Умм-Ашира (Бир-аль-Аскари) 25, 28, 29, 30, 31, 35, 145, 149, 150, 151, 234, 240, 241
Умм-Карейат 31, 38
Умм-Элейга 38
Уна (Уни) 20, 30, 33, 107, 206
Урал 49
Уронарти 21
Устюрт 42
Фанагория 48
Фарас 21, 74, 199, 203, 206
Фатимиды 38
Федеративная республика Германия (ФРГ) 79
Феодора 74
Фёрт (Фэрс*), Сэсил 14, 17, 19, 87, 94, 96, 105, 108, 110, 111, 115, 132, 151, 152, 199, 203
Фивы (Луксор) 87, 101, 156, 158, 205, 211
Филэ (Филе*) 13, 23, 68, 69, 70, 200
Фракийская долина 50, 51
Франция 198, 199, 200
Французский археологический институт 13
Фуад, Якуб 16, 26, 27, 45, 84, 100, 101, 104, 110, 115, 119, 131, 133, 135, 136, 142–144, 152, 161, 169, 178, 237, 242
Хайге, Д. 210
Хамуас, водонос 101
Хартум 203, 209
Хасан, С. 94
Хасехемуи 204
хассунская культура 51
Хатшепсут 158–160, 201, 211, 212, 241
Хауас 150
Хаунати 150

- Хашм-аль-Гирба 135, 209
 Хеви 203
 Хеканефер 74, 203
 Хеопс 65, 67, 87
 Хеши, каменотес 101
 Херхуф (Хирхуф) 20 86 107, 108, 172, 173, 204, 206, 213, 242
 Хиджаз 38
 Хиера-Сикаминос (Мухаррака) 23
 Хименес-Серано, А. 17
 Хинди, Ахмед Саид 29
 Хнум 200
 Хор (Гор, устар.) 70, 201
 Хор-Дауд (Хор Дауд*) 9, 16, 18, 19, 26, 44, 45, 50, 85, 86, 91, 92–99, 111, 115, 121, 125, 140–142, 151, 152, 162, 171, 181, 182, 183, 185, 193, 205, 233, 235, 237, 238, 239, 243
 Хор-Иккур 140
 Хор-Мандулис 201
 Хор-Набрук 19, 22, 23, 44, 45, 109, 111–119, 124–126, 131, 140, 141, 152, 162, 193, 211, 238
 Хор-Нубт 25
 Хор, крепость 21
 Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР 9, 10, 40, 42, 45, 190
 Хунес 30
 Хучуиа, сын Баки 136
 Цапенко, М. 55
 Центр изучения Восточной пустыни 25, 34, 37, 234
 Центральная Америка 207
 Центральная Европа 51
 Центральная проектно-реставрационная мастерская Академии архитектуры СССР (ЦПРМ) 57
 Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ) 58, 196
 Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (ЦНРПМ) 54, 59
 Центральный Атбай 32, 39
 Церковь св. Петра 201
 Цетлин, Ю. Б. 52, 235
 Цитадель 64, 65, 200, 236
 Чабра, С. 94
 Чад 32
 Червичек, П. 210
 Черезов, Е. В. 204
 Черны, Ярослав 26, 144
 Чернышук, Д. 9
 Черчилль, Уинстон 203
 Чехословакия 73
 Чечено-Ингушетия 49
 Чингисхан 49
 Шабака 88
 Шампольон, Ж.-Ф. 87
 Швойна, Ибрагим Хусейн 31, 142, 234
 Шейх Анта Диоп 207
 Шекспир 169
 Шелляль 21, 156
 Шеловы 168
 Шергауи 134
 Шери 136
 Шестидневная война 199
 Шехерезада 188
 Шолохов, М. 59
 Штейндорф, Георг 87, 88, 90, 199
 Шукри, А. 94
 Эббот 205, 206
 Эббота папирус 205
 Эберс, Георг 211
 Эгейско-анатолийский, регион 51
 Эзеро, тель 51
 Элефантина 20, 23, 81, 82, 107, 203, 204, 236
 Эль-Муалла 25
 Эмери, Уолтер 14, 19, 20, 21, 87, 105, 108, 199
 Эннеди 32
 Эргамен 190

- Эренбург, И. 59
Эрковит 23
Эфиопия 32
Южная Америка 207
Южная Европа 51
Южная Месопотамия 51
Южное Приаралье 41
Южный Атбай 32
Юнаците, тель 51
ЮНЕСКО 5, 11, 13, 14, 18, 43, 49, 58, 60, 63, 72, 73,
142, 180, 191, 193, 196–198, 200, 202, 203, 205
Юнисов, Муса Умарович 13, 26, 29, 67, 131, 133–135,
154, 157, 170, 239, 241
Юнкер, Г. 87, 88, 94, 105, 132, 213
Юстиниан 74
Яблонский, Л. Т. 41
ямная культура 49
Япония 13
Ярым-Тепе 51, 235
Ярым-Тепе-1 51
Яхве 204
Яхмес 160, 212
Яхмес-Нефертари 212
Cataract («Катаракт») 80, 203

Библиография

Виноградов А. В. Дневник № 1 (05.01.1962– 22.02.1962) // Архив Е. А. Виноградовой. [Рукопись].

Виноградов А. В. Дневник № 2 (22.02.1962–2003.1962) // Архив Е. А. Виноградовой. [Рукопись].

Мерперт Н. Я. Полевой дневник (27 декабря 1961 – 5 марта 1962) // АИАРАН. Архив Н. Я. Мерперта. [Рукопись].

Мерперт Н. Я. Полевой дневник (2 февраля – 15 марта 1963) // АИАРАН. Архив Н. Я. Мерперта. [Рукопись].

Отчет доктора ист. наук Б. Б. Пиотровского о командировке в Каир (ОАР) с 6 по 21 января 1961 г. Рукопись // АГЭ. Ф. 50. Фонд Б. Б. Пиотровского.

Отчет доктора ист. наук Б. Б. Пиотровского о командировке в Каир (ОАР) с 6 по 21 января 1961 г. // АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 23. Л. 7–17.

Отчет о командировке с 29.04. по 01.06.1960 в Египетской район ОАР зав. ленинградским отделением Института археологии АН СССР Б. Б. Пиотровского и зав. Отделом Африки Института Этнографии АН СССР Д. А. Ольдерогге // АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 11. Л. 94–116.

Отчет о работе археологической экспедиции Академии Наук СССР в Объединенной Арабской Республике с 1 декабря 1961 г. по 31 марта 1962 г. // АРАН. Ф. 457. Оп. 3. Д. 24. Л. 13–21.

Отчет ст. научного сотрудника Института этнографии АН СССР проф. Д. А. Ольдерогге о поездке в египетский район ОАР с 19 декабря 1958 г. по 21 января 1959 г. // АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 174. Л. 4–22.

Пиотровский Б. Б. Дневник № 1. 14.12.1962–21.01.1963 // АГЭ. Ф. 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. [Рукопись].

Пиотровский Б. Б. Дневник № 2. 22.01.1963–5.02.1963 // АГЭ. Ф. 50. Фонд Б. Б. Пиотровского. [Рукопись].

Проект Постановления о предложении Академии наук СССР об организации археолого-антропологической экспедиции в Египетский район ОАР // АГЭ. Ф. 50. Фонд Б. Б. Пиотровского.

Протокол совещания при Начальнике Главного Управления Охраны МГБ генерал-лейтенанте тов. Власике Н. С. по вопросу предстоящих работ на территории Московского Кремля от 21 мая 1947 г. // Рукопись из личного архива Л. А. Петрова.

Стенограмма заседания Ученого Совета Института этнографии АН СССР 24 февраля 1959 г. // АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1071. Л. 2–23.

ал-Йа ‘куби 2011 – ал-Йа ‘куби. Книга стран (Китаб ал-Булдан) / Вступ. ст., пер., комментарии и указатели Л. А. Семёновой; отв. ред. Д. В. Микульский. М.: Восточная литература, 2011.

Аметова 2006 – *Аметова М.* Саломея Гельфер. К юбилею архитектора. М., 2006.

Баталов, Петрова 2008 – *Баталов А. Л., Петрова М. Л.* «Остаются непревзойденными»... К столетию со дня рождения архитектора-реставратора Л. А. Петрова // Архитектурный Вестник. 2008. № 4 (103). С. 16–21.

Беляев, Мерперт 2007 – *Беляев Л. А., Мерперт Н. Я.* От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства. М.: Институт св. ап. Фомы, 2007.

Бухарин 2018 – *Бухарин М. Д.* Античный мир на юге ойкумены. Литературная традиция и памятники эпиграфики в эллинистическую и римскую эпохи. М.: Варфоломеев А. Д., 2018.

Бухарин, Крол 2020 – *Бухарин М. Д., Крол А. А.* Береника Всезлатая – аль-Аллаки – Дерахейб: археологическая реальность в контексте исторической географии // Вестник древней истории. 2020. № 1. С. 171–191.

Виноградов 1964а – *Виноградов А. В.* Могильники эпохи Среднего царства в районе сел. Курта // Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962 / под общ. ред. Б. Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 180–204.

Виноградов 1964б – *Виноградов А. В.* Себильская культура в районе Дакки // Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962 / под общ. ред. Б. Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 69–82.

Виноградов 1964в – *Виноградов А. В.* Раскопки могильников в районе сел. Западная Коштамна // Древняя Нубия. Результаты работ археологической

экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962 / под общ. ред. Б. Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 205–228.

Ганзелка, Зикмунд 1958 — *Ганзелка И., Зикмунд М.* Африка грез и действительности / Пер. с чеш. Л.: Детгиз. 1958.

Завадовский, Смагина 1986 — *Завадовский Ю. Н., Смагина Е. Б.* Нубийский язык. М.: Наука, 1986.

Зарубежная архитектурная пресса — Зарубежная архитектурная пресса о V Конгрессе МСА и советской архитектуре: переводы статей, опубликованных в иностранных журналах после V Конгресса МСА. Секретариат Правления СА СССР. Для служебного пользования. Б. Г., Б. М.

История Древнего Востока 2002 — История Древнего Востока: Тексты и документы: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» направления «История» / Под ред. В. И. Кузицина. М.: Высш. шк., 2002.

Киселев и др. 1965 — *Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашова В. П.* Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965.

Коростовцев 1978 — Повесть Петеисе III: Древнеегипетская проза / Пер. М. А. Коростовцева. М.: Художественная литература, 1978.

Крол 2005 — *Крол А. А.* Египет первых фараонов: Хеб-Сед и становление древнеегипетского государства. М.: Рудомино, 2005.

Крол 2018 — *Крол А. А.* Маршруты хаджа из Египта в Хиджаз через Восточную пустыню и порт Айзаб в IX–XV вв. // Восток (Oriens). 2018. № 2. С. 21–30.

Крол 2020 — *Крол А. А.* Сведения арабских источников IX–XV вв. по истории региона Вади ал-‘Аллāки (Египет, Судан) // Аравийские древности. Сборник статей в честь 70-летия Александра Всеволодовича Седова. Москва: Восточная литература, 2020. С. 203–217.

Крол 2021 — *Крол А. А.* Путешествие в страну Куш. Советские археологи на берегах Нила: каталог выставки / ред. Е. Г. Толмачева, Д. А. Морозов. М.: ЦПИ. 2021.

Крол 2022 — *Крол А. А.* Петроглифы Умм-Агайба (Хукаб-Карара). По материалам Нубийской археологической экспедиции Академии наук СССР. Часть 1. Племенные знаки // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2022. № 4.

С. 124–136.

Крол и др. 2023 — *Крол А. А., Малых С. Е., Костюкевич Ю. И.* Керамика из археологического комплекса Хор-Дауд (Египет) в собрании ГМИИ имени А. С. Пушкина: новые данные // Вестник древней истории. 2023. № 3. С. 632–656.

Крол и др. 2025 — *Крол А. А., Кузнецов Д. А., Ладыхин И. А.* Кубанская стела (Musée des beaux arts Grenoble, Collection égyptienne, inv. 1937, 1969, 3565) // Вестник древней истории. 2024. № 4 (в печати).

Крол, Кузнецова 2014 — *Крол А. А., Кузнецова А. Б.* Фотографическая память. Фотоархив В. М. Ф. Питри из Национального музея Судана. М.: ЦЕИ РАН, 2014.

Крупнов, Мерперт 1963 — *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станции Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 9–48.

Лурье 1934 — *Лурье И. М.* Горное дело в древнем Египте // Труды Института истории науки и техники АН СССР. Сер. 1, т. III. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1934. С. 105–138.

Любин 1964 — *Любин В. П.* Нижний палеолит в районе Дакки-Коштамны // Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962 / под общ. ред. Б. Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 32–68.

Мерперт 1947 — *Мерперт Н. Я.* К вопросу о происхождении гладиуса. М.: Изд-во МГУ, 1947. (Труды Научного студенческого общества / Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. Кафедра археологии; Вып. 3).

Мерперт 1949 — *Мерперт Н. Я.* Верхнее Салтово: Салтовская культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л., 1949.

Мерперт 1951 — *Мерперт Н. Я.* Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 19. Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 1. / Под ред. В. Д. Блаватского, Б. Н. Гракова. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 227–235.

Мерперт 1958а — *Мерперт Н. Я.* Гунны в Восточной Европе // Очерки по истории СССР (III–IX вв.) / Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков. М.: Акад. наук СССР,

1958. С. 151–166.

Мерперт 1958б — *Мерперт Н. Я.* Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях // Очерки по истории СССР (III–IX вв.) / Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков. М.: Акад. наук СССР, 1958. С. 674–683.

Мерперт 1958в — *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 61. С. 45–156.

Мерперт 1962 — *Мерперт Н. Я.* Раскопки Сержен-Юртовского поселения в 1960 г. // Краткие сообщения Института археологии. 1962. Вып. 88. С. 33–44.

Мерперт 1963 — *Мерперт Н. Я.* Первый год работ Советско-Болгарской экспедиции // Краткие сообщения Института археологии. 1963. Вып. 93. С. 24–33.

Мерперт 1974 — *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.

Мерперт 1984 — *Мерперт Н. Я.* Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья / Редкол.: Л. А. Гиндин (отв. ред.) и др. М.: Наука. 1984. С. 234–246.

Мерперт 1994 — *Мерперт Н. Я.* Болгарские земли в VI–IV тысячелетиях до н. э. и некоторые вопросы древнейшей истории Европы // Петербургский археологический вестник. 1994. № 9. С. 96–102.

Мерперт 2000 — *Мерперт Н. Я.* Очерки археологии библейских стран. М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2000.

Мерперт 2003 — *Мерперт Н. Я.* Первая отечественная археологическая экспедиция в Египет // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 204–217.

Мерперт 2011 — *Мерперт Н. Я.* Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус, 2011.

Мерперт и др. 1979 — *Мерперт Н. Я., Георгиев Г. И., Димитров Д. Г., Катинчаров Р. Б., Черных Е. Н.* Езеро. Раннебронзовото селище при с. Езеро. София: Българска академия на науките, 1979 (на болгарск. яз).

Мерперт и др. 1995 — *Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В., Титов В. С., Мацанова В. Х., Авилова Л. И.* Селищна могила при с. Юнаците (Пазарджишко). Том 1. София: Агато и др., 1995 (на болгарск. яз.).

Мерперт и др. 2007 — *Мерперт Н. Я., Мишина Т. Н.,*

Балабина В. И. Тель Юнаците. Эпоха бронзы. Том II. Часть 1. М.: Восточная литература, 2007.

Мерперт, Большаков 1964 — *Мерперт Н. Я., Большаков О. Г.* Раннединастическое поселение Хор-Дауд // Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962 / под общ. ред. Б. Б. Пиотровского. М.-Л.: Наука, 1964. С. 83–177.

Мунчаев и др. 1990 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О.* Исследования Сирийской археологической экспедиции АН СССР в 1989 г. // Вестник древней истории. 1990. № 3. С. 113–117.

Мунчаев и др. 1993 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Амиров Ш. Н.* Тель Хазна II — раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // Российская археология. 1993. № 4. С. 25–42.

Мунчаев и др. 2004 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н.* Тель Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004.

Мунчаев, Мерперт 1981 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981.

Петров 1955 — *Петров Л. А.* Реставрационные работы в московском Кремле // Архитектура и строительство Москвы. 1955. № 10. С. 23–24.

Петровский 2001 — *Петровский Н. С.* Древнеегипетская летопись («Палермский камень») // *Эмери У. Б.* Архаический Египет. СПб.: Журн. «Нева»: Лет. сад, 2001. С. 331–353.

Пиотровский 1964а — *Пиотровский Б. Б.* Страницы древней истории Северной Нубии // Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962 / под общ. ред. Б. Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 5–31.

Пиотровский 1964б — *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские надписи в районе сел. Дакка и Вади-Аллаки // Древняя Нубия. Результаты работ археологической экспедиции АН СССР в Объединенной Арабской Республике. 1961–1962 / под общ. ред. Б. Б. Пиотровского. М.; Л.: Наука, 1964.

Пиотровский 1966 — *Пиотровский Б. Б.* Две египетские надписи VI династии в Вади-Аллаки (Нубия) //

Вестник древней истории. 1966, № 1. С. 80–82.

Пиотровский 1983 — *Пиотровский Б. Б.* Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М.: Наука, 1983.

Прусаков 2009 — *Прусаков Д. Б.* Древний Египет: почва цивилизации (этюд о неолитической революции) / отв. ред. Э. С. Кульпин. М.: URSS; Либроком, 2009.

Сансоне 1986 — *Сансоне В.* Камни, которые надо спасти. М.: Мысль, 1986.

Сердюк 1961 — XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Речь товарища З. Т. Сердюка (Первый заместитель председателя Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС) // Правда. 1961. 31 окт. (№ 305). С. 5.

Симоненко и др. 2022 — *Симоненко А. А., Крол А. А., Петрова Н. Ю., Кандинов М. Н.* Местонахождения каменного века в Вади-аль-Аллаки (Верхний Египет) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2022. № 4. 114–123.

Сорокина 2023 — *Сорокина И. А.* Николай Яковлевич Мерперт: становление личности ученого и вехи жизненного пути // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона. Сборник к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта. М.: Институт археологии РАН, 2023. С. 7–22.

Толмачева 2023 — *Толмачева Е. Г.* Изучение и публикация наследия Нубийской археологической экспедиции АН СССР. Петроглифы Умм-Агайба (Хукаб-Карар). Часть 2. Историко-культурный контекст памятника // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2023. № 4. С. 117–131.

Троскина и др. 2012 — *Троскина Н. Д., Куликов С. Б., Вятчанина Т. Н., Подъяпольский А. С., Баталов А. Л., Петрова М. Л., Демидов С. В., Кульчинский Д. Н., Белова Л. А., Каменив Н. В.* Собирая камни... Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. 65 лет. М.: АртКом, 2012.

Тураев 1913 — *Тураев Б. А.* История древнего Востока: Курс, чит. в СПб. ун-те. 2-е изд., испр. и ил. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: Студ. изд. ком. при Ист.-филол. фак. С.-Петерб. ун-та, 1913.

Тураев 1915 — *Тураев Б. А.* Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий. Культурно-исторические памятники древнего Востока. Вып. 3. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон,

1915.

Тураев 1935 — *Тураев Б. А.* История Древнего Востока / Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева. 2 т. Ленинград: Социально-экономическое издательство, Ленинградское отделение, 1935.

Тураев 2022 — *Тураев Б. А.* История Древнего Востока. Санкт-Петербург: Коло, 2022. (Александрйская библиотека).

Хрестоматия 1950 — Хрестоматия по истории Древнего Мира / под ред. акад. В. В. Струве. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1950.

Хрестоматия 1963 — Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. акад. В. В. Струве, Д. Г. Редера. М.: Изд-во вост. лит., 1963.

Хрестоматия 1980 — Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. акад. М. А. Коростовцева, д. и. н. И. С. Кацнельсона, проф. В. И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1980.

Черезов 2001 — *Черезов Е. В.* Древнейшая летопись «Палермский камень» и документы Древнего царства Египта // *Эмфу У. Б.* Архаический Египет. СПб.: Журн. «Нева»: Лет. сад, 2001. С. 310–330.

Щенков 2004 — Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / Под общ. ред. доктора архитектуры А. С. Щенкова. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Abd-el-Moneim Abu Bakr 1967 — *Abd-el-Moneim Abu Bakr.* Rapport préliminaire sur les résultats des fouilles entreprises par la mission archéologique de l'Université du Caire dans la région d'Aniba en Nubie. Saison 1961–1962 // Campagne Internationale de l'Unesco pour la Sauvegarde des Monuments de la Nubie. Fouilles en Nubie (1961–1963). Le Caire: Organisme Général des Imprimeries Gouvernementales, 1967. P. 1–26.

Adams 1977 — *Adams W. Y.* Nubia, Corridor to Africa. Princeton: Princeton University Press, 1977.

Adams 1985 — *Adams W. Y.* Doubts about the Lost Pharaohs // Journal of Near Eastern Studies. 1985. No. 44/3. P. 185–192.

Adams 1994 — *Adams W. Y.* The invention of Nubia // Hommages a Jean Leclant: Nubie, Soudan, Ethiopie / contributions réunis par C. Berger, G. Clerc, N. Grimal. Vol. 2. Cairo: Institut français d'archéologie orientale, 1994. P. 17–22.

- Alfano 1992** — *Alfano K.* Rock Pictures of the Eastern Desert of Egypt (1989 Campaign) // *Etudes nubiennes : conférence de Genève : actes du VIIe Congrès International d'études nubiennes, 3–8 septembre 1990.* Société d'études nubiennes. II. Genève, Suisse: Société d'études nubiennes, 1992. P. 117–124.
- Anderson 2013** — *Anderson G. K.* Introduction // *Ross L.* Nubia and Egypt 10,000 B.C. to 400 A.D.: From prehistory to the Meroitic period. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 2013. P. I–III.
- Arnold 2003** — *Arnold D.* The encyclopedia of ancient Egyptian architecture / trans. by S. H. Gardiner, H. Strudwick; ed. by Nigel and H. Strudwick. Cairo: AUC Press, 2003.
- Aston 2015** — *Aston D. A.* TT 358, TT 320 and KV 39. Three early Eighteenth Dynasty Queen's tombs in the vicinity of Deir el-Bahari // *Polish Archaeology in the Mediterranean.* 2015. 24/2. P. 15–42.
- Aston et al. 2000** — *Aston B., Harrell J. A., Shaw I.* Stone // *Ancient Egyptian Materials and Technology* / ed. by P. T. Nicholson, I. Shaw. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 5–77.
- Barnard 2008** — *Barnard H.* Eastern Desert ware: Traces of the inhabitants of the Eastern Desert in Egypt and Sudan during the 4th–6th centuries CE. Oxford: Archaeopress, 2008. (BAR international series; 1824).
- Bestock 2018** — *Bestock L.* Violence and power in ancient Egypt: image and ideology before the New Kingdom. London; New York: Routledge, 2018.
- Bietak 1987** — *Bietak M.* The C-Group and the Pan-Grave Culture in Nubia // *Nubian culture past and present: Main papers presented at the Sixth International Conference for Nubian Studies in Uppsala, 11–16 August, 1986* / ed. by T. Hägg. Stockholm, Sweden: Almqvist & Wiksell International, 1987. (Konferenser (Kungl. Vitterhets, historie och antikvitets akademien); 17). P. 113–128.
- Budge 1907** — *Budge E. A. W.* The Egyptian Sudan, its history and monuments. Vol. II. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Company, 1907.
- Bulliet 1990** — *Bulliet R.* The camel and the wheel. New York: Columbia University Press, 1990. (Morningside Books).
- Burstein 2020** — *Burstein S. M.* Greek and Roman views of Ancient Nubia // *The Oxford Handbook of Ancient Nubia* / ed. by G. Emberling, B. Williams. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 697–711. (Oxford Handbooks Series).
- Černý 1947** — *Černý J.* Graffiti at the Wādi el-'Allāki // *Journal of Egyptian Archaeology.* 1947. No. 33. P. 52–57.
- Capart et al. 1936** — *Capart J., Gardiner A. H., Van De Walle B.* New Light on the Ramesside Tomb-Robberies // *The Journal of Egyptian Archaeology.* 1936. Vol. 22 (2). P. 169–193.
- Castiglioni Al., Castiglioni An. 2007** — *Castiglioni Al., Castiglioni An.* Les pistes millénaires du désert oriental de Nubie // *Bulletin de la Société Française d'Égyptologie.* 2007. № 169–170. P. 17–49.
- Castiglioni Al., Castiglioni An. 2020a** — *Castiglioni Al., Castiglioni An.* The journey to Onib Crater (el-Hofra) // *Travelling the Korosko Road. Archaeological exploration in Sudan's Eastern Desert* / ed. by W. Vivian Davies, D. A. Welsby. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. (Sudan Archaeological Research Society Publication; 24). P. 62–67.
- Castiglioni Al., Castiglioni An. 2020b** — *Castiglioni Al., Castiglioni An.* The tracks of Egyptian penetration // *Travelling the Korosko Road. Archaeological exploration in Sudan's Eastern Desert* / ed. by W. Vivian Davies, D. A. Welsby. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. (Sudan Archaeological Research Society Publication; 24). P. 22–47.
- Castiglioni et al. 1998** — *Castiglioni Al., Castiglioni An., Vercoutter J.* Das Goldland der Pharaonen. Die Entdeckung von Berenike Pancrisia. Mainz: von Zabern, 1988.
- Červíček 1974** — *Červíček P.* Felsbilder des Nord-Etbai, Oberagyptens und Unternubiens. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1974.
- Červíček 1986** — *Červíček P.* Rock pictures of Upper Egypt and Nubia. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1986. (Supplemento n. 46 agli Annali; vol. 46 (1986), fasc. 1).
- Cooper 2012** — *Cooper J.* Reconsidering the Location of Yam // *Journal of the American Research Center in Egypt.* 2012. Vol. 48. P. 1–21.
- Cooper 2020** — *Cooper J.* Toponymy on the periphery: Placenames of the Eastern Desert, Red Sea, and South Sinai in Egyptian documents from the Early Dynastic until the end of the New Kingdom. Boston: Brill, 2020. (Probleme der Ägyptologie. Vol. 39).

- Cooper 2021** — *Cooper J.* A Nomadic State? The 'Blemmyean-Beja' polity of the Ancient Eastern Desert // *The Journal of African History*. 2020. 61(3). P. 383–407.
- Cooper 2022** — *Cooper J.* Children of the desert: The indigenes of the Eastern Desert in the Pharaonic Period and the longue durée of desert nomadism // *Chaufray M.-P., Cooper J., Gates-Foster J.* Blemmyes: New documents and new perspectives: including O. Blem. 1–107 / ed. by Cuigny H. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 2022. P. 5–40.
- Couyat, Montet 1912** — *Couyat J., Montet P.* Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât. Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 34. 1913.
- Edwards 2004** — *Edwards D. N.* The Nubian past: An archaeology of the Sudan. London; New York: Routledge, 2004.
- Davies 2020** — *Davies W. V.* Securing the gold of Wawat. Pharaonic inscriptions in the Sudanese-Nubian Eastern Desert // *Travelling the Korosko Road. Archaeological exploration in Sudan's Eastern Desert* / ed. by W. Vivian Davies, D. A. Welsby. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. (Sudan Archaeological Research Society Publication; 24). P. 186–221.
- Delange 2012** — *Delange É.* Les fouilles françaises d'Éléphantine (Assouan), 1906–1911. Les archives Clermont-Ganneau et Clédât. Vol. I: Texte; Vol. II: Planches. Paris: De Boccard, 2012. (Mémoires de l'Académie et Belles-Lettres; t. 46).
- De Simone 2014** — *De Simone M. C.* Nubia and Nubians: The 'Museumization' of a Culture. Doctoral Thesis. 2014. URL: <https://scholarlypublications.universiteit-leiden.nl/handle/1887/23598> (accessed: 24.10.2024).
- Dijkstra 2012** — *Dijkstra J. H. F.* Blemmyes, nubades and the Eastern Desert in Late Antiquity: Reassessing the written sources // *The history of the peoples of the Eastern Desert* / ed. by H. Barnard, K. Duistermaat. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology Press, University of California, 2012. (Monographs; 73). P. 239–247.
- Dunlop 1957** — *Dunlop D.* Sources of gold and silver in Islam according to al-Hamdānī (10th century A. D.) // *Studia Islamica*. 1957. No. 8. P. 29–49.
- Early stages 1993** — Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in Northern Iraq / ed. by N. Yoffee, J. J. Clark. Tucson: University of Arizona Press, 1993.
- Egypt's racial nationalism 2023** — Egypt's racial nationalism: Neo-Pharaonism as a tool of the state // *The Tahrir Institute for Middle East Policy*. URL: <https://timep.org/2023/09/20/egypts-racial-nationalism-neo-pharaonism-as-a-tool-of-the-state/> (accessed: 24.10.2024)/.
- Emery 1965** — *Emery W. B.* Egypt in Nubia. London: Hutchinson & Co. 1965.
- Emery, Kirwan 1935** — *Emery W. B., Kirwan L.* Mission archéologique de Nubie, 1929–1934. The excavations and survey between Wadi es-Sebua and Adindan, 1929–1931. 2 v. Cairo: Government Press, 1935.
- Eyre 1994** — *Eyre Ch.* Weni's career and Old Kingdom historiography // *The unbroken reed: Studies in the culture and heritage of Ancient Egypt in honour of A. F. Shore*. London: Egypt Exploration Society, 1994. P. 107–124.
- Faucher 2018** — *Faucher Th.* Ptolemaic gold: The exploitation of gold in the Eastern Desert // *The Eastern Desert of Egypt during the Greco-Roman period: Archaeological reports* / ed. by J.-P. Brun et al. Paris: Collège de France, 2018. <https://doi.org/10.4000/books.cdf.5230>.
- Firth 1927** — *Firth C. M.* The Archaeological Survey of Nubia: Report for 1910–1911. Cairo: Government Press, 1927.
- Gates-Foster 2012** — *Gates-Foster J.* The Eastern Desert in the Ptolemaic Period: A Developing Picture / ed. by H. Barnard, K. Duistermaat. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology, University of California, 2012. (Monographs; 73). P. 190–203.
- Garcin 1976** — *Garcin J.-C.* Un centre musulman de la Haute-Égypte médiévale : Qûs. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1976. (Textes arabes et études islamiques; 6).
- Gardiner 1916** — *Gardiner A. H.* An ancient list of the fortresses of Nubia // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1916. Vol. 3. P. 184–192.
- Gatto 2006** — *Gatto M. C.* The Nubian A-Group: A reassessment // *Archéonil*. 2006. No. 16. P. 61–76.
- Gatto 2006a** — *Gatto M. C.* The Early A-Group in Upper Lower Nubia, Upper Egypt and the Surrounding Deserts // *Archaeology of early Northeastern Africa: In memory of Lech Krzyżaniak* / ed. by K. Kroeper, M. Chłodnicki,

- M. Kobusiewicz. Poznań: Poznań Archaeological Museum, 2006. (Studies in African Archaeology, 9). P. 223–234.
- Gatto 2020** – *Gatto M. C.* The A-Group and 4th Millennium BCE Nubia // The Oxford Handbook of Ancient Nubia / ed. by G. Emberling, B. B. Williams. New York: Oxford University Press, 2020. P. 125–142.
- Godłewski 2006** – *Godłewski W.* Pachoras. The cathedrals of Aetios, Paulos and Petros. The architecture. Warsaw: Warsaw University Press, 2006.
- Graefe 2003** – *Graefe E.* The Royal Cache and the Tomb Robberies // The Theban Necropolis: Past, present and future / ed. by N. Strudwick, J. H. Taylor. London: British Museum Press, 2003. P. 75–82.
- Graefe, Belova 2010** – *Graefe E., Belova G. A.* The Royal Cache TT 320: A Re-Examination. Cairo: SCA, 2010.
- Griffith 1912** – *Griffith F. L.* Meroitic inscriptions, part II. Napata to Philae and miscellaneous. London; Boston: Office of the Egypt exploration fund, 1912.
- Griffith 1937** – *Griffith F. L.* Catalogue of the demotic graffiti of the Dodecaschoenus. Vol. I. Text. Oxford: Oxford University Press, 1937.
- Haeny 1982** – *Haeny G.* La fonction religieuse des “Châteaux de millions d’années” // L’Égyptologie en 1979 : axes prioritaires de recherches : actes du colloque organisé par le CNRS dans le cadre du 2e Congrès international des égyptologues, Grenoble, 10–15 septembre 1979. 1. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1982. (Colloques internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique; 595).
- Hafsaas 2006** – *Hafsaas H.* Cattle pastoralists in a multi-cultural setting: The C-Group people in Lower Nubia 2500–1500 BCE. Bergen: BRIC, 2006. (Lower Jordan River Basin Programme Publications; 10).
- Hafsaas 2007** – *Hafsaas H.* Pots and people in an anthropological perspective: The C-Group people of Lower Nubia as a case study // Mélanges offerts à Francis Geus : Egypte-Soudan / ed. by B. Gratien. Cahier de Recherches de l’Institut de Papyrologie et d’Égyptologie de Lille. Villeneuve d’Ascq : Université Charles de Gaulle-Lille, 2007. (Cahiers de recherches de l’Institut de papyrologie et d’Égyptologie de Lille, 0153-5021; 26). P. 163–171.
- Hafsaas 2020** – *Hafsaas H.* The C-Group people in Lower Nubia cattle pastoralists on the frontier between Egypt and Kush // The Oxford Handbook of Ancient Nubia / ed. by G. Emberling, B. Williams. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 157–177. (Oxford Handbooks Series).
- Hendrickx 1996** – *Hendrickx S.* The relative chronology of the Naqada culture: Problems and possibilities // Aspects of Early Egypt / ed. by J. Spencer. London: British Museum Press, 1996. P. 36–69.
- Hinkel 1992** – *Hinkel F.* The archaeological map of the Sudan VI: The area of the Red Sea Coast and Northern Ethiopian Frontier. Berlin: Akademie Verlag, 1992.
- Huyge 2002** – *Huyge D.* Cosmology, ideology and personal religious practice in Ancient Egyptian rock art // Egypt and Nubia: Gift of the Desert / ed. by R. Friedman. London: British Museum Press, 2002. P. 192–206.
- Jiménez-Serrano 2003** – *Jiménez-Serrano A.* Two proto-kingdoms in Lower Nubia in the Fourth millennium BC // Cultural markers in the Later Prehistory of Northeastern Africa and recent research / ed. by L. Krzyzaniak, K. Kroeper and M. Kobusiewicz. Poznań: Poznań Archaeological Museum, 2003. (Studies in African Archaeology; vol. 8.). P. 251–267.
- Judd 2009** – *Judd T.* Rock art of the Eastern Desert of Egypt: Content, comparisons, dating and significance. London: BAR Publishing, 2009.
- Karakhanyan, Avagyan 2010** – *Karakhanyan A., Avagyan A.* The temple of Amenhotep III at Kom el-Hettan: Evidence of a strong earthquake between 1200 and 900 B.C. // Les temples de millions d’années et le pouvoir royal à Thèbes au Nouvel Empire : sciences et nouvelles technologies appliquées à l’archéologie. Colloque international, Bibliothèque publique Moubarak, Louqsor, 3–5 janvier 2010 / ed. by C. Leblanc, G. Zaki. Cairo: Dar El-Kutub, 2010. (Memnonia. Cahier supplémentaire; 2). P. 265–270.
- KRI VI** – *Kitchen K. A.* Ramesside Inscriptions. Historical and biographical. Vol. VI, Oxford: B. H. Blackwell Ltd Broad Street, 1983.
- Klemm R., Klemm D. 2013** – *Klemm R., Klemm D.* Gold and gold mining in Ancient Egypt and Nubia. Geoarchaeology of the Ancient gold mining sites in the Egyptian and Sudanese Eastern Deserts. Berlin: Springer Science & Business Media, 2013.
- Knoblauch 2019** – *Knoblauch Ch.* Middle Kingdom Fortresses // Handbook of Ancient Nubia / ed. by D. Raue. Vol. 1. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. P. 367–392.

- Koerner 1977** – *Koerner R.* Zu den griechischen Inschriften vom Gebel Abu Dirwa // Ägypten und Kusch. Berlin: Akademie Verlag, 1977. (Schriften Zur Geschichte und Kultur des Alten Orients; 13). S. 233–234.
- Krol et al. 2023** – *Krol A. A., Simonenko A. A., Tsyganov A. N., Petrova N. Yu., Ershova V. B., Kandinov M. N., Mazei N. G., Pastukhova J. A., Chulei A. D., Mazei Y. A.* 4th and 5th Seasons of the Nubian Expedition of the Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov MSU at the Sites of Deraheib and Onib (The Republic of Sudan). Part I. Survey of the Stone Age Sites at the Onis Depression // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2023. № 4. С. 132–149.
- Krol et al. 2024** – *Krol A. A., Tolmacheva E. G., Dmitrieva Yu. V.* The Faience Pendant in the Form of the God Bes, Excavated at the Site Deraheib (Sudan) // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies. No. 4. 2024.
- Krol, Tolmacheva 2023** – *Krol A., Tolmacheva E.* “Northern Fortress” of the medieval city of Al-Allāqī, based on the written and archaeological sources of 9th–12th centuries // Incontri di mondi lontani. Dai viaggi d’esplorazione di fine ‘800 alle ricerche di Angelo e Alfredo Castiglioni. Genova; Varese: Sagep Editori, 2023. P. 251–261.
- Krzywinski 2001** – *Krzywinski K.* Cultural Landscapes. An Introduction // Deserting the Desert; a Threatened Cultural Landscape between the Nile and the Sea / ed. by K. Krzywinski & R. H. Pierce. Bergen: University of Bergen, 2001. P. 9–60.
- Krzywinski 2012** – *Krzywinski K.* The Eastern Desert tombs and cultural continuity // The history of the peoples of the Eastern Desert / ed. by H. Barnard, K. Duistermaat. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology, University of California, 2012. (Monographs; 73). P. 141–158.
- Lassányi 2012** – *Lassányi G.* On the archaeology of the native population of the Eastern Desert in the 1–7th centuries CE // The history of the peoples of the Eastern Desert / ed. by H. Barnard, K. Duistermaat. Los Angeles: The Cotsen Institute of Archaeology, University of California, 2012. (Monographs; 73). P. 249–269.
- Leclan 1967** – *Leclan J.* Rapport préliminaire sur la seconde campagne de la mission française à Tomâs, 1964 // Campagne Internationale de l’UNESCO pour la Sauvegarde des Monuments de la Nubie. Fouilles en Nubie (1961–1963). Le Caire : Organisme General des Impremeries Gouvernementales, 1967. P. 119–122.
- Linant de Bellefonds 1868** – *Linant de Bellefonds L. M. A.* L’Etbaye ou pays habité par les arabes Bichariehs : Géographie, ethnologie, mines d’or. Paris: Arthus Bertrand, 1868.
- Lucas 1927** – *Lucas A.* Copper in Ancient Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 1927. Vol. 13. No. 3/4. P. 162–170.
- MacDonald 2003** – *MacDonald K. C.* Cheikh Anta Diop and Ancient Egypt // Ancient Egypt in Africa / ed. by D. O’Connor, A. Reid. London: UCL Press; Portland, Or.: Cavendish Pub., 2003. (Encounters with ancient Egypt). P. 93–105.
- Merpert 1987** – *Merpert N. Ya.* Ethnocultural change in the Balkans on the border between the Eneolithic and the early Bronze Age // Proto-Indo-European: The archaeology of a linguistic problem: Studies in honor of Marija Gimbutas / ed. by S. N. Skomal, E. C. Polomé. Washington: Institute for the Study of Man, 1987. P. 122–135.
- Merpert, Munchaev 1969** – *Merpert N. Ya., Munchaev R. M.* The investigation of the Soviet Archaeological Expedition in Iraq in the spring 1969. Excavations at Yarim Tepe. First preliminary report // Sumer. 1969. Vol. 25. P. 125–131.
- Morris 2005** – *Morris E.* The architecture of Imperialism: Military bases and the evolution of foreign policy in Egypt’s New Kingdom. Leiden; Boston: Brill, 2005. (Probleme der Ägyptologie, 0169-9601; 22).
- Morris 2018** – *Morris E.* Ancient Egyptian imperialism. Hoboken: Wiley, 2018.
- Newbold 1948** – *Newbold D.* Deraheib Gold Mines // Antiquity. 1948. No. 22. P. 33–34.
- Nordström et al. 1972** – *Nordström H-Å., Håland R., Björkman G., Säve-Söderbergh T.* Neolithic and A-group sites. The Scandinavian joint expedition to Sudanese Nubia. Vol. 3. Stockholm: Scandinavian University Books, 1972.
- O’Connor 1986** – *O’Connor D.* The Locations of Yam and Kush and their Historical Implications // Journal of the American Research Center in Egypt. 1986. Vol. 23. P. 27–50.
- O’Connor 2014** – *O’Connor D.* The Old Kingdom town at Buhen. London: Egypt Exploration Society, 2014. (Egypt

Exploration Society Excavation Memoir 106).

Obsomer 2007 — *Obsomer C.* Les expéditions d'Herkhouf (VIe dynastie) et la localisation de Iam // Pharaons noir : sur la piste des Quarante Jours / ed. par M.-C. Bruwier. Mariemont: Musée Royal de Mariemont, 2007. P. 39–53.

Ochala 2022 — *Ochala G.* The cathedral of Faras as a monument of medieval Nubian memory // *Dumbarton Oaks Papers*. 2022. Vol. 76. P. 31–68.

Pachur, Kropelin 1987 — *Pachur H.-L., Kropelin S.* Wadi Howar: Paleoclimatic Evidence from an Extinct River System in the Southeastern Sahara // *Science*. No. 237. P. 298–300.

Paul 1954 — *Paul A.* A history of the Beja Tribes. Cambridge: University Press, 1954.

Peden 1994 — *Peden A. J.* The Reign of Ramesses IV. Warminster: Aris & Phillips Ltd, 1994.

Peet 1930 — *Peet T. E.* The great tomb-robberies of the twentieth Egyptian dynasty: Being a critical study. Oxford: Pub. in conjunction with the provost & fellows of Worcester college at the Clarendon press, 1930.

Petrov 1960 — *Petrov L.* The art of restoration // *The Atlantic Monthly*. 1960. No. 6. P. 114–121.

Piacentini 1990 — *Piacentini P.* L'autobiografia di Uni, principe e governatore dell'Alto Egitto. Pisa: Giardini Editori, 1990. (Monografie di SEAP, Series Minor).

Piotrovski 1967 — *Piotrovski B. B.* The Early Dynasty settlement of Khor-Daoud and Wadi-Allaki. The ancient route of the gold mines // *Campagne Internationale de l'UNESCO pour la Sauvegarde des Monuments de la Nubie. Fouilles en Nubie (1961–1963)*. Le Caire: Organisme General des Impremeries Gouvernementales, 1967. P. 127–140.

Pirelli 1999 — *Pirelli R.* Deir el-Bahri, Mentuhotep II complex // *Encyclopedia of the archaeology of Ancient Egypt* / Compiled and edited by Kathryn A. Bard. London; New York: Routledge, 1999. P. 282–285.

Quibell 1900 — *Quibell J. E.* Hierakonpolis. London: B. Quaritch, 1900. (British School of Archaeology in Egypt; no. 4).

Quibell, Green 1902 — *Quibell J. E., Green F. W.* Hierakonpolis. London: B. Quaritch, 1902. (British School of Archaeology in Egypt; no. 5).

Raue 2019 — *Raue D.* Cultural diversity of Nubia in the

Later 3rd–Mid 2nd Millennium BC // *Handbook of Ancient Nubia* / ed. by D. Raue. Berlin: De Gruyter Reference, 2019. P. 293–334.

Redon et al. 2020 — *Redon B., Marchand J., Faucher T.* Gold-mining in the Eastern Desert of Egypt, from New Kingdom to medieval times. New insights from the Samut district // *Polish Archaeology in the Mediterranean*. 2020. No. 29/1. P. 153–172.

Reisner 1910 — *Reisner G. A.* Archaeological Survey of Nubia. Report for 1907–08. Cairo: Government Press, 1910.

Ross 2013 — *Ross L.* Nubia and Egypt 10,000 B.C. to 400 A.D.: From prehistory to the Meroitic period. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 2013.

Sadr et al. 1995 — *Sadr K., Castiglioni An., Castiglioni Al.* Nubian Desert archaeology: A preliminary view // *Archéologie du Nil Moyen*. 1995. No. 7. P. 203–235.

Sethe 1933 — *Sethe K.* Urkunden des Alten Reichs. Erster Band. Urkunden des Ägyptischen Altertums Abteilung 1, Hft. 1–4. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933.

Smith 1966 — *Smith H. S.* The Nubian B-Group // *Kush*. 1966. Vol. 14. P. 69–124.

Smith 1993 — *Smith H. S.* The Development of the 'A-Group' Culture in Northern Lower Nubia // *Egypt and Africa. Nubia from Prehistory to Islam* / ed. by W. V. Davies. London: British Museum Press, 1993. P. 92–111.

Springuel, Mekki 1994 — *Springuel I. V., Mekki A.* Economic value of desert plants: Acacia trees in the Wadi Allaqi Biosphere Reserve // *Environmental Conservation*. 1994. Vol. 21(01). P. 41–48.

Stewart 2002 — *Stewart F. H.* Wasm // *The Encyclopedia of Islam* / compiled and edited by E. van Donzel. Vol. XI. Leiden; Boston: Brill, 2002. P. 173–174.

Strudwick 2005 — *Strudwick N. C.* Texts from the Pyramid Age. Leiden; Boston: Brill, 2005. (Writings from the ancient world; no. 16).

Temples and tombs of Ancient Nubia 1987 — *Temples and tombs of Ancient Nubia. The International Rescue Campaign at Abu Simbel, Philae and other sites* / ed. by T. Säve-Söderbergh. New York: Thames and Hudson; Paris: UNESCO, 1987.

El-Tom 1975 — *El-Tom M. A.* The rains of the Sudan: Mechanism & distribution. Khartoum: Khartoum

University Press, 1975.

Török 1988 – *Török L.* Late antique Nubia: History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 14th–16th c. A. D. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1988.

Török 2009 – *Török L.* Between two worlds. The frontier region between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC – AD 500. Leiden; Boston: Brill, 2009.

Travelling the Korosko Road 2021 – Travelling the Korosko Road. Archaeological exploration in Sudan's Eastern Desert / ed. by W. Vivian Davies, D. A. Welsby. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. (Sudan Archaeological Research Society Publication; 24).

Trigger 1994 – *Trigger B. G.* Paradigms in Sudan archaeology // The International Journal of African Historical Studies. 1994. Vol. 27. No. 2. P. 323–345.

Updegraff 1988 – *Updegraff R.* The Blemmyes I: The rise of the Blemmyes and the Roman withdrawal from Nubia under Diocletian / Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / herausgegeben von Hildegard Temporini. Band 10/1. Halbband Politische Geschichte (Provinzen und Randvölker: Afrika und Ägypten). Berlin; New York: W. de Gruyter, 1988.

Urk. I – *Sethe K.* Urkunden Des Alten Reichs. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1933.

Vandier 1950 – *Vandier J.* Mo'alla. La Tombe d'Ankhtifi et la Tombe de Sebekhotep (1950). Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1950. (Bibliothèque d'Étude; 18).

Vercoutter 1959 – *Vercoutter J.* The Gold of Kush. Two gold-washing stations at Faras East // Kush. 1959. No. 7. P. 120–153.

Vivian Davies 2020 – *Vivian Davies W.* Securing the Gold of Wawat. Pharaonic inscriptions in the Sudanese-Nubian Eastern Desert // Travelling the Korosko Road. Archaeological exploration in Sudan's Eastern Desert / ed. by W. Vivian Davies, D. A. Welsby. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2020. (Sudan Archaeological Research Society Publication; 24). P. 186–221.

Vogel 2004 – *Vogel C.* Ägyptische Festungen und Garnisonen bis zum Ende des Mittleren Reiches. Hildesheim: Gerstenberg, 2004. (Series Hildesheimer ägyptologische Beiträge; 46).

Vogelsang, Keding 2013 – *Vogelsang R., Keding B.* Climate, culture, and change: From hunters to herders in northeastern and southwestern Africa // Comparative Archaeology and Paleoclimatology Socio-cultural responses to a changing world / ed. by M. O. Baldia, T. K. Perttula, Douglas S. Oxford: Archaeopress, 2013. (BAR International Series; 2456). P. 43–62.

Wilkinson 2000 – *Wilkinson R. H.* The complete temples of ancient Egypt. New York: Thames & Hudson, 2000.

Williams 1980 – *Williams B.* The Lost Pharaohs of Nubia // Archaeology. 1980. No. 5/33. P. 12–21.

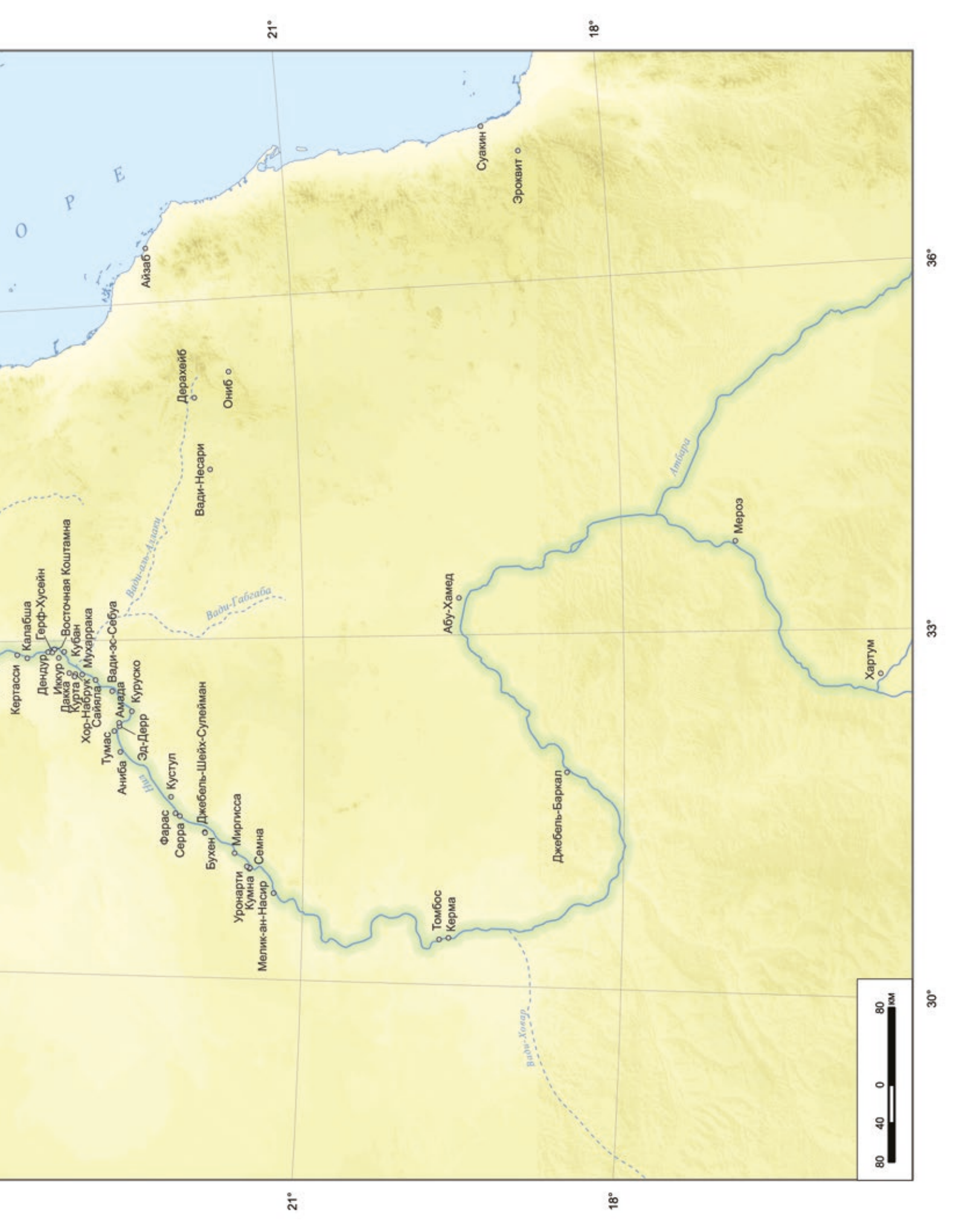
Williams 1986 – *Williams B.* Excavations between Abu Simbel and the Sudanese frontier. The A-Group Royal Cemetery at Qustul: Cemetery L. / The University of Chicago Oriental Institute Nubian Expedition. Vol. III. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

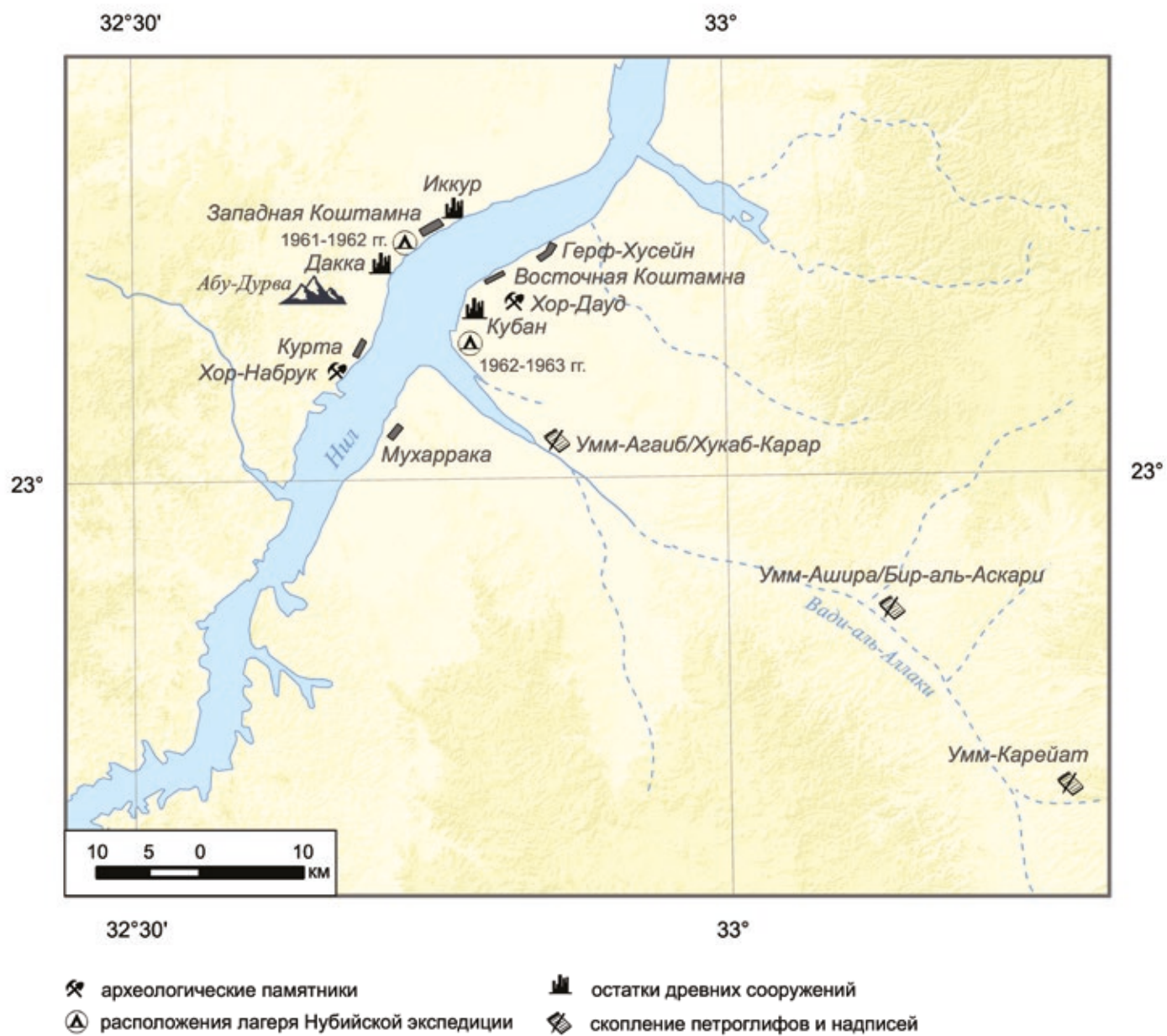
Williams 2013 – *Williams B.* Some geographical and political aspects to relations between Egypt and Nubia in C-Group and Kerma times, ca. 2500–1500 B.C. // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2013. 6 (1). P. 1–14.

Winkler 1938 – *Winkler H. A.* Rock-drawings of southern upper Egypt. Sir Robert Mond desert expedition. Preliminary report. Pt. I. London, The Egypt exploration society, H. Milford, Oxford University Press, 1938. (Series Archaeological survey of Egypt; Memoir 26–27).

Zaborski 1965 – *Zaborski A.* Notes on the medieval history of the Beja tribes // Folia Orientalia. 1965. No. 7. P. 289–307.

Zibelius-Chen 1994 – *Zibelius-Chen K.* Die Kubanstele Ramses II. und die nubischen Goldregionen // Hommages a Jean Leclant. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1994. (Bibliothèque d'étude; 106). P. 411–417.

**Transactions of the Nubian Archaeological
and Anthropological Expedition
of the Research Institute and Museum
of Anthropology of Lomonosov Moscow State University**

**Volume I. On the Threshold of Africa
Materials for the History of the Nubian
Archaeological Expedition of the USSR
Academy of Sciences (1961–1963)**

The first volume of the multi-volume series *Transactions of the Nubian Archaeological and Anthropological Expedition of the Research Institute and Museum of Anthropology of Lomonosov Moscow State University* contains previously unpublished materials on the history of the Nubian Archaeological Expedition of the USSR Academy of Sciences, which worked in Lower Nubia in 1961–1963 as part of the UNESCO campaign to save the ancient monuments of Nubia that were caught in the flood zone of the artificial Lake Nasser. These include a book by expedition member A. V. Vinogradov entitled *Journey to the Land of Kush*, letters to the relatives of N. Ya. Merpert and L. A. Petrov, and documents relating to the Soviet expedition's planned relocation of the temple in Dakka. The volume opens with prefaces by colleagues and relatives of the Soviet expedition participants, followed by an introduction to the historical and archaeological context of the published materials in Russian and English. The volume is supplemented with further material, including comments, indices, lists of illustrations and literature, maps.

The publication includes 98 photographs from the archives of A. V. Vinogradov, N. Ya. Merpert, L. A. Petrov, as well as photographs of the Nubian archaeological and anthropological expedition of the Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University, and drawings and sketches by the expedition participants.

Editorial board: A. P. Buzhilova (editor-in-chief), A. A. Krol, E. G. Tolmacheva, N. Ya. Berezina, Yu. P. Zaitsev, A. V. Tutorsky.

The authors of the volume are: A. A. Krol, E. G. Tolmacheva, Sh. N. Amirov, T. N. Mishina, E. A. Vinogradova, M. L. Petrova.

Труды Нубийской археолого-антропологической экспедиции
НИИ и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова

Том I. В преддверии Африки
Материалы к истории
Нубийской археологической
экспедиции АН СССР (1961–1963 гг.)

Редакционная коллегия: А. П. Бужилова (главный редактор),
А. А. Крол, Е. Г. Толмачева, Н. Я. Березина, Ю. П. Зайцев,
А. В. Туторский

Ответственные редакторы тома: А. А. Крол, Е. Г. Толмачева

Авторы-составители тома: А. А. Крол, Е. Г. Толмачева,
Ш. Н. Амиров, Т. Н. Мишина, Е. А. Виноградова,
М. Л. Петрова

Дизайн и верстка тома: А. В. Ельцева
Технические редакторы: Д. А. Морозов, И. Е. Гаврилова, Е. Г. Толмачева
Корректор: И. Е. Гаврилова

Перевод на английский: Кала Сундер

Редактор перевода на английский: Суджата Чандрасекаран

Подписано в печать 06.05.2026. Формат: 84×108/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28.56. Тираж 200 экз.

Отпечатано в ООО «Высота»